

Лекции по пастырскому богословию схиархимандрит Иоанн (Маслов)

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ О НАУКЕ ПАСТЫРСКОГО БОГОСЛОВИЯ

Понятие о пастырстве

С первого дня существования человека на земле существует такой порядок, что семьей, родом, обществом, государством управляют старшие в роде или избранные, доверенные люди, выделяющиеся из своей среды особыми дарованиями и деятельностью. Такой порядок наблюдается не только в роде человеческом, но даже и в мире животных. В роде человеческом этот закон вытекает из самого существа его природы, из свойства его духа, из Слова Божия. Мы знаем, что первый человек, Адам, после изгнания из рая становится главой своего многочисленного семейства. Адам был не только религиозным, но и общественным руководителем в жизни своего народа.

Мы видим, что религиозными наставниками и руководителями были родоначальники древнейших племен. С размножением человеческого рода и с образованием более сложных общественных групп, складывавшихся уже не только на основе единства семьи или рода, но и на единстве целей, воззрений, верований, убеждений, появились жрецы, прорицатели, поэты, философы, которые становятся руководителями народов. Хотя деятельность их была различна, но сущность их – была одна, т. е. религиозно-нравственное руководство народом. А так как появление руководителей религиозных обществ вызывалось законом человеческого духа, закон же этот от Творца, то мы должны сделать заключение, что даже в язычестве, хотя и косвенно, иерархический строй существовал на основе первоначального Божественного установления¹.

В Богоизбранном народе иерархический институт был установлен непосредственно Богом. Господь сказал Моисею: «Приведи к себе Аарона, брата твоего, и сыны его от сынов Израилевых, да священствуют Мне» (Исх. 28, 1–3). Из этих слов видно, что ветхозаветное священство возникло по особому Божественному указанию. Хотя оно и имело установление

Божественное, но все же представляло только лишь прообразовательное значение.

Начало истинного священства положено в Новом Завете Господом нашим Иисусом Христом, Который есть Истинный Пастырь. «Аз есмь Пастырь добрый...», – возвестил о Себе Сам Господь.

Пастырское служение, существующее в Православной Церкви со дня её основания, есть учреждение не человеческое, а Божественное. Основатель Новозаветной Церкви Христос Спаситель из множества Своих учеников избрал Апостолов, которые непрестанно были при Нем; им Он открывал тайны Своего учения, которые сокрыты были для народа, облек их правом учительства (Мк. 16, 16), священнодействия (Лк. 24, 19) и духовной власти в учрежденной Им Церкви (Ин. 21, 21–23). На пастырское служение Апостолы введены были по обетованию Господа (Лк. 24, 49) чрезвычайным посвящением – сошествием на них Святого Духа в виде огненных языков в день Пятидесятницы. Пастырское служение в Новозаветной Церкви передается не путем естественного рождения, как это было в ветхозаветные времена, а посредством низведения благодати Духа Святого в таинстве Священства.

Пастырское служение, установленное Христом Спасителем, преемственно (друг-друга – принимательно) от Апостолов, сохраняется и до наших дней. Все пастыри поставляются на исполнение своих обязанностей самим Духом Святым, поэтому пастырское служение Божественно не только по своему установлению, но и по своему продолжению.

Иисус Христос установил в Церкви пастырство для того, чтобы пастыри были провозвестниками и исполнителями Его Божественной воли. Воля же Божия состоит в том, чтобы Его учение – Евангелие было проповедано всей твари (Мк. 16; 16), чтобы плоды Его Голгофской жертвы были усвоены всеми людьми и чтобы во всем мире все верующие в Него постепенно достигали совершенства (Ин. 17, 20–21). Из сказанного вытекают три основные обязанности пастыря:

1) учительство – распространение евангельского учения;

2) *священнослужение* – усвоение верующим заслуг Искупителя;

3) *духовное руководство* – нравственное усовершенствование христиан в меру возраста исполнения Христова (Еф. 4, 11–13).

Пастырское служение есть продолжение служения Самого Спасителя. Иисус Христос один был в полном смысле слова Истинный Учитель, просвещавший всякого человека (Ин. 1, 9). Господь один есть Архиерей Великий, Приносящий жертву Богу Отцу за грехи всего мира (Евр. 9, 11). Он один есть Истинный, Добрый Пастырь, Который знает Своих овец, собирает их в одно стадо и полагает Свою душу за них (Ин. 10, 11–16).

Подобно тому, как Бог Отец послал в мир Своего Сына, так и Бог Сын перед Своим Вознесением послал в мир Своих учеников, передав им, а в их лице и всем пастырям Церкви Свои права: учительства, священнодействия и духовного руководства. Высочайшие права, переданные Искупителем пастырям, выделяют пастырское служение из всех других земных служений. В жизни Христовой Церкви пастырское служение имеет огромное значение. Где нет богоучрежденного пастырства (священства) и имеется лишь одна паства, там нет и Церкви. Общины, не имеющие законной иерархии, не имеют ни истинного священнослужения, ни правильного учительства и духовного руководства и поэтому не могут называться Церковью.

Истинное пастырское служение всегда было сопряжено с многими великими трудностями. Право учительства обязывает пастыря быть всесторонне образованным человеком: иметь глубокие познания учения Христова, хорошо изучить человеческую психологию, чтобы каждого человека он мог просветить, вразумить и направить в духовной жизни на истинный путь.

Обязанность священнослужения требует от пастыря постоянного подвига очищения своей души, ибо нельзя приступать ко Господу, имея оскверненную грехом душу. Духовное руководство своими пасомыми требует от пастыря

истинной пастырской мудрости и полного самоотречения ради спасения своих ближних.

Пастырство есть служение миру, но само оно не от мира, и поэтому греховный мир часто не может понять высоты пастырского служения и восстает на него. Об этой ненависти мира Сам Спаситель предсказал словами: «От мира несте, но Аз избрах вы от мира, сего ради ненавидит вас мир» (Ин. 15, 18–19).

Трудности пастырского служения не должны страшить его, потому что во все времена Пастыреначальник Христос по Своей великой любви посылает Своим пастырям и силу к перенесению всех трудностей. Христос всегда Сам пребывает с истинным пастырем по слову, данному Им св. Апостолам: «Аз с вами есмь во вся дни до скончания века» (Мф. 28, 20).

Анализ слова «пастырь»

Как уже было сказано, предметом нашей науки является пастырь и его пастырское служение. Само слово «пастырь» очень часто можно встретить в книгах Священного Писания Ветхого и Нового Завета.

Русскому слову «пастырь» в еврейском языке соответствует слово «рое», а в греческом – «пим **и** н». Еврейское «рое» происходит от причастия «раа», которое имеет смысл стремиться куда-либо, искать, внимательно следить, ухаживать, особенно за стадом. Поэтому «рое» – «пастух». В таком значении употребляли это слово св. пророк Давид (Пс. 77, 71), св. пророк Иеремия (3, 15), Екклесиаст (12, 11) и др. «Я буду пасти овец Моих, – говорит Господь через пророка Иезекииля, – и Я буду покоить их... Потерявшуюся отыщу, и угнанную возвращу, и пораненную перевяжу, и больную укреплю, а разжиревшую и буйную истреблю; буду пасти их по правде» (Иез. 34, 15–16).

При переводе Священного Писания на греческий язык 70 толковников еврейское «рое» перевели греческим «пимин» ποιμήν. Оно производится от корня «по» πο и означает «питать», а также от родственного корня «по» πω и тогда оно означает «защищать».

Исходя из такого значения слова «пастырь», можно определить, что оно означает человека, постоянно и внимательно следящего, ухаживающего, руководящего, управляющего своей паствой и всецело преданного этому делу (призванию). По словам прот. Г. Шавельского, это слово выражает понятие о попечительной, проникнутой любовью, доходящей до самопожертвования заботе пастыря о нуждах и преуспевании своих пасомых, являющихся объектом его деятельности².

История науки Пастырского богословия

Учение о пастырском служении существует в Церкви Христовой от дней ее основания. В Священном Писании (особенно в Евангелии и в Апостольских посланиях) изложены сущность пастырства, его задача и назначение.

Основы пастырского учения, изложенные в Священном Писании, во всей полноте раскрыты в творениях свв. отцов. Священное Писание и творения свв. отцов – это два источника, почерпая из которых, можно постигнуть истинное учение о пастырстве.

Как специальная дисциплина в Духовных школах Пастырское богословие появилось сравнительно недавно. Долгое время Пастырское богословие не было самостоятельной дисциплиной и входило в состав других предметов. В XVIII веке Пастырское богословие было присоединено ректором Московской Духовной академии Феофилактом (Горским) к Нравственному богословию. В XIX в. Пастырское богословие входило в состав Литургики и даже Обличительного богословия. По уставу 1869 года Пастырское богословие было соединено с Гомилетикой, а с 1884 года с Педагогикой.

В начале XX века Пастырское богословие становится самостоятельной дисциплиной. В 1910 году в его состав была введена Аскетика.

В программах духовных семинарий нет самостоятельной дисциплины Пастырского богословия, так как еще устав 1867 года предписал соединить эту науку с Каноническим правом – так составилась новая дисциплина Практическое руководство для пастырей, который изучается и поныне в семинариях, включая в себя многие вопросы Пастырского богословия.

Основываясь на примере и учении Пастыреначальника – Христа Спасителя, свв. Апостолов и свв. отцов, наука Пастырское богословие раскрывает идеал пастырского служения, показывает его высоту, святость, указывает средства к достижению достойного служения, говорит и о трудностях пастырского служения и средствах к преодолению их.

Пастырское богословие ставит перед собой задачу создать в душах изучающих этот предмет то настроение, которое должен иметь пастырь при совершении своего служения. При этом необходимо помнить, что любая богословская наука, в том числе и Пастырское богословие, предлагает только руководство, следуя которому, кандидат в пастыри или пастырь могут правильно и плодотворно направить свою религиозную жизнь. Теория пастырства сама по себе не может создать истинного пастыря. Доброго пастыря создает собственный духовный опыт и личный непрестанный нравственный подвиг. Главное в жизни пастыря и кандидата в пастыри – это личный подвиг; теория пастырства лишь способствует правильному и плодотворному развитию этого подвига.

Место Пастырского богословия среди других Богословских наук

Цель нашей духовной школы – готовить истинных пастырей для Русской Церкви. Все богословские дисциплины направлены на то, чтобы сообщить учащемуся сумму знаний, которая поможет ему со временем стать настоящим, всесторонне образованным пастырем. Каждая из академических дисциплин изучает какую-то одну сторону пастырской деятельности. Литургика – богослужение; Гомилетика – проповедь; Догматика – догматы Православной Церкви.

Однако, проповедует ли пастырь, литургисует ли, совершает ли требу – везде он должен быть молитвенно-благочестивым, духовно-просвещенным, любящим, «добрым» пастырем. Что же может помочь пастырю (учащемуся) подготовиться к столь великому служению, к приобретению благодатных духовно-нравственных качеств?

Ему может помочь, помимо всех других богословских наук, особая наука, которую св. Григорий Богослов называет «наукой всех наук» – *Пастырское богословие*.

Задача науки Пастырского богословия

Пастырское богословие ставит перед собой задачу раскрыть высоту и ответственность пастырского служения и указать пути и средства к достойному прохождению его.

Пастырское богословие вводит будущих пастырей в понимание высочайшего пастырства Христа Спасителя, свв. Апостолов и свв. отцов, напояет его духом пастырской ревности, помогает развить и усилить в себе пастырское призвание. Истинное пастырское настроение, пастырский дух, заложенный на уроках Пастырского богословия, со временем должны вноситься пастырем во всю его церковно-приходскую деятельность – в богослужение, проповедь и требы.

Пастырское богословие стремится сформировать пастырское самосознание, возбудить чувство пастырской любви, долга и ответственности пред Богом за своих пасомых. Наша наука показывает необходимость в пастырском служении самоотречения и любви, ибо только любовью можно постигнуть внутреннюю жизнь других людей и войти с ними в тесное духовное общение. Способность сострадательно и благодатно любить паству составляет самое существо пастырства.

Восстанавливая св. ап. Петра в апостольском достоинстве, Господь спросил его:

– «Симоне Ионин, любиши ли Мя?»

– «Ей, Господи!»

– «Паси агнцы Моя, паси Мое стадо», – будь пастырем (Ин. 21, 15–17).

Помочь озариться в какой-либо степени этой христианской любовью, понять высоту и ответственность пастырского служения, необходимость борьбы с греховностью своей природы, неотложность предварительной подготовки к пастырству – вот основная задача Пастырского богословия, задача как науки пастырской по преимуществу.

Содержание науки Пастырского богословия

Пастырское богословие состоит из трех весьма обширных отделов или частей.

Часть I. Библейское учение о пастырстве: пастырство патриархов, левитского священства, пророков; далее – пастырство Пастыреначальника Иисуса Христа, св. Апостолов; учение о пастырстве свв. отцов и выдающихся отечественных пасторологов.

Часть II. Во второй части пастырство изучается как благодатное служение в Христовой Церкви. Существо пастырства. Пастырское призвание. Хиротония. Виды пастырского служения. Церковность пастыря. Семейная жизнь пастыря. Храм, попечение о нем. Отношение к сослуживцам. Любовь к Родине. Трудности и искушения приходской жизни. Пастырство – всежизненный подвиг.

Часть III. В третью часть Пастырского богословия входит пастырская аскетика или учение о духовно-благодатном возрастании пастыря. В этом отделе рассматривается три состояния человека: богоданное (райское), греховно-падшее, искупительно-благодатное. Далее на основании святоотеческого учения раскрывается значение веры, молитвы, воздержания, смирения, послушания, любви и подвига в деле пастырского служения. Особое место уделяется изучению подвига внутренней «брани» с грехом и внутренней молитве.

Предмет науки

Предметом науки Пастырского богословия являются пастырь и пастырство, пастырское служение как богоустановленное благодатное служение в Церкви Христовой.

По словам одного из отечественных богословов, «предметом Пастырского богословия служит изъяснение жизни и деятельности пастыря, благодатию Божией духовно возрождающего паству... и описание законов духовно-благодатного возрождения самого пастыря»³.

Чтобы правильно понять предмет нашей науки, необходимо более точно определить, что такое «пастырское служение». «Книга о должностях пресвитеров приходских» определяет пастырское служение как «служение в Новом Завете, от Христа Апостолам и их преемникам преданное, состоящее в проповеди слова Божия и строении таинств, дабы сими средствами примирив грешников с Богом, совершить их в вере и святом житии к получению живота вечного во славу Божию» (1–2 гл.). Проф. В. Ф. Певницкий, дополняя это вышеуказанное определение, говорит так: «Священническое или пастырское служение есть особое, существенно необходимое служение в Церкви Божией, ведущее свое начало от Основателя Церкви, Господа Иисуса Христа, поручаемое избранным и освященным лицам, состоящее в строении Тайн Божиих, проповеди Слова Божия и попечительном руководстве людей в духовной жизни»⁴.

По своему содержанию все эти определения почти одинаковы. Но определение Певницкого касается и таких сторон, как попечительное руководство в духовной жизни пасомых, для которого и призван пастырь на это служение.

Объединяя все ранее сказанное, пастырское служение можно определить как богоустановленное, благодатное, исполненное любви и самоотвержения служение, имеющее своей задачей всестороннее попечение о нуждах пасомых с целью содействия устроению их, как сынов и наследников Царствия Божия, жизни на земле и достижению ими вечного спасения на небе.

Метод науки

Пастырское богословие пользуется общепринятыми методами: анализа, синтеза, а также методом конкретизации⁵ (указание на образцы пастырства). Пастырское богословие неотъемлемо и от метода внутреннего *вживания* – отражения в своей душе духа пастырского учения.

Источники

Источниками науки Пастырского богословия служат:

1. Священное Писание Ветхого и Нового Заветов.
2. Священное и церковное предание. Церковное предание хранит истинное учение древней Церкви о пастырском служении. Заключено оно по интересующему нас вопросу в правилах св. Апостолов, постановлениях вселенских и поместных соборов и правилах отцов Церкви.
3. Творения св. отцов. Непосредственно учение о пастырстве раскрыто в следующих творениях: письма св. Игнатия Богоносца, послание Климента Римского к Коринфянам, письма св. Поликарпа к Филиппийцам, письма св. Киприана Карфагенского, окружные письма к епископам св. Афанасия В.; «Шесть слов о священстве» св. Иоанна Златоуста; толкования его же на послания св. ап. Павла, преимущественно на Коринфян и Пастырские; 3-е слово – «О бегстве» св. Григория Богослова; «Слово к Пастырю» св. Иоанна Лествичника. Из западных св. отцов нельзя не упомянуть следующих пасторологов: св. Григория Двоеслова с его «Правилom пастырским», свт. Амвросия Медиоланского, автора книги «Об обязанностях священнослужителей», и блаж. Иеронима Стридонского, написавшего сочинение «О жизни клириков». Можно найти материал по нашей науке также у св. Симеона Нового Богослова, у русских святителей Димитрия Ростовского, Тихона Задонского и др.
4. Постановления последующих церковных соборов и синодальные определения, пастырские послания знаменитых иерархов.

Пособия

Пособиями для Пастырского богословия могут быть следующие пасторологические системы отечественных пасторологов **XVIII-XIX** веков.

В России первое руководство по Пастырскому богословию было написано в конце **XVIII** в. Оно издано в **1776** году под названием «Книга о должностях пресвитеров приходских». Авторами этого труда были архиеп. Могилевский Георгий (Конисский) и епископ Смоленский Парфений (Сонковский). До середины XIX века эта книга служила учебным пособием для воспитанников Духовных школ.

В предисловии к своему труду составители указывают, что при написании этого сочинения у них была чисто назидательная цель и что книга предназначалась преимущественно для тех пастырей, «которые в науках не упражнялись».

После введения, где говорится о пастырстве вообще, книга подробно раскрывает обязанность пастыря учить людей словом (стр. 10–65) и примером собственной жизни (стр. 66–106). Много внимания уделено здесь литургическим обязанностям священника (стр. 107–178) и молитве (стр. 179–268). Составители книги дали своим современникам сборник правил, наставлений и рассуждений для жизни и деятельности пастыря во всех главных проявлениях. Каждое из этих наставлений снабжено соответствующим основанием «от Слова Божия, соборных правил, учителей церковных» и правил св. Апостолов.

В XIX в. пасторологическими вопросами занимаются духовные журналы: «Христианское Чтение» (изд. СПбДа с 1821 г.), «Воскресное Чтение» (изд. Киев. Да с 1837 г.), «Творения св. отцов» (изд. МДа с 1843 г.), «Православный Собеседник» (изд. Каз. Да с 1855 г.). Эти издания не ставили своей целью специальное раскрытие учения о пастырстве, но знакомили своих читателей с такими творениями св. отцов о пастырском служении, как «Слова о священстве» св. Иоанна Златоуста, «Правило пастырское» св. Григория Двоеслова, «О должностях священнослужителей» св. Амвросия

Медиоланского, «О жизни клириков» блаж. Иеронима Стридонского, «Слово защитительное» св. Григория Богослова и др. В журнале Киевской духовной академии (с 1860 г.) помещаются и отдельные статьи, касающиеся пастырского служения. С 1860 г. при Киевской духовной семинарии издается «Руководство для сельских пастырей», в котором весь материал касался практической деятельности пастыря. В этом журнале помещались целые систематические трактаты о священстве, где на основании святоотеческой пасторологии пастырское служение представляется в полном освещении, а также различные статьи по отдельным вопросам теории и практики пастырства.

В середине XIX в. были изданы сочинения, касавшиеся исключительно практической стороны пастырского служения:

а) Письма о должностях священного сана, 1–2 т. Стурдза, 1840–41 гг.

б) Архиеп. Платон (Фивейский). Памятная книжка для священника, или размышления о священнических обязанностях. М., 1860.

в) Напоминание священнику об обязанностях его при совершении таинства Покаяния, того же автора, т. 1: Кострома, 1859; т. 2: М., 1860.

г) Православный священник при постеле больных и умирающих. 1862.

д) Свящ. Н. Богословский. Взгляд с практической стороны на жизнь священника. СПб., 1860.

Во второй половине XIX в. были изданы следующие пасторологи-ческие учебные пособия и руководства:

а) Архим. Антоний. Пастырское богословие. Киев, 1851.

б) Архим. Кирилл. Пастырское богословие. СПб., 1853.

в) Лекции архиеп. Сергия (Ляпидевского).

г) П. П. Розанов. Опыт курса практического руководства для пастырей. Киев, 1870.

д) Свящ. А. Хойнацкий. Практическое руководство для священнослужителей. Чернигов, 1873.

е) Прот. П. Громов. Уроки практического руководства для пастырей. Иркутск, 1873.

ж) Свящ. Ф. Хорошунов. Практическое руководство для пастырей. Чернигов, 1879.

з) П. И. Нечаев. Практическое руководство для священнослужителей. СПб., 1804.

и) С. И. Покровский. Курс практического руководства для пастырей. СПб., 1898.

Профессору Киевской Духовной академии В. Ф. Певницкому принадлежат следующие труды:

а) Священство. Основные пункты в учении о пастырском служении.

б) Священник. Приготовление к священству и жизнь священника.

в) Служение священника в качестве духовного руководителя прихожан.

Протоиерей С. А. Соллертинский (Петроградская духовная академия) написал труд «Пастырство Христа Спасителя». Архимандрит Борис (Плотников) – «Записки по Пастырскому богословию».

Преосвященный Антоний (Храповицкий):

а) Письма к пастырям.

б) Основные положения православного пастырства.

в) Из чтений по Пастырскому богословию.

г) О пастырском призвании.

д) О пастырском приготовлении.

е) Значение молитвы для пастыря Церкви.

ж) Собрание лекций и статей по Пастырскому богословию.

Практический характер имеют следующие пасторологические сочинения:

а) Прот. Е. Попов. Письма по Православно-пастырскому богословию.

б) Свящ. А. Недельский. Братский совет новорукоположенному в сельский приход священнику.

в) Игумен Тихон. Святое, высокое служение иерея Божия – добровольное мученичество.

г) Прот. И. Сергиев. Моя жизнь во Христе.

В начале XX века появились следующие труды:

а) Свящ. В. Сокольский. Евангельский идеал христианского пастыря. Казань, 1904.

б) В. Экземплярский. Библейское и святоотеческое учение о сущности священства. Киев, 1904.

в) Курс лекций «Из чтений по Пастырскому богословию (Аскетика)», епископа Феодора (Познеевского), С. Пос., 1911.

г) Лекции по Пастырскому богословию С. М. Зарина, СПб., 1910.

д) Лекции по Пастырскому богословию с Аскетикой, иеромонаха Вениамина (Федченкова).

Далее кратко рассмотрим содержание некоторых из перечисленных произведений.

Первое сочинение (Письма о должностях священного сана), которое написано архиеп. Могилевским Георгием (Конисским) и еп. Смоленским Парфением (Сонковским), изложено в форме переписки старца с юношей, готовящимся к принятию сана и затем ставшим пастырем. Весь материал переписки разделен на несколько отделов, каждый из которых состоит из нескольких писем, освещающих какой-либо один предмет: о приготовлении к священству, о священнодействиях, об исповеди, о проповедавши Слова Божия (1–4 отделы); об обращении с людьми (6 отдел) и др.

«Памятная книжка» архиеп. Платона (Фивейского). После упоминания о высоте, важности, трудности и ответственности служения пастыря автор говорит о всех пастырских обязанностях: о богослужении, общественном и частном учительстве, о пастырском душепопечении; а также о молитве, смирении, целомудрии и других добродетелях пастыря; об отношении священника к епископу, к друзьям, к собратьям по служению и др., того же автора, исследует только одну обязанность пастыря – совершение исповеди, но эта обязанность требует большой опытности, мудрости, глубокого понимания свойств человеческой природы, умения разбираться в бесконечном разнообразии особенностей кающихся. В связи с этим важное значение имеет опыт других людей, достигших хотя бы относительного совершенства в данном деле и желающих поделиться им с менее опытными пастырями. Такой

именно и является эта книга. Важность ее увеличивается еще и тем, что таинство Покаяния рассматривается в ней со всех сторон: догматической, канонической, литургической и практической.

Следующее сочинение этого автора – «Православный священник при постели больных и умирающих» – обращает внимание пастырей на «одну из самых важных обязанностей» пастыря. Здесь предлагаются руководственные принципы для испытания и успокоения совести больных и умирающих.

«Взгляд с практической стороны на жизнь священника» свящ. Н. Богословский – сочинение, в котором рассматриваются самые разнообразные практические вопросы: о выборе прихода, выборе невесты, об устройстве домашней жизни, об отношении к причетникам и прихожанам. Автор здесь стремится показать священника в его повседневной жизни, до мелочей регламентируя его занятия в течение дня; говорит о внешнем его виде, об одежде, походке и др.

Труд архим. Антония (Амфитеатрова) под названием «Пастырское богословие» издан в Киеве в 1851 г. Этот небольшой по объему (170 стр.) учебник, предназначавшийся для семинарии, касается только общих вопросов: сущности пастырского служения, качеств кандидата священства и пастыря Церкви. О пастырских обязанностях, в их полном объеме, автор не говорит.

«Пастырское богословие» (СПб., 1853) архим. Кирилла отличается большей полнотой. Состоящее из трех частей сочинение, предназначавшееся для академии, говорит о священстве как особом служении (ч. 1); об обязанностях пастыря к самому себе, о его добрых качествах и нежелательных в нем пороках (ч. 2); об обязанностях его как проповедника, священнослужителя, пастыря душ и руководителя пасомых ко спасению (ч. 3).

Отличаясь полнотой, труд архим. Кирилла обладает и несомненными научными достоинствами. Здесь впервые говорится о методе, об источниках и пособиях П. б.

Лекции архим. Сергия (Ляпидевского), профессора МДА в 1844–57 гг., (впоследствии митр. Московский, † 1898) были

напечатаны в виде отдельных статей в «Богословском Вестнике» (1900 – 1902 гг.). Изданные лекции представляют, очевидно, только часть курса, т. е. в них освещено только пять тем: «происхождение пастырского служения и его необходимость», «достоинство священства», «о трудности пастырского служения», «о призвании к пастырскому служению», «о приготовлении к пастырскому служению».

В обзорах пасторологической литературы упоминаются еще лекции проф. Казанской духовной академии архим. Паисия (Пылаева), но они не были изданы. Из сочинений по нашей науке большое значение имеют труды архиеп. Антония. Первое из них – *«Письма к пастырям о некоторых недоуменных сторонах пастырского делания»*. Здесь автор рекомендует пастырю как в науке, так и благотворительности и воспитательной работе являться твердым носителем евангельских идей и верным руководителем человеческой совести. Пастыря, настроенного самоотверженно и любовно к пасомым, излишне учить душепопечению, как излишне учить мать уходу за любимым ребенком. Его напряжение духовно любить плод мучительного отрешения от жизни для целей мирских и самоотверженного посвящения себя Богу. Обычно перерождает пастырскую душу, конечно, не пасторологический учебник, а испытания жизни.

Позднее архим. Антоний в статье «Основные положения Православного пастырства» проводит мысль, что подкрепление будущих пастырей на подвиг всецелого посвящения себя Богу и спасению ближних происходит в таинстве Священства. Здесь пастырь получает уточнение способности переживать скорби и радости пасомых сострадательною о них любовью. Пастырское богословие как раз и изучает свойства пастырского духа и способы наилучшего излияния из него духовного богатства.

В статье «Из чтений лекций по Пастырскому богословию» архим. Антоний доказывает идею, что пастырское влияние основывается на таинственном общении пастыря с паствой через передачу последней своего настроения. Отдавая себя пасомым, пастырь отождествляет себя с ними до существенного

единства (Евр. 6, 21–23), подобного единству Бога Отца с Сыном.

Говоря «о пастырском призвании», архим. Антоний субъективными признаками его считает желание священства, любовь к пастырству и внутренний голос Божий, а объективными – пастырскую просвещенность и нравственную подготовленность. Русскому характеру вообще свойственны недовольство собой и искание внутреннего обновления. Подчинение этих стремлений воспитательному руководству развивают в пастыре сострадание греховной человеческой немощи, скорбь о грешных людях пламенное желание себя и их приблизить к Богу. Подготавливает к пастырству чтение Слова Божия, святых отцов, художественной литературы и подвиг личной жизни. Кандидату священства вместе с тем необходима выработка чистоты душевной, молитва и борьба с самозамкнутостью.

Из позднейших пасторологических трудов XIX в. практического направления следует отметить сочинение прот. Е. Попова «Письма по Православно-пастырскому богословию» (Пермь, 1873) сочинение игумена Тихона «Святое служение иерея Божия – вольное мученичество» (Тамбов, 1894). Труд прот. Попова сначала вышел в 3-х частях, а затем (1877 г.) – в четырех, а именно: ч. 1 – священник как учитель; ч. 2 – священник как священнослужитель; ч. 3 – священник как пастырь-руководитель; ч. 4 – священник как пастырь своей жизни.

Каждая из частей разделяется на три отдела. Особенно интересен третий отдел последней части, где автор говорит об аскетической жизни священника, т. е. о подвиге совершенствования.

Сочинение игум. Тихона посвящено уяснению личного нравственного подвига пастыря. Автор указывает, что от сознания, с одной стороны, высоты священства, и с другой – собственного недостойнства, в душе пастыря возникает непрерывная борьба добрых влечений со злыми наклонностями, которая и составляет его непрерывное подвижничество, или мученичество. Необходимость и неизбежность этой борьбы для

истинного пастыря и выясняет игумен Тихон при помощи Слова Божия и творений свв. отцов, отыскивая в них «черты иереев Божиих, вольных мучеников ради Бога и ближних». Игумен Тихон также говорит, что подвижничество для пастыря начинается еще со школьной скамьи и уже потом никогда не прекращается.

«Приготавливающим себя на святое служение... заранее необходимо потрудиться, понудить себя на умное делание... слово Христово вселяя в свои души богато, во всякой премудрости богословских наук, упражняясь и в молитвах, ибо невозможно из полусветских юношей вдруг превратиться в богомольцев-иереев Божиих».

В сущности, книга «О пастырском мученичестве» представляет сборник мест библейских и святоотеческих, умело сгруппированных и искусно выбранных и подтверждаемых сильными примерами. Успех пастырского служения, согласно этим свидетельствам, зависит от благодатной жизни самого пастыря. И священство не есть ремесло, а добровольное пожизненное мученичество.

Прот. С. А. Соллертинскому, как уже говорилось, принадлежит труд под названием «Пастырство Христа Спасителя» (СПб, 1887 г.). В нем автор рассуждает об основном вопросе, который должен служить исходным пунктом, отправной точкой при рассмотрении и исследовании других вопросов П. б. Путем экзегетического метода автор выясняет «происхождение христианского пастырства из недр богочеловеческого сознания Христа Спасителя» и «цели пастырства Христа Спасителя». В начале сочинения дается подробный разбор и критика способов исследования пастырства Иисуса Христа, используемых западными пасторологами.

Недостатки теории Соллертинского таковы. Отвлеченное понимание им пастырства заводит его в отвлеченные сферы и заставляет забыть деятельное перевоспитание человеческой личности под пастырским руководством. Отодвигая в тень пастырское душепопечение, Соллертинский из Христова пастырства делает абстракцию. Между тем, в Пастырском богословии важна личность каждого верующего и важно

указание мер для его укрепления на высоте христианского призвания.

Труд архим. Бориса (Плотникова) «Записки по Пастырскому богословию» (четыре выпуска, Киев, 1890–92 гг.) имеет некоторое сходство с сочинениями проф. В. Ф. Певницкого. В первом выпуске говорится о предмете и задачах Пастырского богословия, об источниках и пособиях, о естественных основаниях и Божественном установлении пастырского служения, о призвании и его признаках. Содержанием второго выпуска является внутренний мир пастыря и средства самосовершенствования. Третий выпуск касается домашней жизни священника, отношения пастыря к развлечениям и удовольствиям, к обществу и общественной жизни. Четвертый выпуск раскрывает обязанности пастыря как духовного руководителя пасомых.

Свящ. В. Сокольский в своем труде «Евангельский идеал христианского пастыря» (Казань, 1904 г.), используя сочинения проф. Певницкого, прот. Соллертинского и других отечественных и западных пасторологов, а также творения св. отцов, при неизменном руководстве евангельского текста, осветил пастырское служение в возможной полноте. Сказав во введении о задаче, методе и цели исследования и указав литературу, свящ. Сокольский разделяет свою работу на три части и подробно останавливается на следующих предметах: приготовление к пастырству, пастырское призвание с разных точек зрения и решение этого вопроса в современной литературе, пастырское посвящение, первые искушения и средства к их отражению (ч. 1); задачи и цель пастырской деятельности, пастырь как врач душ и совершитель таинств (ч. 2); отношение пастыря к внешней среде, внутренняя жизнь пастыря и отражение ее во внешней деятельности (ч. 3). В заключении автор дает схематическое объяснение притчи о Добром Пастыре в приложении к «обыкновенному пастырю».

В труде В. Экземплярского «Библейское и святоотеческое учение о сущности священства» (Каз., 1904) нашли освещение принципиальные вопросы: первосвященническое служение Христа Спасителя (гл. 1), всесвященство членов Христовой

Церкви (гл. 3), взаимоотношение пастырей и пасомых (гл. 4), христианское пастырство в его отношении к первосвященническому служению Спасителя (гл. 5), священство Церкви как особый дар благодати Св. Духа (гл. 6).

В начале XX в. ряд пасторологов высказался о необходимости углубить раскрытие пасторологических вопросов, используя для этого аскетические творения. Попыткой осуществить это требование являются лекции С. М. Зарина по Пастырскому богословию (СПб, 1910). Большая часть лекций освещает новозаветное учение о пастырстве; пастырство Христа Спасителя; пастырское служение ап. Павла; учение о пастырстве в творениях II-III вв. А заключительная часть посвящена старчеству как особой форме пастырства.

«Лекции по Пастырскому богословию с Аскетикой» (СПб, 1911) иером. Вениамина (Федченкова) в значительно большей степени отражает аскетические идеи и подчеркивают важность аскетики для П. б. Автор указывает, что П. б. должно основываться на творениях св. отцов: Иоанна Златоуста (Слова о священстве и толкования на пастырские послания), Григория Б., Иоанна Леств., Григория Дв., Амвросия М, блаж. Иеронима, Симеона Н. Б., Димитрия Р., Тихона З. и др. Содержание их учения о пастырстве – это специально пастырская психология, духовная жизнь пастыря, пастырская аскетика. Поэтому основным содержанием П. б., по мысли иером. Вениамина, «должна быть именно пастырская аскетика в отношении ее к разным видам пастырского служения». С этой точки зрения лекции освещают сущность пастырского служения, искушения на пастырском пути, хиротонию, духовный опыт, молитву.

Оригинально построен также курс еп. Феодора (Поздеевского) «Из чтений по Пастырскому богословию (Аскетика)» (С. Посад, 1911). Здесь освещены следующие вопросы: понятие об аскетике вообще и об Аскетике как науке, значение Аскетики для П. б., содержание Аскетики и ценность ее; идея Церкви, ее отношение к аскетике и значение в христианском мировоззрении вообще и в частности для пастыря; антропологические основы аскетизма. В приложении

подробно говорится о значении для пастыря искушений Господа (стр. 150–175).

Основные доказательства происхождения пастырства

Самым необходимым явлением в жизни человечества является пастырство. Оно существует с момента возникновения первого человека, а не обусловлено, как считают некоторые исследователи, исторически сложившимися обстоятельствами или чистой случайностью. По словам свящ. Г. Титова, «происхождение (даже) языческих жрецов лучше всего объясняется... потребностью греховной человеческой природы восстановить нарушенный союз человека с Богом»⁶. В том понятии, которое дается пастырству христианской Церковью, оно есть богоустановленное благодатное служение и существует в Церкви по Божественному праву.

Все поверхностные теории происхождения пастырства теряют свой смысл и значение, если рассмотреть главные основы, на которых оно зиждется. Таких основ четыре: историческая, психологическая, сверхъестественная (мистическая) и богооткровенная (догматическая).

Историческая основа

Пастырство – одно из самых древних явлений в жизни человека. Оно берет свое начало со времени грехопадения первых людей. После нарушения заповеди первая чета лишилась общения с Богом, восстановить которое они стремились посредством жертвоприношений и молитв.

Пример жертвоприношения Каина и Авеля (Быт. 4, 3–5) свидетельствует, что первоначально жертвоприношения совершали все члены семьи. В дальнейшем эти обязанности стали выполнять главы семейств, которые стали обладать правом исполнения религиозных обрядов. Небезынтересно, что даже в настоящее время существуют некоторые племена, в которых обязанности жрецов выполняют главы родов или племен⁷.

Вот почему такое мнение, якобы пастырское служение выдумали и навязали людям ради своей наживы жрецы и законодатели, отпадает, так как пастырство гораздо древнее жрецов и законодателей; последние не могли быть изобретателями того, что предшествовало им⁸. С развитием форм общественной жизни человечества изменялась и форма религиозного служения. Здесь уже выступает особый класс людей, который избирается из народа независимо от племен или старейшин по роду. В израильском народе по указанию Божию избираются на это высокое служение люди особые, обладающие теми качествами, которые предписывались Богом. Этими людьми были Моисей, Аарон и их потомство. В языческой религии появились жрецы, которые также были представителями всего общества. О том, что пастырство в Ветхозаветной Церкви учреждено именно Богом, а не человеком, свидетельствует нам Слово Божие. А также оно предостерегает нас и от того бедственного наказания, происшедшего с Кореем, Дафаном, Авироном и их сообщниками, которые хотели присвоить себе священническое достоинство (Числ. 16, 5–20). А то обстоятельство, что пророки свое призвание и посвящение для общественного служения

полностью принимали только от Бога, но не от людей (3Цар. 19, 16; Числ. 12, 6), более наглядно показывает, что пастырское служение не было зависимо от человеческих прихотей.

Священство во времена теократического правления еврейского народа, по словам святителя Амвросия Медиоланского, «получает значение особенной важности; ибо звание левитов так высоко и так важно, что Моисей, благословляя сынов израилевых по их коленам пред смертью своею, в благословениях своих о колене Левином изрек: дадите Левию явная его»⁹, т. е. левиты избираются из всех и посвящаются Господу как первенцы для служения и отпущения грехов, а не находятся в общем положении с народом. Слова, сказанные Господом Моисею: «Видь, – говорит ему, – (колена) же Левиина да не сочислиши, и числа их да не приимеши среди сынов израилевых. И ты пристави левиты к скинии свидения, и ко всем сосудом ея, и ко всем елика суть в ней: да носят скинию, и вся сосуды ея, и тии да служат в ней, и окрест скинии да ополчатся»¹⁰ (Числ. 1, 49–51), указывают, что и обязанности священников также священны.

Пастырство оправдывается исторически также на основании всеобщности религии в человеческом роде.

Психологическая основа

Цель религиозных стремлений человека – единение с Богом. Для этого недостаточно только знать Божий закон и уметь внешне отправить известное предписание его, т. е. совершить известную молитву или жертву, но необходимо по самой жизни своей быть совершенным, как совершен Сам Бог. Сознание своего несовершенства пред Богом, сознание невозможности единения с Ним по причине греховности приводит к мысли о необходимости посредничества.

Таковыми посредниками и ходатаями между человеком и Богом избирались люди с высокими нравственными и духовными качествами, потому что народ знал, что порочных людей Бог услышать не может. Следовательно, необходимыми условиями сближения с Богом были нравственная чистота и целомудрие посредников. В некоторых языческих религиях служители алтаря – жрецы, весталки и другие – должны были вести безбрачную жизнь. Эти требования языческих и иудейской религий еще с большей силой проявились в христианстве. «Подобает убо епископу быти непорочну, единой жены мужу, трезвену, целомудру, благоговейну, честну, страннолюбиву, учительну, не пиянице, не бийце, не сварливу, не мшелоимцу; но кротку (независтливу), не сребролюбцу» (1Тим. 3, 2–3).

Прирожденное общечеловеческое сознание греховности пред Богом побуждает народ выделить из своей среды самых лучших представителей. Например, в самый ответственный момент, когда еврейский народ должен был вступить в общение с Богом на горе Синай, они единодушно стали просить Моисея быть посредником между ними и Богом, вступить в общение с Иеговой вместо народа, обещаясь исполнить все, что Господь возвестит народу через Моисея. Профессор архимандрит Вениамин (Милов) говорит, что Господь признает правильным решение народа и принимает Моисея как ходатая народа и провозвестника Своей воли¹¹. И как тогда Господь избрал Моисея, затем Аарона, пророков, так и всегда, на протяжении всей истории, Он постоянно избирает для пастырского служения

достойных людей, могущих возвестить людям волю Божию и быть их духовными руководителями: «И Той дал есть овы убо апостолы, овы же пророки, овы же благовестники, овы же пастыри и учителя к совершению святых, в деле служения, в созидании Тела Христова» (Ефес. 4, 11–13).

Христос первый идет на небо, которое отверз для нас. Но так как люди могут следовать за Ним только издалека, то, чтобы они вовсе не потеряли Его следа, Он учредил сословие пастырей, посредствующее между Ним и верующими, руководимое Им и руководящее верующих, – сословие, которое никогда не должно терять из виду Его, и всегда оставаться пред глазами народа; должно принимать примеры от Начальника веры и передавать их людям.

Мистическая основа

Свои внешне полномочия и благодатную силу паствоство получает от Бога. Это отличает его от всех других естественных общественных служений, ставит его на особое место и дает право именовать его служением благодатным. Сам Господь указывает, что пастыри суть избранники Божии: «Не вы Меня избрали, а Я вас избрал, и поставил вас, чтобы вы шли и приносили плод, и чтобы плод вам пребывал, дабы чего не попросите от Отца во имя Мое, Он дал вам» (Ин. 15, 16). Святитель Тихон Задонский в поучении о паствоырском призвании говорит: «По общему христианскому гласу, епископы и пресвитеры нарицаются паствоырями, и Божие Слово им титул сей присваивает и поручает в руки их стадо Христовых словесных овец, Кровию Христовою искупленных... Без звания и избрания правильного никто не должен в паствоырское служение вступать, как говорит Апостол: «Никтоже сам о себе приемлет чести (иерархической), но званный от Бога, якоже и Аарон; там и Христос не Себе прослави быти Первосвященника, но глаголивый к Нему: Сын Мой еси Ты, Аз днесь родих Тя». И святой Предтеча поучает: «Не может человек принимати ничесоже, аще не будет дано ему с небесе» (Ин. 3, 27).

Соответственно той высоте и ответственности, какую имеет паствоырское служение, паствоырям и сообщается в таинстве Священства особая благодатная сила Святого Духа. Поставляющей силой на благодатное паствоырское служение является Дух Святой, как воспеваает св. Церковь в день Пятидесятницы, «вся подает Дух Святой: источает пророчества, священники совершает, не книжные мудрости научи, рыбаи богословцы показа»¹². «Итак, кто говорит о иерархии, – учит св. Дионисий Ареопагит, – тот указывает на некоторое священное учреждение – образ Божественной красоты. Каждый чин иерархии по мере своих сил принимает участие в делах Божественных, совершая благодатию и силою, дарованною от Бога»¹³.

Господь, называя пастырей «светом мира и солью земли» (Мф. 5, 13–14), выделяет их из среды всех людей. Обращаясь к пастырям, святитель Амвросий Медиоланский пишет: «Вам вверено ведение высочайших таин Божественных, что требует от вас свыше откровенной премудрости: вашему попечению вверена стража и бдительность надзора за нравственностью и спасением народа, что есть дело величайшей правды. Вам вверено хранение завета, требующее от вас мужества мучеников; вам вменяется в неприменную обязанность хранить трезвенность ума и блюсти чистоту сердца, то есть воздержание от всех страстей; всему же этому основание – Христос, а живая вера в Него – высочайшая премудрость»¹⁴.

«Священнослужение, – говорит св. Иоанн Златоуст, – совершается на земле, но по чиноположению небесному; и весьма справедливо, потому что ни человек, ни ангел, ни архангел и ни другие какие-либо сотворенные силы, но Сам Утешитель учредил это чинопоследование, и людей, еще облеченных плотию, соделал представителями ангельского служения. Люди, живущие на земле и еще обращающиеся на ней, поставлены распоряжаться небесным и получили власть, которой не дал Бог ни ангелам, ни архангелам; ибо не им сказано: Нелика еще свяжете на земле, будут связана на небеси; и елика еще разрешите на земли, будут разрешена на небеси. «Земные» властители имеют власть связывать, но только тело, а эти узы связывают самую душу и проникают в небеса; что священники совершают на земле, то Бог довершает на небе, и мнение рабов утверждает Владыка. Не значит ли это, что Он дал им всю небесную власть?»¹⁵ fff

Богооткровенная основа

Господь над Иисус Христос, основавший Свою Святую Церковь, явился тем камнем, тем основанием, на котором зиждется христианское пастырство. Именно об этом пастырстве говорит св. Апостол Павел, когда приводит слова пророка Давида, относящиеся к Иисусу Христу: «Ты священник вовек по чину Мелхиседека» (Пс. 109, 4; Евр. 7, 21), потому что истинное пастырство – длящаяся в мире жизнь Иисуса Христа. Спаситель называет Себя Добрым Пастырем, когда говорит: «Аз есмь Пастырь Добрый; Пастырь Добрый душу свою полагает за овцы» (Ин. 10, 11), и что таковым Пастырем Он пребудет вечно: «И будет едино стадо и один Пастырь» (Ин. 10; 16). Господь сравнивает Себя с пророком Ионей. Как Иона проповедовал покаяние для ниневитян, так и Он пришел с проповедью Царства Божия, войти в которое можно только через покаяние. (Лк. 11, 30).

Господь Иисус Христос называет Себя пастырем еще раз, когда в последние минуты Своего пребывания с учениками в Гефсиманском саду в беседе с ними относит к Себе пророчество Захарии: «Все вы соблазнитесь о Мне в ночь сию; писано бо есть: поражу пастыря, и разыдутся овцы стада» (Мф. 26, 31).

Освятив пастырство Своим собственным примером и Своей жизнью, Спаситель избирает 12 учеников, а потом 70, и таким образом оставляет преемников своего пастырского служения. Для выполнения этой великой цели Спаситель начинает готовить Своих учеников задолго до Своих крестных страданий. Он посылает их на проповедь, дает им особые наставления, а для подтверждения истинности этого учения дает им силу чудотворения (Мф. 10, 6–42). Словами: «Я дал вам пример, чтобы вы выделали то же, что Я сделал вам» (Ин. 13, 15), Спаситель заповедует Своим ученикам всегда в своей деятельности руководствоваться примером их Божественного Учителя, и как видно из жизни и учения св. Апостолов, они постоянно имели перед собой образ Пастыреначальника

Господа Иисуса Христа (Евр. 12, 2) и призывали к этому всех продолжателей дела Христа Спасителя.

По мысли профессора С. Соллертинского, «христианское пастырство получает от Христа (Пастыреначальника) не только высочайший образ той цели, к осуществлению которой оно должно направить свои силы, но и свое право быть до скончания века»¹⁶, ведя людей к вечному блаженству.

Несостоятельность протестантского учения о священстве

Протестантские богословы, основываясь на словах св. ап. Петра: «Вы- род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет» (1Пет. 2, 9), – отрицают пастырство как специальный Богоустановленный институт. По их мнению, этот текст не говорит о необходимости пастырского служения, так как все христиане – «род избран», «царское священство». Но достаточно прочесть это послание до конца, чтобы убедиться в ложности этого учения. Обращаясь к христианским пастырям, св. Апостол Петр пишет: «Пастырей ваших умолял я, сопастырь и свидетель страданий Христовых, и соучастник в славе, которая должна открыться: пасите Божие стадо, какое у вас, надзирая за ним не принужденно, но охотно (и богоугодно); не для гнусной корысти, но из усердия; и не господствуя над наследием Божиим, но подавая пример стаду. И когда явится Пастыреначальник, вы получите неувядающий венец славы» (1Пет. 5, 1–4). Данный текст с неоспоримой очевидностью свидетельствует, что в апостольское время уже существовали христианские пастыри, которых Апостол Петр наставляет. Называя себя «сопастырем», то есть несущим такое же служение, как и пастыри, а Господа Иисуса Христа – Пастыреначальником, ап. Петр указывает на тесную связь христианских пастырей с Господом и Апостолами. Не может быть речи о всеобщем священстве, когда, наставляя христиан, Апостол Петр пишет: «Младшие, повинуйтесь пастырям» (ст. 5). По своему воскресении Господь являлся первоначально Апостолам, а не всему народу; только их Он поучал Тайнам Царствия Божия (Деян. 1, 3), и только им Он заповедал: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам» (Мф. 28, 19).

Данный текст Священного Писания служит также опровержением другого возражения протестантских богословов против пастырства, согласно которому нельзя распространять и

передавать дар, принадлежащий только Апостолам. Если это верно, то апостольская проповедь прекратилась бы с их жизнью и повеление Спасителя не было бы исполнено. Кроме того, Господь сказал: «Я с вами во все дни до скончания века» (Мф. 28, 19), а также: «Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек» (Ин. 14, 15), что не соотнобразится с протестантским мнением.

Мнение протестантов о «всесвященстве», основанное, по их толкованию, на разобранном тексте, а также на словах ап. Петра: «Устраивайте из себя дом духовный, священство святое, чтобы приносить жертвы, благоприятные Богу» (1Пет. 2, 5–9), также ошибочно. Ап. Петр, пользуясь ветхозаветным языком, учит, что христиане должны также приносить жертвы Богу, но уже не плотские, а духовные, т. е. жертвы своей чистоты чрез «отложение всякой злобы, всякого коварства, лицемерия, зависти и всякого злословия», что и есть «духовная жертва святого священства».

Следует, однако, сказать, что учение о «всесвященстве» имеет место и в Православной Церкви, только не в том смысле, как его понимают протестантские и сектантские учителя. Кроме вышеприведенных текстов Священного Писания (Исх. 19, 6; 1Пет. 2, 5–9), о всесвященстве всех христиан говорит и святоотеческое учение. Так, св. *Игнатий Богоносец* называет всех христиан «Богоносцами, Христоносцами, Храмоносцами» и т. д. (Посл. к Ефес., гл. IX).

Св. *Климент Адександрийский* пишет верующим: «Мы – род избранный, царское священство, народ святой»¹⁷.

Св. *Григорий Богослов* пишет: «Целый мир священнодействует Владыке... не тельцов овнов закаляют..., но всенощными бдениями и псалмопениями»¹⁸.

В «Православном исповедании» наиболее четко выражено, что священство есть двоякое: одно духовное, а другое таинственное. Согласно учению Св. Писания (1Пет. 2, 9; Ин. 5, 9–10), все православные христиане имеют священство духовное и приносят жертвы в виде молитв, благодарений, умерщвления плоти, предания себя на мученичество за Христа и проч.¹⁹ Но одного духовного «всесвященства» недостаточно для жизни

Церкви Христовой. Необходимо еще священство «таинственное» ради совершения таинств для освящения людей. Это священство установил Сам Господь, что отображено, например, в словах ап. Павла: «Иных Бог поставил в Церкви, во-первых, Апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями» (1Кор.12, 28).

Делая вывод из всего сказанного, можно сказать, что существование в Церкви пастырства подтверждается как Священным Писанием и учением святых отцов, так и другими данными, и поэтому всякое учение о ненужности в Церкви особого класса священнослужителей является несостоятельным и не выдерживающим никакой критики.

Направленность науки Пастырского богословия

Наука Пастырского богословия призвана раскрывать высокие идеи Пастырства Христа Спасителя. Содержание науки Пастырского богословия, при вдумчивом изучении этого предмета, таит в себе благодатную силу воздействия на душу.

Пастырское богословие основывается на Священном Писании и творениях святых отцов. Как св. отцы отражали в своих писаниях дух учения свв. Апостолов, так и наука Пастырского богословия должна быть по своей направленности апостольской.

Апостольская направленность означает, во-первых, сохранение установлений апостольских в отношении строя церковной жизни, что дает возможность сохранить в неповрежденности апостольские традиции в учении, богослужении и управлении. Это относится больше к внешней апостольской традиции, но не раскрывает ее внутреннего благодатного содержания. Следовательно, во-первых, под апостольством науки Пастырского богословия следует понимать дух пастырского служения свв. Апостолов, сущность которого состоит в самоотречении для славы Божией и спасения других. «Мыне себя проповедуем, но Христа Иисуса, Господа; а мы рабы ваши для Иисуса», – пишет Апостол Павел коринфским христианам (2Кор. 4, 5).

Из апостольских посланий можно видеть, каков был дух пастырского служения свв. Апостолов. Этот дух пастырского служения живет в Церкви Христовой во все времена. Это мы наглядно можем проследить в развитии учения о пастырстве в святоотеческом богословии. Св. отцы во всей своей деятельности руководствовались любовью к христианской истине и потребностям св. Церкви.

Учение свв. отцов о пастырстве, также как и св. апостолов, было плодом не только умственной деятельности, но, главным образом, результатом нравственного подвига, и поэтому это учение живо и действенно во все времена.

Пастырское богословие призвано сохранять апостольские и святоотеческие традиции не только во внешних, но и во внутренних проявлениях жизни Церкви, раскрывая постоянно дух апостольских наставлений в учении, священнодействии и в управлении церковном.

«Никто не ищи своего, – говорит ап. Павел, – но каждый пользы другого» (1Кор. 10, 24); «старайтесь обогатиться духовными дарами к назиданию Церкви» (1Кор. 14, 12). Одним из таких духовных даров является изучение Пастырского богословия при условии, что само пастырство осознается и осуществляется как смиренное и жертвенное служение Церкви. Когда же забывается «единое на потребу», тогда изучение богословия превращается в одно лишь исследование, в пустое разглагольствование о пастырском долге, оно теряет внутреннее спасительное содержание, оставаясь лишь формой. Такое богословствование бесплодно, потому что становится отвлеченным от духа апостольского.

Изучение науки Пастырского богословия принесет пользу изучающим ее только в том случае, оно будет приниматься чистым сердцем, а не одним холодным разумом. Одно внешнее научение недостаточно в деле освоения Пастырского богословия так же, как и других богословских дисциплин.

В этом отношении весьма ценными являются слова епископа Игнатия (Брянчанинова), сказанные им о богословских системах. «Одна система, – говорит святитель, – есть скелет, правильный, твердый, но сухой и безжизненный. Благодарите школу, что она дала вам его, и большего от нее не требуйте. Она сообщила вам все, что могла. Если мы так будем говорить образно – в том экземпляре скелета, который достался ва вашу долю, есть неполноты, спешите наполнить их. Думаю же, что все это немного займет у вас времени. Потом ваше дело – навести краску, дать плоть костяку и оживить новое тело духом. Для этого нужно постоянное упражнение в чтении Слова Божия, молитва и жизнь по заповедям Божиим. Молитва оплодотворяет упражнение в Слове Божиим, и плод будет состоять в познании заповедей Божиих. Прочитывайте св. Матфея и старайтесь жить по заповедям, изложенным в 5, 6, 7 главах. Эта жизнь простая.

Апостол Павел велит узнавать, что есть воля Божия, благая и совершенная, и этим отсылает нас к начальным страницам Нового Завета, к св. Матфею, которого книга недаром занимает в нашем новозаветном каноне первое место. Исполняйте заповеди деятельно, и незаметно перейдете к ведению по Иоанну»²⁰.

Чтобы изучение пастырско-религиозных истин принесло пользу, необходимо, чтобы эти истины стали близки человеку, чтобы проникли в глубину его духа, а не остались на поверхности рассудочного знания. Богословие, особенно пастырское, познается опытным путем, путем внутреннего духовного подвига. Необходимо духовно приобщиться благодатному действию Откровения, и только после этого является способность отражать свет этого Откровения для просвещения других. Этого не в состоянии сделать пастырь, не просвещенный Духом Святым, потому что повести за собой пасомых, указать истинный путь ко спасению может только тот, кто сам уже опытно прошел или идет по пути, указанному Христом.

Эту благодатную настроенность, любовь к Богу, Церкви, пасомым, сознание своей немоги и необходимости Божественной помощи должно помочь воспитать Пастырское богословие. Именно об этом огне духовной ревности в деле спасения Спаситель сказал: «Огонь пришел Я низвести на землю и как желал бы, чтобы он уже возгорелся» (Лк. 12, 49); этот огонь должен возгореться в душе каждого, приступающего к священному сану.

Таким образом, наука Пастырского богословия, располагающая определенной церковно-апостольской направленностью и обладающая неотразимой внутренней благодатной силой действенности, призвана самым ближайшим образом принять участие в формировании доброго пастыря.

II. ИСТОРИЯ ПАСТЫРСТВА

Учение о пастырстве-священстве в Ветхом Завете

Высоко, священно и ответственно служение пастыря Церкви Христовой, священника Бога Вышнего. Оно – единственное в своем роде служение, совершенно выделяющееся из ряда обыкновенных человеческих служений.

Для того, чтобы глубже понять это высокое служение пастыря в Церкви Христовой, необходимо нам вернуться в седую древность, раскрыть историю возникновения ветхозаветного священства и рассмотреть его характерные черты.

Данная тема будет рассматриваться по следующему плану:

1. Время появления жертвоприношений и молитв.
2. Жертвоприношения патриархов и идея, лежащая в их основе.
3. История возникновения иерархического священства в ветхозаветной Церкви.
4. Акт посвящения ветхозаветного священства. Основные обязанности священников.
5. Внешние и внутренние качества ветхозаветных священников.
6. Первосвященническое служение и его особенности.
7. Основные черты пастырской деятельности ветхозаветных пророков и их функции.

Время появления жертвоприношений и молитв

Еще тогда, когда Церковь состояла из двух первых человек, служение пастырское имело место и силу. О том, что Адам до грехопадения имел непосредственное общение с Богом, «ходящим в раю» (Быт. 5, 8), четко говорится в Библии. Из этих слов можно заключить, что первоначально идею пастыря Сам Бог благоволил проявить в Себе Самом. «Хожделение Бога в раю что другое означает, как не Его пастырское попечение о человеке. Создав человека по образу Своему, Он запечатлел в душе его и тот образ пастырства, который в высшей степени принадлежал Ему Самому»²¹, – считает митрополит Сергей (Ляпидевский). Когда человек пал, то он этим самым лишил себя непосредственного общения с Богом. Вместо непосредственного, живого общения с Богом первый человек прибегнул к посредственному общению через жертвоприношения и молитву.

Иначе высказывается по этому поводу блаж. Августин. Возникновение жертвоприношений он относит еще к райскому состоянию первых людей. По его мнению, это были жертвы хваления, поклонения, благодарения и прошения об исполнении заповеди Божией. Эти жертвоприношения носили характер преданности Господу, они сообщали людям благодатные силы, способствовавшие духовному развитию райского человека²².

Первыми жертвоприносителями, как говорит нам книга Бытия (4, 3–4), были Каин и Авель, которые приносили жертву Богу от плодов рук своих. И мы знаем, что Господь благоволил принять жертву Авеля, которая была принесена от чистого сердца, а Каинову жертву Господь не принял, она была не угодна Богу, потому что приносилась не от чистого сердца.

Преподобный Ефрем Сирин, указывая на глубокую древность священства, говорит: «Видишь первого священника Авеля, при первом творении мира, и досточтимого священника Ноя, при втором творении..., с которыми Сам Бог установил завет»²³.

Жертвоприношения были основой не только религии богоизбранного народа, но и всякой другой религии языческой. Во всем древнем мире они выражали сознание виновности человечества пред Богом. Отсюда вытекала острая потребность в искуплении, заглаждении своих грехов с целью примирения с Верховным Существом. Таким средством к примирению человека с Богом и была жертва. «Жертва, – по словам одного ученого апологета, Геттингера, – была ничем иным, как громким и никогда не прерывавшимся воплем человечества к Нему о примирении с Богом, воплем, раздававшимся из всех пунктов земли и оглашавшим все тысячелетия истории; памятником, воздвигнутым между небом и землею, чтобы постоянно свидетельствовать о раскаянии человечества»²⁴.

Жертвоприношения патриархов и идея, лежащая в основе их

Первоначально жертвы совершались каждым членом семейства в отдельности (Быт 4, 3–4), но когда грехи все более и более стали обнаруживаться в жизни рода человеческого, то Бог отвратил Свой Дух от человеков, потому что они сделались плотию, но не отвратил, однако, милосердия Своего от них. Для поддержания в людях духа благочестия и священного страха Господь избирает из среды человечества людей старейших по возрасту и достойнейших по жизни; эти мужи назывались патриархами. Их жертвоприношения были угодны Богу, потому что они ходили пред лицом Его. В религиозном отношении для членов своей семьи, а также для членов своего рода они были жрецами и служителями Истинного Бога, т. е. священниками. Они удовлетворяли все религиозно-богослужебные запросы своих единоплеменников. Это была как бы домашняя церковь, в которой они поучали их истинам веры в Единого Истинного Бога.

В обязанность патриархов также входило давать имена младенцам при рождении (Быт. 16, 15; 23, 1), совершать обрезание (Быт. 17, 12; 17, 23), благословлять на брак (Быт. 24, 60, 28, 1–3) и на многие другие знаменательные моменты в жизни отдельных членов рода (Быт. 20, 7; 27, 27–29; 28, 3).

С этими священнодействиями патриархи соединяли воспоминание полученного ими от Бога обетования о Семени жены, о Спасителе мира, Которому надлежало явиться из их благословенного рода (Быт. 3, 15).

Жертвами патриархи выражали молитвенные прошения пред Господом и обычно сопровождали их горячими молитвами, в которых они испрашивали у Бога помощи и наставлений, благоустройства семейной жизни, дарования потомства и т. д. Молились о грехах, которыми, по сознанию их совести, они оскорбляли величие Божие.

В книге Иова об этом находим следующее свидетельство: «И... приношаше (Иов) о них (детях) жертвы по числу их, и

тельца о гресе о душах их. Глаголаше бо Иов: негли когда сынове мои согресиша и в мысли своей злая помыслиша противу Бога» (Иов. 1, 5).

Таким образом, мы видим, как тесно связаны между собой молитва и жертвоприношение. Совершители жертвоприношений, родоначальники, явились посредниками между Богом и своим родом. При совершении жертвоприношений должны были присутствовать все члены данного рода. Можно предполагать, что патриархальное жертвоприношение, при всей своей внешней простоте, носило величественный характер общественного богослужения и молитвы.

Таким образом, уже в этом посредническом служении лежала идея священства, хотя оно еще и не имело характера иерархического, так как основывалась на праве первородства, на праве естественном. Это патриархальное священство продолжалось до египетского переселения.

История возникновения иерархического священства в Ветхозаветной Церкви

С течением времени патриархальное священство, как не имеющее определенных правил своего служения и действовавшее по естественному праву, сменяется особым сословием иерархического священства, деятельность которого строго определялась богодарованным законом. Сам Бог благоволил вверить сохранение Своего завета и проповедь о Своих обетованиях Им Самим избранному колену Левиину. Причиной такого предпочтения, без сомнения, было то, что колено Левиино воздержалось от поклонения златому тельцу при горе Синай. К этому колену принадлежали Моисей и Аарон, великие вожди народа, ревностные блюстители нравственной чистоты его и строгие исполнители Божественных повелений. Сам Бог повелел привести Моисею Аарона и сыновей его пред скинию и посвятить их на священное служение: «Приведи к себе Аарона, брата твоего, и сыны его от сынов израилевых, да священнодействуют Мне» (Исх. 28, 1).

Таким образом, от Ааронова священства берет начало все ветхозаветное иерархическое священство. Хотя этот иерархический строй учрежден Богом, но, однако, и он еще не был таковым, который появился в новозаветной Церкви. Он имел начальную форму и носил прообразовательный характер.

Акт посвящения ветхозаветного священства. Основные обязанности священников

После избрания на великое священническое служение Аарона и его сыновей последовало особое посвящение их через следующие действия: омовение, возложение священнических одежд, помазание елеем, окропление кровью жертвенных животных, семидневное пребывание у дверей скинии (в это время они приносили множество жертв). Только в восьмой день они торжественно вступили в права священства (Лев. 8, 2–36; 9, 1–24).

Учреждение Богом иерархического строя было вызвано тем, что израильский народ, по своей греховности, уже не мог лично беседовать с Богом. Они имели нужду в посреднике, как это мы видим из Библии, где повествуется, что, когда Моисей принимал закон на горе Синай, «весь народ видел громы и пламя, и звук трубный, и гору дымящуюся, и стал вдали», и взмолились к Моисею: «Говори ты с нами, и мы будем слушать, но чтобы не говорил с нами Бог, чтобы нам не умереть (Исх. 20, 18–19). Из этих слов видно, что народ сам пришел к мысли о необходимости особого посредничества между ним и Богом.

Основные обязанности ветхозаветных священников были определены Богом: «И сказал Господь Аарону... и ты и сыны твои с тобою наблюдайте священство ваше во всем, что принадлежит жертвеннику и что внутри за завесою, и служите; вам Я дал в дар службу священства, а посторонний, приступивший, предан будет смерти» (Числ. 18, 7).

Обязанности трехстепенного ветхозаветного священства (левитское, священническое и первосвященническое) были различны. Только один первосвященник мог входить во святое святых, священники исполняли свои обязанности во святилище, а низшая степень – левиты – прислуживали во дворе скинии. Сам Господь священническое и первосвященническое служение определил так: «Сохраните жречество ваше по всему образу алтаря, и еже внутрь завесы» (Числ. 18, 7). О левитском служении Господь сказал Аарону: «Братию твою, племя

Левиино... приведи к себе, и да приложатся к тебе, и да служат тебе, и да блюдут стражбытвоя и стражбыскинии: токмо к сосудам святым и ко алтарю да не приступают, да не измрут» (Числ. 18, 2–3). Из этих слов видно, что их служение и обязанности различны.

Обязанности служителей алтаря – священнослужителей – были следующие:

1. Умилостивление Бога и служение Ему посредством принесения жертвенных животных, которых священнослужитель должен тщательно осмотреть, чтобы животное удовлетворяло всем требованиям обрядового закона (Лев. 22, 17–24).

2. Возжжение светильников, а также поддержание огня на жертвеннике, очищение его от золы. Воскурение благовонного фимиама (Исх. 30, 1–8).

3. Приготовление хлебов предложения (Лев. 24, 5–8); а также каждую субботу священство должно было переменять на трапезе хлебы, которых было двенадцать, по числу колен израилевых.

4. В их обязанность входило созыв народа посредством священной трубы при снятии станов во время странствования по пустыне; при вступлении на войну (1Цар. 13, 3; Иоиль 2, 1; Зах. 9, 14); также они трубили во дни веселия и в праздник в новолетие седьмого месяца, называемый праздником трубного звука (Лев. 23, 24; Числ. 29, 1).

5. Им дано право очищать нечистоту израильтян от прикосновения к мертвому телу и от проказы (Лев. 12–14 гл.).

Все эти обрядовые стороны носили характер учительства имели нравственно-воспитательное значение для израильтян. Объявив народу столько разных законов и постановлений гражданского и религиозно-нравственного характера, служитель алтаря должен был позаботиться и о том, чтобы все эти уставы и законы «Иеговы» не были забыты и искажены народом, а напротив, чтобы всегда были в сознании народа и осуществлялись в жизни. Отсюда «учить народ законам и уставам Иеговы» – стало второй задачей священства после религиозно-церковных отправлений; вот почему в Библии мы видим постоянные и настойчивые заветы священству

«учить» народ (Лев. 10, 10–11; Втор. 31, 9–13; Исх. 24, 4–7; Пар. 15, 3; 17, 7–9; Мак. 2, 7 и др.). И эта задача учительства в сознании самого народа очень тесно связывалась с обязанностями священства. Указание на это мы находим в дальнейшей истории еврейского народа. В последующие за Моисеем времена считалось народным бедствием отсутствие «священника учащего» (2Пар. 15, 3).

Понятна такая строгость взгляда на учительский долг священника. Он должен был учить не чему иному, как исполнению Божиим повелений, которые при теократическом строе определяли собою всю жизнь богоизбранного народа. В случае же прекращения священнического учительства «уставы Иеговы» в народном сознании могли затемниться, исказиться и, наконец, потерять в его сознании свое первенствующее значение – богоизбранничества. Вот почему «повеления Иеговы» Моисей заповедует народу иметь постоянно пред собою, как «знак на руке» или «памятник пред глазами» (Исх. 13, 9–16), «внушать их детям», говорить о них, сидя в доме, идя дорогою, и ложась, и вставая», и написать их на косяках домов и на воротах их (Втор. 6, 6–9; 11, 18–20).

С другой стороны, добросовестно исполняя свои религиозно-церковные обязанности, священство уже тем самым учило народ тем же повелениям Иеговы, так тесно были связаны эти две обязанности священства – религиозные обряды и учительство. Можно сказать, что это была одна обязанность – религиозно-нравственного воспитания народа.

Неразрывно с учением и заботой о спасении словесных овец в обязанность священства входили и еще две должности – судебная и врачебная. Являясь посредником между Богом и народом, истолкователем и хранителем всех Божественных повелений, священники должны были, естественно, являться и первыми судьями и карателями при неисполнении «уставов Иеговы». Поэтому священству безраздельно принадлежало право суда в области прегрешений каждого, кто нарушал заповеди Иеговы.

Установление факта греховности, наложение наказания, очищение и прощение согрешившего – все это было в ведении

священников (Лев. 4, 13–35; 5, 1–4; 5, 15–17; Числ. 5, 13–31; 6, 10).

Совершать суд в еврейском народе могли и старейшины, но во всех затруднительных, спорных вопросах суд принадлежал священникам. Священнический суд имел бесспорное окончательное решение, сопротивлению которому наказывалось смертью (Втор. 17, 8–13; 2Пар. 19, 8–11; Иез. 64, 24). И хотя права суда были не столь широки, как права учительства, тем не менее, и суд священства должен был иметь большое воспитательное значение для народа. Во время суда обязательно читали пред народом те Божественные повеления, которые были нарушены преступником, а это являлось уже своего рода учением народа. Кроме этого, суд присуждал виновному исполнять разные церковно-религиозные постановления, что также, в свою очередь, служило школой для народа. Таким образом, мы видим, как прочно в руках священства сходились разные нити теократического управления народом²⁵.

Кроме судебной обязанности, ветхозаветные священники занимались еще и врачебной деятельностью, которая направлялась на распознавание разных кожных заболеваний и врачевание их в сынах израилевых. К их надзору относились также и те больные, которые были покрыты заразной болезнью – проказой. Таковых они удаляли от общества до полного выздоровления. В полномочия священников входило смотреть за чистотой как телесной, так и нравственной.

Эта деятельность священства, подобно судейскому делу, тесно связывалась с первой и главной его обязанностью – исполнением религиозных треб и обрядов, так как при всяких случаях очищения от нечистоты или выздоровления полагалось законом принесение тех или иных жертв. Отсюда и врачебное дело священства становилось опять своего рода учительством.

В военное время священники были вдохновителями Израиля в битвах с врагами (Втор. 20, 2–4).

Так, все стороны деятельности ветхозаветного священства определялись одной задачей – очищать народ от нечистоты телесной и духовной и уготовлять из него народ, угодный Богу.

Без преувеличения можно сказать, что в деле воспитания всего народа деятельность ветхозаветного священства была незаменима.

Внешние и внутренние качества ветхозаветного священства

Многообразие и важность обязанностей ветхозаветного священства требовали от него высоких физических, духовных и моральных качеств. При вступлении на этот великий пост, прежде всего, законом требовалось, чтобы кандидаты священства вели свое происхождение от священнического племени и были законорожденными (Втор. 23, 2). Причем, происхождение и законорожденность должны были быть доказаны через всю последовательность поколений многими свидетельствами. Кроме того, от священников требовалось, чтобы они были физически совершенно здоровыми, свободными от временной нечистоты²⁶, особенно чистыми в семейном отношении. Священник не должен иметь на своем теле каких-либо недостатков, пороков. В Священном Писании эти физические недостатки, препятствующие принятию священства, указаны: «Всяк человек, ему же еще будет на нем порок, да не приступит; человек слеп, или хром, или корносы́й (уродливый), или ухо резан, или человек, ему же есть сокрушение руки, или сокрушение ноги, или горбат, или гноеточив очима, или бельмоочен, или человек, на нем же суть красты дивия (короста), или лишай, или единойатрый (с поврежденными ятрами); всяк, ему же еще будет на нем порок от семени Аарона жреца, да не преступит принести жертв Богу... за порок на нем» (Лев. 21, 18–20). Эти физические недостатки считались как бы унижением священного сана и могли служить поводом к уничтожению самого богослужения.

В Ветхом Завете телесный порок человека считался следствием греховности, если не его личной, то прародительской. Вот почему священники, которые должны очищать других от греховной скверны, сами должны были быть чисты от греховных последствий.

Внутренние качества священника должны соответствовать высоте его положения. Чтобы воспитывать народ в религиозно-нравственном духе, ветхозаветному пастырю предписывалось

быть ревностным исполнителем всех законов. Он являлся образцом для ветхозаветного человека. Будучи из рода Ааронова и вырастая в священнической среде, он должен был с юных лет набираться «духа премудрости и разума» (Исх. 11, 1–2), больших «знаний и благоразумия» (Иер. 3, 15).

Во всем своем поведении священнослужитель должен быть чист и целомудрен. Наряду с целомудрием, от служителя Иеговы требовалась и трезвенность – воздержание от употребления спиртных напитков или сикера (Лев. 10, 9), с тем, чтобы он имел способность во время священнодействия отличать «между вещами святыми и между скверными, и между нечистыми и между чистыми» (Лев. 10, 10).

Ветхозаветные священнослужители должны были готовиться к выполнению своих обязанностей, не к формальному выполнению их, но к глубокому и всестороннему руководству всей морально-духовной жизнью народа. Как представитель своего народа пред Богом, священник один только носил «имена сынов израилевых на наперснике судном у сердца своего» (Исх. 28, 29).

Первосвященническое служение и его особенности

Высшим лицом ветхозаветной иерархии был первосвященник. Сам Бог повелел привести Моисею Аарона и сынов его пред скинию и поставить на священное служение. Таким образом, Аароном начался ряд первосвященников, составлявших высшую степень ветхозаветного священства. Первосвященник являлся ближайшим служителем Иеговы, как высший посредник между Богом и народом. Его устами объявляема была воля Небесного Царя избранному Им народу, поэтому он один мог вопрошать Господа через урим и тувим; его руками избранный народ возносил благодарственные жертвы Господу Сил; его молитвами народ испрашивал у Господа милости, искал с Ним примирения. Как ближайший посредник к Богу, он имел право входить однажды в год во Святое Святых с кровью очищения. На нем лежала обязанность сохранять целостность закона, изъяснять смысл его израильтянам, сохранять единство в управлении народом и пещись о его благополучии, обязанность главного надзора за богослужением и всем священством и сокровищами храма²⁷.

Святость места требовала от первосвященника гораздо большей чистоты и безупречной жизни, чем это требовалось от простого рядового священника. Премудрый Сирах, видя это высокое служение первосвященника и его превосходство пред священниками и народом, говорит: «Как прославлен бысть (первосвященник) в сожительстве людей... яко звезда утренняя посреде облаков, аки луна полна во днех своих, яко солнце сияющее на церковь Вышняго и аки душа светящаяся на облацех славы; яко цвет шипков во днех весенних, яко крини при исходящих воды, яко стебло ливаново во днех жатвы; яко огонь и ливан на огнищи, якоже сосуд злат искован, украшен всяким камением многоценным, яко маслина, износящая плоды и яко кипарис, возрастая до облак» (Сир. 50, 6–12).

Высота первосвященнического служения требовала и соответствующего посвящения. Начало этого акта совпадает с началом посвящения левитского и священнического. Разница

заклучалась лишь в том, что при облачении на поставляемого, кроме священнического облачения, одевалось особое одеяние (Исх. 28, 9–43). По возложении первосвященнических одежд над поставленным совершалось помазание, но оно было более обильным в сравнении со священническим помазанием. По окончании посвящения первосвященник также неотлучно пребывал в скинии семь дней, и только на восьмой день он вступал в свои права.

Основные черты пастырской деятельности ветхозаветных пророков и их функции

Как свидетельствует нам ветхозаветная история, еврейский народ и его предводители, очень часто уклонялись от почитания истинного Бога и склонялись в идолопоклонство. В этом отношении наблюдается постоянная борьба света с тьмой. Поступая так, они затмевали в своих сердцах то обетование, по которому Господь обещал произвести из их поколения Искупителя рода человеческого.

Языческие суеверия и безнравственность всего народа, включая и священников, временами доходили до предела. Были такие моменты, когда само священство вместе с народом уклонялось в идолопоклонство. Св. Писание неоднократно свидетельствует об этом (Иез. 44, 10; Ис. 27, 28–43).

В самом доме Божием воздвигались языческие алтари, приносились идольские жертвы. Так Ахаз, царь иудейский, повелевает первосвященнику Урии заменить медный жертвенник храма новым, по образцу жертвенника языческого, который он видел в Дамаске, – и приказание царя исполняется беспрекословно (4Цар. 16, 10–16). Во времена иудейского царя Манассии в храме Божием сооружен был не один жертвенник языческий и даже был поставлен истукан Астарты, позволялись гадания, ворожба, вызывание мертвых и прорицателей, а сын царский был проведен через огонь (4Цар. 21, 4–7; 23, 4–6; 7, 11; Иерем. 7, 31). При иных царях «заперли двери притвора и погасили светильники, и не сожигали курения, и не возносили всесожжения во святилище Бога Израилева» (2Пар. 29, 7).

Многие места Библии говорят нам и о том, что ветхозаветные пастыри совершенно не радели о своих обязанностях. В те дни Израиль оставался «без Бога Истинного, и без священника учащаго, и без закона» (2Пар. 15, 3). Сама книга закона была утеряна. Священники и левиты, как свидетельствует Сам Господь через пророков, «творят ложь и неправду» (Иерем. 5, 31; 6, 13; 23, 11; Соф. 3, 4; Мал. 2, 8); «спотыкаются от крепких напитков; побеждены вином,

обезумели от сикера» (Ис. 28, 7); «нарушают закон Мой и оскверняют святыни Мои, не отделяют святого от несвятого и не указывают различия между чистым и нечистым, и от суббот Моих они закрыли глаза свои, и Я уничижен у них» (Иез. 22, 26); «не говорили: где Господь?» (Иерем. 2, 8); покланялись солнцу и луне и всему воинству небесному (Иерем. 8, 1–2); учили за плату (Мих. 3, 11) и даже, как разбойники, убивали на пути в Сихем, и совершали мерзости (Ос. 6, 9)²⁸.

Все внимание пастырей сосредоточивалось на видимом, на показном благочестии. В результате этого в среде левитского священства наблюдалось отсутствие одухотворенности, что лишало их благодатных даров, способствовавших достойному прохождению вверенного им служения, и лишало общения с Богом. В силу такого разобщения ветхозаветного священства с Иеговой, оно не могло оказать влияния на народ, а если и оказывало, то только своей недостойной жизнью, которая действовала на еврейский народ развращающим образом.

Естественно, что при таком духовном состоянии ветхозаветного священства его авторитет в глазах народа совершенно падал и оно теряло всякое влияние на массы. «Народ мой, – говорит пророк Исаия, – вожди твои вводят тебя в заблуждение и путь стезей твоих испортили» (Ис. 3, 12). «Вы развращаете народ Господень», – говорит Илий сыновьям (Цар. 2, 24).

В такие моменты в жизни еврейского народа необходимо было, чтобы кто-либо взял на себя священную миссию – напомнить народу об Истинном Иегове и Его законах. Вот в такие-то тяжелые для еврейского народа времена и выступают со своей деятельностью пророки. Не связанные с определенным местом, не стесняемые никакой определенной формой действий или средствами к существованию, они были совершенно свободны и мало зависели от князей и сильных мира сего. Поэтому в период царей пророки берут на себя дело духовного развития и образования народа в истинной религиозности и нравственной чистоте; а священникам и левитам предоставляется лишь формальное исполнение богослужебных обрядов.

Вдохновляемые Богом, пророки безбоязненно обличали всех нарушителей Закона. Они мужественно противодействовали многобожию и суеверию, возводя взоры Израиля к Богу Единому, Истинному. Как только они замечали упадок нравственности, тотчас исполнялись силою возвестить Иакову нечестия его и Израилю грехи его. Каждого беззаконника старались они возвратить на путь истины и спасения; от каждого члена общества, начиная от царя, они требовали строгого исполнения своих обязанностей.

Главное, на что указывали пророки в деле богопочитания, это то, что не внешняя обрядно-законная исполнительность нужна для Бога, и не жертвы, а, прежде всего, внутреннее доброе настроение человеческого сердца. «К чему Мне множество жертв ваших, – говорит пророк Исаия слова Господни, – Я пресыщен всесожжениями овнов и туков волов, и не угодна Мне кровь быков, и агнцев, и козлов. Когда вы приходите являться пред лице Мое, то кто требует от вас, чтобы вы попирали дворы Мои? Не приносите больше лицемерных даров: курение – мерзость предо Мною, новомесечия и сabbоты, созвание собраний нестерпимы Мне; беззаконие – и священное собрание! Моя душа ненавидит ваши новомесечия и ваши праздники: они – бремя для Меня» (Ис. 1, 11–14).

Пророк Иеремия от лица Иеговы также говорит: «К чему Мне ливан из Саввы и благовонный тростник... Всесожжения ваши не в угоду Мне, и жертвы ваши неприятны Мне» (Иер. 6, 20). «Удали от Меня, – говорит Господь устами пророка Амаса, – гул песней твоих, и звуков гуслей твоих не стану слушать» (5, 21–23).

«Можно ли угодить Господу хоть тысячами овнов или бесчисленными потоками елеля?» – спрашивает пророк Михей (6, 7). За безчестие народа и священников Господь попускал даже разрушение храмов. Богу нужно чистое и непорочное сердце. «Небо – престол Мой, и земля – подножие ногам Моим; где же вы постройте Мне дом и где место для присутствия Моего» (Ис. 56, 1).

Таким образом, все внешнее богопочитание, начиная от всенародных праздников и кончая всякого рода жертвами,

постами и молениями, оказывалось не благоугодным Богу, по проповеди пророков. А между тем, не эта ли внешне законная исполнительность во всех обрядах так строго и последовательно внушалась народу, и не она ли была пастырским долгом еврейского священства, так как через нее только было предположено создать особый народ, отличный от всех других народов? Не суббота ли и Пасха, не посты ли и священные собрания, не жертвы ли и все их обряды узаконились и вводились в народную жизнь через страх даже смертной казни (Исх. 12, 15–19; Лев. 23, 27–32; Числ. 15, 35)? И если все эти постановления о внешне законной праведности и религиозности отменялись как неблагоугодные Богу, то что же оставалось делать еврейскому пастырству, когда ему именно и было заповедано «научить сынов Израилевых всем уставам, которые изрек Господь через Моисея?» (Лев. 10, 11). Пророки давали и положительные наставления об этом. Вместо богопочитания внешнего, которое, по незаменимому выражению пророков, превратилось в «заученную человеческую заповедь» (Ис. 29, 13), пророки проповедовали внутреннее духовное поклонение через богопознание, чистоту и святость в непосредственном духовном единении с Богом; сообразно с этим, священству предлагались новые идеалы деятельности – учить народ боговедению, очищать прежде всего и больше всего души и сердца верующих в Иегову, стараться о том, чтобы каждый человек приближался к Богу не внешними действиями культа, а внутренней чистотой и богоподобием. Пророк Исаия говорит, что предстоятель пред Богом должен творить добрые дела: «Расторгни союз неправды, разреши оковы рабства, дай свободу угнетенным и сокруши всякое ярмо... введи в дом покинутых бедных... тогда ты помолишься, и Господь услышит, будешь взывать, и Он скажет: вот Я» (Ис. 58, 6–9).

Так Господь через уста пророков призывал священников жить внутренней жизнью, заботиться о спасении народа израилева и возрождать его нравственно. Но священники не слушали этого голоса, сами не вразумлялись и народ не исправляли. Господь через уста пророка Иезекииля обличает их, говоря: «Слабых овец не укрепляли, больной овцы не

врачевали и пораженной не перевязывали, и угнанной не возвращали, и потерянной не искали» (Иез. 34, 4).

Обращаясь к пастырям, пророк Иеремия говорит: «Рыдайте, пастыри, стенайте и посыпайте себя прахом, вожди стада, ибо исполнились дни ваши для заклания и рассеяния вашего» (Иер. 25, 34). Обличая грехи через пророков, Господь искал спасения грешника, чтобы он стал творить суд и правду, и за то был жив (Иез. 33, 19).

Пророки, повинувшись Богу, должны были безбоязненно обличать нарушителей закона, иначе они сами были бы отвергнуты Богом: «Когда Я скажу беззаконнику, – говорит Господь устами пророка Иезекииля, – беззаконник! ты смертью умрешь; а ты не будешь ничего говорить, чтобы предостеречь беззаконника от пути его, то беззаконник тот умрет, но кровь его взыщу от руки твоей» (Иез. 23, 8).

Прямым следствием разложения духовной жизни в среде священников являлось их наемническое отношение к пастве: наемник не радит об овцах (Ин. 10, 13). Для наемника стоит на первом плане мзда за принятый им на себя труд. Не чувствуя сердечного расположения к своей деятельности, не имея нужного терпения, всепрощающей любви, подобные пастыри-наемники всегда готовы злоупотреблять своею властью, обращать пасущий жезл в карающую палицу, удары которой падают не только на тех, которые могут понести, но и на слабых, неутвержденных, нуждающихся во внимании и тщательном уходе (Зах. 11, 16).

Ветхозаветные пастыри должны были не столько учить словом, сколько примером своей жизни. «Горе нерадивому пастырю, – говорит пророк Захария, – оставляющему стадо; меч на руку его и на правый глаз его; рука его совершенно иссохнет и правый глаз его совершенно потускнеет» (11, 17). Григорий Двоеслов, изъясняя эти слова, говорит: «Господь погубит злые дела и замыслы преступных пастырей». Аналогично этому говорит и пророк Иеремия: «Горе пастырям, которые губят и разгоняют овец паствы Моей» (23, 1). «За вас Сион распахан будет, как поле, – говорит пророк Михей, – и Иерусалим сделается грудой развалин» (3, 12).

Ветхозаветные пастыри «осустились», они забыли свое назначение и жили по прихоти своих мудрований. Им не нужно было духовное возрастание Израиля. По своей греховности пастыри не могли поднять в народе нравственную чистоту, они перестали заботиться о народе. «Выпасли самих себя, – говорит пророк Иезекииль от лица Божия, – ели тук и волною одевались; откормленных закаляли, правили или с насилием, или с жестокостью» (Иез. 34, 2–4).

Ветхозаветные пастыри должны были следить за жизнью народа, удерживая его от нарушения Божиих повелений, быть проводниками в жизнь вечную и учителями Божественного закона: «Я хочу бого-ведения более, нежели всесождений», – говорит Господь через уста пророка (Осия. 6, 6), но пастыри не желали слушать обличительные речи пророков; их сердца огрубели от беззаконной жизни. Вот почему потомки Левия не могли благотворно влиять на народ.

При болезни корня увядают все надземные ветви растения; при отсутствии солнечного света развиваются только чахлые побеги из семени; так с нарушением завета с Богом вкравшимся началом религиозного отупения и равнодушия, рассеялась энергия священников и левитов во всех родах и общественной деятельности. «Соль, предназначенная к охранению Израиля от нравственной порчи, выветрилась и потеряла свою силу», – говорит пророк Михей.

Пророки не только обличали в безнравственности священников и левитов, но и указывали им средства врачевания: восстановление союза с Богом, Который не вечно гневается, но любит милость (Мих. 7, 18).

Сознавая воспитательное значение закона во всех его постановлениях, пророки требовали его духовного понимания и выполнения, чтобы и ветхозаветные священники служили со страхом и трепетом Царю царствующих и Господу господствующих.

Ветхозаветные пророки действовали, зорко следя за своей паствой, удерживали ее от пагубных уклонений. Никто из людей с их внутренней жизнью не ускользал от бдительного предостережения пастыря-стража. Пастырь-пророк должен был

открыто, не смущаясь, говорить о тех мерзостях, которые допускал Израиль в своей религиозно-нравственной жизни. Пророк Михей признается, что «он исполнен силы Духа Господня, чтобы высказать Иакову преступление его и Израилю грех его» (Мих. 3,8). Пророк не должен страшиться, применяя это средство (обличение); речь его должна быть особенно сильной, он не должен жалеть ярких красок для изображения всей отвратительности порока и вреда от него для человека. «Взывай с силою и не удерживайся, – повелевает Бог пророку Исаии. – Возвысь голос твой подобно трубе, и возвести народу Моему грехи его и дому Иакову беззакония его» (Ис. 58, 1).

Развращение князей, народа и священников достигло предела, поэтому никто и ничто не спасет народ от гнева Иеговы; даже все праздники Он ненавидит и отвергает жертвы (Ам. 5, 21–24). Иегова отдает Свой народ на гибель. Эта последняя мысль никак не мирилась в сознании народа с идеей богоизбранности, но пророк говорил об этом не без основания. Нравственное чувство и мировоззрение пророка несравненно выше понятий той среды, в которой он воспитывался. Основанием высказанных по Божию повелению слов пророк Амос считает нравственную испорченность, заразившую правящие и низшие классы народа. Израиль только при том может остаться богоизбранным народом, если будет исполнять заповеди Господни (Амос. 5, 23). Если же народ не удовлетворяет этому условию, то преимущество его обратилось ему во вред, и он почувствует строгость Иеговы (Амос. 3, 2), ибо Он – Бог правды. Во имя справедливости Он может отречься от Своего народа. Тяжело было это чувствовать, особенно пророку Осии, но он, как истинный пророк, не должен был скрывать приговора Иеговы. Вот уже могущественная Ассирия готовится поглотить Израиля. Последний сделал попытку спастись от неминуемой катастрофы союзом с ней или с Египтом. Но все напрасно. Спасение этого народа невозможно. Пророк Осия говорит от лица Божия: «Я – Господь Бог твой... и нет Спасителя, кроме Меня (Ос. 13, 4). Пусть вернется народ к своему Богу, ибо Он поразил нас и исцелит, – восклицает пророк, – уязвит и уврачует нас» (Ос. 6, 2).

Итак, мы с вами коснулись обширной темы – ветхозаветного пастырства, начиная от первого человека и кончая пророческим служением. На основании рассмотренного нами материала можно сказать, что ветхозаветное священство имеет Божественное учреждение. Ветхозаветный священник являлся лицом, призванным к высшему служению среди еврейского народа Самим Богом. Самое положение священника, как ходатая между Богом и богоизбранным еврейским народом, обязывало его вести высоконравственный образ жизни. Израильский народ иначе и не мог смотреть на левитское священство как на своего руководителя, поучающего истинной вере не только словом, но и своим личным примером. Хотя известны и такие примеры, когда левитское священство уклонялось от исполнения своих обязанностей и не слушало голоса Божия; в таких случаях Господь, для вразумления заблудших, посылал Своих пророков, которые ревностно и безбоязненно обличали недостатки священников. Пророческое служение было благороднейшим зерном своего народа. Все лучшее, что в подзаконные времена мог дать избранный народ, воплощалось в личности истинного пастыря-пророка. Пророки в ветхозаветное время были во всех отношениях прекрасным образцом пастыря; и для нас они имеют большое значение. Как истинные пастыри, как предтечи Доброго Пастыря – Христа, деятельность Которого они прообразовали²⁹, ветхозаветные пастыри имеют значение и для нашего времени.

В мировой истории появлялись и исчезали народы; непрестанно движущееся колесо времени с каждым веком привносит что-то новое в человеческую историю, но одно только остается всегда тем же, неизменным: преданное греху, упорное, неблагодарное человеческое сердце. Если же сердце человека осталось таким же, каким оно было за несколько веков до Христа, то естественно, что и пастырство по своему существу, по своим принципам, осталось тем же.

По крайней мере, цель ветхозаветного пастырства – воспитать, привести человека в Царствие Божие – и средства достижения его (руководство человека личным примером и словом поучения) остались теми же.

Св. Григорий Богослов очень большое значение придает высоким образам ветхозаветных пастырей-пророков. Извлекая из пророческих книг прекраснейшие черты пастыря-пророка, святитель пишет: «Полагаю, что заключающееся в Писании не без цели написано, и не одна куча слов и предметов, собранная для развлечения слушающих... Здесь все с целью написано и сохранено на память. Цель их писаний – служить памятниками и уроками, как судить в подобных, если встретятся, обстоятельствах»³⁰.

Если все Писание полезно для научения пастыря, то пророческие книги – особенно. В них предлагается своего рода зеркало для пастырского самоиспытания.

Целостный образ духовного пастыря, предложенный нам в ветхозаветных пророческих книгах, можно определить в следующих чертах. Пастырь – лицо, призванное Богом на высшее служение. Он, прежде всего, – высоконравственная личность. Как посланник Божий и верный слуга Его, пастырь является близким к Богу лицом, знающим Господню волю и поэтому посредствующим между Пославшим его и людьми, ради которых он посылается. Поэтому пастырь – руководитель народа, пасущий его, т. е. поучающий истинной вере, своим личным примером и словом научающий истинной нравственности. Возвещая волю Божию, пастырь словом поучения и обличения врачует недуги паствы.

Служение пастыря должно быть проникнуто духом самоотверженной любви к Богу, представителем Которого он является, и к людям – словесным овцам, духовное благополучие которых дороже и выше личных интересов пастыря. Для отчетливого представления цели пастырского служения избраннику Божию при его призвании указывается главнейшая его обязанность: научить народ боговедению, сообщить своей пастве волю Пославшего.

Пророк Божий Моисей и его пастырское служение

Изучая пастырское служение святых ветхозаветных пророков, необходимо подробнее остановиться на деятельности великого пророка Моисея, вся жизнь которого была посвящена целиком и полностью служению Богу и своему народу.

Пророк Моисей становится, по повелению Божию, во главе народа еврейского. На этом ответственном и тяжелом пути он не проявил ни тени страха за свою личную безопасность. Наоборот, он смиренно считает себя недостойным этого высокого назначения. Он готов идти навстречу любым трудностям, готов идти на любые подвиги, даже на смерть, ради своей идеи, ради общего блага. Полный святых дум, святой веры, надежды на милость Божию, он говорит народу: «Дерзайте, стойте и зрите спасение, еже от Господа» (Исх. 14, 13). Быть спокойным – вот первое действие твердой веры пред лицом испытаний.

Все мысли и чувства пророка Божия были направлены на заботу и попечение о благополучии своего народа. Душепопечительство о своем народе всегда преобладало в нем над попечением о самом себе. В любую минуту он готов был положить душу свою за свой народ. Так, прося помилования у Бога своему народу, он прямо говорит: «Молюся Ти, Господи, согрешиша людие сии грех велик и сотвориша себе боги златы. И ныне, аще убо оставиши им грех их, остави, аще же ни, изгладь мя из книги Твоея, в нюже вписал еси» (Исх. 32, 31–32).

Святой пророк Моисей один из всего народа сподобился беседовать с Богом. Вспомним события, происходившие у подножия горы Синай, они ясно свидетельствуют и указывают на то, как близко стоял пророк Моисей к Богу. Эти события указывают на то, что пророк Моисей был единственным посредником между Богом и всем израильским народом³¹. Описывая события, происходившие у подножия горы Синай, святой Григорий Нисский говорит, что весь народ не имел столько сил, чтобы выносить видимое и слышимое, и потому всеми приносится общее прошение Моисею, чтобы он стал

посредником закона; и народ не отказывается, как Божию велению, верить всему, что ни возвестит Моисей по научению свыше.

Как уже говорилось, до Моисея не было иерархического священства. В те времена патриархальное священническое служение не было и не могло быть отдельным служением, потому что Церковь еще не выходила за пределы семейной жизни, и вся власть, связанная с этим служением, была сосредоточена в одном лице – главе семьи. Но во времена пророка Моисея, когда Церковь представляла собой уже весь народ израильский, когда верующие образовали большое религиозное общество, выделяется по повелению Божию особое пастырское служение. Святой пророк Моисей учреждает новое священническое сословие служителей Божиих при Скинии – иерархическое священство, которое состоит из трех степеней. Выполняя волю Божию, святой пророк Божий Моисей посвящает брата своего Аарона первосвященником, а сыновей его – священниками.

Исключительные пастырские качества пророка Моисея, его живая вера в Бога, любовь к Нему и Его народу, жертвенность, твердость и верность долгу делают его пастыреначальником ветхозаветного священства и ярким образцом для новозаветных пастырей.

III. ПАСТЫРСТВО НОВОЗАВЕТНОЕ

Богоучрежденность христианского пастырства

Богоучрежденность в Церкви иерархического служения не может подлежать сомнению, настолько ясно и непрерываемо засвидетельствовано оно в Новозаветном Писании. По свидетельству Священного Писания, Господь Иисус Христос, «Первосвященник по чину Мелхиседекову», Сам учредил в Церкви Своей особый класс людей, которым даны были обязанности быть в ней в достоинстве ее учителей (Мф. 28, 19–20; Деян. 1, 8), духовных руководителей христиан, с правом вязать и решать грехи верующих (Ин. 20, 22) и священнослужителей (Мф. 28, 19).

Из Священного Писания известно, что Сам Иисус Христос непосредственно из Своих учеников избрал двенадцать, которых назвал Апостолами (Лк. 6, 13), и потом говорил к ним: «Не вы Мене избрасте, но Аз избрах вас, и положих вас, да все идете и плод принесете...» (Ин. 15, 16). Христос Спаситель только избранным ученикам Своим дал заповедь и власть учить верующих ко спасению (Мф. 28, 19; Лк. 22, 19; Мф. 18, 18). Он преподавал эту власть св. Апостолам точно так же, как Сам принял от Отца: «Якоже посла Мя Отец, и Аз посылаю Вы...» (Ин. 20, 21). Потом Христос Спаситель Сам же непосредственно избрал еще 70 учеников, которых послал на то же великое дело (Лк. 10, 1). «Жатва убо многа, – говорил Он Своим ученикам, – делателей же мало. Молитесь убо Господину жатвы, да изведет делатели по жатву Свою» (Мф. 9, 37–38).

После Своего воскресения Христос Спаситель сообщил Апостолам и особое дарование Святого Духа. «Рече же им Иисус паки: мир вам. Якоже посла Мя Отец, и Аз посылаю вы. И сие рек, дуну, и глагола им: приимите Дух Свят. Имже отпустите грехи, отпустятся им: и имже держите, держатся» (Ин. 20, 21–23). Это говорит Господь в то время, когда беседовал с Апостолами об устройстве Своей Церкви, учреждая средства к ее существованию (Деян. 1, 38).

Передавая власть и распоряжения св. Апостолам, Господь Иисус Христос вместе с этим ясно выразил Свою волю в том,

чтобы все это сохранялось и продлилось до скончания века. Спаситель обещал ученикам послать от Отца Духа Святого, Который будет пребывать с ними вовек (Ин. 14, 16), а относительно Себя: «Се Аз с вами есмь во вся дни до скончания века» (Мф. 28, 20), и, кроме того, о Своей Церкви Он прямо сказал, что и «врата адова не одолеют ее» (Мф. 16, 18), а потому с несомненностью должно полагать, что Иисус Христос вместе с властью учительства, священнодействия и пастырства передал св. Апостолам и полномочия на непрерывную передачу власти их преемникам.

Но чтобы это дело продолжалось и после них, Дух Святой по вознесении Иисуса Христа установил преемство церковных учителей. По Его внушению, Собором апостольским был избран новый апостол на место отпавшего Иуды, и, кроме того, св. ап. Павел также соделался избранным сосудом, дабы пронести имя Христово «пред языки и царьми». Обращение и избрание ап. Павла ясно свидетельствует, что пастырское служение, на котором он паче всех потрудился, не от человек принято, но ведет свое начало от Самого Учредителя веры Иисуса Христа. По воле Его ап. Павел не только сам соделался проповедником и служителем Евангелия, но вместе с другими апостолами, имея дух и ум Христовы, «рукополагал пресвитеры на вся церкви», равно и епископов, возлагая на них обязанность учительства. Епископы, в свою очередь, получили от апостолов право устроить по городам пресвитеров, чтобы дело учительства повсюду более и более распространялось.

Так основалось, утвердилось и распространилось учительство в Церкви как особое звание, особый чин людей, на это дело избираемых, ведя свое начало от Иисуса Христа.

Христос Спаситель – Основатель Новозаветного пастырства

Чаяние Мессии и пришествие в мир Искупителя

Ветхозаветное священство было только прообразом того благодатного пастырства, которое должно было открыться миру с пришествием на землю Великого Первосвященника – Христа, имевшего возродить человека нравственно и указать ему то райское блаженство, о котором сказано: «Не видел того глаз, не слышало ухо и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1Кор. 2, 9).

Ветхозаветное священство не могло возродить человека, поднять его на ту высоту, с которой он ниспал. Оно побуждало человека к исполнению Моисеева закона по букве, но не по духу. Апостол Павел пишет, что оно было «тенью будущих благ» (Евр. 10, 1). И все ветхозаветное человечество находилось в ожидании того великого дня, когда Истинный Пастырь придет и соберет своих рассеянных овец.

Ветхозаветный человек изнывал в своих поисках, ища Доброго Пастыря. Так, праведный Иов взывал: «О, если бы я знал, где найти Его... Я изложил бы пред Ним дело мое» (Иов. 23, 3–4).

Пророк Давид в своих псалмах взывал: «Для чего, Боже, отринул нас» (Пс. 73, 1). «Тебя жаждет душа моя» (Пс. 62, 2). Ветхозаветный евангелист Исаия ожидал Еммануила (Ис. 7, 14), Который бы «взял на Себя наши немощи и понес наши болезни» и «ранами Его мы исцелились» (Ис. 53, 4–5).

Когда пришло назначенное время явиться Христу, Он сказал: «Вот иду исполнить волю Твою, Боже» (Евр. 10, 9). Христос пришел как Первосвященник, вошел во святая святых, но уже не с кровию «козлию ниже тельчию», а со Своей Кровью, и искупил человека раз и навсегда. Он в Своем Лице соединил права и обязанности служения пастырского. Он пришел взыскать и спасти погибшего.

Божественный Искупитель явился именно тем любвеобильным Пастырем, Который, оставив девяносто девять овец, идет искать в горах одну заблудшую. Сообразно с приточным указанием на Себя, как на Пастыря, пришедшего

взыскать заблудших овец, Спаситель прямо называл Себя Пастырем, Которого знают овцы и Который отверзает двери во двор овчий, чтобы сводить туда всех входящих дверьми, а не «прелазающих инуде», т. е. достойно избираемых, а не самозванных. На этом основании и Апостолы, признавая Спасителя Главой Церкви, Совершителем и Начальником спасения, называли Его Первосвященником и Пастыреначальником. Апостол Павел, например, говорит: «Мы имеем Первосвященника великого, прошедшего небеса, Иисуса, Сына Божия» (Евр. 4, 14).

«Для возвращения всего утраченного нами, – говорит о. Иоанн Сергиев, – определено было в вечном Совете Божиим сойти на землю Самому Источнику святости и чистоты, просветить род человеческий Словом Божиим, научить его святости, чистоте и правде, очистить все его грехи искупительной Кровию страданий и смерти Сына Божия, Агнца Божия, взявшего добровольно грехи мира. А так как Он пришел именно возвратить нам святость нашей души, то Он благоволил называться Первосвященником»³². Самое рождение Его во плоти и Его искупительная смерть составляют одно величайшее таинство, без которого было бы невозможно наше спасение. Итак, пришел Христос, чтобы быть и Жертвой, и Священником, быть «Приносящим» жертву и «Приносимым» в жертву.

Жизнь Спасителя от Его рождения до вступления на общественное служение

В лице Иисуса Христа явился в мир Сын Божий, «воплотившийся от Духа Свята и Марии Девы, и вочеловечившийся». «Слово стало плотию и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу как Единородного от Отца» (Ин. 1, 29–31). Евангелие обстоятельно повествует о событиях рождения Богомладенца и поклонении Ему пастырей и волхвов, а также о бегстве святого семейства в Египет, возвращении оттуда и поселении в Назарете. Но совсем ничего, кроме путешествия двенадцатилетнего Отрока с родителями в Иерусалим, не говорится о жизни Спасителя до начала Его общественного служения. Но и то, что сохранилось, весьма поучительно для пастыря. Евангелист Лука повествует: «Отроча растяще и крепляшеся духом, преспеваше премудростию и возрастом и благодатию у Бога и человек» (Лк. 2, 52).

Христос, до Своего общественного служения, был сокрыт от народа. Находясь в захудалом городке Назарете, Он с кротостью повиновался своим родителям. Удаленный от широкого потока жизни, находясь как бы в уединении, вдали от средств и пособий к широкому и многостороннему образованию, Христос, однако, не пребывал в замкнутости. Под руководством Своей богомудрой Матери Он постоянно развивал Свои духовные силы и способности, «поучаясь в Законе Господнем день и ночь». Телесные силы Его развивались под воздействием участия в домашних трудах праведной семьи.

Известно, что Иисус Христос в отроческие лета не посещал раввинских школ и не слушал учебных наставлений какого-либо достохвального ритора или ученого раввина. Кратко повествуя об отроческих годах земной жизни Иисуса Христа, Евангелисты только замечают, что Он «возрастал и укреплялся духом, исполняясь премудрости, и благодать Божия была на Нем» (Лк. 2, 40). Жил Христос у Своего нареченного родителя по плоти – Иосифа, изредка совершая путешествия со Своими родителями

в Иерусалимский храм. Следовательно, школой для Него был лишь дом родителей и храм Отца Его Небесного, благодать Которого заменяла Ему всяких учителей и наставников и исполняла Его такую премудростью, которой не мог дать или научить ни отдельный мудрец того времени, ни весь тогдашний, уже обветшалый и разлагавшийся мир. Таким образом, Иисус Христос не связан был никакими преданиями частных или общественных школ, никакими тенденциями или воззрениями учителей, что обыкновенно характеризует и приложимо бывает к каждому проповеднику или мудрецу-философу.

Домашнее воспитание Иисуса Христа способствовало Его духовному развитию, так что впоследствии Его Божественной мудрости и разуму удивлялись еврейские учителя, которые слушали, вопрошали и «ужасались» глубине Его познаний и мудрости (Лк. 2, 42–47).

С двенадцатилетнего возраста еврейским отрокам предписывалось исполнять закон. Они назывались детьми закона. Отрок Христос, посещая иерусалимский храм как дом Отца Своего, желал постоянно пребывать в нем и питать Свою душу чтением закона Господня. Во время одного из таких посещений, как повествует евангелист Лука, когда окончился праздник и все возвращались по своим домам, Отрок Иисус остался в Иерусалиме, и не заметили того Иосиф и Матерь Его, думая, что Он идет с другими; проведши дневной путь, стали искать Его и не нашли; возвратились в Иерусалим и нашли Его в храме. Христос сказал: «Зачем было вам искать Меня? Или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему» (Лк. 2, 45–49). Эти слова говорят о том, что Христос всецело был предан Богу Отцу, Который послал Его в мир для того, чтобы спасти людей.

После путешествия в Иерусалим Христос продолжал преуспевать в премудрости и возрасте и в любви у Бога и людей (Лк. 2, 52). Так продолжалось до тридцатилетнего возраста. По ветхозаветному закону, в эти годы иудейские раввины вступали в должность народных учителей. Прежде чем начать Свое общественное служение, Христос Спаситель, как неоднократно говорит Евангелие, прошел суровую школу

сосредоточенного уединения, внутреннего подвига молитвы и нераздельного единения с Небесным Отцом.

Христос любил уединение. Он неоднократно удалялся в пустынное место, где предавался пламенной молитве Своему Небесному Отцу. Здесь, вдали от мира и его тревожностей, Он погружался в глубину Своего духа, размышляя о деле, ради которого Он явился. В пустыне Он готовился к борьбе с искушениями, которые во всей силе предстали Ему во время сорокадневного поста Его – этого высшего и решительного акта Его приготовления, но которые, несомненно, не оставили Его и после.

В уединении Христос был наедине с природой. В созерцании ее Ему открывалась чудная картина жизни человеческой и благодати Божией, языком и образами которой Он так прекрасно пользовался впоследствии. Природа для Христа была вспомогательной книгой в Его мессианском служении. Он неоднократно приводил примеры о сеянии доброго семени, о виноградной лозе, полевых лилиях, птицах небесных и т. д. Все это было нужно для того, чтобы человек мог лучше воспринять то Божественное учение, которое проповедовал Христос Спаситель.

По мере приближения времени Крещения Спасителя, проповедник покаяния Иоанн Креститель говорил народу, что не он Мессия, но Мессия идет вслед за ним. «Вот грядет Тот, Кто сильнее меня, я недостойн понести обувь Его. Он будет крестить вас Духом Святым и огнем» (Мф. 3, 11). Проповедь Предтечи и вся его жизнь создавали ореол величия вокруг его имени; глубокое же его смирение перед грядущим Спасителем мира возбуждало народ и привлекало внимание к Тому, у Которого этот великий пророк недостойн развязать ремень обуви.

И вот «приходит Иисус из Галилеи на Иордан к Иоанну креститься от него» (Мф. 3, 13). «Иоанн же удерживал Его и говорил: Мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне? – Оставь теперь, – отвечал Господь Иоанну, – ибо так надлежит нам исполнить всякую правду» (Мф. 3, 13–15). И Предтеча допускает Его. Как человек, Христос был безгрешен.

Он лично не нуждался в покаянии, но выступал пред людьми как Основатель нового благодатного Царства. В это Царство, по Его учению, нельзя войти без Крещения (Ин. 3, 3).

Крестившись, Иисус молился. И вот «отверзлось небо, и Дух Святой нисшел на Него в телесном виде, как голубь, и был глас с небес, глаголющий: Ты Сын Мой возлюбленный, в Тебе Мое благоволение» (Лк. 3, 21–22).

В день Крещения Господня открылась людям истина о Триипостасном Боге. Отец глаголет, Возлюбленный Сын является в образе Сына Человеческого и Божественный Дух – в виде голубя.

В Крещении Господь наш Иисус Христос выступил открыто на мессианское служение как Агнец Божий, пришедший взять на Себя грех мира (Ин. 1, 29). Таково новозаветное Богоявление. Крещение Спасителя есть вместе с тем торжественное объявление о Его Божественном достоинстве. Оно, наконец, есть видимый знак посвящения Его на общественное служение (пастырство) и явления миру (Ин. 1, 32).

Христос, выступая на служение миру, являя Себя людям, показал Себя не в громе, молнии и землетрясении, не в славе Сына Божия в сопровождении сонма ангелов, а как смиренный человек. И обращается Он к Крестителю Иоанну не как Бог, а со смирением просит совершить над Собою Крещение во исполнение «правды Божией». Об этом поет Святая Церковь: «Яко человек, на реку пришел еси, Христе Царю, и рабское крещение прияти тщишия, Блаже, от Предтечеву руку, грех ради наших, Человеколюбче»³³. Таким образом, Крещение Спасителя явилось началом Его пастырского служения.

Искушение Господа Иисуса Христа диаволом в пустыне. Прообразовательное значение борьбы с искушениями для пастырей и паствы

«Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню для искушения от диавола и, постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал» (Мф. 4, 1–2).

Прежде чем выступить на общественное служение спасению рода человеческого, Иисус Христос после Крещения был возведен Духом Святым в пустыню. Что это значит? Почему не Он Сам пошел, а возведен был Духом Святым? Это значит, что Он был не только Истинным Богом, но и истинным человеком, что все человеческое, кроме греха, не было чуждо Ему. Он боялся и трепетал при мысли о Своем страшном конце – о распятии на кресте. В саду Гефсиманском, пред крестными страданиями, он молился Отцу до кровавого пота, чтобы миновала Его эта страшная чаша страданий. Но естество человеческое в Его Святейшем Лице соединилось нераздельно и неслитно с естеством подлинно Божественным. Вот почему Духом Святым Он и был возведен в пустыню. Ему трудно было как человеку решиться на великий подвиг сорокадневного поста, на жизнь в дикой пустыне со зверями. Трудно Ему было решиться на тяжкое искушение от диавола, ибо знал Он, что предстоит оно.

Зачем нужно было Христу столь долгое пребывание в пустыне в таких тяжелых условиях? Он готовился к Своему Божественному подвигу, к подвигу искупления рода человеческого Кровью Своею от власти диавола. Он готовился непрестанной молитвой, беседой с Богом Отцом. Ему нужно было уединение, полное отрешение от людской суеты, чтобы всецело предаться общению с Богом. Ему надо было этим общением укрепить Свою человеческую волю, принять от Отца всемогущую помощь в предстоящем служении.

Таким образом, и для Самого Пастыреначальника необходимо было приготовление. Если же и Он постился и молился пред началом Своего служения, если Его примеру

следовали впоследствии Апостолы (Деян. 1, 14) и великие отцы Церкви (св. Василий Великий, св. Иоанн Златоуст и др.), то не тем ли более необходимо такое приготовление для всякого кандидата священства, для того, кто является продолжателем дела Господа Иисуса, идущим по стопам Его.

Пребывание в пустыне было заключительным, высшим актом приготовления Спасителя к общественному служению, но начало этого приготовления было положено, как отмечалось выше, еще в детском возрасте. Так и кандидатам священства должно проходить приготовление, начиная готовиться с того времени, когда возникло решение принять священный сан; окончательное же приготовление, завершение его, должно произойти пред самым принятием священного сана. И в момент, когда на него уже готова снизойти Божественная благодать в таинстве Священства, его духовное око еще раз должно обозреть всю прошедшую жизнь и прозреть будущее, чтобы решить окончательно и бесповоротно, достоин ли он, в состоянии ли принять и носить то звание, которое может быть достоянием лишь избранных Божиих (Ин. 15, 19).

По примеру Пастыреначальника, каждый желающий получить благодать священства должен заранее направить все свои силы к тому, чтобы научиться отвергать все предметы искушений. Дьявол, не оставивший и Самого Господа, не преминет приблизиться с своими кознями и к грядущему на путь пастырский. Только победа над искушениями и может служить свидетельством надлежащего приготовления.

Враг рода человеческого дьявол приступил к Господу, искушая Его похотью плоти, похотью очес и гордостью житейской (1Ин. 2, 16). Эти искушения победил Спаситель. К победе над ними должен приучить себя еще заранее и всякий пастырь.

Похоть плоти

Искушитель, приступив ко Христу, сказал: «Если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами» (Мф. 4, 3). Дьявол знал, что к концу поста ослабляется не только тело человека постящегося, ослабляется и воля его; человек начинает жалеть себя, трепещет душа его, опасаясь смерти от голода. И воля его расслабляется до такой степени, что начинает он помышлять о прекращении поста, о прекращении подвига своего, об отказе от него. Это знал сатана, он ждал только момента, когда под влиянием сорокадневного поста ослабеет воля Спасителя по человечеству, ибо тогда легче будет искушать Его. И вот поэтому через сорок дней он и приступил искушать Христа. Он как бы говорит: «Если ты Сын Божий, то сотвори чудо, повели камням стать хлебами. Ведь Ты же погибнешь от голода, ведь Ты же Чудотворец. Почему же не хочешь чудотворную силу Свою употребить на насыщение хлебом, в который превратишь камни». Сатана знал, что искушение пищей, в особенности для человека, голодавшего сорок дней и ночей, весьма тяжело, и надеялся победить Христа этим искушением. Сущность искушения состояла в том, что Пастыреначальнику предлагается воспользоваться присущей Ему чудотворною силою Божиею для удовлетворения чувственных, телесных потребностей человеческой природы. Господь отражает это искушение указанием на Священное Писание: «Написано: не хлебом единым будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф. 4, 4; Лк. 4, 4; Втор. 8, 2). Так и пастырь Церкви прежде всего должен заботиться о исполнении возложенного на него высшего духовного подвига, о питании себя, главным образом, пищею духовною, при которой он как бы забывает на время о пище телесной; а тем более несвойственно пастырю дарованные духовные силы обращать в служебное орудие для своих плотских влечений. Нельзя, конечно, совсем игнорировать требования плоти. Такого бремени не возлагает, да и не может возложить на пастыря Церковь. Он должен заботиться о своей

плоти, но настолько, чтобы она не брала перевес над духом. Нельзя плотские похотения ставить выше духовных потребностей, удовлетворение которых составляет главную задачу жизни не только священника, но и всякого человека. Поэтому, кто любит свою плоть до забвения духовных потребностей, кто все внимание свое обращает лишь на то, чтобы питать и греть ее, не умея обуздывать ее пожелания, тому лучше не помышлять о священстве, которое есть служение духа (2Кор. 3, 8).

Чаще всего это искушение скрывается под пристрастием к материальным благам, т. е. под сребролюбием. Об этом искушении св. Апостол Павел пишет, что «корень бо всем злым сребролюбие есть» (1Тим. 6, 10). Суть этого зла заключается не только в деньгах, но вообще в корыстолюбии и стяжательстве. Искушается тот пастырь, который думает, что он должен равняться в материальном положении со светскими лицами. Часто бывает, что пастырь, чувствуя тяжесть своего служения, ищет повышения материального вознаграждения. Его требования увеличиваются, и он забывает, что должен нести благое иго пастырского служения с любовью ко Христу и пасомым. Сребролюбие, как об этом свидетельствует Священное Писание, имеет страшные последствия. Пастырь-сребролюбец уподобляется Иуде, предавшему Христа, он является поругателем Евангелия. Пастырь, не отвергнувший страсть сребролюбия, в короткое время теряет веру и делается формалистом. Для него пастырское служение становится средством к достижению материального благополучия. Особенно ужасно то состояние, когда священник смотрит на сан как на средство своему существованию, когда алтарь и престол, на котором совершается страшная Бескровная Жертва, становится для него лишь местом работы с соответствующей платой. Это страшный грех. Такой пастырь уже не есть пастырь, но наемник.

Если человек принимает на себя священство по одним житейским расчетам, то он уже поддался искустителю, который предлагал и Христу богатство и славу. Безусловно, средства для жизни нужны и священнику, часто обремененному более

или менее многочисленным семейством. Ни Господь, ни Апостолы, ни каноны церковные не запрещают священнику за свое служение пользоваться доходами и содержанием от прихода. Но все дело в том, чтобы пастырь не ставил материальную сторону в основу своей жизни.

Часто бывает, что пастыри по-разному относятся к людям влиятельным и простым. Первым для своей выгоды пастырь оказывает даже послабление и обходит их недостатки молчанием, готов совершить для них торжественное богослужение и проч. Что лежит в основе таких пастырских действий, как не скрытое начало корыстолюбия?

Кандидат священства должен помнить слова Спасителя: «Никто не может двема господинома работати; либо единого возлюбит, а другого возненавидит, или единого держится, а о другом же нерадети начнет; не можете Богу работати и мамоне» (Мф. 6, 24). И еще: «Кая бо польза человеку, аще мир весь приобретае, душу же свою отщетит?» (Мф. 16, 26).

Пастырю следует всегда помнить, что он обещался служить Богу, поэтому должен избегать дел лихоимства. «Суд Божий страшен сребролюбцам. Милостивые – наследники благословения Божия, а самолюбивые, сребролюбцы с Иудею осуждение примут»³⁴. Следовательно, священнику нужно с первых дней своего служения избегать всякого пристрастия к материальному благополучию, которое делает его нерадивым пастырем. «Всякое сердечное пристрастие к чему-либо земному есть измена наша Богу, Которого мы должны любить всем сердцем и всею душою и всею силою каждую минуту. Не изменяй, человек, своему Творцу», – пишет о. Иоанн Сергиев³⁵. И св. Димитрий Ростовский дает премудрый совет: «Будь щедрым и милостивым, чтобы душа твоя приобрела милость Господа в день суда»³⁶.

У пастыря на первом плане должно быть ревностное усердие к исполнению своего долга. Когда пасомые увидят в пастыре это усердие, то начнут любить его, и этим он приобретет доверие прихожан. Материальные средства к такому пастырю придут быстрее, чем к тому, кто их ищет. Кандидат священства должен заранее отучить себя от излишества в

пище, сне, особенно от спиртных напитков. «Остерегайся, – говорит блаж. Иероним пастырю, – чтоб от тебя никогда не пахло вином». Ведь священнослужителю приходится часть совершать священнодействия, из которых многие являются непредвиденными и срочными (исповедь больного, напутствие умирающего и др.).

Кандидату священства нужно еще обратить особое внимание на свою нравственность. Он должен победить в себе похоть сладострастия, не говоря уже о грехах любодеяния и прелюбодеяния. В супружеской жизни он также должен быть целомудрен и скромн. Иначе как он будет учить своих пасомых? Паства, по Апостолу Павлу, должна брать пример с семейной жизни священника (1Тим. 3, 4).

Много нужно трудиться пастырю над самим собой, чтобы одержать победу над искушениями, и главным помощником ему в этом служит Слово Божие, всегда могущее умудрить во спасение (2Тим. 3, 15).

Гордость житейская

Человеконенавистник, искушая Господа Иисуса Христа, не ограничился первым искушением. Он использует другое, более опасное искушение – тщеславие. Он предлагает Спасителю, чтобы Господь показал всенародно в столице иудейской Иерусалиме Свое Божественное достоинство и всемогущество, и тогда народ пойдет за Ним. Для этого диавол берет Христа, ставляет Его на крыше иерусалимского храма и говорит Ему: «Если Ты Сын Божий, бросься вниз; ибо написано: «Ангелам Своим заповедал о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею». Иисус сказал ему: «Написано также: не искушай Господа Бога твоего» (Втор. 6, 16; Мф. 4, 6–7; Лк. 4, 9–10). При втором искушении диавол опять хочет, чтобы Спаситель явил чудодейственную силу, но обратил ее уже не на удовлетворение телесных потребностей, а на исполнение тщеславных намерений. Господь отражает и это искушение ссылкой на Священное Писание.

Впоследствии это искушение повторилось в жизни Спасителя еще раз, когда Он начал открыто говорить «ученикам Своим, что Ему должно идти в Иерусалим и много пострадать от старейшин и первосвященников и книжников, и быть убиту» (Мф. 6, 21). И Апостол Петр, отозвав Господа в сторону, возразил Ему: «Да не будет этого с Тобою» (ст. 22). Однако Господь указывает Петру, что в этом его благожелании и выражении человеческой любви есть нечто сатанинское, несознаваемое намерение искушить, соблазнить Господа, подобно тому, как сам сатана в пустыне, под видом благожелания, предлагал Иисусу противобожественные способы легко и скоро совершить предназначенное Ему от Бога дело³⁷. Иисус Христос отверг этот соблазн с такой же силой и решительностью, с какой отразил Он слова искушителя в пустыне: «Отойди от меня, сатана... потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое» (ст. 23).

Ученики Господа, следовавшие за Ним как за проповедником будущего Царства, но царства, по их понятию,

земного, царства Израильского, не могли еще в тот момент уяснить, зачем их Учителю нужно страдать. Они как бы говорили: «Ведь Ты же Чудотворец и, если захочешь, можешь стать царем хоть сейчас, и народ пойдет за Тобой». И Господь, возводя их ум от земли к духовному, указывает, что, размышляя так, они думают «не о том, что Божие, но что человеческое» (Мф. 16, 23)³⁸.

Господь дает Своим пастырям благодатную силу для прохождения служения; но нельзя злоупотреблять этой силой для своего самолюбия. Христос упрекал Своих Апостолов за то, что они просили у Него разрешения низвести огонь на селения, не принявшие их. Господь ответил им, что он пришел не губить, а спасти души человеческие. В противном случае это будет лишь искушением Бога, подобным тому, какое допустил некогда народ еврейский, требовавший от Моисея известить им воду из скалы, говоря: «Точно ли Господь среди нас?» (Исх. 17 гл.).

Этот соблазн «святости» (чудотворения) является для пастыря самым опасным из всех искушений. Опасность его в том, что он проистекает из побуждений высшего порядка, из стремления к особому нравственному совершенству, а может совершенно незаметно вовлечь пастыря в грех прелести, т. е. духовного самообольщения.

При сем своем делании пастырь стоит у святыни. Ежедневно предстоя престолу, он является посредником между людьми, ищущими святости, и Богом, Источником святости. Всякое священнодействие, совершаемое священником, есть дерзновенное прошение у Бога чуда. И при каждом священнодействии это чудо происходит, независимо даже от личных достоинств иерея, его ума, внешности, способностей. Вода освящается, грехи прощаются, евхаристические Дары прелагаются в Тело и Кровь, освящаются иконы, кресты, облачения, дома и вообще «всякая вещь». Все обычное и привычное по молитве его становится освященным, необычным и неприкосновенным для непосвященного.

Все это проистекает из самой сущности священнослужения. Священник молится, ходатайствует, призывает, а благодать Духа Святого все восполняет, врачует, прелагает, освящает.

И как некогда диавол приступил ко Господу с требованием показать чудо, броситься вниз с кровли храма, так и к священнику в какую-то минуту его жизни приступает искушитель и соблазняет его той же самой мыслью о чуде. Здесь лукавый голос начинает искушать священника, внушая ему, что он сам по себе, в силу своих совершенств и дарований, уже достиг особой силы и степени святости и может стать чудотворцем. Иерей прекрасно понимает, что освящающая сила принадлежит Святому Духу, но возможность достигнуть освящающего действия он может приписывать себе, своим духовным достоинствам, своему подвигу.

В жизни священник на каждом шагу встречается с такими обстоятельствами, которые, при известных условиях, могут особенно благоприятствовать развитию в нем страсти гордости. Паства очень часто оказывает самое высокое уважение своему священнику и каждое слово его считает непререкаемой истиной. Его все называют «батюшкой», «отцом святым» и другими лестными словами. А если он хорошо проповедует и заботится о благолепии храма и совершает со страхом Божиим службу, то прихожане преклоняются пред ним. Все это вместе взятое может погубить священника, если только он не будет приписывать все Богу, помогающему ему в этом служении³⁹.

Следует отметить еще одну сторону в жизни пастыря на приходе, которая очень часто ввергает его в пропасть искушений. В окружении всякого пастыря иногда находятся такие экзальтированные (восторженные) личности, которые всегда стремятся кого-то обожать, кому-то служить, перед кем-то преклоняться. Они легко и быстро находят себе предмет обожания в любом мало-мальски незаурядном пастыре. Каждое его слово ловится на лету, голос его приводит в трепет и волнение, каждый шаг и жест толкуется в особом смысле. Такой пастырь уже не может, по их мнению, ошибаться, каждое его слово – жемчужина мудрости, каждая его проповедь затмевает Златоуста, его молитвенность – огонь пред Богом. В приходе начинают распространяться особые слухи: «Наш-то батюшка святой... Он ведь не от мира сего... Он себя замаривает... Он ночи напролет Богу молится» и т. д.

Хуже всего, если неопытный в духовной борьбе пастырь сам начинает легко поддаваться таким обольщениям, начинает сам верить в свои мнимые дарования, незаметно для себя входить в роль такого «целителя», «молитвенника», «святого». Вместо того, чтобы с первого же момента решительно, может быть, даже и резко – ибо резкость в таком случае и полезна и оправданна – отвергнуть и отсесть подобного рода лжеумиления и преклонения, пастырь увлекается этим, впадает в ложное настроение и тем губит себя и других.

Нужно сказать, что ни один из истинных подвижников не заявлял о своей святости и не стремился обратить на себя внимание окружающего мира. Об этом говорит Священное Писание и житийная литература. Совершенно другое замечается у пастыря, который в самом начале не отверг это искушение мнимой святости.

Но как же преодолеть пастырю это искушение? Пастырь, прежде всего, должен обратить внимание на пример Самого Спасителя, так как Он победил это искушение. Дьявол, искушая Господа, предлагал Ему броситься с кровли храма, чтобы совершилось чудо. Вслед за этим ненужным чудом последовала бы рабская привязанность людей ко Христу, которые бы, таким образом, никогда не создали Царства Божия на основах любви, смирения, духовной радости и в духе мира. Господь, отвергнув это искушение, отверг тем самым и рабскую привязанность людей к Себе. Он этим также показал, что для спасения нужна живая вера, а не чудо (правда, Спаситель совершал чудеса, но не по повелению дьявола). Поэтому и пастырь должен отвергнуть искушение – рабски привязать к себе верующих. Он должен отвергнуть уже самую мысль, что достиг своего нравственного совершенства. Священник должен возгревать в себе все священное, духовное, небесное; сам все более и более должен укореняться в атмосфере молитвенности и священнодействия. Он ничего не должен приписывать своим личным дарованиям, не считать себя никаким особым молитвенником и избранником, а, наоборот, смирять себя в своих собственных глазах и в глазах паствы.

Пастырь также должен отвергнуть мысль о своевольном мученичестве, которое основывается не на любви ко Христу и к пастве, а только на тщеславии. Конечно, преодолеть это искушение пастырь может только тогда, когда он будет вести богоугодную жизнь, непрестанно очищать свое сердце от страстей. Это единственный путь, по которому он должен идти, чтобы быть истинным продолжателем дела Христова.

«Будь добрым пастырем, – пишет архиеп. Антоний, – и мученичество всегда будет при тебе – и в жизни, и в смерти». Когда пастырь будет жить во Христе, тогда он утвердится в истинной святости, будет истинным мучеником, распинаясь со Христом ради паствы, тогда и будет достойным носителем благодати Христовой.

Из всего сказанного можно заключить, что самой удобной почвой для этого искушения, как и для прочих, является гордость. Нужно сказать, что не чужды ее и старые пастыри, если они не ведут постоянной борьбы с этим злом. Пастырь, который не стремится к преодолению этого искушения, честолюбиво возвышается над своими собратиями, часто подчеркивая свою образованность, культуру, академическое знание и другие свои мнимые превосходства. Отсюда и происходит частое «осуждение, непослушание, насмешки, раздоры, свары, хвастовство»⁴⁰ среди пастырей, что им как раз не подходит. Конечно, горделивый пастырь не достигает своей цели. Тогда и появляется на почве ошибок и неудач упадок необходимой пастырю энергии, даже веры и любви. Оскорбленное чувство самолюбия вызывает у пастыря подозрения к собратьям и верующим, которые, по его мнению, устраивают ему какие-то козни. Пастырское служение такого священника сводится к чиновничьему требоисправлению. Он начинает все рассматривать только с точки зрения своего «я» и подчинять своей эгоистической цели.

Но как же освободиться пастырю от этого искушения? Прежде всего, следует горделивому самолюбию противопоставить смирение и исполнять заповедь Спасителя, Который говорит: «Кто хочет быть большим между вами, да будет вам слугой; и кто хочет быть первым между вами, да

будем всем рабом» (Мк. 10, 43–44). Эту заповедь должен пастырь исполнять именно потому, что он является продолжателем дела Спасителя, а «Сын Человеческий не пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мк. 10, 45).

Пастырю следует стремиться к утверждению в ангелоподобной жизни и не забывать, что он является служителем Бога. Св. Димитрий Ростовский, поучая пастырей, говорит: «Если ты служитель Божий, если ты пастырь словесных овец, если ты учитель, то будь по жизни своей непорочен, как ангел Божий. Возвещая Слово Божие, не делай дел демонских»⁴¹.

Епископ Неофит, разбирая этот вопрос в своем курсе Пастырского богословия, говорит, что степень смирения и братской услужливости ярко выражает подготовленность пастыря к ответственному пастырскому служению, как и является оценкой самого этого служения⁴². Не гордость, а смирение украшает пастыря. Смирением же пастырь стяжает благодать Божию, необходимую в пастырском служении.

«Гордость и самообольщение относительно своей мудрости или праведности, – говорит святой Григорий Двоеслов, – препятствует видеть свет истины... кто приписывает себе небывалый блеск праведности или мудрости, тот далек от совершенного знания и тем более удаляется от истинного света, чем более о себе мечтает, как и замечено о некоторых в Писании: «Называя себя мудрыми, обезумели» (Рим. 1, 22).

«Облекитесь смиренномудрием, – пишет св. ап. Петр, – потому что Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (1Пет. 5, 6). Но как же приобрести себе смирение? Чтобы приобрести его, как говорится в книге душеспасительных изречений, должно постоянно укорять, порицать и обвинять себя во всем, считать себя не только грешнее всех, но даже и всякой бессловесной твари...; когда укоряют в чем-либо, то молча, кротко, объясняя истину; отвергнуть свою волю, терпеть поношения, оскорбления и унижения – вот истинный путь к смирению⁴³.

Победить эту страсть можно, если пастырь будет постоянно поучаться в Слове Божиим и проводить свою жизнь согласно его требованию, подражая во всем Пастыреначальнику, Который был кроток и смирен сердцем (Мф. 11, 29).

Готовящийся к священству еще заранее должен приучить себя к мысли, что если всякое звание дает человеку не только права, но и возлагает на него известного рода обязанности, то тем большие обязанности возлагает на него звание служителя Христова. Пастырь должен помнить, что дело служения спасению людей есть не столько дело самого пастыря, сколько дело Божие, и, следовательно, ему нечем гордиться и величаться. Служителю алтаря нужно знать, что рано или поздно гордость откроется пред всеми, потому что она противна Богу и людям.

В борьбе с искушениями пастырь обязан возводить ум «горе», чтобы думать «о том, что Божие» (Мф. 16, 23), а не мыслить по-плотскому, ибо «помышления плотские суть смерть... суть вражда против Бога... живущие по плоти Богу угодить не могут» (Рим. 7, 6–8).

Похоть очес

В третьем искушении диавол, приступив к Христу в третий раз, решается на более дерзкое искушение, обнаруживая свою цель совершенно уклонить Иисуса Христа от Бога и избранного пути. До этого он не знал точно, что Иисус Христос есть Сын Божий; теперь он предлагает решительное испытание. Он берет Христа и возводит Его на весьма высокую гору и показывает Ему все царства мира и славу их. И сказал диавол: «Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их, ибо она мне предана, и я, кому хочу, даю ее; итак, если Ты поклонишься мне, то все будет Твое» (Лк. 4, 6–7).

Вместо чрезвычайного дела искупления людей путем страданий, на который намерен вступить Господь, диавол предлагает Мессии купить у него власть над миром самой легкой ценой: выражением покорности ему, поклонением князю мира сего. Господь властно отгоняет от Себя искушителя, ссылаясь при этом на слова закона: «Отойди от Меня, сатана; писано бо: «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему Единому служи» (Мф. 4, 10; Лк. 4, 8; Втор. 6, 13; 10, 20). Как повествует евангелист Матфей, «тогда остави Его диавол, и се Ангели приступиша и служаху Ему» (Мф. 4, 11).

Этому искушению властолюбия, честолюбия и славолубия подвергаются и пастыри. Честолюбие проявляется в том, что пастырь начинает рассчитывать, через сколько лет он получит камилавку, когда будет произведен в протоиереи, в благочинные, скоро ли будет награжден митрой или какое место он займет в ранге священнослужителей при соборных служениях. Это внешнее честолюбие.

Гораздо опаснее стремление пастыря к духовному властвованию. Действительно, ему дана власть от Бога, но эта власть должна растворяться отеческой любовью и пастырской сострадательностью к пасомым. Желая господствовать, пастырь забывает, что он, прежде всего, должен соболезнавать людям, духовно возрождать и преображать их жизнь по заповедям Христа. Это господство проявляется, с одной стороны, в жажде

добиться от пасомых полного послушания. Священник мнит себя старцем вверенных ему душ. Старчество очень полезно и спасительно, но в основе его должно быть не просто повиновение, а доверие и откровенность между пастырем и пасомым, а также видимая духовная польза, какую получает спрашивающий о всех, даже самых мелких, вопросах в духовной и практической жизни.

С другой стороны, это искушение проявляется в том, что пастырь во что бы то ни стало хочет быть для своих пасомых «авторитетом». Он считает себя знатоком во всех областях, во все вмешивается со властью и требует признания этой своей власти.

Также опасным для пастыря и его служения является стремление создать свой авторитет показной ученостью. «Искушается тот пастырь, – пишет архиепископ Антоний, – который... задачею своей деятельности считает возводить народ до себя чрез преподавание отвлеченных катехизических истин, вместо того, чтобы изменять человеческие сердца из злых в добрые...»⁴⁴. Нет сомнения в том, что в жизни отвлеченная катехизация совершенно бесполезна. Этим не отрицается значение катехизических бесед с верующими, но они должны быть доступными и обязательно иметь нравственно-практический вывод. Пастырь должен избрать для паствы доступный способ беседы. Катехизическая беседа или проповедь должна изменять человеческие сердца, а не удивлять пасомых ученостью. Горе пастырю, если он, когда паства не может понять его отвлеченные катехизические беседы и проповеди, возмущается невежеством прихожан и, наконец, начинает их ненавидеть. Пастырь для устроения Царства Божия на земле должен привлекать души пасомых, но этого он достигает только тогда, когда, как врач, будет прислушиваться к биению сердец пасомых, подавая вовремя нужное лекарство. Ярким примером такого врачевания является учение Самого Спасителя. Ему следовали св. Апостолы и все выдающиеся пастыри Церкви. В ежедневной борьбе с искушением – производить впечатление ученостью современные пастыри

должны учиться у Христа Спасителя, Который имел только одну цель – спасение словесных овец.

Бывает, что пастырь, желая достичь доброй цели, в конце концов, все свое пастырское служение сводит к роли «культур трегера»⁴⁵. Он таким образом хочет завоевать себе авторитет у верующих и окружающего общества. Однако, не избегая возможности культурного влияния на пасомых, пастырь не должен забывать, что главной его заботой является проповедь Евангелия. Пастырю не следует оставлять проповедь Евангелия ради светской деятельности. Так как место пастыря только в Церкви Христовой, то и все его служение должно быть устремлено к созиданию Царства Божия на земле. Поэтому для пастырского дела может стать вредным его увлечение идеалами, не совпадающими с христианским мировоззрением, в основе которого лежит любовь к Богу и человеку. Чтобы пастырю преодолеть это искушение, он должен помнить слова Господа, Который сказал: «Царство Мое несть от мира сего...» (Ин. 18, 36). Поэтому пастырь в деле созидания Царства Божия на земле может употреблять только духовное влияние на паству, которого он может достигнуть посредством молитвы и внутреннего подвига. «Будь ангелом по жизни, – говорит св. Димитрий Ростовский, – и все будут с удовольствием сладостно слушать слова твои и творить, что ты повелеваешь... и ты не можешь упасти вверенное тебе стадо и наставить их на путь спасения, если сам первый не будешь идти по пути спасения»⁴⁶. Устраивая Царство Христово посредством культурно-просветительной деятельности, пастырь должен не забывать, что если он употребит только эти средства, то никогда не достигнет своей цели. Поэтому-то «жизнь наша должна быть сокрыта со Христом в Боге, т. е. Христу мы должны следовать, подражать Ему, Его учение проповедовать»⁴⁷, – пишет митрополит Варфоломей. И действительно, любой другой путь является неприемлемым для пастыря.

С этим искушением связано стремление некоторых пастырей производить впечатление на пасомых своей личностью. Пастырь, который позволил действовать этому искушению в своей душе, стремится обратить внимание

пасомых на свой голос и различные внешние действия, которые очень обольстительны и вначале производят кажущийся успех. Кажущийся потому, что все внешние эффекты оставляют лишь поверхностное впечатление, сердце же не трогают. Это, безусловно, противоречит пастырскому служению. Пастырь должен воздействовать на души пасомых не внешним впечатлением, а согревать их молитвой и словом Божиим. В Священном Писании имеется много примеров, которые говорят о ненужности эффектных приемов. Сам Спаситель их никогда не употреблял. Пастырь не должен забывать, что стремление производить впечатление своею личностью – это самообман и обман верующих. По этому вопросу архиепископ Антоний замечает: «Власть и влияние, основанное не на началах правды и любви, а на обмане, возбуждают впоследствии вместо доверия ненависть»⁴⁸. Святитель Игнатий (Брянчанинов) дает пастырю следующее наставление: «Всякий духовный наставник должен быть только слугою Жениха Небесного, должен приводить души к Нему, а не к себе... Ты, наставник, охранись от начинания греховного! Не замени для души, к тебе прибегшей, собою Бога. Последуй примеру святого Предтечи: единственно ищи того, чтобы возвеличился Христос в учениках твоих»⁴⁹.

Единственным условием благотворного влияния на сердца людей, по словам протоиерея Иоанна Сергиева, является искренность пастыря не только на словах, но и на деле. Для этого необходимо строго следить за собой, за своим душевным миром, за своим внутренним деланием⁵⁰.

Стремясь к славе мирской, пастырь подвергается другому виду искушений – человекоугодничеству. Это искушение часто появляется у пастыря, когда он переходит на новый приход, но оно может появиться и в любое время его пастырского служения. Человекоугодничество не должно иметь места в Церкви Христовой, ибо пастырское служение – это Богоугождение, а не человекоугождение. Нужно сказать, что человекоугодничество, или иначе говоря, приспособленчество пастыря к своим пасомым противно христианскому духу. Такая приспособляемость не имеет ничего сходного с

приспособляемостью, о которой пишет св. Апостол Павел: «Бых иудеом, яко иудей, да иудеи приобрящу; подзаконным яко подзаконен, да подзаконныя приобрящу; беззаконным яко беззаконен, не сый безза-конник Богу, но законник Христу, да приобрящу беззаконныя. Бых немощным яко немощен, да немощныя приобрящу; всем бых вся, да всяко некия спасу» (1Кор. 9, 20–23).

Мудрая широта взглядов св. Апостола Павла – это забота о душе человека. Он начинает с малого добра, которое хранится в душе человека, чтобы эту душу постепенно привести к уразумению истины и ко спасению. Св. Апостол Павел в этом подражает Господу Иисусу Христу, Который смиряется даже до смерти не для того, чтобы приспособляться к человеку и покрывать его пороки, но чтобы привести его ко спасению. В Священном Писании можно найти много ярких свидетельств, которые говорят о противопоставлении человекоугодничества неустрашимой правде Божиих служителей.

Чего же достигает пастырь своим внешним приспособленчеством к пасомым? Можно сказать: ничего! Он не врачует их духовные болезни, а усугубляет, стараясь поладить со всеми. Он сводит свое служение к пустому лицемерию. Вот цель человекоугодничества – мирская слава, а не слава, которую дает Бог. Такой пастырь, наконец, потеряет авторитет среди верующих и сделается отрицательным человеком, напоминающим мирских чиновников. Поэтому пастырю следует вначале отвергнуть это искушение и не допустить его воздействия, дабы остаться бескомпромиссным руководителем душ пасомых. Он должен помнить, что «еже есть в человецех высоко, мерзость есть пред Богом» (Лк. 16, 15).

Пастырь-человекоугодник перестает быть истинным служителем Господа, как об этом пишет св. Апостол Павел: «Аще бо бых человеком угождал, Христов раб не бых убо был» (Гал. 1, 10). При искушении человекоугодничеством пастырь не должен забывать, что мирская слава является препятствием к достижению вечной славы и свидетельством недостатка веры. Об этом говорит Сам Спаситель: «Како вы можете веровати, славу друг от друга приемлюще, и славы, яже от единого Бога,

не ищите?» (Ин. 5, 44). Человекоугодничество не совместимо с Евангелием, а пастырь должен быть исполнителем заветов Евангелия в своей жизни. «Не имеющий же духа премудрости, – говорит св. Димитрий Ростовский, – и не сохраняющий в устах своих разум, не достоин пастырского сана»⁵¹.

Как вначале было сказано, пастырское служение – это не человекоугождение, а Богоугождение – то Богоугождение, которое заключается в следовании Христу, Которому должен пастырь отдать всю свою жизнь, ибо без этого никто ни в чем благом не преуспеет⁵².

Диавольское искушение властолюбия и славолубия пастырь должен постоянно препобеждать в себе. Для этого, по учению св. отцов, пастырь ни в коем случае не должен почитать себя чем-нибудь⁵³, потому что «и насаждающий, и поливающий есть ничто, а все Бог возвращающий... Мы соработники у Бога» (1Кор. 3, 7–9). Это, однако, не означает, что пастырь должен предаваться бездеятельности. «Когда Я скажу беззаконнику: беззаконник! Ты смертью умрешь; а ты не будешь ничего говорить, чтобы предостеречь беззаконника от пути его, то беззаконник тот умрет за грех свой, но кровь его взыщу от руки твоей» (Иез. 33, 8), – говорит Господь пастырю словами пророка Иезекииля.

Пример Христа Спасителя в преодолении пастырских искушений

Пастырь является продолжателем дела Христова, вследствие чего он, подобно Спасителю, должен пройти путь искушений. Ему необходимо стремиться к их преодолению, быть и оставаться всегда в Боге. «Священник, – пишет о. Иоанн Сергиев, – как ангел Господа Вседержителя, должен быть выше всех страстей и возмущений духа, всех пристрастий мирских или суетных страхов, наводимых от бесов; он должен быть весь в Боге, Его одного любить и бояться. Боязнь человеческая означает, что он не прилепился к Богу всецело»⁵⁴. Таким образом, только непрестанная борьба с искушениями и жизнь, проводимая в непрестанном Богообщении, есть единственный путь пастыря. Пастырь, проводящий такую жизнь, будет «неодолим и неуязвим, как некогда слабое растение купины»⁵⁵.

Следует отметить, что грехом ограничена свобода духа человека, вследствие чего борьба с искушениями связана с борьбой за свободу духа. Поэтому пастырь обязан часто, лучше ежедневно, испытывать свое духовное состояние. Следует не забывать, что нападения на пастыря со стороны дьявола происходят особенно после минут молитвенного и религиозного подъема. После согласия пастыря на любое дьявольское искушение происходит не только разрушение его пастырской настроенности, но полагается начало разрушению самого дела пастыря. Правда, дьявол, подвергая пастыря искушению, употребляет такие приемы, что часто бывает очень трудно открыть замысел дьявольского внушения. Иногда он даже «преобразуется в ангела света» (2Кор. 11, 14). И искушения, представленные дьяволом под видом добра, могут иметь для пастыря и его дела худые последствия, если он, узнав сущность этих искушений, не пресечет их дальнейших действий.

Все искушения дьявола были решительно отражены Икупителем. Так и кандидату священства должно одерживать по возможности непрестанно победу в борьбе с похотью плоти, похотью очес и гордостью житейскою. В этой борьбе ему

необходимо закалить свой характер, чтобы затем уже с чистым духом и незазорною совестью приступить к великому делу, не боясь новых искушений. Только к победившему все искушения приступит ангел Господень и к утомленному борьбой снизойдет небесная помощь, утешающая и ободряющая. Правда, не совсем еще отступит от него искушитель; много еще и в самом пастырстве ждет его борьбы, муки и тяготы душевной, как имели они место во время общественного служения и Пастыреначальника.

Господь Иисус Христос отражал диавольские искушения, как повествует нам Св. Евангелие, словом Божиим, молитвой и постом. Пастыри Церкви Христовой в борьбе с искушениями должны следовать примеру своего Пастыреначальника.

Молитва и пост

Сам Христос Спаситель заповедал св. Апостолам, а в лице их и всем пастырям, побеждать силу вражью молитвой и постом (Мф. 17, 21). Молитва и пост – это как бы два крыла, которые возносят пастыря от земли в небесные области. Истинный пастырь всегда, а особенно при нахождении искушений, пребывает в молитве. Св. Иоанн Златоуст говорит: «Молитва – великое оружие, великая защита»⁵⁶. Молитва носит в себе духовную силу, которая разрушает все козни врага.

Исходя из глубокого убеждения в важности молитвы в жизни пастыря, святитель замечает: «Что для тела свет солнца, то для души молитва. Она есть занятие для человека общее с ангелами, ею мы вступаем в их общество, делаемся соучастниками их жизни, состояния, достоинства, благородства, мудрости и разумения. Кто не молится Богу и не имеет усердия непрестанно беседовать с Ним, тот мертв, бездушен, бессмыслен».

Епископ Игнатий пишет: «Блаженна душа, которая молитвою непрестанно стучится в двери милосердия Божия... она возрадуется в свое время о чистоте своей и о бесстрастии своем»⁵⁷.

Молитва, по учению о. Иоанна Сергиева, «есть как бы дыхание души, духовная пища и питье, духовный воздух и вместе свет, духовный огонь и духовное одеяние»⁵⁸. Наиболее действенна подкрепляющая сила молитвы в пастырском одиночестве, которое ему нередко приходится испытывать среди своей маловерной и малодушной паствы. Это одиночество тем мучительнее для пастыря, чем более он соответствует своему предназначению – носить в своей душе всю паству. Тяжесть этого настроения высказывали еще ветхозаветные пастыри. Так любвеобильнейший Моисей, видя народное ожесточение, жаловался Богу, говоря: «Я один не могу нести всего народа сего; потому что он тяжел для меня. Когда Ты так поступаешь со мною, то лучше умертви меня, если я нашел милость пред очами Твоими, чтобы мне не видеть

бедствия моего» (Числ. 11, 14–15). Таков же смысл слов пророка Илии (3Цар. 19, 10) и Иеремии (Иер. 15, 17–20). Жалуется на одиночество свое и ап. Павел (2Тим. 4, 16–17). Указывает на тяжесть одиночества и Христос Спаситель, говоривший ученикам в час предания: «Вот наступает час и настал уже, что вы рассеетесь... и Меня оставите одного, но Я не один, ибо Отец со Мною» (Ин. 16, 32). Для человека замкнутого отчужденность от жизни общества, пожалуй, не будет тяжелым бременем, но для пастыря, любящего народ свой, эта отчужденность грозит отчаянием, если он не употребляет против такого недуга духовного врачевства и противоядия, каковым и является молитва, переносящая пастыря в торжествующую Церковь, которая восполняет его душу, созерцающую колеблющихся сынов Церкви воинствующей. Христианин, пребывающий в молитве, приближается к состоянию такого же прозрения, как пророк Елисей, который при нападении сириян на Дофаим говорит слуге своему: «Не бойся, потому что тех, которые с нами, больше, нежели тех, которые с ними. И молился Елисей, и говорил: «Господи, открой ему глаза, чтоб он увидел». И открыл Господь глаза слуге, и он увидел, и вот, вся гора наполнена конями и колесницами огненными кругом Елисея» (4Цар. 6, 16–17). Так и всякий истинный пастырь, возносящийся в молитве душою в мир небесный, постоянно сознает себя окруженным обществом святых и бывает менее одинок в своем уединении.

Св. Григорий Богослов в молитве находил полноту жизни и утешение в одиночестве, когда был вынужден удалиться в изгнание. Он писал: «Поставьте над собою другого, который будет угоден народу, а мне отдайте пустыню, сельскую жизнь – и Бога.

Ему одному ужоу даже простотою жизни... Нет, нет, не буду говорить приятного слуху, председательствуя в священных местах или один, или в совокупном собрании многих; не отрину глаголов Духа из заботливости снискать любовь у народа, не стану тешиться рукоплесканиями, ликовать на зрелищах... Владей всем этим, кому угодно и кто хитр. А я безтрепетно буду исполняться Христом... Вот, я – дышащий мертвец, вот, я –

побежденный и вместе (не чудо ли?) увенчанный, взамен престола и пустой внешности стяжавший себе в Боге и божественных друзей!.. Стану с ангелами. Какова ни будет моя жизнь, никто не причинит ей вреда, но никто не принесет и пользы. Сосредоточусь в Боге»⁵⁹.

Если высоконравственная жизнь требует от пастыря напряжения его духовных сил, то молитва способствует укреплению этих сил на пути нравственного совершенствования. Молитва не только укрепляет, но и освящает и просвещает духовные силы пастыря. «Как хлеб служит пищею телу, а добродетель душе, так духовная молитва есть пища ума» (Преп. Нил Синайский)⁶⁰. Св. Иоанн Златоуст указывает на просвещающее свойство молитвы: «Как при появлении солнечного света убегают все звери и скрываются в ложах своих, так и молитва, как луч некий, появится из уст наших и нашего языка, тогда ум просвещается, все же неразумные и зверовидные страсти отступают, разбегаются и прячутся в свои норы, только бы мы молились как следует, с душою бодренною и трезвенною мыслию». Только молитва делает пастыря способным к истинному общению с Богом, оживотворяет его душу и дает все новые и новые благодатные силы для его нравственного преуспевания. Молитва вводит пастыря в атмосферу небесной жизни, дает силу его духу. Она соединяет его с членами Торжествующей Небесной Церкви и тем спасает его от одиночества и уныния даже в тех случаях, когда все на земле иногда покидают его. И тогда внутренний голос, подобно Елисею, подскажет молящемуся пастырю: «Не бойся, потому что тех, которые с нами, больше, нежели тех, которые с ними» (4Цар. 6, 16).

Если молитва является носителем особых благодатных даров и состояний, то она является также первым и сильнодействующим средством, оружием против страстей и врагов нашего спасения. Силою молитвы христианин легко врачует свои духовные язвы. «Молитва прелагает гнев, похоть ли жгла – она погашает, зависть ли точила – она прогоняется с великим удобством»⁶¹, – говорит святой Иоанн Златоуст.

Молитва необходима для сокрушения греха, который делает человека духовно мертвым. Святой Григорий Синаит говорит: «Ум, если не будет иметь в руке силу молитвы, то не возможен сокрушить грех и противные силы»⁶².

Молитва пастыря условно может быть разделена на *общественную* и *частную*. Совершение общественного богослужения – служебный долг пастыря, дающий ему возможность вводить своих пасомых в атмосферу религиозной жизни, низводить на них благодать Божию, как бы реально соединять их с небом. Небрежность пастыря в исполнении этого долга – тяжкий грех. Но и частная ежедневная молитва является обязательной для каждого пастыря. Это согласно утверждают все пасторалисты. Пастырь, совершающий ее с должным вниманием, настроенностью и серьезностью, ежедневно исполняется новой ревностью и воодушевлением к исполнению своего служения, все более и более вводится в дух своего дела. Молитва не позволяет ему коснеть во грехах, приносит ему истинное утешение, наполняет его сердце радостью и душу миром.

Пастырю вообще, а тем более обуреваемому искушениями, нужно молиться постоянно, везде и всегда, в каких бы обстоятельствах он ни находился и каким бы делом ни был занят. «Постоянно пребывающий в молитве избрал для себя самое главное из всех дел, – говорит св. Макарий Великий, – надлежит ему пребывать в великом подвиге и неослабном напряжении; потому что встретит много препятствий, поставляемых злобой прилежанию к молитве: сон, уныние, тяжесть в теле, преобладание помыслов, непостоянство ума, расслабление и прочие начинания злобы, а потом скорби и восстания самих лукавых духов, упорно воюющих с нами, и противоборствующих нам, и не допускающих приблизиться ко Христу душе, которая поистине непрестанно взыскует Бога»⁶³.

От упражнения в непрестанной молитве пастырь приобретает молитвенный опыт, опыт борьбы с врагом и его искушениями. Самую тесную связь с молитвой имеет пост. По учению многих святых отцов, глава добродетелей – молитва, а их основание – пост. «Пост, – говорит св. Василий Великий, –

предпосылает молитву на небо, делаясь для нее как бы крыльями при восхождении горе»⁶⁴. Молитва бессильна, если она не основана на посте. Пост отрешает человека от плотских страстей, а молитва борется с душевными страстями. Если пастырь будет сеять семена молитвы, не истончив плоти, то не победит искушений. Каждый пастырь, по примеру Христа Спасителя, свв. апостолов и всех подвижников, должен соблюдать благоразумный пост, соединяя его с молитвой.

Кроме того, пост укрепляет и охраняет молитву, он имеет самостоятельное действие на духов злобы во время искушений пастыря. Причина этого действия заключается в том, что укрощенное постом тело доставляет духу пастыря свободу, силу, трезвенность, чистоту, тонкость. «Пост, – пишет св. Исаак Сирин, – исцеляет болезни, прогоняет дьявола, удаляет злые помыслы, просветляет ум, очищает тело, возносит... к Престолу Божию»⁶⁵.

Чтение Священного Писания и творений свв. Отцов

Чтобы пастырь мог преодолевать все встречающиеся в жизни искушения, ему необходимо тщательно изучать Св. Писание, особенно же Евангелие. «О, пастырь, – говорит святитель Тихон Задонский, – тебе наипаче подобает быть умудренным в слове Божиим... наипаче препоясаться мечом глагола Божия и облещися во всеоружие и бодрствовать, и опасно поступать на брани сей, на которой супостат тебя наипаче уязвить и низложить тщится, и тако себе и прочих тебе порученных хранить. От руки твоей вси христианские души възыщутся. Помни сие, возлюбленне, и вложи в сердце твое, и не дремли, стоя на стражи Господни»⁶⁶.

Евангелие есть основа духовной жизни христианина и особенно каждого пастыря. Им должен он проверять правильность своей духовной жизни, своего шествия по лестнице духовного совершенствования. Изучая Священное Писание, пастырь духовно развивается и становится способным преподавать верующим чистые религиозно-нравственные понятия и убеждения. В связи с этим св. Иоанн Златоуст говорит: «Не ожидай; есть у тебя слово Божие, никто не научит тебя так, как оно»⁶⁷.

Без глубоких знаний Священного Писания пастырю нельзя быть истинным служителем Христовым. Поэтому пастырь должен иметь слово Божие всегда перед собою, изучать и носить его в своем уме и сердце, чтобы оно, как светильник, освещало его путь, исполненный трудов, скорбей и искушений. Заблуждения в роде человеческого никогда не умирают.

Диавол, исконный отец лжи, никогда не перестает сеять эти семена на нивах сердец человеческих. Не перечесть всех видов заблуждений людей, и от всех их пастырь Церкви должен уметь защищать истинную православную веру и обращать заблуждающихся на путь спасения. Это он может сделать только силой слова Божия. «Я владею, – говорит св. Иоанн Златоуст, – Священным Писанием. Это мой жезл, это моя опора, это моя безмятежная пристань. Я содержу Божественные

Писания, я читаю их; эти письма – моя стена и безопасность... Напротив, от незнания Писания – всякое зло; душа делается «робкой и боязливой, неспособной к выполнению трудных обязанностей пастырского служения»⁶⁸. Нерадение в изучении Священного Писания и христианского вероучения приводит к лени, которая зарождает и питает в сердце служителя различные грехи. «Остроптевая же учитися, – говорит Премудрый, – впадает в злая» (Прит. 17, 16). «Ничто так не бесполезно для предстоятельства церковного, – пишет св. Иоанн Златоуст, – как эта праздность и беспечность»⁶⁹. «Такой священник, – замечает святитель в другом месте, – сам пребывает во мраке и на вверенный ему народ навлекает множество зол»⁷⁰. Враг приходит сеять плевелы среди пшеницы именно тогда, когда рабы домовладыки спят (Мф. 13, 25). Поэтому когда пастырь, предавшийся праздности, не обрабатывает с постоянным старанием пшеницы, тогда быстро размножаются вредные растения. Когда он не делает добра, тогда зло растет быстро и укореняется глубоко.

За все это пастырь навлекает на себя наказание Божие, о котором говорит пророк Осия: «Яко ты умение отвергл еси, отвергу и Аз тебе, еже не жречествовати Мне; и забыл еси закон Бога своего, забуду и Аз чада твоя» (Ос. 4, 6). В связи с этим св. Григорий Богослов замечает, что «не знающим ни того, что должно говорить, ни того, что должно делать, лучше учиться, нежели, не зная, учить»⁷¹.

При этом необходимо учесть следующее. Образование, особенно семинарское и богословско-академическое, имеет большое значение; оно расширяет взгляды человека на зло, на добро и на мир в целом. Но оно таит в себе опасность подмены знания реального знанием отвлеченным. Отвлеченным знанием истин Церкви многие заградили себе вход в Царствие Божие и мешали другим войти в него.

Изучая глубочайшие истины, пастырь должен воспринимать их не только умом, но и сердцем. Священное Писание также говорит: «В законе Его поучится день и ночь» (Пс. 1, 2). «Я не могу жить без чтения (Св. Писания), – говорит прот. Иоанн, –

сколько тут содержания. Сколько открыто законов жизни души человеческой. Сколько человек, стремящийся к духовному обновлению, может почерпнуть здесь указаний для того, чтобы переродиться из злого в доброго»⁷². О благотворном действии слова Божия на душу человека говорит Сам Господь устами пророка Исаии: «Как дождь и снег нисходит с неба, и туда не возвращается, но напояет землю и делает ее способною рождать и произращать, чтобы она давала семя тому, кто сеет, и хлеб тому, кто ест; так и слово Мое, которое исходит из уст Моих, – оно не возвращается ко Мне тщетным, но исполняет то, что Мне угодно, и совершает то, для чего Я послал его» (Ис. 55, 10–11).

Слово Божие, как Слово самой Божественной Истины, благодатной своей силой просвещает *разум*, очищает *совесть* и *сердце*, делает их способными к восприятию благодатных внушений. Сила благодати, сокровенная в слове Божиим, возбуждает и укрепляет *волю* к исполнению закона Божия, к борьбе с искушающим злом и с демонами. Слово Божие, по словам святителя Тихона Задонского, насаждает и укрепляет в нас веру, утверждает надежду, насаждает и укрепляет в нас любовь к Создателю. Словом Божиим вся Святая Церковь в вере пребывает, утверждается и спасается.

Святой Иоанн Златоуст говорит, что «телесная пища для поддержания наших сил – то же, что чтение для души. Оно есть духовная пища, которая укрепляет ум и делает душу сильною, твердою и мудрой, не позволяет ей увлекаться неразумными страстями»⁷³. В Священном Писании излагается все, что должно делать и чего не должно. Оно есть одно из главнейших средств для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности (2Тим. 3, 16). Для того дано наставление Писания, чтобы совершен был «божий человек»⁷⁴.

«Видишь, что земля во время бездождия, иссохши, не дает плода, – говорит св. Тихон Задонский, – разумеи, что так душа, не напояемая росой Божия Слова и благодати, иссыхает и бесплодна бывает. Тело наше изнемогает от алчбы и жажды, а далее, когда не подкрепитсЯ пищею, умирает; так и душа, когда не питается и не напояется Словом Божиим, изнемогает, а

потом и умирает»⁷⁵. Притом, сердце человека никогда праздным не бывает. Если только мы его не заполним молитвой и чтением Слова Божия, то диавол заполнит его своими скверными мыслями и пожеланиями, от которых сердце наше станет не храмом Духа Святого, а вертепом разбойников.

Если вообще так необходимо чтение и изучение слова Божия, то еще более должен искать в нем укрепляющую силу и поддержку не только в борьбе с искушениями, но и во всей своей деятельности пастырь Церкви Христовой. Священное Писание пастырю Церкви особенно полезно читать, когда дух его находится в усыплении и сердце загрубело от беспечности и разленения, во время изнеможения духа от сильных искушений, скорбей и бедствий, от страстей и борьбы с помыслами; надо читать Слово Божие для успокоения духа и собирания мыслей, перед тем, как приступить к совершению молитвы.

Пастырю необходимо знать, с какими чувствами нужно читать Евангелие, чтобы извлечь из этого чтения назидание для своей души. «Раскрыв для чтения книгу – святое Евангелие, – пишет еп. Игнатий (Брянчанинов), – вспомни, что она решит твою вечную участь. По ней мы будем судимы и, смотря по тому, каковы были здесь на земле по отношению к ней, получим в удел или вечное блаженство, или вечные казни (Ин. 12, 48)»⁷⁶.

Приступая к чтению Книги Жизни, нужно предварительно вознести молитву ко Господу, чтобы Он Сам открыл наш ум к пониманию Его Закона; при этом нужно смирить свой гордый ум и успокоить все свои мятущиеся чувства, ибо Евангелие, по словам епископа Игнатия, «допускает к себе одних смиренных»⁷⁷. Читать Евангелие нужно вдумчиво, с благоговением и вниманием, потому что «каждая йота его испускает луч жизни, а пренебрежение жизнью ведет к смерти»⁷⁸. При чтении Евангелия нельзя искать наслаждений, восторгов или блестящих мыслей, это может привести к ложному пути.

Читать Евангелие нужно постоянно, и не просто читать, а благоговейно изучать его. Каждый пастырь должен усвоить Евангелие настолько, чтобы ум человека, по образному

выражению епископа Игнатия Брянчанинова, «плавал в нем, жил в нем»⁷⁹.

Святой Амвросий Медиоланский, напоминая о долге пастыря Церкви и каждого служителя Божия «напоевать и напивать (свою душу) глаголом Божественных Писаний», говорит: «Пусть слово Божие, как роса, снисходит и освежает душу нашу. Божественное Писание есть пиршество премудрости; каждая книга – особое кушанье. Всегда размышляй прежде, какое из этих кушаний для тебя доступнее, удобоваримое, и тогда уже налагай руку твою, принимайся читать; так, чтобы ты все, что читаешь или что принимаешь от Господа Бога твоего, мог исполнить в самой жизни твоей. Старайся оправдать в звании своем данную тебе благодать Божию, как Апостолы Петр и Павел, которые благовествованием своим некоторым образом заплатили долг своему Учителю»⁸⁰.

Евангелие – книга духа, она понимается только духовным разумом; ум плотский не может воспринять ее. Только для того, кто оставил греховную жизнь, все плотские привязанности и наслаждения, Евангелие станет доступным и понятным. Человек, привязанный к земле, «читает букву, но слово жизни, как Дух, остается для него под непроницаемой завесой»⁸¹. Чтение Евангелия должно быть неразрывно связано с осуществлением в жизни всего того, что оно заповедует.

По мере исполнения евангельских заповедей будет открываться и бесконечная глубина Евангелия. «Не довольствуйся одним бесплодным чтением Евангелия; старайся исполнять его заповеди, читай его делами. Это книга жизни, и надо читать ее жизнью»⁸² – пишет святитель Игнатий.

Пастырю Церкви Христовой необходимо также знать, как он должен раскрывать евангельские истины при встрече с людьми инакомыслящими. С его стороны пусть всегда в этих встречах исходит благожелательство к человеку, кем бы этот человек ни был.

Пастырь должен быть уверен, что истину Церкви Христовой нечего защищать, ее надо лишь открывать. Защищать же надо душу человеческую – от ее ошибок вольных и невольных. Свет

в мире не защищают, его зажигают... Слепого не убеждают, его исцеляют.

Многие читают святое Евангелие, но воспринять его слова каждый может в соответствии со своим внутренним миром; поэтому для правильного понимания Евангелия христианину непременно нужно читать и творения святых отцов.

Всегда, особенно во время искушений, пастырю необходимо, кроме слова Божия, изучать и творения святых отцов.

Писания св. отцов и подвижников благочестия – это неисчерпаемая сокровищница духовного опыта истинно христианской жизни. Св. отцы и подвижники не теоретически только, а опытом познали человеческую природу, все ее немощи, страсти, пороки, причины грехов, все хитрости и наветы духов злобы, средства побеждать их, глубоко постигли путь благочестия и спасения. И этот свой опыт они оставили нам в своих писаниях для полезного и душеспасительного назидания и руководства к благочестивой, добродетельной жизни.

Наши отечественные подвижники придавали очень большое значение в деле духовного роста пастыря чтению писаний святых отцов. Но, зная склонность человека (особенно молодых) к увлечению прочитанным, они предостерегали новоначальных от чтения книг, не соответствующих их духовным понятиям. «Книги святых отцов... должно читать о большой осмотрительностью», ибо «замечено, что новоначальный никак не может применить книги к своему положению, но непременно увлекается направлением книги»⁸³. Если книга написана для безмолвников и живописует об обилии духовных плодов, доставляемых безмолвием, то в молодом пастыре она может возбудить желание оставить свой приход и где-либо в уединённом месте предаться безмолвию. Если же книга написана для общежительных монахов и говорит о том совершенстве, которого может достигнуть инок под руководством старца, то у пастыря может возгореться желание строжайшего жительства в полном повиновении старцу. Но «Бог

не дал нашему времени ни того, ни другого из этих житейств»⁸⁴.

Находясь под сильным влиянием прочитанной книги и не находя в окружающей его действительности того, о чем пастырь прочитал, он может, с большим ущербом для своей духовной жизни, оставить свой повседневный пастырский труд.

В предостережение от увлечения прочитанной книгой можно привести слова святого Иоанна Лествичника, который писал: «Диавол влагает живущим в повиновении желание невозможных добродетелей. Равный образом и пребывающим в безмолвии советует подвиги, несвойственные им. Раскрой образ мыслей неискусных послушников, и найдешь там понятие, родившееся от самообольщения: найдешь там желание строжайшего безмолвия и поста, непарительной молитвы, совершенного нетщеславия, непресекаемого памятования смерти, всегдашнего умиления, всесовершенного безгневия, глубокого молчания, превосходной чистоты. Они, обольстившись, напрасно прескочили (перешли из братского общежития в глубокое уединение), не имея в себе при новоначалии упомянутых добродетелей... Обольститель (дьявол) ублажает пред безмолвниками странное послушников, их служение, братолюбие, общежительность, хождение за больными, чтобы вторых, как и первых, сделать нетерпеливыми»⁸⁵. Такие мысли и желания могут возникнуть у пастыря от чтения книг, не соответствующих его образу жизни.

Весьма полезно читать пастырские и нравоучительные труды св. Иоанна Златоуста, св. Василия Великого и св. Григория Богослова, наших отечественных святителей и святых: Тихона Задонского, Димитрия Ростовского, преподобного Серафима Саровского, оптинских старцев, епископа Феофана, прот. Иоанна Сергиева; аскетов и подвижников: Иоанна Лествичника, Варсонофия Великого и Иоанна, Ефрема Сирина, аввы Дорофея, Исаака Сирина и др. Святоотеческие творения рекомендуется читать, положив себе за правило: не увлекаться направлением книги; не читать книги поспешно и соблюдать постепенность – начиная с творений более простых, постепенно переходя к более углубленным.

Не меньшую назидательность имеют примеры жизни святых и подвижников благочестия. Пример жизни других людей имеет сильное влияние на наше сердце и волю. Пример же жизни святых возбуждает в нас ревность ко спасению, стремление к добродетели и духовной жизни, научает нас, каким образом исполнять заповеди Божии.

Молитва, пост, чтение Священного Писания и творений св. отцов делают пастыря опытным в духовной жизни и способным преодолевать все искушения, встречающиеся в его многотрудной деятельности.

Исповедь

Наиболее ценным средством в борьбе с диавольскими искушениями в жизни пастыря является исповедь. Пастырь должен как можно чаще исповедоваться, чтоб быть достойным совершителем таинств, чтоб восходить *от силы в силу* (Пс. 83, 8) в своей пастырской деятельности.

Как часто исповедовались святые пастыри древних времен, из жизнеописаний их не видно; это была сокровенная сторона их жизни. Но христианская исповедь есть лекарство. Следовательно, она более необходима для больных, чем для здоровых. Таким образом мы, нынешние пастыри, как не имеющие чистоты жизни древних пастырей, больше нуждаемся в частом врачевании себя исповедью. Главное, что должно побуждать нас чаще исповедоваться, это – наша Литургия. Как мы можем приступать к совершению Бескровной Жертвы, если совесть наша упрекает нас в каком-либо тяжком грехе? Не со смущением ли духа мы возьмем тогда в свои руки Тело Христово, когда будем возглашать с ним: «Святая – святым»? Если вообще от приступающих требуется «святость», т. е. отчужденность всякой страсти и украшение себя добрыми делами, то не тем ли более необходимо сложить с себя тяжкие грехи пастырю?

Если даже пастырь в известный промежуток времени не имел тяжких и смертных грехов, зато не много ли раз в году он согрешал одними и теми же грехами человеческой немощи? И как же, ощущая на себе бремя таких грехов, может он, без смущения совести продолжать служение Божественных литургий? Особенно как он приступит к Литургии в великие праздники, когда по торжественности дня хочется и службу совершить с более светлой и успокоенной душой?

Господу угодно даже одно наше понуждение себя к частому покаянию. Почему же? Потому, что это для нас как бы «ломка самих себя», ломка в жертву Богу; этим мы выражаем свое нерасположение жить в греховной нечистоте. Мерзость Господеви, – сказано, – путие развращеннии; приятны же Ему

вся непорочнии в путех своих» (Прит. 11, 20); А так как Господь Бог Пресвят и по святости Своей чуждается порока, любит же добро и добрых, то, выражая в себе и одни порывы исповедаться, сложить с себя признаваемые грехи, питая в сердце своем при каждой исповеди желание вести себя сдержанно от всякого порока, уже этим самым мы входим каждый раз в единомыслие с Ним, делаемся Ему угодными. Пастырь, сознавая, что он обязан исповедать грехи свои, уже одной этой мыслью сдерживается от повторения прежних согрешений.

Иерей Божий должен чаще прибегать к таинству Исповеди, этому великому средству очищения своих грехов. Таинство Исповеди решительно очищает все согрешения, соделанные словом, делом, помышлением.

Пастырь обязан располагать прихожан к частому говению. Но как будет он располагать их к этому, когда сам редко слышит высокотаинственные слова от своего духовника: «Да простит тя (брате) вся согрешения твоя... прощаю и разрешаю ти от всех грехов твоих...», когда сам редко испытывает и, следовательно, мало ценит радостное состояние духа после разрешения от грехов? А если священник будет очищать себя исповедью, то и для себя самого найдет более душевного покоя, и для народа станет священнослужителем с трезвенным духом и телом. Словом, тогда дух христианской и пастырской ревности постоянно будет в нем поддерживаться и воистину он будет духовным пастырем!

Исповедь – огромное средство в деле их духовного совершенствования и достойного предстояния пастыря пред престолом Божиим. Пренебрежение этим средством ничего другого, кроме вреда пастырскому делу и Церкви, принести не может. Скажем прямо: для верующих оно не может не быть соблазнительным, а для самого священника – неразумным, вредным и опасным. Без частой исповеди пастырь может духовно уснуть, и нужны бывают большие потрясения, чтобы разбудить его от этого сна.

Пастырь должен открыть свое сердце пред духовником, не скрывая от него ни единого греха. Но если кто утаивает грехи и

не говорит на исповеди, то хоть и слышит от духовника «прощаю и разрешаю», но Дух Святой, как Сердцеведец, не простит и не разрешит его. Св. Ефрем Сирии говорит: «Если какой человек сделает что-либо недозволенное и держит в себе это скрытно, то скрытностью своей более радуется внушившего сие беса, нежели самим делом»⁸⁶.

Пастырю Церкви необходимо также знать самому и разъяснять пасомым чрезвычайную важность таинства Исповеди при смущении помыслов. Иногда случаются помышления неверные и хульные на Бога или на Пресвятую Богородицу, на святых, на Святые Тайны, на иконы и т. д. Такие помыслы могут неожиданно возникнуть в любое время, даже во время молитвы или богослужения. Такие злые помышления, возникающие помимо нашего желания, есть внушение врага рода человеческого – дьявола. Их надо презирать, как будто их и нет. Не допускать смущения и скорби, ибо этого и добивается дьявол, но следует открыть их духовнику на исповеди.

В Патерике повествуется, как один брат смущаем был хульными помыслами, но стыдился исповедовать их. Часто ходил к старцам с намерением исповедать свои мысли, но когда приходил, стыд запрещал ему сделать это. Авва Пимен, к которому также неоднократно заходил этот брат, прозрел его борьбу и однажды сказал: «Чадю, сколько раз приходишь ко мне с помыслами, и снова со скорбью уносишь с собой, не исповедав их. Скажи мне, что тебя беспокоит?» Брат со стыдом отвечал: «Хульные мысли, и стыжусь высказать их!» Как только это произнес брат, тотчас почувствовал облегчение. Старец же сказал ему: «Чадю, когда придет к тебе хульный помысл, говори: я этой мысли не соизволяю, хула твоя на тебе да будет, дьявол, помысла твоего не хочет душа моя. Всякие же мысли, – продолжал старец, – которые душа не хочет, недолго задерживаются, но скоро, как дым, исчезают». Брат, приняв совет, отошел, благодаря Бога.

Исповедь облегчает душу не только от хульных помыслов, но и от всего, что ее тяготит, от всего, чем пастырь мог согрешить в своей жизни. Св. Иоанн Златоуст говорит: «Будем во грехах своих не людей стыдиться, но убоимся, как должно,

Бога, Который и ныне видит дела наши, и в будущем веке накажет непокаявшихся»⁸⁷. За утаенные грехи пастырь еще здесь, на земле, во время предсмертной болезни, мучим бывает злой силой, а по смерти подлежит мучению во аде. Об этом есть много сказаний у св. отцов.

Кто может скрыть свои грехи от Бога? Адам хотел скрыться в деревьях рая; пророк Иона хотел бежать в другой город, но встретил Господа в бушующем море. «Камо пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего камо бежу?» – взывал Псалмопевец.

От Бога не уйдешь. Нужно жить с Ним; но чтобы жить с Ним, нужно оставить грех, потому что грех есть самое ужасное зло в мире. От него пастырь, как и всякий человек, терпит всякие бедствия здесь, на земле, через него он лишается вечного блаженства.

В заключение вопроса о борьбе Господа Иисуса Христа с искушениями и значении этого примера для пастырей Церкви Христовой необходимо обратить внимание и на роль самих искушений в жизни пастыря и пасомых.

Вначале было уже сказано, что причина искушений заключается в том, что, во-первых, враг рода человеческого стремится воспрепятствовать пастырю в устроении Царства Божия на земле; во-вторых, пастырь, как и каждый христианин, должен вести борьбу за свободу духа от страстей. И пастырю не следует смущаться искушениями, ибо посредством их, как железо в огне, он испытывается в вере, любви и смирении. Св. апостол Иаков пишет: «Всяку радость имейте, братие моя, егда во искушении впадаете различна... Блажен муж, иже претерпит искушение, зане искусен быв, примет венец жизни...» (Иак. 1, 2–12). Поэтому искушения имеют большое значение для духовного возрастания пастыря, если только он ведет борьбу с ними, ибо «аще и внешний наш человек тлеет, обаче внутренний обновляется по вся дни» (2Кор. 4, 16).

Если же пастырь сребролюбив, самонадеян и т. д., то лишь только потому, что он не ведет борьбы с искушениями. Каждое искушение, прежде чем оно выразится во внешней жизни пастыря, начинается с греховного помысла. Пастырю, который по своему положению в этом мире обязан быть беспорочным,

более всего необходимо быть внимательным к своим помыслам, чтобы не дать им претворяться в дела, а затем в пороки. «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить» (1Пет. 5, 8). «Не будем спать... но будем бодрствовать и трезвиться» (1Сол. 5, 6). Сам Спаситель указал на необходимость борьбы с помыслами, когда сказал, что блуд совершается даже тогда, когда кто «смотрит с вожделением» (Мф. 5, 28), т. е. наслаждается блудными помыслами.

Постоянно бодрствуя, пастырь избежит многих падений (а он обязан хранить себя от падений, чтобы не быть соблазном для пасомых), если будет вести борьбу с искушениями и, прежде всего, с греховными помыслами. Пастырь должен хранить себя и от рассеянности, потому что рассеянность ума дает повод к возникновению греховных помыслов.

Имея целью своей жизни и деятельности спасение душ человеческих, искоренение из них всякого зла и приближение их к Богу, пастырь делает все возможное, чтобы устранить препятствия для них на пути к Царству Небесному. Но истинным руководителем и пастырем может стать только тот, кто сам научился преодолевать эти препятствия, т. е. искушения, кто в борьбе с ними постоянно нравственно совершенствуется. Архиепископ Антоний (Храповицкий), раскрывая значение духовного подвига пастыря для воздействия его на пасомых, приводит в своем труде слова одного старца, который, благословляя молодого иеромонаха на общественную деятельность, сказал: «Поезжай, работай, но духовной жизни не оставляй и помни, что никогда ты не сделаешь добра ни больше, ни меньше, чем сколько будет его в тебе самом»⁸⁸.

Напротив, нежелание преодолевать искушения отрицательно влияет на паству и разрушительно действует на все дело устроения Царства Божия на земле. Таким образом, пастырь, преодолевая искушения, примером своей жизни приводит ко спасению и пасомых. Об этом высоком значении жизни пастыря говорит св. Иоанн Златоуст: «О какая требуется от пастыря высота жизни! Как она одна сильна для того, чтобы вести нас в Царство Небесное!»⁸⁹ Поэтому пастырь всеми

силами должен стараться поддерживать в себе мужество и дерзновение против бесплотного врага, непрестанно искушающего его. Тогда только он может быть обличителем пороков людских, истинным служителем Всевышнего Бога и продолжателем дела Христова.

Общественное служение Спасителя как высочайший пример для пастырей

Земная деятельность Господа нашего Иисуса Христа была, прежде всего, пастырской. Раскрывая это положение, Пастырское богословие касается здесь преимущественно учительства и душепопечительства Спасителя. Это то «доброе пастырство», которое Христос относит к Себе в притче о Добром Пастыре (Ин. 10, 1–11); та пастырская любовь, которую Он настойчиво (трижды) требовал от ап. Петра, как необходимого условия для пастырства (Ин. 21, 2–17), и которую Он сам проявлял к «погибшим овцам дома Израилева», уча их, исцеляя всякую болезнь и немощь (Мф. 4, 23), питая духовно и телесно (Мф. 14, 13–21).

Христос пришел на землю с целью привести людей в Церковь Свою на земле, а через нее – и в Царство Небесное. В Своей Личности, в Своей жизни и деятельности Христос воплотил тот высочайший идеал чистоты и святости, стремиться к которому есть главнейшая и единственная цель жизни каждого христианина, а тем более пастыря.

Все идеалы человеческие до Христа и после Него в сравнении со Христом – ничто и меркнут пред Ним. И хотя сделаться равным Ему в исполнении закона никто не может, но подражать Ему в исполнении той или другой заповеди может и должен каждый человек. Поистине, велик этот идеал, проявившийся в жизни, проповеди, чудесах Христа Спасителя и воздействии Его на людей, соприкасавшихся с Ним: в обращении закоренелых грешников, исцелении больных и бесноватых, воскрешении мертвых, насыщении хлебами и др.

Господь дал нам заповеди для исполнения и, прежде всего, Сам делом исполнил их (Ин. 15, 10), жизнь Свою положил за овец Своих (Ин. 10, 11–15). Поэтому, кто желает следовать за Христом и кто думает стать добрым и истинным пастырем Церкви Христовой, тому необходимо подражать Пастыреначальнику в исполнении данных Им заповедей.

Исполнение заповедей есть не только выполнение нравственных норм, но получение силы, избавляющей от страстей (Ин. 3, 20–21), соединение в жизни вечной с Самим Господом. «Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня, а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим, и Я возлюблю его и явлюся ему Сам» (Ин. 14, 21).

Учительство Христа Спасителя

В Своей пастырской деятельности Господь Иисус Христос самым главным считал проповеди (Лк. 5, 43; Ин. 4, 34). «Я на то родился и на то пришел в мир, – говорил Он ученикам и народу, – чтобы свидетельствовать о истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего» (Ин. 18, 36). И свидетельство это есть самое несомненное и непреложное, так как исходит от Того, Который есть «свидетель верный», по словам Иоанна Богослова (Откр. 1, 5), Который есть, наконец, Сама Ипостасная Истина (Ин. 14, 6).

Следовательно, Он один преимущественно пред всеми может научить этой истине и всех прочих как для их собственного спасения, так и для приведения других к животу вечному, состоящему, по словам того же Божественного Учителя, в познании Истинного Бога. «Сия же есть жизнь вечная, – сказал Иисус Христос в Своей первосвященнической молитве, – да знают Тебя Единого Истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа» (Ин. 17, 3), – разумея здесь под *знанием* не теоретическое, умственное познание Бога, а теоретико-практическое, когда, кроме ума, в познании Бога участвует и сердце чрез его постоянную любовь к Богу, и воля чрез свою преданность Воле высочайшей, чрез исполнение заповедей Господних.

В этом состоит сущность проповеди Христа Спасителя. Выступая со Своей проповедью, Иисус Христос требовал от людей пламенной веры, жертвенной любви, полного переворота во всем строе внутренней личной жизни. Все личное в жизни человека должно перестраиваться на общественное, греховное – на чистое, святое; земное – на небесное; старое – на новое. «Вы слышали, что сказано древним... а Я говорю вам...» (Мф. 5, 21). Так, преобразуя, возвышая старое, ветхозаветное, Христос решительно утверждал новое, новозаветное.

Выступая с проповедью евангельской истины, Христос Спаситель имел необычайный успех. Уже первоначальная

проповедь в Галилее (Мф. 4, 23), по словам евангелиста Луки, обратила к Иисусу Христу внимание всех слушающих Его речи, вызывая в них невольное удивление и возгласы хвалы, так что Христос, учивший в то время на сонмищах иудейских, был «славим всеми» (Лк. 1, 15). А после произнесения речи в назаретской синагоге, речи, сказанной в разъяснение слов пророка Исаии: «Дух Господень на мне», все присутствующие подтвердили Его слово и выражали удивление «о словесех благодати, исходящих из уст Его, и говорили: не Иосифов ли это сын?» (Лк. 4, 22).

С каждой новой речью слава об Иисусе Христе, как великом Учителе, росла все более и более, вызывая удивление не только слушавших, но распространяясь и на жителей окрестных стран, так что после пребывания в Капернауме, где Иисус Христос учил в сabbоты и где также дивились Его учению (Лк. 4, 31–32), «глас о Нем исхождаше во всяко место страны» (Лк. 4, 37) и даже за пределы ее, ибо, по словам евангелиста Матфея, прошел о Нем тогда слух и «по всей Сирии» (Мф. 4, 24). Вместе с этим увеличивалось и число сопровождавших Христа слушателей, которые из разных стран и городов стекались к Нему, чтобы «слушать и врачеваться у Него от болезней своих» (Лк. 4, 15).

Тут, по словам евангелиста Матфея, было великое множество народа из Галилеи и Десятиградия, Иерусалима и Иудеи и из-за Иордана (Мф. 4, 25); кроме того, тут был народ и из Иудеи и пределов Тирских и Сидонских (Мк. 3, 8). Само собою понятно, что все это «множество» состояло не из простого только и необразованного народа, увлекавшегося речами Иисуса Христа; тут появлялись постоянно и ученые книжники, и фарисеи с саддукеями, и законоучители (Лк. 5, 17); тут были даже и образованные эллины, которые, будучи наслышаны об Иисусе Христе, хотели и сами увидеть Его (Ин. 12, 20–21).

Впрочем, ни разнообразие национальностей слушателей, ни различия их вероисповедания не препятствовали тому, чтобы их ум одинаково пленялся глубиной мудрости Великого Учителя, их сердца в равной степени размягчались теплотою бесед Сына Давидова, а уста от избытка сердца единогласно восклицали в

удивлении: «Как Он знает Писание, не учившись?» (Ин. 7, 15) или: «Откуда у Него такая премудрость и сила? Не плотников ли Он сын? Не Его ли мать называется Мария, и братья Его Иаков и Иосий, и Симон и Иуда? И сестры Его не все ли между нами? Откуда же у Него все это?» (Мф. 13, 54–56). Все они испытывали на себе сильное действие Его слов и речей и исполнялись единоклассным желанием, чтобы Иисус Христос пробыл с ними еще некоторое время (Лк. 4, 42).

В словах галилейского Учителя было столько мягкости, призыва, любви и Божественной чистоты, что всякое сердце перерождалось как воск, наполняясь каким-то детским, т. е. полным и безраздельным к Нему доверием. Мало того, эти размягченные словами Христа души внимавших Ему в простоте сердечной слушателей исполнялись такою духовною радостью и в такой степени, что не могли не поделиться этою радостью и с другими своими друзьями и согражданами. Вот, например, самарянка. Встретившись с Христом у колодца, после непродолжительной (сравнительно) беседы с Ним, она почувствовала в душе своей такую отраду, которая переполнила ее сердце и которой она не могла не поделиться с своими согражданами, а потому, оставивши водонос свой, пошла в город и говорила людям: «Пойдите, посмотрите человека, который сказал мне все, что я сделала; не Он ли Христос?» (Ин. 4, 28–29).

Проповедуя Евангелие, Спаситель постоянно ходил по городам и селениям (Лк. 8, 4) Иудеи, Самарии, Галилеи, Десятиградия, помория Тирского и Сидонского. И всюду слышалось Его Божественное слово: и в населенном городе (Мф. 11, 11; Лк. 19, 47), и в маленькой деревеньке (Мф. 5, 56), в синагоге и в частном доме (Мф. 6, 2; Лк. 13, 10; 14, 1), в храме (Мф. 21, 23; Ин. 8, 2), на дорогах (Лк. 6, 17), в бесплодной пустыне (Мф. 14, 13), на берегу моря (Мф. 13, 2), с лодки рыбака (Лк. 5, 3).

Не ограничивая Своей проповеднической деятельности каким-либо определенным местом, Господь не ограничивал ее и определенным временем дня и ночи (Ин. 3, 2) и никогда не отказывался от поучительных бесед. Он проповедовал Свое

учение не только в праздничные дни, но также и во всякое другое время, нередко забывая об удовлетворении Своих насущных ежедневных потребностей (Ин. 4, 31–32).

Христос Спаситель не ограничивал Своей проповеди и каким-нибудь тесным, строго определенный кругом слушателей. Как поприщем Его проповеднической деятельности является весь мир, так и слушателями Его являлись все люди. Естественно, что уровень умственного развития подобной аудитории был крайне разнообразен. Христос проповедовал не только Своим ученикам, но и народу, не только книжникам и законникам, но и необразованному населению. В числе Его слушателей мы видим бедных и богатых, добродетельных и грешников, иудеев Палестины и иудеев рассеяния, самарян, эллинов и других.

И всякий раз Христос применялся к обстоятельствам места и времени, строго соотносился с высотой умственного и нравственного развития Своей паствы. Он иначе говорил с ученым книжником или образованным саддукеем и иначе – с простым, неразвитым жителем Галилеи. С первыми Он ведет вполне научные беседы (Мф. 10, 1–8; Лк. 20, 27–38; Ин. 10, 24–38), держит к ним логически стройные и последовательные речи (Мф. 23, 2–39); с последними говорит просто, их собственным языком, чтобы высокие и спасительные истины Своего учения, по возможности, приблизить к пониманию Своих слушателей и собеседников.

С людьми простыми, бесхитростными, с нетерпением ожидавшими пришествия Мессии-Христа, Иисус Христос и беседовал просто, бесхитростно, как беседует отец с своими детьми. Сколько, например, простоты и согревающей душу и сердце слушателей задушевности заключается уже и в тех кратких изречениях, с которыми Иисус Христос обращался к разного рода больным, кающимся грешникам и вообще ко всем недужным и немощным по душе или по телу, но более или менее богатым по их вере в Его Божественное посланничество и всемогущество! Сколько отрады проливали в сердца этих больных такие сердечные слова, как «дерзай, чадо, вера твоя спасе тя»; или «не плачьте, ибо она не умерла, но спит» (дочь

Иаира). Или, например: «Женщина, где твои обвинители? Никто не осудил тебя?» Она отвечала: «Никто, Господи!» Иисус сказал ей: «Я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши» (Ин. 8, 10–11).

С другой стороны, не было положительно ни одного случая, чтобы Христос кого-либо оставил без ответа, если кто обращался к Нему с своей нуждой (духовной или телесной); у Него всегда было для каждого нужное слово, приходил ли к Нему знатный князь иудейского сонмища, гражданский начальник или простая женщина самарянка или даже язычница сиропфиникиянка. В речах к простому народу Христос, например, часто употребляет народные пословицы (Мф. 19, 24; Лк. 14, 35), сравнения (Мф. 7, 24–27; 11, 16–19; 23, 37; 24, 32–33; Лк. 13, 34; Ин. 10, 1–18; 12, 35–46; 16, 20–26) и притчи с единственной целью – сообщить Своему учению убедительность, ясность и удобопонятность.

Если о чем и имел заботу Иисус Христос в минуты проповеди, так это о том, чтобы доставить народу удобства для лучшего восприятия слова Божия, напитать их души духовною пищею, а когда нужно, то и тела их хлебом и рыбами (чудеса насыщения народа в пустыне). Для того Иисус Христос восходит на гору и оттуда говорит к народу, располагающемуся вокруг Него, или садится в лодку (Мф. 13, 2) и с моря поучает народ. Словом, все препятствия – и внешние, а тем более внутренние, заключающиеся в неудобовразумительности речи, – старался Христос удалить, чтобы тем с большей цельностью, полнотой и ясностью отпечатлелось каждое слово Его на внутренних скрижалях человеческого сердца.

Внешние формы проповеди Христа Спасителя

Читая речи Иисуса Христа, нельзя не поражаться, какой замечательной доступностью для всякого ума, какой неподражаемой теплотой, сердечностью и искренностью, какой естественностью и простотой образов, заимствованных чаще всего из находящейся пред глазами слушателей природы, отличаются все Его речи. В Его устах истины, самые глубокие и возвышенные, разъясненные на общепонятных примерах из природы или обыденной жизни, становятся вполне доступными и понятными даже не развитому научно сознанию простого народа.

Ни среда, ни время не могли оказать влияния на учительство Иисуса Христа, хотя вполне справедливо обратное, ибо Иисус Христос в своих речах всегда сообразовывался с обстоятельствами времени, места и лиц, Им наученных (сообразовывался, правда, не с тем, чтобы подчиняться им, а пользоваться ими для наилучшего достижения своих мессианских целей). Но это, в свою очередь, удерживало Иисуса Христа в Его учительстве от всякой односторонности, ибо приходилось разнообразить внешний облик Своих речей, так как менялись слушатели.

Очень часто Свои речи Господь облакает в приточные формы. Рассматривая все случаи, когда Иисус говорил с народом или учениками притчами, можно прийти к заключению, что приточная форма речи, прежде всего, служила средством, приближающим высокие истины христианства к пониманию слушателей простых, еще не возвысившихся до того, чтобы воспринимать истины в их, так сказать, неприкровенности. На эти мысли наводят слова Самого Иисуса Христа, Который на вопрос учеников, почему Он к народу говорит притчами, ответил: «Для того Я говорю им притчами, что они, видя, не видят и, слыша, не слышат и не разумеют» (Мф. 13, 13).

Вследствие грехопадения и происшедшей отсюда испорченности духовной природы человека его сознание сделалось настолько слабым, что оказалось неспособным

воспринимать свет Божественного Откровения без какого-либо посредства. Как глаз не может переносить полного блеска солнечных лучей и под их непосредственным действием притупляется, так и свет Божественного учения мог бы ослепить неразвитое сознание простого народа, если бы оно (т. е. учение) не сообщалось ему в форме притчи. Таким образом, приточная форма речи, с одной стороны, служила покровом, прикрывавшим слабое человеческое сознание от облистания светом Божественного учения, а с другой – она служила и проводником этого света в сознании и сердце слушателя, поскольку то был свет спасительный и потому необходимый каждому человеку.

Предмет проповеди Христа Спасителя

Предметом проповеди Христа был почти исключительно нравственный закон, необходимость покаяния и очищения и т. п., как это видно из содержания Нагорной проповеди и других, но уже сравнительно кратких речей Иисуса Христа. Через проповедь Спаситель хотел пробудить в душах современников жажду истины, правды и святости и заставить их горячо пожелать пришествия Его Царствия, о близости которого говорил еще св. Иоанн Креститель и Сам Христос возвестил вначале Своей проповеди.

Далее следует учение об этом скоро наступающем Царствии Божиим. Но в данном вопросе Христу предстояла большая трудность внедрить в сознание иудеев истинное понятие о Царствии Божиим. Дело в том, что в умах современных Христу иудеев уже было представление об этом Царстве, но представление крайне извращенное и в то же время глубоко укоренившееся.

Истинное понятие о Царстве Божиим в иудейском народе времен Иисуса Христа было сильно искажено. Под именем Царства Божия иудеи представляли в своих мечтах восстановление царства Израильского, освобождение от римского ига и пришествие Мессии, как земного властелина этого Царства⁹⁰.

Христос Спаситель, пришедший в мир спасти грешных и указать истинный путь ко спасению, прежде всего, указал, что для принятия приблизившегося Царства Небесного необходимо покаяние (Мк. 1, 15), необходима чистота душевная, сознание своей немощи и нищеты (Мф. 5, 3), «ибо... Царствие Божие внутрь вас есть» (Лк. 17, 21). Своей проповедью Господь показывал, что Царство Божие

– не награда, не воздаяние за земную, хотя бы и добродетельную жизнь. Царство Божие есть внутреннее состояние, которое является следствием духоносного и богоносного настроения души. Человек с таким настроением

уже на земле становится членом Царства Божия и способен переживать радости райского состояния.

«Как в царство диавола, – говорит преподобный Иоанн Кассиан,

– вступают через совершение пороков, так Царство Божие приобретает упражнением в добродетелях, чистотой сердца и духовным знанием. А где Царство Божие, там, без сомнения, и жизнь вечная, а где царство диавола, там, без сомнения, смерть и ад. Все заключается в святилище души. Когда диавол будет изгнан отсюда и страсти уже не будут в ней царствовать, то основывается в нас Царство Божие, как говорится в Евангелии, «Царствие Божие внутрь вас» (Лк. 17, 20–21). А внутри вас не что иное может быть, как знание или неведение истины, и любовь к порокам или добродетелям, которыми мы устроаем в сердце рабство или диаволу, или Христу. Качество этого Царства описывает и Апостол, когда говорит: «Царство Божие не пища и не питье, но праведность, мир и радость во Святом Духе» (Рим. 14, 17). Итак, если Царство Божие внутрь нас находится и это Царство есть праведность, мир и радость, то кто их имеет, тот, без сомнения, находится в Царстве Божиим и, напротив, которые живут в неправде, раздоре и печали, производящей смерть, те находятся в царстве диавола, в аде и смерти; этими признаками отмечается Царство Божие и царство диавола»⁹¹.

В дальнейшем периоде Своего общественного служения Иисус Христос Сам становится предметом Своих поучений. Вначале Он не только не провозглашал о Своем Божественном происхождении и достоинстве, но и всякое слово об этом со стороны слушателей или исцеляемых старался воспретить. Теперь Он объявляет Себя Владыкой и Господом, Единосущным и Равносущным Отцу, Сопребывающему в Нем («Аз во Отце и Отец во Мне»), объявляет Себя грядущим Судией мира в день страшного и праведного суда Божия и т. д.

В начале служения Спаситель даже апостолам не говорил прямо и точно о предстоящих Своих страданиях и крестной смерти. Они не могли вместить этого, почему им и дано было только то, что они могли вместить и что служило наилучшим

подготовлением к последующему. Затем, когда наступило время и возможность, когда Апостолы уже исповедали Его Христом, Сыном Божиим, Спаситель прямо и точно сказал им о Своих страданиях и затем неоднократно повторял: «Вложите вы себе в уши слова сии: Сын Человеческий будет предан в руки человеческие... и убьют Его» (Мф. 17, 22–23; Мк. 8, 31; 9, 31; Лк. 9, 44).

Таким образом, начав с краткой проповеди Иоанновой: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф. 4, 17), Господь развил ее в обширное и всеобъемлющее учение для всех народов; изъяснил требования для желающих вступить в это Царство и быть его членами (Нагорная проповедь). Он показал отношение закона этого Царства к закону иудейскому и преданиям старцев и рассеял лицемерие и пустосвятство руководителей народа иудейского. Он объяснил отношение к этому Царству служения Иоанна и служения Собственного, предызобразил открытие этого Царства на земле, его судьбу, борьбу с врагами и торжество. Спаситель обличал неверие, призывал к вере в Сына Человеческого и Его Божественную власть и силу и таинственно указывал на Свою смерть, спасительную для целого мира⁹².

Жертвенное служение Христа Спасителя ближним

Проповедь Христа Спасителя была действенной, и причина ее успеха состояла, во-первых, в том, что проповеданная Христом истина оказалась самой человеческой, самой нужной и своевременной. Во-вторых, проповедь Спасителя была отражением полного единства Его мысли и жизни, слова и дела: «Дела, которые Я творю во имя Отца Моего, они свидетельствуют о Мне» (Ин. 10, 25). И третьей причиной, покоряющей силы учения Спасителя, была Божественная любовь, которой растворялось каждое слово Спасителя.

Проповедуя любовь к людям, Иисус Христос и Сам на деле проявлял ее. Из Евангелия нам неизвестно ни одного случая, когда бы Он отказал в Своей помощи кому-либо из нуждающихся в ней. Призывая к Себе всех труждающихся и обремененных, Он дает им действительный покой. Так, у евангелиста Марка повествуется о принесении расслабленного, которого исцелил Иисус Христос, сказав: «Чад, прощаются тебе грехи твои... встань, возьми постель твою и иди в дом твой. Он тотчас встал.» (Мк. 2, 5, 11–12; Мф. 12, 9–14; 21, 14–17). Далее у евангелиста Матфея мы читаем, что Иисус Христос исцелил многих бесноватых: «Он изгнал духов словом и исцелил всех больных» (Мф. 8, 16). Христос Спаситель воскрешал мертвых. Так, четверодневный Лазарь, который уже подвергся разложению, по слову Жизнодавца ожил (Ин. 11, 39, 43–44). Христос утешал плачущих, ублажал кротких, алчущих и жаждущих правды, милостивых, чистых сердцем, миротворцев, ибо таковых есть Царство Небесное (Мф. 5, 4, 10).

Всю земную жизнь Свою Спаситель отдал людям. Одних Он исцелял от болезни (Мф. 4, 23), других насыщал хлебом (Ин. 6, 12), дома иных исполнял вина и веселия (Ин. 2, 9), иных ободрял и утешал словом любви и сострадания (Ин. 11, 40), других выводил из мрака тяжелых нравственных и религиозных сомнений на свет истины евангельской (Мф. 19, 21–26), а всех вообще призывал к наследию Царствия Небесного.

Начальник жизни с радующимися радовался (в Кане Галилейской – Ин. 2), всегда и ко всем относился с лаской и кротостью. Однако радость Иисуса Христа никогда не заглушала в Нем печали о грехах людских. Его никогда не видели смеющимся, но о слезах Его записано на страницах Евангелия (Ин. 11, 35).

Всецело занятый исполнением воли Отца Своего Небесного, всего Себя предавая делу служения человеческому роду, Иисус Христос забывал даже о потребностях Своей человеческой природы, чистой и безгрешной, находя подкрепление в молитвенном общении с Богом во всякое время дня и ночи. Так, после исцеления тещи Симона, Иисус Христос «утром, встав весьма рано, вышел и удалился в пустынное место и тихо молился» (Мк. 1, 35). Далее, когда Он исцелил прокаженных и «народ мног» отовсюду стекался к Нему, Он «бе отходя в пустыню и моляся» (Лк. 5, 16; 9, 18; 10, 2; Мф. 9, 38 и др.). Чудесно насытивший пять тысяч народу пятью хлебами и двумя рыбами, Иисус Христос «понудил учеников Своих войти в лодку и отправиться вперед на ту сторону, пока Сам отпустит народ. Оставив их, пошел на гору помолиться, где и пребыл до самого вечера» (Мф. 14, 23), ибо уже вечером мы видим Его идущим по водам к лодке Своих учеников (Мк. 6, 45–48). Пред избранием двенадцати апостолов Иисус Христос удалился на «гору помолиться и пребыл всю ночь в молитве к Богу» (Лк. 6, 12). Вся середина последней пред взятием под стражу ночи была проведена Христом в молитве в саду Гефсиманском (Мф. 26, 36, 42, 44 и др.). Все это видел и знал народ, а потому все, чему учил Христос и что бы Он ни делал, исполняло всех слушателей благоговейным удивлением, вызывавшим такую оценку Его делам (отзывы народа о Его мудрости мы уже видели выше): «Все хорошо делает: и глухих делает слышащими, и немых говорящими» (Мк. 7, 37).

Всюду Спаситель вносил мир и любовь, всецело отдавая Себя для других. По свидетельству апостола Павла, вся жизнь Его была совершеннейшей и свободной жертвой, и Он «дал Себя за нас, чтобы избавить нас от всякого беззакония» (Тит. 2,

14). Иисус Христос отдал Свою жизнь, чтобы даровать жизнь миру (Ин. 6, 51).

Проповедуя людям любовь к ближним до положения жизни своей за них (Ин. 15, 13), Господь Иисус Христос первый совершил этот великий подвиг, положив душу Свою за всех – за праведных и неправедных, за веровавших и неверовавших, за друзей и врагов. Вся жизнь Его была одной непрерывной жертвой Богу, была так нравственно совершенна и чиста, что Он мог сказать врагам Своим: «Кто из вас обличит Меня во грехе?» (Ин. 8, 46). И ученикам Своим: «Грядет сего мира князь и во Мне не имать ничесоже» (Ин. 14, 50).

Вся жизнь Христа была сплошным подвигом служения ближнему – жертвой совершенно бескорыстной (Мк. 7, 37; Ин. 8, 46; 14, 30). Христос всюду творил дела любви с удовольствием, от всей души и никогда не требовал Себе никакой награды. Спаситель забывает о Своей личной жизни; Он живет жизнью Своих слушателей, им отдает всего Себя, их призывает ко спасению. Его личное, человеческое «я» состоит, если можно так выразиться, разве только в полном отречении от Себя Самого ради любви к Богу и людям.

Всякий раз, когда требовали того обстоятельства, Христос проявлял величайшее мужество и твердость, пренебрегал опасностями, лишь бы исполнить Свое призвание – привести людей ко спасению. Христос не смущался, когда против Него подымались взрывы негодования со стороны враждебно настроенных к Нему слушателей (Лк. 4, 16–30; Ин. 10, 30–31). Он настойчиво и твердо продолжал говорить о том, что вызывало ропот среди Его противников.

Христа оскорбляли, старались унизить Его достоинство, подорвать к Нему любовь и уважение народа, но Христос всегда кротко сносил эти обиды. Он прекрасно знал, что злое сердце можно сделать добрым и любящим только силой любви и незлобия, что «сильное слово, будучи соединено с кротостью, возьмет за сердце и победит»⁹³.

Поэтому, желая обличить в чем-либо Своих врагов, Христос не допускал в Своих обличениях никаких оскорблений и не унижал личности Своих противников. Он обращался к самой

совести врагов и старался побудить последнюю к добрым делам.

В жертвенной любви и заключается вся суть душепопечительства Спасителя в течение всего Его общественного служения. Это служение началось с призыва к покаянию (Мф. 4, 17). Покаяться – значит перемениться; из грешника сделаться достойным Царства Небесного. Но как подойти к душе грешника, чтобы расположить его к духовному обновлению? Нужно найти в ней зародыши добра и побудить их к произрастанию. Иисус Христос, как Сердцеведец, видел эти спасительные зерна в каждой душе человеческой и соответственно воздействовал на нее.

Так, Никодима, искавшего духовной истины, Он призвал к «рождению свыше» (Ин. 3, 2–4). Закхея, подвинутого верой влезть на дерево, чтобы видеть Христа, Он пожелал посетить, чтобы создать в мытаре решимость от веры перейти к спасительному делу – раздать половину имущества нищим и вчетверо оплатить обиженным (Лк. 19, 2–9).

В простых, бесхитростных людях Он видел здоровую нравственную основу для духовного обновления и приближал их к Себе (Ин. 1, 45–50). По тем же основаниям общество грешников и мытарей Он предпочитал обществу праведников (Лк. 19, 10; Мф. 9, 13), общество нуждающихся во враче предпочитал обществу считавших себя здоровыми (Мф. 9, 12).

Проявляя разнообразие в душепопечительстве к окружающим Его людям, Христос таковым же был в Своем учении. Проникновенной душепопечительностью согреты Его слова о потерянной драхме и пропавшей овце (Лк. 15, 4–7). Теплотой отеческой ласки и душе-попечительной любви проникнута Его притча о блудном сыне (Лк. 15, 20–24). В ней Христос раскрывает тайну взаимоотношения Бога с грешным человеком. Грешник должен лишь «прийти в себя» и сделать шаг к Отцу, чтобы неизреченная любовь Божия сделала все остальное для его спасения.

Непостижимых высот жертвенное служение Спасителя достигло на Голгофе, когда Он молился за распинателей (Лк. 23, 34), заботился о Матери (Ин. 19, 25–27), открыл вход в

Царство Небесное покаявшемуся разбойнику (Лк. 23, 40–43) и отдал душу Свою «за други своя», за весь род человеческий.

Подражание пастыря Церкви Христовой Пастыреначальнику

Имея пред своим духовным взором высочайший образец Христа Спасителя, пастырь должен стремиться подражать Его жизни и исполнять те Божественные законы, которые Он и предписывал как необходимые нормы для достижения жизни вечной. «Кто Мне служит, Мне да последует» (Ин. 12, 26). Об этом говорит и апостол Петр: «Христос... оставил нам пример, дабы мы шли по следам Его» (1Пет. 2, 21).

Безгранично широким, разносторонним, всеобъемлющим и всесовершенным является образ пастыря в Лице Божественного Учителя. Это – идеал, данный пастырям всех стран и народов на все времена. Он должен быть именно таким, каким он дан, иначе он перестал бы быть идеалом вечным и потерял бы для пастырей свою высоту и обязательность. Безусловно, никакой пастырь не может сравниться с этим идеалом, но, несмотря на свои немощи, искушения и грехи, он может и должен учиться у Христа посылно подражать Ему. Надо помнить, что как Сам Христос претерпел, быв искушен, то может и искушаемым помочь (Евр. 2, 18). Образ Пастыреначальника не может быть воплощен отдельным пастырем, но может быть осуществлен целым в совокупности пастырством.

Как же пастырь Церкви Христовой может подражать примеру Христа Спасителя – Пастыреначальника? Предварительно надо сказать, что это подражание следует понимать не как внешнее восприятие Христа, а как внутреннее приобщение к Его жизни для благодатного питания, духовного возрастания и возрождения. «Аз есмь Лоза, вы же рождие, и иже будет во Мне, и Аз в нем, той сотворит и плод мног, яко без Мене не можете творити ничесоже» (Ин. 15, 5).

В пастырском служении Иисуса Христа необходимо различать вечное и временное, существенное и второстепенное, общее для всех и личное, индивидуальное⁹⁴. Существенное и вместе вечное в пастырстве Христа – это цель

Его: приведение людей к Богу, сообщение людям Своего учения, усвоение и осуществление которого делало бы их сынами и наследниками Царствия Божия, и, наконец, освящение людей. Второстепенное и временное, – что Он жил и действовал среди евреев около двух тысяч лет тому назад, в обстановке, свойственной тому времени и национальным особенностям того народа, среди которого Он проповедовал три с половиной года. Общее в Его великом примере то, что Он в деле служения движим был любовью к падшему человеку и самоотвержением, стремился исцелить «всякую болезнь и всякую немощь в людях»; личное, индивидуальное – что Он слепым возвращал зрение, глухим слух, больных делал здоровыми, мертвых воскрешал, что он был не просто человек, а Богочеловек.

Вечное, существенное, общее в пастырстве Спасителя обязательно всегда и везде для всех пастырей; все прочее может быть, смотря по условиям и времени, применимо или неприменимо в пастырской практике. Если Иисус Христос обычно путешествовал пешком или на осле, то это не значит, что пастырь должен подражать Ему в этом и избегать автомобилей и самолетов, теперь столь распространенных. Если чудотворения у Христа Спасителя, обладавшего по Своему Богочеловечеству чудодейственной силой, были явлением обычным, то попытки некоторых современных пастырей чудотворить без воли на то Господа являются не только наивными, но и дерзкими и даже кощунственными. Если Христос, применяясь к настроению, развитию и нуждам Своих слушателей, чаще всего пользовался приточной формой речи (Мф. 13, 10–17), это еще не значит, что такую формую собеседования должен преимущественно пользоваться и всякий вообще пастырь⁹⁵.

Таким образом, пастырь должен усвоить существенное и вечное, т. е. иметь «чувствования, какие и во Христе Иисусе» (Флп. 2, 5), и «ум Христов», какой имели и св. Апостолы (1Кор. 2, 16), то настроение любви и самоотвержения, с которым Христос совершал пастырство, и Его учение. Все это есть

основа и первая обязанность для пастырского подражания, душепопечения и душеведительства⁹⁶.

При наличии существенного и главного второстепенное само собой становится ясным. Человеку, имеющему ясное мировоззрение и определенное настроение, меньше приходится колебаться в выборе решений, чем не имеющему ни того, ни другого. Все же и во второстепенном и временном пастырь не может не искать руководства и образца в примере Пастыреначальника. Как можно чаще при каждом недоуменном случае он должен задавать себе вопрос: а как бы поступил в таком случае Иисус Христос? И дальше в евангельской истории искать ответа на этот вопрос. Это вторая обязанность. И третья: не присваивать себе тех прав, которые принадлежали Богочеловеку и которые, если и даются когда частично людям, то всякий раз Самим Богом, по особой Его милости и изволению⁹⁷.

Пастырь призван к учительству, к попечению о спасении душ, к насаждению истинных понятий и истинных путей человеческой деятельности. Поэтому от него особенно требуется жизнь, согласная с Божественными заповедями. «Так да светится свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5, 15). Этими словами Христос Спаситель как бы говорит: покажите жизнь, вполне достойную благодати, чтобы благовествование ваше везде оправдывалось вашей доброю жизнью и способствовало славе имени Божия. Вот почему, изложив славнейшие заповеди христианской жизни и нравственности, Спаситель обращается к Апостолам и увещает их стяжать такие добродетели, которые особенно необходимы и полезны к исправлению других, т. е. призывает их к полному внутреннему возрождению. «Вы – соль земли. Вы – свет мира», – говорил Христос ученикам. «Не может укрыться город, стоящий на верху горы» (Мф. 5, 13–14). Этими словами Христос побуждает учеников Своих к строгой жизни, научает их быть осторожными, так как им надлежало явиться перед лицом всех и подвизаться на поприще целого мира.

«Добрая жизнь» пастыря должна заключаться в полном отречении от самого себя, от своих личных интересов и стремлений, в самой широкой самоотверженной любви к Богу и исполнении Его благой воли.

Господь Иисус Христос, проходя общественное служение, единственной целью для Себя поставил: «Да сотворю волю пославшего Мя» (Ин. 4, 34). Это было «брашно» Спасителя, т. е. духовная настроенность всей Его земной жизни. Послушание воле Небесного Отца – самая главная черта характера Пастыреначальника: «Не Моя воля, но Твоя да будет» (Лк. 22, 42).

Послушание Божественной воле должно быть также целью пастыря Церкви Христовой. Он обязан жить согласно с учением Христовым. Христос не разделял людей на богатых, знатных или бедных; для Него все люди, вне зависимости от национальности и общественного положения, одинаковы, т. е. дети Единого Отца Небесного и равноправные братья и сестры друг другу. Святой апостол Павел об этом пишет: «В Церкви Христовой несть еллин, ни иудей, обрезание и необрезание, варвар и скиф, раб и свободь, но всяческая и во всех Христос» (Кол. 3, 11).

Пастырь, как продолжатель дела Христова, должен быть также свободен от всех как национальных различий, так и лично своих симпатий – пред одними преклоняться и послаблять им, а к другим быть холодным и строгим. Пастырь Церкви должен быть во всем и со всеми справедливым, беспристрастным и нелицеприятным. Если означенные слабости, как часто бывает на наших глазах, лишают даже и светских лиц доверия и уважения, то что сказать об отношении паствы к такому пастырю.

Христос Спаситель был чужд этих слабостей; Он был воплощенной Любовью, которая не видела различий в людях, но все именовались овцами Единого Пастыря. Любовь к людям слышится в самых речах и словах Христа Спасителя: «Дерзай, дочь! Вера твоя спасла тебя, иди с миром» (Лк. 8, 48). «Женщина! Никто не обвинил тебя? – Никто, Господи! – И Я не обвиняю тебя. Иди и впредь не греши!» (Ин. 8, 10–11). А как

человеколюбиво защищает Он грешников и мытарей пред фарисеями, глядевшими на них презрительно! Во всех речах Христа слышится снисходительность и любовь к кающимся грешникам. А его прощальная беседа с учениками (Ин. 13, 33–38; 14, 15) вся дышит самой горячей любовью к ним и ко всему человечеству.

Но даже и тогда, когда Спаситель обличает книжников и фарисеев, которые за буквой закона не видят самого существенного и важного, в Его справедливых, гневных словах звучит человеколюбивое желание вразумить, помочь заблуждающимся.

Обличение книжников и фарисеев. Действенность этих обличений на новозаветных недостойных пастырей

Обличительные речи Христа Спасителя, обращенные к книжникам и фарисеям, ясны и понятны, как и Его речи к простому народу, но тон и характер этих речей совершенно иной. В среде этих слушателей нет простоты и сердечности, а потому нет теплоты и задушевности Поучающего. Здесь уже не беседа отца с своими детьми и даже не учителя с своими учениками. Здесь истинный Учитель, с одной стороны, и называвшие себя учителями книжники и фарисеи – с другой. Здесь слушающие присутствуют не затем, чтобы поучаться, а затем, чтобы в словах любимого народом и ненавистного для самих книжников и фарисеев Учителя подслушать что-нибудь такое, за что бы Его потом можно обвинить и выдать римскому правительству для утверждения смертного приговора. Оттого и речи Иисуса Христа к книжникам и фарисеям все имеют обличительный характер.

Обладая всеведением, Иисус Христос разоблачает все поступки гордых фарисеев, выводит на свет все тайные движения их зачерствелого сердца и обращает в ничто все хитросплетения их самообольщенного разума. Не один раз Христос восклицает: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры!» и называет их, кроме того, вождями безумными и слепыми, змеями и порождениями ехидниными. Милосердное и любвеобильное сердце Иисуса Христа не могло не возмущаться при виде этих лицемеров, оцеживающих комаров, а верблюдов поглощающих, и Христос не пропускал ни одного случая, чтобы не указать народу на их постоянную маскировку пред прочими людьми одеждой праведности и благочестия, сравнивая их в этом случае с окрашенными гробами, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты.

Этот характер обличений в беседах с книжниками и фарисеями Христос не изменял никогда, хотя и вообще, как замечает евангелист Лука, более других синоптиков следящий и

обрисовывающий отношения иудеев к Иисусу Христу, Спаситель входит в общение с фарисеями и законниками по их же собственной инициативе.

При этом замечательно, что Иисус Христос всегда побеждает их же собственным оружием. Мнящиеся быти знатоками «закона», они все свои коварные вопросы, которыми хотели уловить Иисуса Христа и обвинить Его в разрушении закона, старались обосновать также на законе и на свидетельствах вообще Писания, которое, впрочем, они понимали слишком буквально, односторонне и узко, примешивая к нему еще и чуждые наросты – плод великого в мелочах и казуистике ума многих раввинов. Посему и Иисус Христос всякий раз словами и фактами того же Писания доказывает неправоту их понимания закона, восполняя в то же время самый закон ветхозаветный.

Так, известно, что фарисеи старались соблюдать во всей строгости различные постановления закона обрядового характера, прибавляя к словам закона еще и измышления разных раввинов. Более, чем какой-либо другой закон, был обставлен и увеличен этими предписаниями и «преданиями старцев». Закон о субботе, в котором чуть ли не каждый шаг в субботний день был определен особым правилом. В неисполнении этих-то законов, правил и постановлений и хотели не раз обвинить Иисуса Христа с учениками книжники и фарисеи.

Проходил однажды Иисус Христос с учениками через засеянные поля. Взалкавшие ученики Его начали срывать колосья и есть. Растирание колосьев было запрещено в субботний день, а потому фарисеи и замечают тотчас же Христу: «Вот, ученики Твои делают то, что не должно делать в субботу». Иисус Христос, чтобы опровергнуть это возражение, обращается к Священному Писанию и приводит несколько фактов, вполне обезоруживающих фарисеев, и тем показывает их недалекость и непонимание ими духа закона. Христос указывает им на Давида, который вошел в дом Божий и вместе с своими приверженцами ел хлебы предложения, которые могли есть только священники; указывает и на священников, которые

в субботу в храме же нарушают субботу, однако считаются невиновными (Мф. 12, 3–5).

Фарисеи субботу считали абсолютным покоем, в силу чего в субботу предписывалось воздерживаться от работ даже самых необходимых, как в данном случае растирание колосьев, чтобы утолить свой голод, и даже от работы на пользу ближнего. Несправедливость такого понимания осуждалась самим Писанием, по которому седьмой день, как день покоя от дневных, обыденных забот, должен посвящаться на служение Богу, но не бездействием, конечно, и праздностью, а делами веры и нравственности, совершением богослужения и добрых дел. «Кто из вас, имея одну овцу, если она в субботу упадет в яму, не возьмёт ее и не вытащит? Сколько же лучше человек овцы? Итак можно, – заключает Христос, – в субботы делать добро» (Мф. 12, 11–12).

Когда Иисус Христос прибыл с Своими учениками в землю Геннисаретскую, со всех сторон, по обыкновению, начал стекаться к Нему народ: кто послушать Его учение, а кто исцелиться от своих немощей и недугов.

Приходят к Нему и иерусалимские книжники и фарисеи. Но эти, как считающие себя праведными, чистыми, вполне святыми, приходят ко Христу не затем, чтобы исцелиться или поучиться у Него Божественной премудрости – у них другое на уме. Они говорят Христу: «Зачем ученики Твои нарушают предания старцев? Ибо не умывают рук своих, когда едят хлеб» (Мф. 15, 2). На их вопрос и Христос отвечает вопросом, но вопросом обличительного характера: «Зачем и вы, – говорит Христос, – ради преданий *ваших* нарушаете даже заповеди *Господни*? У вас, если кто не желает почтить отца или мать, то стоит ему лишь сказать: дар Богу все, чем бы можно от меня пользоваться, и он уже якобы в праве ничего не дать отцу или матери, хотя заповедь Божия ведь прямо и понятно говорит: чти отца твоего и мать твою». (Исх. 20, 12; 21, 26).

Указав на их в данном случае простое и очевидное лицемерие, Иисус Христос обращается опять к Писанию и словами пророка Исаии так характеризует их поведение: «Приближаются ко Мне людие сии устами своими и чтут Меня

языком; сердце же их далеко отстоит от Меня. Но тщетно чтут Меня, уча учениям, заповедям человеческим» (Ис. 29, 13; ср. у Мф. 15, 8–9).

Вот приходит Иисус Христос из Галилеи в Иудею (Мф. 19, 1–9). Здесь снова к Нему подступают фарисеи и, искушая Его, говорят: «По всякой ли вине можно разводиться с женою?» На этот вопрос ясно и определенно отвечает Иисус Христос словами книги Бытия (1, 27; 2, 24), заключая при этом от Себя: «Итак, что Бог сочетал, человек да не разлучает». Против такого положения фарисеи делают возражение, основываясь на словах Моисея, который в некоторых случаях позволяет давать жене разводное письмо. Иисус Христос, наперед заметив, что это допущено было Моисеем только по жестокосердию иудейского народа, снова ссылается на прежние слова Писания и говорит, что сначала не было так, и далее не должно быть (ст. 9).

Эти немногие приведенные факты показывают, что фарисеи в своих возражениях прибегали к Писанию не из ревности к нему, а только прикрывались им, желая обличить Самого даже Иисуса Христа в разрушении закона. Сами же, в существе дела, не верили Писанию, ибо для них «предания старцев» значили больше, чем Моисей. И за это они подверглись справедливому обличению со стороны Иисуса Христа (Ин. 5, 39–47).

Так как «закон и пророки» составляли главный источник религиозного ведения для всего еврейского народа, который в чтении его назидался за каждым богослужебным собранием, то Христос и в своих беседах к народу неоднократно обращается к Священному Писанию, приводя из него различные места, служащие пророческим указанием или вообще разъяснением совершающихся событий.

Иисус Христос весьма часто обращался в Своих речах к ветхозаветному Писанию то как к предмету Своих разъяснений (напр. Лк. 6, 16), то как к обличителю заблуждений фарисеев, книжников и саддукеев (Мф. 9, 13; 12, 7; 13, 14–15; 15, 4–5; 19, 3–5; 19; 21, 42; 22, 32 и др.) или торговцев в храме (Мф. 22, 13), то просто как к богатому источнику, откуда Он черпал разного рода примеры и назидательные для данной минуты события. Так,

Христос говорит о жителях Ниневии, покаявшихся под влиянием проповеди пророка Ионы (Мф. 12, 51), о самом пророке Ионе, пробывшем три дня и три ночи во чреве китовом и тем прообразовавшем трехдневное пребывание Иисуса Христа во гробе (Мф. 12, 40; 16, 4; Лк. 11, 29–30); вспоминает поучительную по своим последствиям судьбу городов Содома и Гоморры (Мф. 11, 21–23; Лк. 10, 13–14), об отцах, евших манну в пустыне (Ин. 6, 31) и т. д. Словом, эти обращения к ветхозаветному Писанию довольно многочисленны и в то же время разнообразны как по содержанию, так и по тем книгам, откуда заимствуются те или другие изречения.

Чтобы убедиться в этих выводах, просмотрим и разберем двадцать третью главу Евангелия от Матфея. Здесь в своей речи Спаситель совокупил все, что было Им сказано против фарисеев в разные времена Своего служения. Господь предвидел, что и между Его последователями найдутся такие же фарисеи и книжники, которые станут связывать неудобноносимые бремена, чтобы возлагать их на плечи других, а сами не захотят и перстом двинуть, будут украшать внешность своей жизни, внутри же будут полны всякой неправды и хищения. И против христианских лицемеров Он изрек Свое «горе»⁹⁸.

«Тогда Иисус начал говорить народу и ученикам Своим, и сказал: На Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи» (Мф. 23, 1, 2). Этими словами Иисус Христос признает продолжение власти и авторитета за фарисеями и книжниками, как народными учителями, как истолкователями закона Моисеева и руководителями народа к жизни по закону. Так и пастыри христианские являются для христиан истолкователями воли Иисуса Христа, как бы занимающими место Самого Христа в деле учительства и руководства своих современников. Какими же качествами должны отличаться эти вожди нового Израиля и какие несвойственны им – ответ на это дается прикровенно в грозном и властном обличении Спасителя непризванных вождей народа иудейского.

«Итак, все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте: ибо они говорят, и не

делают» (ст. 3). Желая предохранить народ от пороков, какими страдают пастыри иудейского народа, Спаситель запрещает брать с них пример. «Что может быть несчастнее того учителя, – говорит святитель Иоанн Златоуст, – коего ученики тем только и спасаются, что не смотрят на его жизнь»⁹⁹. Слово «все» (так как в других местах Господь явно обличает книжников и фарисеев в неправильном толковании закона – ср. напр. Мф. 15, 1–6 и ту же речь ниже) здесь нужно ограничить понятием: что только сообразно с законом (окончательная отмена которого последовала позднее) и разуметь под этим словом, согласно с Златоустом, «предписания, служащие к исправлению нравов, улучшению образа жизни, согласно с правилами Нового Завета»¹⁰⁰, т. е. преимущественно нравственное учение книжников и фарисеев, как об этом отчасти можно заключать и по связи речи. В приложении же к пастырской деятельности в Церкви Христовой это все нужно оставить без всякого ограничения.

Христианский пастырь есть законный представитель законной власти в Церкви, и уже по одному этому лицо авторитетное. Пасомые должны внимать каждому его слову и не вправе сами собою отвергать это слово, каково бы оно ни было, пока пастырь законно пользуется своими правами: это может сделать лишь власть церковная, а не тот или другой член Церкви в частности. Но вся сила слов Спасителя заключается собственно не в этой половине стиха, а в следующей. Если книжники и фарисеи иногда и учили правильно, чему нужно было следовать народу, то сами не поступали по этому учению, допуская, таким образом, разлад между словом своим и делом. Такой же разлад может быть и у христианского пастыря. Так вместе с положительною заповедью для пасомых здесь косвенно обличаются пастыри, говорящие одно, а делающие другое.

Пастыри, имея обязанность учительства, должны в самой жизни своей воплощать преподаваемое ими учение, должны являться творцами закона прежде других. «И всякий преступник, – говорит св. Иоанн Златоуст, – достоин обвинения, тем более тот, кто имеет власть учить. Таковой заслуживает

вдвое и втрое более осуждения, во-первых, потому, что преступает закон; во-вторых, потому, что, имея обязанность исправлять других, сам хромлет и подвергает себя большему наказанию по важности своего сана, и в-третьих, потому, что он, как учитель, сильнее увлекает других к пороку своим худым примером».

«Связывают бремена тяжелые и неудобноносимые и возлагают на плечи людям, а сами не хотят и перстом двинуть их» (ст. 4).

Вот одно из проявлений фарисейского слова, не сопровождавшегося делом. Под «бременем» здесь, прежде всего, разумеется совокупность разнообразных и многочисленных предписаний закона Моисеева, иго, которого, как выразился апостол, «не могли понести ни отцы наши, ни мы» (Деян. 15, 10). Но при этом же можно разуместь еще и так называемые предания старцев, которые, как сетью, до мелочей опутывали всю жизнь еврея, несшего и без того тяжелое иго закона.

Так обличаются Спасителем, во-первых, те пастыри, которые непомерно строги в своих требованиях к пасомым (ригористы), которые забывают о человеческой слабости и о том, что истинно христианская жизнь есть высокий идеал совершенства, которого нельзя достигнуть сразу. Пастырь христианский должен помнить, что всей жизни человеческой недостаточно для достижения этого и потому должен устроить дело нравственного усовершенствования своих пасомых постепенно, сообразуясь с их силами и положением, последовательно возводя их от низшего к высшему. Нельзя, например, требовать от неподготовленных людей умной, духовной молитвы, когда они часто не умеют как должно совершать и обычные повседневные утренние и вечерние молитвы и т. п.

Обличаются здесь, во-вторых, и те пастыри, которые обременяют совесть людей многочисленными правилами человеческими или учат их лишь букве, а не духу закона, забывая, что буква убивает и только дух животворит. Но, главным образом, в этих словах заключается обличение всех

пастырей, которые лишь предъявляют требования своим прихожанам, сами же не хотят помочь им в несении возлагаемого на них бремени. Помощь же эта должна выражаться и в примере собственной жизни пастыря, «ибо, – по выражению блаженного Феофилакта, – когда учащий не только учит, но и делает, то он вместе с учащимся несет бремя и вместе с ним трудится, но когда он возлагает на меня тяжкое бремя, а сам ничего не делает, то он более обременяет меня, показывая своим бездействием невозможность исполнить то, чему учит». Помощь эта должна выражаться и в разъяснении самого духа учения Христа, при проникновении которым всякое иго Христово будет благо и бремя легко.

«Все же дела свои делают с тем, чтобы видели их люди; расширяют хранилища свои и увеличивают воскрылия одежд своих» (ст. 5).

Спаситель обличает лицемерное благочестие и тщеславие книжников и фарисеев. Сами они не исполняли того, что повелевали исполнять народу, а что и исполняли, то исполняли не по внутреннему убеждению в необходимости исполняемого, а только для того, чтобы показаться народу исполнителями закона, чтобы их видели люди, т. е. исполняли лицемерно. С тою же целью показать свое особенное благочестие, по тщеславию, они расширяли хранилища свои и увеличивали воскрылия риз своих, дабы по одному этому внешнему признаку народ видел, что они «не якоже прочие человецы».

Это обличение приложимо и к тем из христианских пастырей, которые нечужды подобной же фарисейской закваски (Мф. 16, 6). И к ним иногда могут быть отнесены слова пророка, повторенные Спасителем: «Приближаются Мне людие сии усты своими и устнами чтут Мя; сердце же их далече отстоит от Мене. Всю же чтут Мя» (Ис. 29, 13; Мф. 15, 8–9). Плохо, конечно, и то, когда пастырь намеренно, цинично и без стыда выставляет свои пороки на вид к соблазну пасомых, но не менее постыдно в нем и лицемерие, когда на устах его – одно, а в глубине сердца – другое, тем более если это лицемерие соединяется еще с тщеславием. Лицемерный пастырь должен помнить прежде всего, что всякая ложь неприлична пастырю, и,

именно как ложь, долго скрываться не может, ее сердцем чувствуют пасомые, и рано или поздно она откроется во всей своей наготы, ибо нельзя носить вечно маску, чтобы она когда-нибудь не упала. Так лицемер, допускающий лицемерие иногда, по-видимому, даже с доброю целью (не соблазнять пасомых), не есть истинный Христов пастырь, как тем более не может быть таковым тот, кто еще тщеславится своим благочестием, которого на самом деле нет.

«Любят предвозлежания на пиршествах, и председания в синагогах и приветствия в народных собраниях, и чтобы люди звали их: учитель! учитель!» (ст. 6–7).

Обличается честолюбие, в частности, страсть к общественному почету и титулам. «Может быть, все это сочтет кто-нибудь за малость, – говорит св. Иоанн Златоуст, – но эти малости бывают причиной великих зол»¹⁰¹.

В Церкви существуют награды и отличия, даваемые пастырям как воздаяние за их труды и как средство поощрения к полезной деятельности; этого не запрещает и слово Божие, гласящее: «Достойно начальствующим пресвитерам должно оказывать сугубую честь, особенно тем, которые трудятся в слове и учении» (1Тим. 5, 17). Со стороны пасомых пастырю всегда воздается особое уважение. Но пастырь не должен это уважение поставлять целью своей деятельности, он не должен искать и домогаться их какими бы то ни было средствами. Для него предосудительно искать их даже путем исправного и усердного исполнения своих обязанностей; тем более, конечно, несвойственно пастырю, если он к приобретению почестей и уважения станет употреблять незаконные средства вроде лести, происков, лжи, клеветы, интриг, измены долгу, совести и т. п.

Далее Господь, обращаясь уже и к ученикам Своим, повелевает не называться учителями, отцами и наставниками, «ибо один у вас Учитель и Наставник – Христос... один у вас Отец, Который на небесах... все же вы – братья» (ст. 8–10). Спаситель, с одной стороны, предостерегает их от честолюбия, выступая не против сущности этих слов, а обличая намерения пастырей добиться, чтобы их величали так; а с другой, научает, каким образом можно избежать этого недуга, т. е. говорит о

послушании и смирении. «Большой из вас да будет вам слуга» (ст. 11).

Этими словами указывается на нравственный характер отношений между начальствующими и подчиненными в Церкви Христовой. Братская любовь, которая не кичится, а созидает (1Кор. 8, 1), любовь, полная смирения – вот только что должно отличать пастыря. Вместе с тем Спаситель представляет и следствия смирения, как и кичливой гордости; смиренный возвысится, гордый унижится, и это не только в очах Божиих, в Царстве воздаяния, но и в очах человеческих, часто еще и здесь, в земной жизни: сами же люди рано или поздно поймут и разгадают как высоту одного, так и пустоту другого. Так пастырю Христовой Церкви в противоположность тщеславию, честолюбию и корню этих пороков – гордости – внушается безусловное смирение по образу Того Кроткого и Смиренного сердцем (Мф. 11, 29), Кто, будучи равен Отцу, Себе умалил, «зрак раба прием, в подобии человечеством быв, и образом обретется якоже человек, смирил Себе, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестная» (Флп. 2, 7–8).

Глубокое изучение пастырем самого себя, при котором ясно откроются все его недостатки и слабости, при котором самая высота его сана не только не будет надмевать пастыря, но тем более будет казаться ему не соответствующею его недостоинству, при котором, наконец, он все почести будет относить не к своей личности, а к своему сану, такое изучение предохранит пастыря от порока, противоположного смирению.

Далее, до конца главы, Спаситель со властью Божественного Учителя восемь раз угрожает бедствием непризванным вождям народа иудейского.

«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам; ибо сами не входите, и желающих войти не допускаете» (ст. 13).

Фарисеи и книжники закрывали врата Царства Небесного тем, что ложно толковали закон, который дан был для приготовления людей к принятию Мессии и этим отвлекали людей от издревле предреченного Спасителя мира. Они вносили мысль о земном Его владычестве, и поэтому, когда Он

явился с проповедью Царства не от мира сего, они и сами не вошли в это Царство, и другим препятствовали войти, представляя Христа лишь обольстителем народным.

Так и пастырям как бы даны ключи Царства Небесного, и на их обязанности лежит ввести своих пасомых в это Царство. Но если они не радят об этом, то и сами они, подобно фарисеям, не входят, и другим мешают войти в него. Горе особенно тем пастырям, которые учат неправильно паству, распространяя суеверия, ереси и т. п. заблуждения.

«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что поедаете дома вдов и лицемерно долго молитесь: за то примете тем большее осуждение» (ст. 14).

Второе горе возвещается за алчность и корыстолюбие, не останавливающееся для своего удовлетворения и перед такими средствами, как обман и вымогательство. Для этого фарисеи старались показать себя набожными, долго молясь напоказ, и, войдя в доверие, выманивали пожертвования в свою пользу.

Пастырь христианский не должен быть лицемером, подобно книжникам и фарисеям. Он не должен свое служение обращать в средство земных выгод, не должен под разными благовидными предлогами вымогать в свою пользу или даже в пользу Церкви имущество пасомых, не должен склонять их хитрым, незаконным путем к пожертвованиям, хотя бы и на благое дело, тем более посягать на благосостояние сирот и вдовиц. Иначе он примет большее осуждение, ибо «всякий согрешающий достоин наказания, а тот, кто делает доброе дело, (чтобы чрез это войти в доверие и иметь потом возможность совершить какой-либо грех), будет наказан строже»¹⁰².

Третья угроза направляется против фанатической ревности фарисеев в обращении язычников, которых они не спасают, а только губят, потому что они обходят «море и сушу, дабы обратить хотя одного; и когда это случится, делают его сыном геенны, вдвое худшим себя» (ст. 15). Это последнее происходило оттого, что фарисеи, обратив язычников в иудейство и довольствуясь лишь этим обращением, не заботились о дальнейшем их наставлении в вере и утверждении в нравственности. Вследствие этого последние действительно

могли оказаться сынами геенны, сугубейшими самих фарисеев, ибо у этих все же были хоть какие-нибудь религиозные убеждения, хоть что-нибудь сложившееся и определенное, у тех же, лишенных своих прежних верований и не утвержденных в новых, стоявших таким образом на распутьи двух дорог, не оставалось ничего дорогого и святого. Пример же фарисеев еще больше довершал дело их развращения. Они и здесь могли оказаться хуже тех, ибо когда пасомый видит порочных пастырей, то всегда делается хуже их уже по одному тому, что считает себя ниже их и тем извиняет свои пороки.

Так и пастырь, обязанный заботиться не только о спасении верующих, но и об обращении идущих по ложному пути (без проявления фанатизма в этом деле), не должен еще обольщаться и ставить себе в великую заслугу то, что он успел обратить многих, не должен думать, что он сделал все дело лишь одним этим обращением, без дальнейшего утверждения обращенных в истинах христианской веры и нравственности. Иначе и он, подобно фарисеям, может лишь увеличить число «сынов геенны».

Далее Господь возвещает горе книжникам и фарисеям за ложные клятвы, за извращение закона посредством казуистических перетолкований его. Господь называет их вождями безумными и слепыми, ибо, поступая таким образом, они ясно показывали, что не понимали самого духа закона и, обращая внимание на мелочи, упускали из вида важное. Подобный недостаток, сам по себе уже совершенно непростительный в пастыре, свидетельствует о полной неприготовленности и непригодности его к делу пастырского служения, духовного по преимуществу, как духовна по преимуществу сама религия Христова.

Но тут есть еще и нечто другое. «По учению фарисеев, – толкует блаж. Феофилакт, – тот, кто клялся золотым сосудом или волом, или овцею, назначенными для жертвы, а потом нарушал клятву, тот присуждался представить в храм то, чем он клялся; дар они предпочитали олтарю ради прибыли, получаемой от жертв. А если кто, поклявшись храмом, нарушал клятву, то поскольку он не мог создать ничего подобного храму,

разрешался от клятвы; посему клятва храмом становилась незначительною по причине любостяжания фарисеев». Извращать закон, обращая мелочи в главное, а главное низводя на степень второстепенного, не по недостатку образования и понимания, а из видов корыстолюбия – это уже такой порок, который свидетельствует о глубокой нравственной развращенности пастыря.

С этого стиха и до 32-го включительно Господь еще четыре раза угрожает горем книжникам и фарисеям за их поступки, которые свидетельствовали о том, что они внешность поставили на место духа, мелочи на место вечного и существенного.

Господь угрожает книжникам и фарисеям за их предпочтение мелочных предписаний, точно даже не определяемых законом, существенному в этом законе – правде, милости и вере. Закон Моисеев предписывал приносить десятины только с плодов земли (Втор. 14, 22), не упоминая собственно о травах. Фарисеи, желавшие всегда казаться более строгими и лучшими, чем другие, исполнителями закона, давали десятину и с последних – с мяты, аниса и тмина. Фарисеи и книжники, обращаясь к мелочам, упускали из внимания самое главное в законе – суд (справедливость), милость (любовь, снисходительность) и веру (в собственном смысле и вообще верность Богу и Его закону). Между тем, по словам Спасителя, это-то последнее и нужно бы было исполнять прежде всего, а иного только не оставлять при этом исполнении.

Мелочи и внешность не отрицаются Спасителем, и они имеют свое значение в религии, но значение именно второстепенное, так как служат выражением внутреннего, существенного. В противном случае это является лишь фарисейским лицемерием. И в среде христиан многие живут этим внешним, не заботясь о внутренней стороне религии. Но если это иногда и извинительно людям простым, мирским, не понимающим духа закона и не возвысившимся еще до такого понимания, то никогда не простительно в пастыре, который и другим должен указывать на главное и второстепенное, на значение того и другого. Его особенное внимание должно быть обращено не на соблюдение его пасомыми тех или других

внешних, и притом отдельных, предписаний и обрядов, но на укрепление их воли в добре на воспитание в их душе истинно христианского настроения. Иначе и он будет лишь «оцеживать комаров, верблюдов же поглощать» (ст. 24).

Проявляя излишнюю заботу о внешней чистоте даже посуды, фарисеи и книжники не радели о собственной внутренней чистоте. Блюда их, чистые совне, были наполнены яствами и питиями, приобретенными возмутительными способами воровства и обмана. Все это делало их подобными «окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты. Так и вы, – говорит Господь, обращаясь к лицемерам в духовной жизни, – по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония» (ст. 27–28).

И, наконец, Господь угрожает фарисеям за их притворное, следовательно, опять наружное только, покаяние, с которым они обвиняли своих отцов в избиении пророков, но в то же время сами готовы были убивать посланников Божиих, и в этом отношении действительно превзошли своих предков, убив Самого Сына Божия, что и переполнило, наконец, меру долготерпения Господа. Обличение касается исключительно книжников и фарисеев... Но нет ли и теперь таких пастырей, которые на словах готовы благоговеть пред честными исполнителями воли Господней, в душе же в каждую удобную минуту готовы предать и уничтожить таких деятелей, служащих живым упреком их собственной лицемерной деятельности?

В заключение своей грозной обличительной речи Господь предрекает страшную участь, ожидающую народ еврейский, в конец развращенный своими вождями – этими змиями и порождениями ехидны, выражая в то же время чувство глубокого сострадания и трогательной скорби о гибели этого народа, избранного Самим Богом, столь любимого Богом, для которого, прежде всего, Он преклонил небеса и сошел на землю (ст. 33–39). Речь опять, конечно, касается исключительно народа иудейского и его ложных пастырей. Но угроза Спасителя, столь страшная по отношению к не исполнившим своего назначения, во всяком случае, должна заставить призадуматься и пастыря

народа христианского, носящего в себе хоть какие-нибудь черты образа книжников и фарисеев.

Ведь пастырь – образец и пример для паствы, и это налагает на него ответственность не только за себя, но и за пасомых. «Как на корабле, – говорит преподобный Исидор, когда сделает ошибку кормчий, что уготовляет общую гибель, так и грехи имеющих священный сан распространяют вредоносность на всех»¹⁰³.

Паства идет за пастырем, смотря на него, как на своего руководителя. Он – град, поставленный на верху горы, и светильник, чтобы светить всем живущим вокруг него (Мф. 5, 14–15). Любовь к людям есть неодолимая сила, неотразимое оружие в руках пастыря Церкви при совершении им его святого служения; она является в пастыре источником тех самых сил и свойств, которые необходимы ему для того, чтобы деятельность его возможно более уподоблялась пастырской деятельности Христа Спасителя.

В лице Иисуса Христа дается пастырю не просто пример, но и живая, вечно действующая Божественная Личность, с Которой пастырь теснейшим образом в своем пастырстве связывается, от Которой он может постоянно черпать живую благодать.

Господь наш Иисус Христос, придя в мир взыскать и спасти погибшее (Мф. 18, 11), основал Церковь и учредил пастырство. Он Сам положил начало пастырскому служению, Он явился именно тем любвеобильным Пастырем, Который, оставляя девяносто девять овец, идет искать в горах одну заблудшую.

Из всего вышеизложенного видно, что пастырство Христа Спасителя и его преемников воистину явилось светом мира и солью земли. Оно озарило и прогнало от сердец человеческих ту тьму, которая несла за собой не только смерть телесную, но и духовную. Пастырство среди мира является тем светильником, который поставлен не под спудом, но на подсвечнике, чтобы люди, видя этот свет, не могли сбиться с пути, ведущего в Царство Христово.

Пастырство в христианской Церкви – один из самых труднейших видов служения Богу и человеку. Сознывая трудность и большую ответственность пастырского служения

перед Богом за спасение пасомых, пастырь должен стремиться в своей жизни подражать «Доброму Пастырю» и руководствоваться Его учением, изложенным в Св. Евангелии.

Христианское пастырство все свои силы направляет к осуществлению одной конечной цели – к спасению людей, к достижению ими Царствия Небесного. Свое право быть таковым, благодатные силы и возможность успеха в своей деятельности пастырство получает от Христа и через Христа.

Истинное пастырство есть мученичество. Чтобы быть достойным делателем в Вертограде Божием, пастырю необходимо созидать в себе образ истинного пастыря, чтобы предстать пред Пастыреначальником делателем непостыдным и сказать Ему: «Вот я и дети, которых дал мне Бог» (Евр. 2, 13).

Пастырская деятельность св. Апостолов как образец пастырского подражания

Святые Апостолы были настоящими подражателями Христу Спасителю. Их деятельность состояла прежде всего в проповеди того слова жизни, которое вручил им Христос. «Горе мне, – говорит ап. Павел, – еще не благовествую» (1Кор. 9, 16). Борясь с заблуждениями, они оберегали первых христиан от уклонений от истины. Это так называемая деятельность учительства. Пребывая с верующими в молитве, они совершали преломление хлеба, преподавали верующим через видимые действия (Крещение, возложение рук) дары Святого Духа (Деян. 8, 18–19). Таким образом, они совершали священнодействие.

Христос Спаситель, заповедавший Апостолам быть продолжателями Его проповеди, преимущественно научил их, изъясняя им то, что говорил прикровенно народу (Мф. 13, 36–37, 51; 15, 15; Мк. 7, 18), и открывал им наедине многое «о Царствии Божиим» (Деян. 1, 4), недоступное другим (Мф. 20, 17; Лк. 18, 3).

Двенадцать св. Апостолов в первенствующей Церкви были руководителями религиозной и нравственной жизни и блюстителями церковной дисциплины. Верующие «к их ногам» полагали цену своего проданного имущества (Деян. 4, 34–35 и др.). Апостолы заботились о поставлении пастырей Церкви (Деян. 6, 1–6), откликались на недостатки и разбирали различные недоумения как в жизни Поместных Церквей, так и в жизни отдельных христиан (Деян. 15, 6, 22–23).

Апостолы по сошествии на них Святого Духа разошлись с проповедью Евангелия по всей вселенной. Подобно своему Божественному Учителю, они приспособляли свое учение к духовным силам и способностям слушателей. Пастырь Церкви Христовой, следуя примеру св. Апостолов, также обязан следить за тем, как истины, проповедуемые им, воспринимаются прихожанами. В противном случае, если он не будет принаравливать к личным духовным свойствам и

особенностям людей, то возвещаемые им высокие Божественные истины и глубочайшие тайны своим величием и блеском могли бы подавить слабые душевные силы человека, подобно тому, как яркий солнечный свет притупляет зрение человека, который захотел бы смотреть на солнце невооруженным глазом.

Апостолы знали, что народ может усвоить какие-либо истины быстрее и прочнее, если они построены на известном для людей основании. Они также знали, что эти истины легко усваиваются, если они даются в строгой последовательности и в связи друг с другом. Поэтому свою проповедь Апостолы строили на том, что было хорошо знакомо слушателям. Например, в день Пятидесятницы, когда собиралось множество народа в горнице, где произошло сошествие Св. Духа на всех присутствующих в ней, св. ап. Петр начал свою речь со слов св. пророка Иоила: «И будет в последняя дни... излию Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны и дочери ваши; и юноши ваши будут видеть видения, и старцы ваши сновидениями вразумляемы будут... И покажу чудеса на небе вверху и знамения на земле внизу» (Иоиль. 2, 28–32). Эти слова были знакомы всем собравшимся, и, основываясь на них, Апостол говорит об исполнении этого пророчества, говорит о Христе Распятом. Под влиянием такой проповеди присоединилось к Церкви Христовой около трех тысяч человек (Деян. 2, 41).

Подобно этому поступает и св. ап. Павел, когда произносит речь в афинском ареопаге. Основываясь на том, что афиняне поклоняются многим богам и даже имеют жертвенник в честь «неведомого бога», Апостол хвалит их за набожность и начинает проповедовать им именно этого Бога, о Котором они не ведали.

В сообщении евангельских истин св. Апостолы соблюдали последовательность, начиная с простого и переходя к более сложному. Так, св. ап. Петр говорит: «Как новорожденные младенцы, возлюбите чистое словесное молоко» (1Пет. 2, 2), т. е. самые простые и первоначальные уроки. Другим, достаточно обучившим чувства к различению истинного и

ложного, «бывает нужда», по словам св. ап. Павла, «в премудрости, проповедуемой между совершенными» (1Кор. 2, 6; Евр. 5, 12–14). И это необходимо для того, чтобы люди постепенно возрастали «в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова».

Руководствуясь примером св. Апостолов, проповедник Евангелия должен, по возможности, начинать свою проповедь с таких истин, которые в данный момент слушатели смогут воспринять, т. е. имеют в себе подготовленную почву. В случае необходимости, если такая почва отсутствует, пастырь обязан раскрыть перед слушателями самые элементарные вопросы и затем только сообщать христианские истины. При этом он должен следить, чтобы эти истины давались с определенной последовательностью и в строгой внутренней между ними связи. Не должно также забывать и о том, что неудобно сообщать слушателям сразу большое количество истин, потому что восприимчивость слушателей имеет границы. Внимание и деятельность душевных сил слушателей могут от долгого напряжения утомляться, и те истины, которые будут сообщены им в период такого утомления, могут остаться неувоенными ими.

В своей пастырской деятельности св. Апостолы отличались чувством высшей правды и всегда руководствовались правилом: «Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам» (Деян. 5, 29). Они знали о бывшем св. ап. Петру видении сосуда, наполненного различными животными (Деян. 10, 11–16), которое означало, что все люди имеют право, если захотят, на все плоды искупительной жертвы Христовой; они знали также, что «прейде сень законная, благодати пришедшей» (Деян. 15, 28). Поэтому св. Апостолы были свободны от национальных, сословных, профессиональных и других несовместимых с высшей правдой взглядов, предрассудков, склонностей и антипатий. Это видно, например, в словах ап. Павла: «В Церкви Христовой несть еллин, ни иудей, обрезание и не обрезание, варвар и скиф, раб и свободъ, но всяческая и во всех Христос» (Кол. 3, 11).

Подобно этому и пастырь Церкви должен воспитать в себе глубокое и живое чувство Божественной правды и основывающейся на ней высшей человеческой справедливости. Путем целожизненного подвига в нравственном совершенствовании он может освободить свою душу от всех несовместимых с этим чувством взглядов. Только тогда он будет со всеми и во всем справедливым, беспристрастным, нелицеприятным. С другой стороны, отречение пастыря Церкви от своего «я» со всеми его особенностями (национальными, сословными, индивидуальными) ведет за собой беспристрастие, нелицеприятие, бескорыстие и предохраняет деятельность пастыря от некоторых нежелательных в ней качеств.

В своей деятельности Апостолы были бескорыстны. Когда Симон Волхв, «увидев, что чрез возложение рук апостольских подается Дух Святой, (то он) принес им деньги, говоря: дайте и мне власть сию, чтобы тот, на кого я возложу руки, получал духа Святого. Но Петр сказал ему: серебро твое да будет в погибель с тобою, потому что ты помыслил получить дар Божий за деньги. Нет тебе в сем части и жребия, ибо сердце твое неправо пред Богом» (Деян. 8, 16–21).

Св. ап. Павел, не желая навлекать на себя подозрений в своекорыстии, отказывался даже и от того, на что имел право по заповеди Спасителя, т. е. от содержания себя иждивением тех, среди которых он проповедовал. Так, он говорил пресвитерам ефесским: «Ни серебра, ни золота, ни одежды я ни от кого не пожелал. Сами знаете, что нуждам моим и нуждам бывшим при мне послужили руки мои сии» (Деян. 21, 33–34).

Поэтому ап. Петр заповедует пастырям Церкви: «Пасите Бо-жие стадо, какое у вас, надзирая за ним не по принуждению, но охотно и богоугодно, не для гнусной корысти, но из усердия» (1Пет. 5, 2).

Задача Апостолов состояла в том, чтобы привести всякую душу к послушанию, вере во Христа через слово крестное. Поэтому они стремились, чтобы никакая душа по их вине не погибла и не заблудилась от стада Христова, которое Он приобрел Себе кровию Своею, как добрый Пастырь. Это было высшей целью, которой они постоянно руководствовались при

своей апостольской деятельности. Они несли верующим не только благовестие, но и свои души (1Сол. 2, 3), зорко оберегая уверовавших от всех еретических и языческих соблазнов. Поэтому ап. Павел напоминает пресвитерам в Мелите в своей прощальной беседе: «О том бодрствуя и о том помышляя, я не переставал три года день и ночь увещевать каждого со слезами» (Деян. 20, 31). И если их проповедь была благотворной и учение о Христе прививалось в людях, то Апостолы радовались и благодарили Бога; и наоборот, если познавшие Христа возвращались к языческим суевериям, то Апостолы снова стремились напомнить им об истинном учении. «Дети мои, – взывал ап. Павел, – для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос» (Гал. 4, 19). Апостолы не только страдали душой о каждом человеке, но и готовы были нести всевозможные лишения, страдания и различные муки, чтобы только «спасти по крайней мере некоторых» (1Кор. 9, 22).

Апостольская душепопечительность о человеке не имела предела. Она доходила до самопожертвования, чтобы только привить в каждой душе веру во Христа. «Открыть... домостроительство тайны спасения, чтобы уразуметь превосходящую разумение любовь Христову и исполниться всею полнотою Божества» (Еф. 3, 9, 19). Апостол Павел пишет: «Был в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти» (2Кор. 11, 23). В этой же главе ап. Павел описывает все, что случалось с ним за время благовествования Евангелия.

Со всех сторон Апостолы были окружены людьми, враждебно настроенными против них. Как же они должны были действовать в таком случае, гонимые и внешне беззащитные? Христос внушает им пользоваться мудростью и осторожностью; нужно быть мудрыми в обращении с людьми и не вызывать без необходимости вражды и преследований, ибо жизнь Апостолов была дорога и необходима для Церкви Христовой.

Христос также не скрыл от Апостолов и того, что их должны постигнуть скорби, гонения и, наконец, мучения за Имя Его.

«Аще от мира бысте были, мир убо вас любил бы, – говорит Господь, – якоже от мира несте, но Аз избрах вы от мира, сего ради ненавидит вас мир» (Ин. 15, 19). Пастыреначальник, ободряя Апостолов, говорит: «Не убойтесь убо их», – т. е. не должно бояться людей мира сего, продолжая дело Самого Христа, ибо дело это есть истина, а истина всегда восторжествует. Апостолы своей пастырской деятельности отличались мужеством и твердостью, доходивши даже до мученичества. Уже в первый период своей проповеднической деятельности они подпали злобе иудеев, а потом и преследованиям со стороны язычников. Злоба эта, как видно из книги Деяний апостольских и из различных апостольских посланий, выражалась в том, что им категорически запрещали проповедовать об Иисусе, налагали на них руки, ввергали в темницы, мучили и убивали. Но, по заповеди Христа Спасителя, они «с кровель» и при свете проповедовали то, что слышали от Него наедине (Мф. 10, 23–27), когда гнали их из одного города, они бежали в другой, всюду разнося проповедь об Иисусе Распятом и Воскресшем. И поистине, «ни скорбь, ни теснота, ни гонение, ни меч, ни смерть», – ничто не могло заставить их отказаться от своей великой и святой деятельности (Рим. 8, 35).

Христианский пастырь также должен быть настолько мужественным при совершении своего святого и великого дела, чтобы быть готовым даже душу свою положить за него. Мужество и особенно мученичество за проповедуемое учение, в чем бы они ни выражались, – в лишениях ли физических, страданиях нравственных, в мучениях или смерти, – всегда производят глубокое впечатление на людей. Раз человек лишает себя всего, подвергается различным невзгодам и смерти за свои убеждения, другие невольно думают: «Значит, он искренен, значит, есть в его убеждениях что-либо такое высокое и святое, что он ради них не жалеет себя самого». Насколько сильно действует на людей мученичество, видно из того, что во имя него люди принимали иногда такие учения, которые были ложны. Например, наш русский раскол широко распространился именно благодаря его первым проповедникам, пожертвовавшим за него своим счастьем и жизнью.

Посылая на проповедь Своих двенадцать Апостолов, Господь заповедал им, чтобы они были, ввиду ожидавших их злобы и опасностей со стороны людей, «просты как голуби» (Мф. 10, 16), т. е., чтобы на злобу людскую они отвечали незлобием, которое может обезоружить злобу и ненависть их врагов; чтобы они избегали неприятных столкновений и не платили бы злом за зло. И св. Апостолы свято хранили этот завет своего Божественного Учителя. Их огорчали, а они радовались (2Кор. 4, 10), их гнали, преследовали, убивали, а они «благодушествовали». Такой же образ действий в отношении к людям заповедали они и своим преемникам, пастырям Церкви: «Епископ должен быть не дерзок, не гневлив» (Тим. 1, 7).

«Держись мира со всеми, – писал ап. Павел св. ап. Тимофею, – ...от невежественных состязаний уклоняйся...ибо рабу Господа не должно ссориться, но быть... приветливым ко всем, незлобивым, с кротостию наставлять противников» (2Тим. 2, 22–25). Исходя из этого, пастырь должен воспитать в себе постоянную ревность и невозмутимость духа, чуждую всяких резкостей, постоянную кротость и незлобие, чуждые всякой сварливости в отношении к людям. Святой Иоанн Златоуст говорит: «Сильное слово, будучи соединено с кротостью, возьмет за сердце и победит... Учителю особенно нужно иметь незлобие; иначе все будет тщетно... Может случиться, что человек, уже готовый убедиться, потеряет все от нашего нетерпения... Душа, имеющая нужду в наставлении, не может принять что-нибудь полезное, когда оно предлагается сурово и с бранью, и хотя готова слушать, но, будучи приведена в недоумение, не усвоит ничего. Кто хочет научиться чему-нибудь полезному, тот, прежде всего, должен быть расположен к учителю. Если же это не устроено, то не может произойти ничего надлежащего и полезного».

Апостолы были в то время истинным светом, который они заимствовали от Пастыреначальника. Просвещая и наставляя верующих, Апостолы указывали им обращать особое внимание не на внешнее, а на внутреннее исполнение этого учения, чтобы жить во Христе и со Христом.

«Христос есть в вас» (Кол. 1, 27), и «вы Христовы» (1 Кол. 3, 23). «Испытывайте сами себя, в вере ли вы? Или вы не знаете самих себя, что Иисус Христос в вас» (2 Кол. 13, 5). Апостол Павел это ощущение Христа всегда имел в своем сердце. Поэтому он восклицал: «Уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2, 20).

Живя со Христом, Апостолы и своим последователям указывали путь, по которому они должны идти для того, чтобы приобрести Христа. Он, по словам Апостолов, заключался в крепкой вере в Того, Кто «ради нашего спасения сошел с неба и искупил весь род человеческий Своею Кровию, воскрес и вознесся на небо». Кроме искренней веры в Него, нужно и жить согласно с Его законом.

Св. Апостолы, проповедуя высоконравственное учение, сами жили сообразно своей проповеди. Они свято сохраняли заповеди своего Божественного Учителя быть солью земли и светом миру (Мф. 5, 13–14). С чистой совестью и полной уверенностью Апостолы могли говорить своим пасомым: «Свидетели выи Бог, как благоговейно и праведно и безукоризненно мы поступаем пред всеми верующими» (1Сол. 2, 10). В частности, проповедуя любовь к людям, они и на самом деле оказывали людям различные благодеяния как посредством жившей в них чудодейственной силы, так и различными другими способами. В речах св. Апостолов постоянно встречаются любвеобильные наименования, обращаемые к людям: «мужие братие», «дети», «возлюбленные» и т. п. Сколько любви слышится в словах ап. Павла: «Я же дал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих» (Рим. 9, 3).

Живя сообразно своей проповеди, св. Апостолы требовали того же и от своих преемников, пастырей Церкви. Так, св. ап. Павел писал к еп. Тимофею: «Будь образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в мире, в чистоте» (Тим. 4, 12).

Любовь к людям есть неодолимая сила, неотразимое оружие в руках пастыря Церкви при отправлении им святого служения; она является в нем источником тех самых сил и свойств, которые необходимы ему для того, чтобы деятельность

его возможно более уподоблялась пастырской деятельности Христа Спасителя и Его св. Апостолов. Итак, пастырь Церкви должен воспитать в себе горячую доброжелательность и любовь к людям.

Пастырское служение св. Апостолов служит идеалом для пастырей Церкви Христовой. Апостолы горели любовью к своему святому служению и Тому, Кто призвал их на это служение. Эта любовь ко Христу и пастырскому служению воодушевляла их на такие подвиги, которые, казалось, превышали силы человеческие. На пути их пастырского служения стояло много препятствий: и суемудрие образованного языческого мира, и косность религиозно-бытовых традиций иудеев, и низкий моральный уровень языческих народов, и вообще злонамеренность и ухищрения врагов христианского учения. Но все это преодолевалось в их служении явлением «духа и силы» (1Кор. 2, 4).

Учение Апостола Павла о качествах пастыря

Из пастырских посланий св. ап. Павла пред нами встает дивный образ православного пастыря со всеми его высокими нравственными качествами. И несомненно, что сам св. ап. Павел, когда писал свои пастырские послания к Тимофею и Титу, имел пред собой идеальный образ Пастыреначальника Иисуса Христа с Его высоким жертвенным служением. И наш пастырь, изучая священные строки пастырских посланий великого Апостола, не может не видеть той благодатной красоты и величия, которые окружают жизнь истинного пастыря Церкви Христовой. И как сам св. Апостол что писал, то исполнял на деле, так и наш пастырь, проникаясь духом пастырских посланий, должен жить соответственно в них изложенному.

Святой Апостол Павел в своих пастырских посланиях дает нам ясное указание, какими качествами должен обладать кандидат священства. «Аще кто епископства желает, доброго дела желает» (1Тим. 3, 1). Но некоторые из пастырей желают принять этот священный сан только по одним внешним мотивам. Святитель Григорий Двоеслов, укоряя стремление к священству тщеславных и недостойных, говорит: «Апостол говорил так в то еще время, когда каждый предстоятель Церкви своей делался первой жертвой лжеучителей. Значит, тогда похвально было желать епископства и потому уже, что с ним соединялась и явная опасность подвергнуться тягчайшим страданиям»¹⁰⁴.

И если кандидат во священство будет помнить слова Григория Двоеслова, что пастырство есть не легкий путь, а путь креста и мученичества, то его деятельность на ниве Христовой будет плодотворной. Дух такого пастыря будет постоянно возвышаться над плотью, а это будет свидетельствовать о том, что он живет в Боге. Один старец наставлял молодого священника, говоря: «Не ищи, чадо, ни Рима, ни Иерусалима, а уготовь дом души твоей, и к тебе придут не только Петр и Павел, но Сам Господь с Пречистой Матерью и сонмом святых ангелов»¹⁰⁵.

Каковыми же качествами должен обладать кандидат священства? Господь наш Иисус Христос указал нам в Евангелии лишь основные начала высокого пастырского служения. Более подробное развитие их указывается в учении св. Апостолов, а особенно у ап. Павла в его пастырских посланиях к еп. Тимофею и Титу. Блаженный Августин говорит о них, что предстоятель Церкви всегда должен иметь их перед своими глазами, в них находя глубочайшее раскрытие духа, которым должно быть проникнуто пастырское служение, находя все ответы на недоумения, могущие встретиться на пути прохождения этого служения. Это для пастыря – вечное, незаменимое и неизменное Пастырское богословие. Послания эти называются пастырскими как по своему содержанию, так и по званию тех лиц, которым они писались; они предназначались для пастырей и в них были изложены подробные наставления о пастырском служении. В других посланиях ап. Павла излагается преимущественно христианское учение – догматическое и нравственное, и в пастырских посланиях немало говорится об этих предметах, но лишь с той стороны, как пастырю преподавать их пасомым, или в качестве наблюдений, как исполняются пастырские обязанности. Сначала апостол Павел излагает нравственные качества совместно епископа и пресвитера (ст. 1–7), затем диакона (ст. 8–13). Эти качества должен иметь каждый пастырь Церкви, так как от этого зависит спасение пасомых и вообще успех пастырского дела. Под епископством нужно разумеать и епископство в теперешнем значении этого слова, и вместе с тем пресвитерство.

В апостольское время хотя то и другое было так же различно, как и теперь, но для обозначения их еще не были строго выработаны определенные термины, так что название епископа (что значит вообще надзиратель, блюститель) и пресвитера (старейшина) смешивались иногда друг с другом, как это особенно видно из книги Деяний апостольских, где апостол Павел призывает из Ефеса в Милит пресвитеры церковные, а в своей речи к ним называет их епископами (Деян. 20, 17, 28).

Поэтому Апостол и здесь, в послании к Тимофею, непосредственно за указанием нравственных качеств епископа, переходит прямо к диаконам, минуя пресвитеров, разумея последних под теми же епископами, тем более, что сан епископа и пресвитера, различаясь по степени благодати, требует от того и другого, как служителей Иисуса Христа и Бога Вышнего, одинаковой чистоты. Блаженный Феодорит так говорит по этому поводу: «Тогда одних и тех же называли пресвитерами и епископами; иногда же называемых ныне епископами именовали апостолами вторstvующими. Но по прошествии времени апостольское наименование оставили действительным Апостолам, а епископское наименование присвоили называвшимся древле апостолами вторstvующими». Такими апостолами были у критян Тит, у жителей Азии – Тимофей.

Впрочем, замечает он, хотя Апостол узаконил сие пресвитерам, но явно, что епископам первым надлежит сохранять сии законы, как приравшим большую часть.

Таким образом, блаж. Феодорит относит это выражение преимущественно к пресвитерам. Как бы то ни было, во всяком случае, здесь слово «епископство» употреблено совершенно в таком же смысле, в каком мы ныне употребляем слово «пастырство» и к пресвитерам, и к епископам.

Кто желает, по Апостолу, пастырства, тот желает доброго дела. Желание здесь нужно понимать в смысле внутреннего призвания к священству. Предстоятельство в Церкви Христовой требует от пастыря много трудов, предъявляет ему много требований, возлагает на него тяжелые обязанности, грозит ему страшную ответственностью; оно, по выражению Апостола, есть дело в собственном смысле этого слова, дело многотрудное, сложное, важное и ответственное. Вот почему не может исполнить его тот, кто приступает к нему равнодушно; только тот сможет высоко нести знамя пастырства, кто принимает на себя священный сан не по какой-нибудь нужде, не по каким-нибудь внешним земным побуждениям, а лишь по внутреннему влечению к этому сану, исходящему из сердечного благоговения пред его высотой, ибо этот сан, при всей многотрудности,

представляет и много привлекательного вследствие именно своей высоты. Пастырство, по Апостолу, есть доброе дело, как высочайшее служение Богу и людям, как ряд подвигов и трудов в борьбе за высшую человеческую идею. Кто стремится к пастырскому званию, так понимаемому, тот стремится к доброму делу. Вот назначение священства, вот с какими намерениями должен являться призываемый к нему; вот с какою великою силою духа он должен проходить и свое служение, раз уже ему данное.

«Подобает убо епископу быти непорочну, единыя жены мужу, трезвенну, целомудру, благоговейну, честну, страннлюбиву, учительну, не пиянице, не бийце, не сварливу, не мшелоимцу, независтливу, не сребролюбцу» (ст. 2–3).

Вследствие того, что епископство есть доброе дело и желающий приступить к нему должен приступать по одному внутреннему призванию к этому делу, от призываемого требуются особенные нравственные качества. Их и перечисляет Апостол.

«Подобает епископу быти непорочну». Под непорочностью разумеется такое качество человека, когда он не подвержен никакому пороку. Апостол не требует от пастыря, чтобы он был свободен от грехов вообще, ибо безгрешным может быть только «Единый, который грех не сотвори» (1Пет. 2, 22), но свободен именно от пороков как от постоянной склонности к того или другого вида грехам, или от страстей. Порок есть высшая и последняя стадия в развитии греха (помысл-грех-порок). Кто впал в порок (страсть), тот потерял над собой власть, сделался рабом греха. По мнению блаж. Иеронима, пастырь должен быть таков, чтобы совесть не угрызала его ни за какой грех: «Как ему свободно укорять согрешающего, когда тайно в сердце сознает, что сам позволял себе то, в чем обличает другого?» Эта беспорочность требуется от пастыря и как священнослужителя, возносящего молитвы за пасомых, совершающего святейшие таинства, предстоящего престолу Божию и Самому Богу, и как учителя и руководителя своей паствы, для которой он не должен служить соблазном, ибо, по выражению Златоуста, порочному «следует не повелевать, а повиноваться, ибо

начальник должен быть светлее всякого светильника и вести жизнь безукоризненную так, чтобы все смотрели на него и по его жизни устроили собственную жизнь».

Такая свобода от пороков должна быть отличительной чертой всей сознательной жизни пастыря даже еще до принятия священства, ибо хотя те или другие пороки его и были бы заглажены искрением покаянием и прощены Милосердным Богом, Принимающим всякого кающегося, но люди, по своей греховной природе, никогда не могут совершенно забыть их, и следовательно, они навсегда останутся поводом к соблазну.

«Единые жены муж». Этими словами запрещается второй брак для священника, будет ли то до или после принятия священного сана (отсюда следует, что не может быть священником и тот, кто до принятия христианства жил в полигамии). Второй (и даже третий) брак дозволяется Церковью для мирян, но и в этом случае она лишь снисходит к слабости человеческой, взирая на такой брак как на некое прегрешение, почему и молитвы при совершении его запечатлены сколько благословением, столько же и покаянным чувством. Священник же должен быть более твердым, более чистым, более покорным воле Божией, чем мирянин.

Пастырь должен быть трезвенным. Под именем трезвенности здесь нужно понимать главным образом трезвенность душевную (о физической трезвенности речь ниже: не пьянице), в смысле непрестанного бодрствования пастыря над самим собою и над тем, что ему вверено как стражу дома израилева, в смысле неусыпной заботливости его и о самом себе, и о своей пастве. Он должен быть, замечает св. Златоуст, «трезвенным, т. е. зорким, имеющим множество очей со всех сторон, владеть острым зрением, не смежать ока ума... Надобно быть неусыпным тому, кто печется не о себе только, но и о том, что касается других; надо ему бодрствовать и жить духом и, так сказать, дышать огнем, и больше военачальника, днем и ночью наблюдающего над воинством, бдеть и служить и обо всем иметь заботу и попечение».

Блаж. Феофилакт также толкует, что «быть трезвенным значит быть бодрствующим и могущим заранее предвидеть, что нужно

делать» (ср. 2Тим. 4, 5 и 1Пет. 5, 8). Но, по замечанию «Книги о должностях пресвитеров приходских», и физической трезвости в смысле воздержания от излишества в пище и особенно в питии, «зде исключать не надлежит; понеже телесная трезвость душевной весьма много способствует, и душевная без телесной всячески быть не может».

«Целомудру». Речь опять идет не о целомудрии в том смысле, в каком его обыкновенно употребляют (о нем раньше: единыя жены мужу), но говорится здесь о здравости ума, о благоразумии пастыря при отправлении пастырских обязанностей. Таким образом, слово это близко к предыдущему по своему значению и соотносится с ним, как часть с целым: там брались все силы и действия человека, здесь – один ум, который в то же время управляет всеми этими силами и действиями. Но так как здравость ума обуславливается, главным образом, свободой его от движений страстей, которые могут затемнять его (особенно страсть плотская), и источником которых служит сердце (Мф. 15, 19; Мк. 7, 21–23), то здесь можно разумеать и то, что мы обыкновенно соединяем с понятием целомудрия – нравственную чистоту сердца, воздержание от плотских страстей, сквернословия, соблазнительных телодвижений и нескромных взглядов, потому что, по выражению блаж. Августина «нечистое око вестник есть нечистаго сердца». Вспомним тот случай, когда св. Амвросий, епископ Медиоланский, не принял в клир человека, телодвижения которого были нескромными, а также другого, обладавшего гордой походкой. Оказалось впоследствии, что оба эти человека проявили себя недостойными в жизни и отступили от Церкви.

«Благоговейну, честну». Оба эти выражения означают: украшенный, благоустроенный во всех частях, со всех сторон, преимущественно же со стороны внешней. Таким образом, священник и во внешнем своем виде, и в одежде, приемах и в обращении и т. п. должен соблюдать благочиние, благопристойность, степенность и важность; эти качества должны быть у него, как необходимое выражение внутреннего содержания его духа, и требуются от него уже по одному тому,

что люди привыкли прежде всего обращать внимание на внешность, так как это легче всего дается наблюдению, делая выводы, и не без основания, из внешнего о внутреннем.

Но само собою понятно, что эта внешность и должна служить именно обнаружением внутренних достоинств священника, не принимая вида ханжества, лицемерия, заученной манерности и не являясь чем-то вроде того, что мы называем светским лоском и умением вести себя.

В отношении к Богу пастыря должно отличать благоговение, которое, вообще, есть основанное на любви к Господу постоянное памятование о Нем, соединенное с живым представлением своего недостойнства. Это внутреннее расположение или состояние души само в себе уже носит необходимость обнаружения его и во внешнем виде человека, во всех его словах и действиях и особенно при обращении его с предметами священными. В отношении к ближним и самому себе священник должен быть честен, проводя жизнь во всем сообразную с высоким призванием священника. Благодаря этому качеству, священник именно честно будет относиться и к своему званию, и к своим пасомым, не дозволяя себе и во внешности ничего такого, что могло бы оскорбить высокий сан, им носимый, и не соответствовать честному исполнению им своего дела.

«Страннолюбиву». Страннолюбие в смысле братского предложения отдыха, пищи и питья благочестивым путешественникам, имевшее особенное значение при первенствующем положении, апостол Павел постоянно заповедовал всем Церквам; для этой цели устраивались и общие странноприимницы, высшее попечение о которых лежало на епископах и пресвитерах. Но чтобы пастырь охотно исполнял это важное дело, ему самому нужно быть расположенным к страннолюбию и странноприимству. Но это качество и само по себе свидетельствует о его любви к ближним, столь необходимой ему именно как пастырю. Здесь же можно видеть и вообще заповедь о вспомоществовании нуждающимся братьям-христианам. «Не точию, — говорится в «Книге о должностях пресвитеров приходских», — пресвитер к странным должен быть

любителей, но и ко всем требующим помощи его, а наипаче нищим и в недугах лежащим пособлять, о сиротах промыслить, вдовиц и обиженных заступать, о невинных ходатайствовать».

Нет нужды подробно говорить, как прилична пастырю Церкви как та, так и другая добродетель, показывающая в нем и верного слугу Божию, старающегося благоугодить Богу самыми приятными Ему жертвами – благотворениями, и достойного предстоятеля людей, умеющего сочувствовать их скорбям и нуждам. «Если ж, – продолжает та же книга, – убогия священники добродетель сию за невозможное почитают, но и сами требуют подаяния, то и в таких обстоятельствах должны воззреть на Апостолов, которые, делая своими руками, о нищих помнили (Гал. 2, 10), немощныя заступали» (Деян. 20, 35).

«Учительну». Учительство составляет самую первую обязанность христианского пастыря, как это видно из примера и учения как Самого Иисуса Христа, так и Апостолов. На нее указывает Апостол и здесь. «Учительну, выражает, – по словам святителя Феофана, – что епископ должен быть так полон учительности, чтоб, как только случай, учение текло из уст его рекою, чтоб всегда мог он исполнить и исполнял». Это потом написал Апостол во втором послании: «Проповедуй слово, настой благовременна и безвременна, обличи, запрети, умоли со всяким благотерпением и учением» (2Тим. 4, 2). Но священник должен быть учителем не только словом, но и примером своей жизни. Он, по выражению «Книги о должностях пресвитеров приходских», «житие истинною святостию так славно должен иметь, что оное всех к страху Божию и благоговению и подражанию христианского непорочного жительства, как труба громкая, могло возбуждать и поощрять».

Апостол Павел дает указания относительно индивидуального пастырского руководства, как, кого и чему надо учить: «Старца не укоряй, но увещевай, как отца» (1Тим. 5, 1). Он говорит также о пастырском руководстве молодыми женщинами, рабами (Тит. 2 гл.). Пастырь, по словам Апостола, должен быть «сильным и наставлять в здравом учении, и противящихся обличать» (Тит. 1, 9). Но при этом следует

избегать лишних ненужных споров, приводящих только к раздражению и гневу.

«Не пьянице». Под пьянством здесь нужно понимать не только пьянство в собственном смысле этого слова, но и вообще какое бы то ни было излишество в употреблении вина (умеренное употребление его, особенно «желудка ради и частых недугов» не запрещается Апостолом – ср. 1Тим. 5, 23) Если порок этот нетерпим в каждом христианине (Лк. 21, 34; 1Кор. 6, 10; Гал. 5, 21), то тем более неприличен он пастырю Церкви. Еще ветхозаветным священникам сказано было: «Вина и сикера не пейте, ты и сынове твои с тобою, егда входите в скинию свидения, или приступающим вам ко алтарю, да не умрете, и будет сие вам законно вечно в роды ваша» (Лев. 10, 9; ср. Иез. 44, 21).

В Новом Завете Сам Господь говорит: «Внемлите же себе, да не когда отягчают сердца ваша объядением и пьянством и печальми житейскими, и найдет на вы внезапно день той» (Лк. 21, 34) – день внезапной смерти, заставший человека в пьянстве; он тогда погибнет навеки, ибо пьяницы Царствия Божия не наследуют вместе с другими нераскаянными грешниками (1Кор. 6, 10; Гал. 5, 21). В пьянстве – смертном грехе – рождается другой смертный грех – блуд (Еф. 5, 18). По 42-му апостольскому правилу, «епископили пресвитер, или диакон, игре и пьянству преданный, или да перестанет, или да будет извержен».

Не говоря уже о том, что священник в таком виде не может приступать к совершению общественных служб в храме, особенно же Литургии, он должен воздерживаться от сего порока во всякое время, чтобы всегда быть готовым к совершению христианских треб, часто непредвиденных, чтобы не послужить соблазном для пасомых и, вообще, не уронить своего высокого звания и достоинства. «Пьянство, – говорит Григорий Богослов, – и в мирском человеке есть тяжкий грех, а в клирике – святотатство».

«Не бийце». Ближайшим образом здесь, конечно, разумеется нанесение вещественных ударов (бийство), что свидетельствовало бы или о грубости натуры человека, или о

вспыльчивости и недостатке самообладания, но то и другое совершенно несвойственно пастырю, который, как слугитель Божий, даже при обидах должен взирать на пример Пастыреначальника, «иже укоряем противу не укоряше, стражда не прещаша, предающе же судящему праведно» (1Пет. 2, 22). «Учитель, – говорит Златоуст, – есть врач душ, а врач не наносит ударов, но наносящего удары исправляет и врачует». «Не буди буй, – прибавляет поучение святительское, – ...не бий верна согрешающа или неверна обидяща, своима рукама никого не удари». Но здесь же разумеют и нравственное биение, именно: биение словом, соблазны, которые бьют иные немощныя совести людей, слабых в вере (1Кор. 8, 12), и, наконец, тяжесть духовных наказаний, неблагоприятно налагаемых излишне строгими духовниками.

«Не сварливу», т. е. пастырю не должно любить споры, ссоры, раздоры, особенно же суды. Все это, несвойственное христианину вообще, обязанному быть «скорым услышати и косным глаголати, косным во гнев» (Иак. 1, 19); особенно несвойственно священнику, как слугителю любви и мира, который по своему сану должен быть выше мелочных вспышек раздраженного самолюбия и всячески должен стараться, чтобы его язык, благословляющий Бога и Отца, не клял человеки, бывшие по подобию Божию (Иак. 3, 9–10). «Книга о должностях пресвитеров приходских» разумеет здесь «ссору не только домовую и о вещах партикулярных (частных), но и словопрения и стязания пустословная о вере, для показания себя, а не истины, для славы своей, а не Божией» (Ср. 1Тим. 6, 4–5; 2Тим. 2, 14, 23–24).

«Не мшелоимцу» – греческое слово то же, которое употреблено и в послании к Титу (Тит. 1, 7), где оно переведено по-славянски: не скверностяжательну. По смыслу греческого и славянского слова здесь запрещается священнику не одно корыстолюбие, как излишнее стремление к приобретению земных благ (см. русский перевод), но, главным образом, скверностяжательство, т. е. употребление неправильных, незаконных, скверных способов к стяжанию (Ср. 1Пет. 5, 2). Если «в епископе всякая стяжательность, даже и праведная,

срамна», как свидетельствующая о привязанности к земному такого лица, которое должно других приводить в небо, то тем более таковая». Так, неприличны пастырю:

а) лихоимство, ростовщичество, т. е., отдача денег в рост с требованием незаконных процентов (что и выражает собственно понятие мшелоимства);

б) истязание мзды за тайнодействия или вымогательство платы за их совершение, постыдный торг с прихожанами. Правда, священник имеет право, сея своим пасомым духовная, пожиная их телесная (1Кор. 9, 7; 11, 12), но этим правом он должен пользоваться так, чтобы не быть в тягость тем, для которых он отец (1Сол. 2, 7) и довольствоваться доброхотным деянием;

в) продажа правды, когда пастырь ради прибытка делает что-либо незаконное, например, венчает незаконные браки;

г) занятия, предпринимаемые в видах корысти и несообразные с званием служителя Божия.

Правда, те или другие занятия позволительно избирать священнику и трудами рук своих восполнять скудость обеспечения своего внешнего состояния со стороны пасомых по примеру Апостола (Деян. 18, 3; 1Кор. 4, 12; 1Сол. 2, 9; 2Сол. 3, 8); но и в этом случае требуется от него разборчивость и благоразумие, как бы не взять на себя дела, унижительного для священного сана.

"Но кротку" – понятие, противоположаемое понятиям: бийца и сварливу. Кротость, по объяснению Златоуста, состоит «вообще в перенесении обид и, в особенности, в перенесении неприятностей не только от высших и начальствующих, но и от низших». При всех обидах и неприятностях пастырь должен хранить неизменно спокойствие духа и быть ко всем приветливым и радушным.

Это внутреннее расположение его души должно выражаться и вовне – во всех словах и поступках. Такое постоянное расположение духа и внешнее его выражение и есть кротость. Такое качество необходимо священнику как служителю Божию, который в своем служении должен забыть самого себя и свое самолюбие, и обязанности которого всегда требуют спокойствия

духа и свободы от страстных движений вроде гнева и т. п. Но эта кротость не должна, впрочем, доходить до слабости, до потворства людским порокам; кротость несколько не исключает строгости и грозного обличения человеческих заблуждений, как это показывает пример Пастыреначальника и Апостолов (1Пет. 2, 23; Мф. 12, 19–20; ср. Мф. 23, 1; Кор. 4, 12–13; 1Кор. 5, 5; 13, 10; Гал. 3, 1).

Требование от пастыря кротости не лишает его и права законными средствами защищать свою честь, и особенно честь священного сана; образцом этого служит тот же Апостол Павел (Деян. 22, 25; 1Кор. 9, 15).

«Не завистливу». Пастырю, обладающему высшими благами духовными, несвойственно завидовать имеющим блага земные, скоропреходящие. В русском переводе здесь поставлено слово «миролюбив», что дополняет понятие «кротку», противопоставляясь, вместе с тем, бийце и сварливу: общая для всех христиан обязанность иметь мир со всеми (Римл. 12, 18) есть преимущественная обязанность служителя Бога мира.

«Не сребролюбив» – понятие, однородное с понятиями «не мшелоимцу» и «не завистливу»; именно оно лежит в основе последних пороков: кто не сребролюбив, тот не будет ни мшелоимцем, ни завистливым, так как «сребролюбие есть корень всем злым» (1Тим. 6, 10). Этим выражением не требуется от священника, чтобы он был совершенным бессребренником – и ему нужны средства, и он может иметь деньги (хотя бы, например, для того, чтобы помогать бедным, удовлетворять собственным нуждам), – но он не должен привязываться к ним и поставлять их целью своей деятельности. Желаящие обогащаться впадают в искушение и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу. Материальное вознаграждение – не цель, а следствие в работе пастыря.

«Свой дом добре правящу, чада имущу в послушании со всякою чистотою; аще же кто своего дому не умеет правити, како о Церкви Божией прилежати возможет» (ст. 4, 5). Епископ или пресвитер, имея все вышеуказанные личные качества и

будучи свободен от перечисленных недостатков, все еще может быть не вполне способным к принятию пастырского звания. Он должен уметь управлять другими, а это умение он может доказать управлением собственного дома. Семья каждого христианина, тем более пастыря Церкви, должна быть в своем роде малою Церковью, руководимою главою дома, отцом семейства, в которой так же, как и в великой Церкви, есть известные лица, есть имущество, хозяйство, сохраняются те или другие отношения к посторонним семьям, лицам и учреждениям.

Итак, если священник не в состоянии управлять и малою церковью, то, следовательно, тем более он неспособен будет к управлению целым приходом, как и наоборот: кто в доме обнаруживает способность хорошего управления по всем частям, тот имеет уже в этом задатки хорошего управления и Церковью. Из всех предметов домашнего управления Апостол особенное внимание обращает на поведение детей, «ибо кто, как говорит Златоуст, поверит, что чужого заставит слушать себя (а это и есть самое главное в деле пастырском) тот, кто не умел своего сына держать в послушании?» Из добродетелей, которыми должны отличаться дети священника, Апостол указывает на послушание и чистоту (точнее с греческого – честность). Под послушанием здесь нужно разумеать покорность и повиновение родителям. Уже одно это понятие характеризует собою весь их нравственный облик, указывая на честное исполнение ими своих обязанностей в отношении к себе, ближним и Самому Богу (последнее, впрочем, некоторые толковники видят и в слове «послушание», разумея под этим словом послушание в вере, т. е., что все чада и домочадцы пастыря должны быть верные и правочерные). Но в приведенных словах Апостола можно найти и другую мысль: он хочет сказать, что семейная жизнь пастыря должна быть образцовою, на что он и указывает после перечисления личных добродетелей пастыря. Пастырь не только сам должен служить образцом для своей паствы, но и вся семья его имеет такое же значение: как благоустроенность пастырского дома может весьма благотворно действовать к назиданию пасомых, так,

напротив, нестроения и беспорядки в доме пастыря имеют крайне дурное влияние на паству. Хотя бы сам пастырь был и образцовым, но порочная жена, дурные дети, расстроенное хозяйство и т. п., могут соблазнять прихожан, ослаблять их уважение к пастырю, а вместе с тем и его влияние на паству.

«Не новокрещенну, да не возгордевся в суд впадет диавол» (ст. 6). Апостол запрещает возводить в сан пастыря кого-либо из новообращенных, недавно крещенных, мотивируя это запрещение тем, что при таком быстром возвышении пастырь может возгордиться, а потому и подвергнуться тому же осуждению, какому подвергся диавол за гордость. Дело, психологически вполне понятное: ново-крещенный, вдруг ставший пастырем, действительно, легко может возмечтать о себе и своих достоинствах, так как он сразу стал не только христианином, но и руководителем христиан. Пастырь, возгордившись, подобно диаволу, не стоит во истине. Он превратно объясняет Слово Божие, легко уклоняется в ложное учение, и тем самым увлекает за собой многих и погубляет их души, т. е. совершает такое же постыдное дело, какое совершено диаволом. Поэтому, по слову Апостола, он подпадает осуждению, какому подвергся диавол. Косвенным образом в этих же словах запрещается пастырю быть гордым – порок, особенно неприличный служителю любви. «И сие, – говорит «Книга о должностях пресвитеров приходских», – к священническим добродетелям надлежит, чтобы он не был горд, но смиренномудр».

«Подобает же ему и свидетельство добро имети от внешних, да не в поношение впадет и в сеть неприязненну» (ст. 7). Епископ должен пользоваться уважением и среди неверных, нехристиан – требование, имевшее громадное значение особенно в первенствующие времена Церкви, когда доброе поведение пастыря могло иметь сильное влияние на приращение Церкви. Но свидетельство добро, по объяснению Златоуста, значит, что священник вообще должен вести себя так, чтобы самая наглая клевета не могла уличить его в каком-нибудь нравственном преступлении, чтобы самый недоброжелательный язык не мог не засвидетельствовать всем

известных добрых его качеств и поступков, делающих его достойным пастырства. Отсюда требование это, особенно уместное в Церкви первенствующей, имеет место и во всякое время.

Кроме того, и во всякое время Церковь имеет у себя и около себя если не собственно внешних (не христиан), то, по крайней мере, людей чуждых ей по духу, по жизни, которые внешне лишь принадлежат Церкви, а иногда, отделяясь от неё, становятся явно ее врагами (иноверцы, неверующие и пр.). Но если есть много людей, отрицательно относящихся к Церкви, то еще больше таких людей имеется вокруг священника, как лица, которое по своему положению стоит выше тех, с кем он находится в союзе веры. Без такого доброго свидетельства, по словам Апостола, пастырь может впасть в поношение и в «сеть неприязненну». Поношение означает здесь насмешки и презрение, каких не может избежать священник, когда из прежней его жизни известно что-нибудь предосудительное. А насмешки и презрение могут переходить с него и на всё общество верующих и, во всяком случае, препятствовать благоуспешному действованию Евангелия; кроме того, они могут смутить и самого пастыря, часто неспособного ничего сделать при таких обстоятельствах, смутить до того, что он, после напрасной борьбы, может снова обратиться к прежней незаконной жизни и, обессилив, бросить, под действием недремлющего врага, и епископство и самое христианство.

От пастырей Апостол переходит к диаконам (ст. 8–13). *«Диаконам такожде чистым, не двоязычным, не вину многу внимающим, не скверностяжательным»* (ст. 8). Те же самые качества, которые требуются от епископа и пресвитера, требуются и от диакона. Апостол не перечисляет их все, а указывает лишь некоторые для примера: так, диаконы должны быть чисты (точнее, честны; ср. ст. 2 и 4), не пристрастны к вину, не скверностяжательны (ст. 3). Как распорядители общецерковного имущества в делах благотворения, диаконы имели много случаев употребить свое служебное положение во зло, то есть для личного своего обогащения. А как служители при вечерах они, имея доступ к вину, могли употреблять его в

большом количестве. Поэтому Апостол и замечает Тимофею, чтобы в диаконы выбирались люди, «не пристрастные к вину и не корыстолюбивы». Но тут же Апостол указывает и новую черту, о которой не было упомянуто прежде, но которая, конечно, в одинаковой мере приложима и к пастырям: «не двоязычны». Этим выражением запрещается говорить иным одно, иным – другое; вероятно, Апостол имел особенную причину сделать это запрещение именно диаконам, как лицам, служившим в то время как бы посредниками в сношениях между пастырями и пасомыми.

Тут же можно видеть запрещение одно иметь на уме, а совершенно другое выражать языком. Апостол указал на такие свойства, которые имеют особое отношение к совести человека. Ибо нечестность, двоязычие, пристрастие к вину, корыстолюбие повреждают совесть человека, делают ее нечувствительной. Поэтому отсутствие совести свидетельствует и об отсутствии истинной веры. Это Апостол выразил в следующих словах:

«Имущим таинство веры в чистой совести» (ст. 9). Диаконы должны, искренно и правильно веруя, и жить честно, быть безукоризненными и по внешнему поведению, и по внутренним чувствам и настроениям: искренняя православная вера их должна сопровождаться и обнаруживаться добрыми делами (Апостол употребляет выражение «таинство веры» в смысле непостижимости того, во что мы веруем и что совершает наше спасение).

«И сии убо да искушаются прежде, потом же да служат, непорочни суще» (ст. 10). Лица, имеющие такие качества, должны быть предварительно испытаны, действительно ли присутствуют у них эти качества, а потом уже, оказавшись после этого испытания безукоризненными во всех отношениях, поставляться во диаконы. Вот еще новое условие вступления в священный сан, которое предполагалось и прежде всем течением речи Апостола. Одним из действительнейших средств такого испытания служит исповедь ставленника пред духовным отцом, который должен по совести засвидетельствовать пред епископом, что нравственное состояние исповедовавшегося не представляет канонических препятствий к его рукоположению.

Эта исповедь должна быть полною – во всех грехах, какие бы и когда бы он ни совершал.

Жена пастыря должна быть женщиною идеальною во всех отношениях, приближающуюся по своим качествам к качествам своего мужа вследствие уже одного того нравственного влияния, которое, но Апостолу, должен иметь пастырский дом на всех прихожан (ср. ст. 4 и 5). Не говорим уже о том, что такая жена будет естественною и самою лучшею помощницею мужа-пастыря во многих отношениях (занятия по хозяйству, воспитание детей, забота о бедных, больных прихода), составляя в то же время для него неиссякаемый и самый близкий источник нравственной поддержки и утешения, в которых не может не нуждаться священник, идущий по пути, не всегда усыпанному розами, а в большинстве своем состоящему из терний, когда одно доброе, ласковое слово простого сочувствия имеет великую ободряющую и успокаивающую силу. Таким образом, и у неё должны быть те же качества, которых Апостол требует от самих священнослужителей, как то: нравственная чистота и честность, неклеветливость (качество, против которого особенно погрешают женщины), трезвенность, верность во всем (и в вере, и во всех ее мыслях, словах и поступках, вследствие чего на нее во всем можно положиться).

«Ибо служившие добре степень себе добр снискают, и многое дерзновение в вере, яже о Христе Иисусе» (ст. 13). Апостол воодушевляет диаконов к надлежащему прохождению ими их должности обещанием добрых последствий такого прохождения. Это, с внешней стороны, – приобретение высшей иерархической степени пресвитера и епископа, а с внутренней стороны – великое дерзновение пред Господом в силу веры в Него, именно вследствие которого он и будет достоин высшей степени, чтобы не служить только священнодействиям и молитвам, но и самому священнодействовать и дерзновенно возносить ко Господу молитвы о верных. Вначале Апостол сказал, что «кто епископства желает, доброго дела желает», а теперь указывает, какая к тому лежит дорога, именно – доброе служение Церкви в диаконстве. И опыт показал, что «добре диаконствовавшие славны были потом и на степенях

пресвитерства и епископства» (святитель Феофан Затворник), как например, св. Афанасий Великий.

Это обычный путь особенно древнего возвышения по ступеням церковно-иерархической лестницы, начиная с низших степеней и постепенно восходя к высшим; в этом также причина, почему от диаконов Апостол требует тех же качеств, что и от пастыря, хотя в то же время эти качества приличны ему именно как диакону.

Если кандидат в пастыри не усвоит всех перечисленных св. Апостолом качеств, то он никогда не станет истинным пастырем.

Основные качества, необходимые пастырю Церкви в его служении

Для того, чтобы успешно совершать пастырское служение, священнослужителю необходимо стремиться к исполнению всех христианских добродетелей. Постоянное упражнение в добродетелях воспитывает в пастыре навыки в доброделании. Навыки же со временем могут перейти в личные качества.

Невозможно в одной лекции раскрыть все качества, необходимые пастырю, поэтому мы остановимся лишь на основных: вере, любви, пастырской ревности, рассудительности, смирении, целомудрии и молитвенности.

Вера

Христианская вера есть неременное убеждение в истинности всего того, о чем учит Святая Церковь. Веровать в Бога значит иметь твердую и живую уверенность в Его бытии и свойствах, а также признавать своим умом и сердцем все то, что Сам Бог сообщил нам о Себе в Своем Откровении. Главный предмет веры христианской есть спасение в Господе нашем Иисусе Христе: «Аще исповеси усты твоими Господа Иисуса, и веруеши в сердце твоём, яко Бог Того воздвиже из мертвых, спасешися» (Рим. 10, 9). Православный пастырь должен быть убежден в догматах веры, иначе он не может убеждать своих пасомых, научить их христианским истинам. Спасение осуществимо при наличии живой веры во Христа. Поэтому, если у пастыря не будет этой живой веры, то спасение как своей души, так и пасомых будет призрачно, он не может спасти свою душу, а тем более не может спасать других. «Без веры же невозможно угодить Богу», – пишет св. ап. Павел (Евр. 11, 6); значит, невозможно спасение. Сам Господь об этом говорит: «Иже веру имет и крестится, спасен будет; а иже не имет веры, осужден будет» (Мф. 16, 16). Необходимость веры как познания о Боге видна еще из того, что, не зная Бога, мы не можем служить Ему подобающим образом. «Како убо призовут, в Негоже не вероваша» (Рим. 10, 14)? Притом, истинное познание о Боге составляет истинную жизнь для нашего духа. «Се же есть живот вечный, да знают Тебе Единого Истинного Бога и егоже послал еси Иисус Христа» (Ин. 17, 3). Человек все может потерять в этой жизни, но, пока остается в нем вера, жизнь еще впереди.¹⁰⁶

Если же так необходима вера вообще для каждого человека, то тем более она нужна для пастыря Церкви. «Священник, – пишет в своих дневниках протоиерей Иоанн, – должен всегда возвещать волю Божию, да не заблуждаются до конца люди»¹⁰⁷. Возвестить эту волю, научить истинной и твердой вере своих слушателей пастырь сможет тогда, когда сам будет иметь подобную веру. Поистине, только постоянное

созерцание Бога внутренним оком веры как Всеблагого Помощника, Всемогущего Защитителя и Премудрого Указателя пути в Его Царствие даст пастырю Церкви силы к победе над различными искушениями, к мужественному перенесению различных напастей и бедствий и выполнению им своего назначения на земле. Только твердая вера в Бога сообщит всей деятельности пастыря Церкви характер глубокой убежденности. Без твердой же веры в Бога пастырь Церкви может, наоборот, сделаться жертвою различных нежелательных влияний, неблагоприятных обстоятельств и несчастий. И в деле пастырства он будет именно тростью, колеблемой ветром. «В нас сила веры должна быть непоколебима, – говорит св. Киприан Карфагенский, – стойкой и непреклонной твердости. Мы должны противостоять напору и стремлению идущих на нас волн, так, чтобы они разбивались о нас, как о неподвижную скалу»¹⁰⁸.

Вера служителя Церкви Христовой должна быть разумной. Он должен иметь достаточное и твердое познание богооткровенных истин, чтобы, по слову Апостола, он смог «дать отчет в своем уповании» (1Пет. 3, 15) и правильно руководить своей паствой. Пастырь не должен довольствоваться поверхностным познанием истин веры, так как это опасно для спасения; он может принять вымыслы человеческие, часто неправильные, за истину и увлечься ими. Поэтому-то ап. Павел наставляет: «Вся же искушающе, добрая держите» (1Сол. 5, 19).

Вера является основанием всякой добродетели, она, по слову епископа Игнатия, «и мать терпения и мужества, и сила молитвы, и руководительница к смирению, и подательница надежды, и лестница к Престолу Любви»¹⁰⁹. Поэтому, где нет веры, там необузданность страстей и множество пороков, увлекающих пастыря в бездну зол. Но вся гибельность отсутствия веры в пастыре заключается в том, что гибель его влечет за собой гибель пасомых. Пастырь не может ни спастись сам, ни погибнуть. Бог как бы соединил с его душой души вверенных ему пасомых.¹¹⁰

Чтобы вера пастыря была совершенной, он прежде всего должен иметь правильное христианское знание о Боге. Истинное богопознание служит основой его глубокой личной убежденности, и эту убежденность он передает своим слушателям. Истинное богопознание пастырь приобретает изучением слова Божия, творений святых отцов, богословских наук. Но основным средством богопознания является постоянная и усердная молитва и чистота сердечная, приобретаемая добродетельной жизнью. «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5, 8). «Вникай в себя и в учение, – заповедует св. ап. Павел, – занимайся сим постоянно, ибо так поступая, и себя спасешь, и слушающих тебя» (1Тим. 4, 16). «Для Бога ничто так не достолепно, – говорит св. Григорий Богослов, – как слово очищенное и душа, совершенная учениями истины»¹¹¹.

Но для того, чтобы вера стала реальной, пастырю недостаточно одного только обилия знаний. «Для этого нужно, чтобы он усвоил их органически, чтобы они в нем переварились, перебродили, превратились в его плоть и кровь, сделались его собственностью и переработались в нем в цельное, ясное и отчетливое мировоззрение»¹¹². Только такая вера, по мысли прот. Иоанна Сергиева, отражается в словах пастыря, оживает в делах, воплощается в деятельности, обнаруживается в любви к ближним¹¹³.

К такой вере способна только та душа, которая решительным произволением отверглась греха, направилась всей волей и силой своей к Божественному добру. Это возможно путем подвига очищения души от всякой скверны, путем покаяния. «Покаяние, – говорит еп. Игнатий, – необходимо не только для того, чтобы уверовать во Христа, оно необходимо для пребывания в вере, для преуспевания во Христе, оно необходимо для живой веры во Христа»¹¹⁴.

Любовь

Постоянно развиваясь и совершенствуясь в благоговении, вера пастыря становится живой, она переходит в область чувства и порождает любовь. «Любовь рождается... от нелицемерной веры»¹¹⁵ – говорит епископ Игнатий (Брянчанинов). Вера в Бога вписывает в число избранных, и это избрание запечатлевается Св. Любовью¹¹⁶.

Не проникнутая чувствами живой веры в Бога и горячей любви к Нему и людям, деятельность пастыря Церкви не будет иметь в себе главного, а именно, души: от нее будет веять сухим холодным формализмом, который, конечно, будет не привлекать людей к пастырю Церкви, а, скорее, отталкивать их от него. И наоборот, чувства живой веры в Бога и горячей любви к Нему и людям сделаются в пастыре Церкви основанием того истинного и прочного чувства долга, которое внесет в его (пастыря Церкви) деятельность святое воодушевление, внесет в нее дух и жизнь. Кроме того, чувства живой веры в Бога и горячей любви к Нему и людям сделаются для пастыря Церкви источником таких высоких духовных радостей и наслаждений, во имя которых он твердо и мужественно преодолеет и перенесет все злое, что может встретиться ему на его тернистом пути; эти благодатные радости и наслаждения сделаются для него такою наградою, которой он не променяет ни на какие блага этого мира.

Любовь есть дар Божий. Св. ап. Павел говорит: «Любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам» (Рим. 5, 5). Приготавливать себя к принятию этого дара пастырь обязан очищением своего сердца, ума и тела. Кто стремится к развитию в себе чувства любви к Богу, предварительно не очистив себя, тот близок к самообольщению, по мысли епископа Игнатия, и это стремление устраняет от правильного служения Богу¹¹⁷.

Пастырь, любящий Бога, имеет такое расположение души, по которому он всеми силами стремится к соединению с Богом, как с высочайшим нравственным Добром, в Нем едином, в

угождении Ему поставляя свое счастье и блаженство. Во сей своей деятельности пастырь руководствуется любовью, потому что «такова есть воля Божия» (1Пет. 2, 15), и это «угодно Спасителю нашему Богу» (1Тим. 2, 3). «Бог есть Любовь» (1Ин. 4, 16). Уподобляться Ему есть цель всей жизни и деятельности не только пастыря, но и каждого христианина. Если без любви невозможно спастись, то становится понятной та важность пастырской деятельности, в которой он раскрывает сущность любви и необходимость растворять ею всю добродетельную жизнь человека.

Из любви к Богу вытекает и любовь пастыря к пастве. Пастырь поставляется Самим Богом на особенное служение, которое в то же время является и ближайшим средством собственного его спасения. Это происходит потому, что своей деятельностью пастырь способствует примирению своих пасомых с Богом и тем самым имеет возможность особенно угождать Ему. Поэтому чувства благодарной любви к Богу обнаруживаются в его чувствах к пастве.

Сознавая, что дело его есть дело Божие, пастырь Церкви, пламенно любя Бога, сделает все, чтобы Имя Божие прославилось среди людей истинно христианскою жизнью последних. С другой стороны, сознавая всю важность своей деятельности для людей, ибо от нее зависит временное и вечное счастье человечества; и пламенно любя людей, как бы сливаясь посредством этой любви с каждым из них в одного человека до того, что он радуется с радующимися и плачет с плачущими, пастырь Церкви будет считать их счастье как бы своим собственным, а, следовательно, сделает для них все, что только может сделать, как если бы делал для себя самого.

Постоянно поучая и назидая своих пасомых, пастырь возвышается над ними как духовный отец. Это свое возвышение он оправдывает сердечной любовью к своим духовным детям. Именно этой любовью он в одних побеждает страх, в других – холодность и пренебрежение; у одних вызывает доверчивость, других подвигает на покаяние.

Любовь к своей пастве, доходящая до готовности пожертвовать собой, является наиболее необходимым

качеством пастыря. Где жива эта любовь, там пастырь является продолжателем дела Христова, где нет любви, там извращается все направление пастырской деятельности.

Естественно, что если деятельность пастыря не будет основываться на особой любви к пасомым, выражающейся в заботливости, внимательности, неусыпности, кротости, то такое служение будет постоянной ложью, такой пастырь будет медью звенящей, кимвалом звучащим (1Кор. 13, 1).

Ревность

Следующим качеством, необходимым для пастыря, является ревность.

Любовь к ближним рождает ревность о спасении их, заставляет непрерывно поучать и заботиться о них. Эта ревность побуждает пастыря вовремя и не вовремя обличать, запрещать, увещевать со всяким долготерпением и назиданием своих пасомых (2Тим. 4, 2). Святой Иоанн Златоуст спрашивает: «Что значит вовремя и не вовремя?» – и отвечает: «Не назначай определенного времени, пусть будет тебе всегда время для этого, а не только во время мира, спокойствия, или пребывания в Церкви; хотя бы ты был в опасности, хотя бы темнице, хотя бы в узах, хотя бы готовился идти на смерть, и в это время обличай и не переставай вразумлять. Тогда и благовременно делать обличения, когда представляется удобный случай»¹¹⁸. Св. Феофилакт, толкуя эти слова, говорит: «Не жди времени падения, но учи прежде, чем падет кто»¹¹⁹.

Ревностный пастырь своим словом укрепляет слабых, смиряет гордых, устрашает дерзких, предохраняет от поводов ко грехам, ленивых делает трудолюбивыми, жестоких – милостивыми, распутных – целомудренными... словом, его ревность может произвести всякое добро и всякое зло способна исправить, уврачевать.

Любвеобильный и ревностный пастырь силой слова и добродетельной жизнью может изменить к лучшему всю свою паству, И наоборот, беспечность и нерадение пастыря может привести к общей гибели всех тех, кем он руководит. Пастырь, проводящий свою жизнь в нерадении и праздности, не способен бывает ни к какому доброму делу. Его душа постоянно бывает склонна к греховным привычкам и пожеланиям. Святитель Тихон Задонский говорит: «Кто живет в праздности, тот постоянно грешит»¹²⁰. Праздность, по его словам, представляет из себя дверь, которой удобно проходит искушитель¹²¹. «Чтобы любить Бога, – пишет святитель в другом месте, – должно от грехов отвратиться и покаяться, и мир с прелестью и суетой

оставить, и тако единого Бога искать и желать»¹²². Подобно этому учит и епископ Игнатий: «Необходимо достигнуть совершенства во всех добродетелях, чтобы вступить в совершенство всех совершенств, в слияние их, в любовь»¹²³.

Чтобы восстать от этого сна греховного, т. е. нерадения и беспечности, пастырю прежде всего нужно принести истинное раскаяние во всех своих грехах и стараться, с помощью Божией, больше не оскорблять Создателя, Который ищет служителей Церкви чистых сердцем и ревностных в доброделании. Чувство своего недостойнства, сознание того, что он не имеет права учить тому, что сам не исполняет, но по долгу пастырскому обязан это делать – именно это чувство благоприятствует покаянной настроенности пастыря и его горячей молитве о ниспослании благодатной помощи свыше.

Рассудительность

Будучи поставлен своим состоянием среди мира, пастырь должен уметь жить, не покоряясь ему, а это возможно в том случае, если пастырь будет иметь рассудительность. Святой Григорий Двоеслов пишет: «На груди (у первосвященника) Аарона прикреплено было по повелению Божию слово судное (Исх. 28, 15)... Это значит, что пастырь должен быть столько же рассудителен, сколько и умен, чтобы отчетливее различать добро и зло, внимательно обсуждать что, чему, когда и в какой мере прилично, «не искать своих си», но промышлять о пользе ближних»¹²⁴.

Руководствуясь рассудительностью, пастырь никогда не поступит опрометчиво. Будучи проповедником, он не спешит с наставлениями и увещаниями, которые время и терпение могут сделать более плодотворными. По слову Апостола, он проповедует слово «со всяким долготерпением» (2Тим. 4, 2). Такой пастырь знает благоприятные минуты для проповеди, ловит их, сам подготавливает их, но никогда их не предваряет. Свое слово он управляет по обстоятельствам, приспособляет к различным характерам, соразмеряет с следствиями, которых он желает. Такая рассудительность увеличивает силу пастырской деятельности.

«Церковь, – учит св. Григорий Богослов, – есть одно общее дело, составленное... из многих и различных нравов и умов. И предстоятелю совершенно необходимо быть и простым по правоте во всех отношениях, и, как наиболее, всеобразным и многообразным в обращении с каждым, приспособляя ко всякому свою беседу»¹²⁵. Поэтому рассудительность побуждает пастыря Церкви знать своих пасомых, знать условия их существования и воспитания, уровень и характер их умственного и нравственного развития, их внутренние расположения, душевные нужды и т. д.¹²⁶ Без такого знания своих пасомых пастырь иногда поступает наугад, а это может оказаться бесполезным и даже вредным¹²⁷. Но вся затруднительность деятельности пастыря заключается в том,

что эта вредоносность случается там, где он меньше всего ожидает, потому что, как говорит св. Григорий Двоеслов, «часто полезное для одних обращается во вред другим... Травы, которые одних животных питают, других убивают;...даже и лекарство, которое одну болезнь уменьшило, другую может только усилить; наконец, и самый хлеб, укрепляющий жизнь взрослых, расстраивает здоровье детей... Подобно этому и всякий учитель, если хочет утвердить всех в одной добродетели любви, должен трогать и назидать сердца слушателей одним учением, но не одним и тем же способом»¹²⁸.

Рассудительность пастыря проявляется также и в том, о чем он говорит. «Пусть (пастырь), – учит святитель Григорий Двоеслов, – во время приготовления к проповеди обсуждает... с должным вниманием, что он хочет предложить слушателям, чтобы какой-нибудь неправославной мыслью не возмутить и не оскорбить их совести»¹²⁹. Заботясь о том, чтобы не допустить в своей деятельности явно вредного, пастырь не должен забывать, что и полезное, сказанное без меры и без порядка, теряет свою силу. Иногда, говоря необдуманно, пастырь вводит своих слушателей в заблуждение, но бывает, что и неуместное молчание оставляет их в заблуждении. Поэтому «пастырь должен быть мудр в молчании и назидателен в речах, чтобы не говорить о том, о чем следует молчать, и не молчать о том, о чем нужно говорить»¹³⁰.

Видя такую пользу и необходимость рассудительности в деятельности пастыря, естественно возникает вопрос: каким путем можно достигнуть этой добродетели? «Духовное рассуждение, – отвечает епископ Игнатий, – приобретается чтением Священного Писания, преимущественно же Нового Завета, и чтением св. отцов, которых писания соответствуют роду жизни, проводимой христианином»¹³¹.

Смирение

Пастырю Церкви не нужно забывать, что своими собственными силами, без помощи Божией, он ничего не сможет делать, особенно в момент тяжелых искушений, когда душа пастыря бывает настолько слаба, что по временам готова оставить спасительный путь и пойти в сторону смерти, т. е. исполнять мирские, греховные привычки. Для того, чтобы пастырю преодолеть все искушения и одержать над ними победу, ему нужно постоянно просить Бога о помощи.

Это сознание необходимости помощи Божией, сознание своей немощи, сознание, что он только исполнитель воли Божией, проводник благодати – рождает в душе пастыря смирение. «Не к превозношению да ведет тебя степень церковного чина, но да смиряет наипаче, – увещевает св. Василий Великий. – Преуспеяние души – преуспеяние в смирении, а лишения и бесчестия рождаются от высокоумия... Смирение – подражание Христу, а превозношение – подражание диаволу. Будь подражателем Христу, а не антихристу; Богу, а не противнику Божию»¹³².

Пастырю Церкви Христовой, имеющему одну цель – соединять людей со Христом и вести их ко спасению – всегда должна быть присуща не самонадеянность, а глубочайшее смирение перед Личностью Божественного Пастыреначальника. Если пастырь живо сознает и чувствует свою всецелую зависимость от Бога, свою виновность пред Ним, если отвергает от себя всякую мысль о своих силах и совершенствах и во всем прибегает к спасительной помощи Божией, то он близок к познанию истины и, следовательно, сможет указать единственно правильный путь к вечной жизни. В то же время как гордость и самообольщение относительно своей мудрости или праведности препятствуют видеть свет истины. «Кто приписывает себе небывалый блеск праведности или мудрости, – говорит св. Григорий Двоеслов, – тот далек от совершенного знания, и тем более удаляется от истинного света, чем более о себе мечтает, как и замечено о некоторых в

Писании: «Глаголющиеся быти мудри, объюродеша» (Рим. 1, 22)¹³³.

Итак, если гордость происходит от превозношения собственными мнимыми достоинствами, то смирение приобретается путем обратным, т. е. уничижением себя. Именно об этом учат святые отцы. «Желающий приобрести истинное смирение, – пишет преп. Дорофей, – отнюдь ни в коем случае не должен почитать себя чем-нибудь»¹³⁴. Приобретается эта великая добродетель путем целожизненного подвига, и если сердце пастыря день и ночь, по словам аввы Дорофея, не ищет с болезнью Господа, то он не может преуспеть¹³⁵, а, следовательно, и других повести к этому преуспеянию. При этом не следует забывать, что смирение есть дар Божий, и необходимо молить Господа о сокрушении и смирении своего сердца, всегда склонного к превозношению и гордости.

Смирение рождается от исполнения заповедей¹³⁶, но все будет трудиться тот, кто не стремится к чистоте духовной и телесной. «Подобает строителю Божию быти целомудрену» (1Тим. 3, 2).

Целомудрие

Под именем целомудрия св. отцы разумеют здравость ума, не потемняемого страстями всеми вообще, но в особенности страстью плотской, которая сильнее всех помрачает ум, больше всех увлекая сердце. «Весьма важно, – говорит епископ Игнатий, – сохранение тела от впадения в блуд, но одного этого недостаточно для боголюбезной чистоты, которой зрится Бог. На нас лежит неременная обязанность очистить самую душу от помышлений, мечтаний и ощущений сладострастных»¹³⁷. Целомудрие также означает чистоту сердца от нечистых слов, пожеланий и привязанностей.

Как проповедник Слова Божия и высокого нравственного учения о душевной и телесной чистоте, пастырь особенно должен быть предан Богу сердцем и для пасомых быть образцом целомудренной жизни. Когда он отдаст Богу самые движения сердца, тогда – и только тогда – ум его будет чист, воля – тверда, служение Богу – достойно¹³⁸.

Нецеломудрие телесное – самый нетерпимый порок в священнослужителе, так что однажды подпавшие ему не допускаются к священству, а облеченные саном, впадая в него, лишаются священства. Что касается влияния такого пастыря на паству, то одна часть ее, из презрения и негодования, бежит от него, отвергая совершаемые им священнодействия, а другая начинает идти по следам пастыря и, таким образом, хотя и разными путями, но гибнет и развращается весь приход. И никакие способности не могут помочь такому пастырю, ибо ум его, омраченный нецеломудренной жизнью, не в состоянии познать спасительного пути, и, следовательно, пастырь не сможет повести по нему своих пасомых.

Средствами к сохранению целомудрия являются страх Божий, постоянный телесный труд, воздержание в пище и питии, особенно удаление от пьянства, частое совершение Литургии с предварительной исповедью. Но собственные усилия пастыря, по словам епископа Игнатия, только укрощают плоть, а истинное целомудрие есть дар Божий, подаваемый «вследствие

постоянной усерднейшей, часто весьма долговременной молитвы»¹³⁹.

От молитвы, в которой испрашивается благословение Божие, зависит вся деятельность пастыря. «Без Меня не можете делать ничего» (Ин. 16, 5), – говорит Господь. В деле спасения людей «и насаждающий, и поливающий есть ничто, а все – Бог возвращающий» (1Кор. 3, 7). Поэтому пастырь должен как можно чаще обращаться к Богу с искренней сердечной молитвой о благодатной помощи в своем служении.

Молитвенность

При перечислении личных качеств пастыря уже упоминалось, что одним из средств к их приобретению является молитва. Какими бы способностями ни обладал пастырь, но если у него отсутствует дух молитвы, то эти способности не заменят того, что может снискать молитва. Пастырь без молитвы – «это безводное облако, носимое ветром» (Иуд. 1, 12), так как оно не производит ничего доброго, а только препятствует благодетельному влиянию солнца на землю.

Пастырю, ходатаю за пасомых, молитвенно предстательствующему за них пред Богом, необходимо иметь опыт в молитве. Без молитвенного опыта он всегда может быть подвержен опасности прогневать Бога небрежным, недостойным совершением дела Божия. Если пастырь не научился возвышаться над всем мирским и житейским, возноситься всею душою своею к Богу, не навек взывать к Богу в то время, как молится устами, не приобрел терпения во внешнем молитвенном труде, то как он может ходатайствовать за других? Если пастырь понудит себя к домашнему молитвенному подвигу, если он будет, по мере возможности, исполнять церковные правила; если приучит себя молиться за своих пасомых не только в храме, но и у себя дома с усердием, с каким некогда св. ап. Павел «преклонял колена своя ко Отцу Господа нашего Иисуса Христа, да даст учеником его... силою утвердиться Духом Его во внутреннем человеце» (Еф. 3, 14–16), – то он всегда сможет дерзновенно ходатайствовать перед Богом о милости за грехи своей паствы.

Пастырь-молитвенник, проводящий жизнь в Боге, всегда благоразумен, ибо он знает трудности духовной брани и всегда осторожно воздействует на своих слушателей. Молитвенность пастыря не только возвышает его собственную душу, делает ее «собеседницей Богу», но и заключает в себе великую силу пастырского воздействия на паству. Через нее у пастыря устанавливается незримая, но реальная жизнь с народом. Сердце пастыря согревается любовью к пастве, когда он горячо

молится о ней. Молитва – это путь к Богу. С молитвы надо начинать подготовку к службе Божией, молитвой ее продолжать и завершать. По учению митрополита Филарета Московского, «дело молитвы должно быть прежде всех, потому что без него не может совершиться дело благое»¹⁴⁰. Если в молитвенной атмосфере храма молитвенник-пастырь выйдет на амвон со словами поучения, то он найдет души и сердца своей паствы открытыми к восприятию Слова Божия. Высокая молитвенность пастыря является основой его внутренней жизни. Обращаясь умом и сердцем к Богу, истинный пастырь всегда питает в себе дух молитвы; каждое благоговейное слово обращения к Богу есть молитва, или прошение, или благодарение, или славословие. Имея всегда в мыслях Бога, он не может не молиться.

Дерзая обращаться к Господу с молитвой о ниспослании благодати себе и своим слушателям, пастырь всемерно должен стремиться к нравственно чистой жизни, потому что, по словам св. Григория Двоеслова, «как дерзнет ходатайствовать пред Богом за грехи народа тот, кто не знает, заслужил ли он своей жизнью благоволение Божие к себе самому?»¹⁴¹ «Каков должен быть тот (по своей духовной и нравственной чистоте), – спрашивает святитель, – кто молится за весь город, за всю вселенную?.. Для такой молитвы я не считаю достаточным даже дерзновение Моисея или Илии. Он (священник) так приступает к Богу, как будто ему вверен весь мир и он есть отец всех; молит о прекращении всюду войн... просит о мире и благоденствии, о скором избавлении от всех бедствий... Посему он сам должен столько во всем превосходить всех, за кого он молится, сколько предстоятелю следует превосходить находящихся под его покровительством»¹⁴².

Итак, если молитва так важна в жизни пастыря, то он должен следовать заповеди Спасителя, сказавшего: «Непрестанно молитесь» (1Сол. 5,17). И если кто станет утверждать, что непрестанная молитва есть дело отшельников и подвижников, то в ответ можно привести слова Преосвященного Илиодора: «Это то же, если бы кто спрашивал: возможно ли непрестанное дыхание? Молитва есть дыхание души.

Следовательно, непрестанная молитва не только возможна, но и необходима»¹⁴³. «Что воздух для жизни тела, то Дух Святой для жизни души. Душа посредством молитвы дышит святым, таинственным воздухом»¹⁴⁴.

Для стяжания такой молитвы необходимо внутреннее внимание. «Как тело без души мертво, так и молитва без внимания мертва»¹⁴⁵. Кроме того, необходимо смирение и сокрушение сердечное, а также покаяние. По словам епископа Игнатия, когда молитва не одушевлена покаянием, тогда она не исполняет своего назначения, тогда не благоволит о ней Бог¹⁴⁶. Отсутствие этих элементов истинной молитвы есть признак уклонения в ложное направление, признак самообольщения, прелести или бесплодия¹⁴⁷. При всем этом необходимо знать, что «молитвы учитель – Бог; (и) истинная молитва – дар Божий»¹⁴⁸.

Таковы основные личные качества, необходимые пастырю Церкви в его служении, хотя и далеко не полностью перечисленные. Пастырю недостаточно только знать о них, но необходимо всемерно стремиться к их приобретению, не забывая, однако, что они есть дар Божий. Пастырское самоусовершенствование – неотложное, необходимое дело служения у Престола Божия. Идущий этим путем пастырь никогда не окажется в положении «наемника» (Ин. 10, 12), нерадящего о своих овцах; не станет он и бескачественной солью, потерявшей свою силу (Мф. 5, 13). Но он будет благодатным светом для мира, любящим отцом для своей паствы, будет добрым пастырем, способным всюду сеять радость, мир и семена доброй жизни; он найдет в себе силы показать и наивысший подвиг самоотвержения – положить душу свою за други, и тем до конца выполнит свой долг перед Богом, людьми и своей совестью.

«Жизнь пастыря Церкви, – говорит митр. Варфоломей, – должна быть жизнью, полной аскетических подвигов, чтобы своим примером и благодатною настроенностью пастырь влѣк ко Христу Спасителю своих духовных овец»¹⁴⁹.

Но пастырь может все трудиться над созиданием великого дела спасения человечества во Христе Иисусе, если Господь

Бог не благословит трудов его и не поможет ему Своею благодатию. Для привлечения на себя и на свое дело благословения и вспомоществующей благодати Божией пастырь должен непрестанно молиться об успехе своей деятельности и о душах пасомых, которых он руководит на пути к Царствию Небесному.

Еще в Ветхом Завете Самим Богом было установлено священство, однако оно по своему значению в деле спасения человека было гораздо ниже новозаветного священства. Хотя с внешней стороны, как например: деление на иерархические степени ветхозаветного священства; обязанность учительства народа в Законе Божиим, необходимость быть судьями его, а также права и обязанности к самим себе и к народу и т. д., – мы увидим лишь малое расхождение с новозаветным священством. Но когда мы обратим внимание на главное, то есть на спасение человека от греха, проклятия и смерти, то в этом случае новозаветный священник, который имеет право совершать Божественную литургию, таинства и требы церковные, не может быть сравниваем с ветхозаветным священством.

Мы видим, что обязанности ветхозаветных священников, кроме принесения разных жертв, состояли в том, чтобы поддерживать постоянно священный огонь на жертвеннике всесожжений; возжигать светильник в скинии (Исх. 27, 21), очищать проказу и другие нечистоты на телах, жилищах и одеждах израильского народа (Левит. 22, 13–14).

Совершенно другую, отличительную картину мы можем наблюдать в Новом Завете, в котором Сам Бог, Христос Спаситель, Пастыреначальник снисходит к человеку, принимает плоть человеческую и тем самым человеческое естество обожает до богоподобия.

Учение Пастыреначальника («Заповедь новую даю вам, да любите друг друга»), дела – исцеление больных, воскрешение мертвых и проч. – несравненно превзошли ветхозаветного первосвященника. Если в Ветхом Завете избирали и посвящали на священническое служение посредством тех же грешных людей, то в Новом Завете Христос Спаситель избрал, а Божественный Дух в виде огненных языков посвятил Апостолов

на пастырское служение. Потом уже Пастыреначальник преподал Апостолам, а в лице их и всем пастырям, власть наступать на «змию и на скорпию и на всякую силу вражью», власть вязать и решить: «Глаголю вам, елика аще свяжете на земли, будут связана на небеси; и елика аще разрешите на земли, будут разрешена на небесех» (Мф. 18, 18; Ин. 20, 22–23). Св. Апостолы могли исцелять всякий недуг человеческий. Вот какие права и обязанности преподаны новозаветному священству.

В момент хиротонии на посвящаемого снисходит Божественная благодать, «всегда немощных врачующая», и преподаются ему те же самые права и обязанности, которые некогда были преподаны Христом Спасителем святым Апостолам. И вот, при наличии Божественной благодати и преподанных прав, пастырь совершает Божественную литургию, бескровную жертву, во время которой снисходит та самая Божественная благодать, которая сходила и на св. Апостолов, могущая не только очищать разные проказы на теле, смягчать преступление человека пред Богом и прочее, как это было в Ветхом Завете, но она (благодать) может попалить все прегрешения человека и сделать грешника праведником, вознести человека в обители небесные.

Насколько высоко, свято и многотрудно служение пастыря, насколько оно, если сердечно со вниманием к себе и всему стаду совершается, есть самоотверженный подвиг, указанный Иисусом Христом! Новозаветный пастырь – добровольный повседневный мученик, воинствующий добрый воин, подвигающийся добрым подвигом веры для вечной жизни (1Тим. 1, 8; 6, 12), спостраждущий благовествованию Христову по силе Бога (2Тим. 1, 8).

Много дано пастырю, но и много спросится с него, а поэтому пастырь должен постоянно подражать Христу в молитве за пасомых, нелицемерной любви к пастве, в научении истинам веры своих пасомых и т. д., чтобы предстать пред Пастыреначальником и будущим Судией делателем непостыдным и верным, дабы мог сказать Ему: «Се, Аз и дети, яже ми дал есть Бог» (Евр. 2, 13).

Вот почему пастырь должен иметь любящее сердце к своей пастве, потому что без любви он не осуществит возложенное на него дело. Любовь не превозносится, не поступает легкомысленно, а пастырь именно не должен быть легкомысленным. Она делает пастыря благоразумным, степенным и основательным. Любовь не превозносится, не гордится, выше других себя не почитает, но перед всеми смиряется, всем послушна, покорна, снисходительна. Любовь, по учению св. отцов, есть отрицание всех страстей и вселяется в сердце по изгнании их. Она не только истребляет страсти, пороки, но даже не позволяет им получить начало.

Любовь не мыслит зла, не радуется о неправде, радуется же о истине. Она все покрывает по своему долготерпению и кротости, что бы ни случилось прискорбное и трудное, хотя бы то были обиды, смерть или что-нибудь другое. Любовь покрывает грехи, немощи, недостатки и слабости других, к чему и призван пастырь, не только не разглашает, но прикрывает все то добрым словом (Еп. Феофан Затворник).

Из обзора пастырской деятельности Христа Спасителя и Его св. Апостолов можно видеть, что эта деятельность имела такой необычайный успех среди людей, подобный которому мы не встречаем ни в какой другой период христианского пастырства. Успехи эти были таковы, что, согласно предсказанию Спасителя (Деян. 1,8), проповедь Евангелия распространилась «даже до последних земли», и ее приняли и по ней приобщились Царствия Божия как иудеи, так и язычники, как богатые, так и бедные, как мудрые, так и неученые, как рабы, так и господа, вельможи и цари.

Такой успех среди людей пастырской деятельности Христа Спасителя и Его св. Апостолов прямо свидетельствует о том, что свойства этой деятельности, правила и приемы, в ней употреблявшиеся, были наилучшими, целесообразнейшими, совершеннейшими. Постоянно имея перед глазами эту деятельность и внимательно всматриваясь в нее, пастырь Церкви найдет в ней для себя указания, что именно он должен делать и к чему именно стремиться в отношении к своим пасомым в тех или других случаях, управляя их в Царствие

Божие. Сам Пастыреначальник Господь Иисус Христос призывал своих преемников, пастырей Церкви, ради успеха пастырской деятельности подражать Своему примеру: «Образ дах Вам, да якоже Аз... и вы творите» (Ин. 13, 10).

Главнейшие обязанности пастыря – молиться за свою паству, любить ее по-отечески, учить и наставлять на правильный спасительный путь жизни. Эти обязанности, как видим, ложатся на плечи пастыря тяжелым бременем, но он не унывает и не скорбит. С ним Сам Пастыреначальник, невидимо руководствуя и воодушевляя его на пастырский подвиг, с ним Его Св. Евангелие – учение любви, правды и свободы; с ним св. Апостолы, святители и вся Церковь Христова.

IV. УЧЕНИЕ СВЯТЫХ ОТЦОВ О ПАСТЫРСТВЕ

Для того, чтобы лучше уяснить учение о пастырстве в святоотеческих творениях, необходимо вспомнить время, в которое св. отцам приходилось жить и действовать. В первые три века христианства очень мало говорится о пастырской деятельности, так как в это время Церковь Христова была гонима. Также и внутри самой Церкви ереси и расколы причиняли большой вред своими ложными учениями о Лице Христа Спасителя. Вот почему мужи апостольские мало обращали внимания на многогранные пастырские обязанности, указывая только, что таинство Священства есть Богом установленное таинство. В последующие периоды Церковь Христова заняла господствующее положение в государстве; с этого времени имеются более подробные указания о пастырстве и его всесторонней деятельности.

Учение св. Климента Римского (†101)

После мученической кончины св. апостола Павла в Коринфской Церкви произошли беспорядки. Некоторые люди, жившие своим разумом, а не разумом Церкви, подняли мятеж против законно поставленных священнослужителей и установленного ими порядка богослужения. Еретики насильственно выгоняли священников из церкви, а их право присваивали себе. Этот дерзкий поступок в Церкви Коринфской вскоре стал известен многим Церквам, в том числе и Церкви Римской, которой в то время управлял св. Климент. Он, видя всю опасность разделения в Коринфской Церкви, пишет свое первое послание, в котором с кротостью убеждает возмутившихся прекратить церковные беспорядки и повиноваться тем, которые поставлены законно и имеют свое непрерывное иерархическое преемство от Христа и Апостолов. «Иисус Христос, – говорит он, – был поставлен от Бога, а Апостолы – от Христа, то и другое в порядке Божиим»¹⁵⁰. Св. Климент, раскрывая необходимость определенного порядка в Церкви Христовой, приводит аналогию современной ему военной организации в римском государстве. «Представим себе воинствующих под начальством вождей наших: как стройно, как усердно, как покорно исполняют они приказания... Каждый в своем чине исполняет приказание царя и полководцев. Ни великие без малых, ни малые без великих не могут существовать. Все они как бы связаны вместе, и это доставляет пользу»¹⁵¹. Далее он указывает на гармоничность и целесообразность устройства человеческого организма: «Возьмем тело наше, – говорит св. Климент, – голова без ног ничего не значит, равно и ноги без головы, и малейшие члены в теле нашем нужны и полезны для целого тела»¹⁵². «Пусть же будет, – говорит св. отец, – здраво и все тело наше во Иисусе Христе, и каждый повинуетя ближнему своему сообразно со степенью, на которой он поставлен дарованием Его. Сильный, не пренебрегай слабого, и слабый, почитай сильного; богатый, подавай бедному, и бедный, благодари Бога... мудрый,

показывай мудрость свою не в словах, но в добрых делах»¹⁵³. Таким образом, св. Климент увещевает возмущившихся смириться и не восставать против законно поставленных епископов и пресвитеров, советует «присоединиться к тем, которым дана от Бога благодать»¹⁵⁴. В свою очередь, св. отец дает наставление истинным пастырям, какими они должны быть по своей жизни, а именно: он говорит о кротости, смирении и любви, об избежании зависти, гордости, гнева, клеветы, вражды и т. д.

Учение св. Игнатия Богоносца (†107)

В своих посланиях св. Игнатий очень много говорит о епископах, пресвитерах и диаконах. Этому послужило то обстоятельство, что при его жизни появилось много еретиков – эвионитов и докетов. Первые, возмущая народ, учили, что христианство является только дополнением к иудейству, и считали Иисуса Христа только богодухновенным пророком¹⁵⁵. Вторые, еретики, отрицали в Иисусе Христе Его человечество, а вместе с тем отрицали и Его воплощение, страдание и Воскресение. Учение этих ересей совершенно выбивало из-под ног христианского общества ту почву, на которой зиждется домостроительство человеческого спасения, а вместе с тем и сама по себе отпадала необходимость богоучрежденного пастырского института. Вот почему св. Игнатий Богоносец и выступил на защиту христианского учения со своими посланиями. В них он раскрывает сущность Богоучрежденности иерархии, служения пастырей в Церкви Христовой; здесь же говорит он и о качествах пастырей.

Учреждение церковной иерархии он признает делом не человеческим, а Божиим: «Я узнал, – пишет он филиладельфийцам, – что епископ ваш не сам собою и не чрез людей принял это служение обществу верующих, и не из тщеславия, но по любви Бога Отца и Господа Иисуса Христа»¹⁵⁶, «и председательствует вместо Бога»¹⁵⁷. Далее святитель пишет: «Прекрасное дело – знать Бога и епископа. Почитающий епископа почтен (будет) Богом; делающий что-нибудь без ведома епископа служит диаволу»¹⁵⁸. По учению св. Игнатия Богоносца, все епископы, пресвитеры и диаконы поставлены «изволением Иисуса Христа, которых по благоволению Своему Он утвердил непоколебимо Святым Духом Своим».

Говоря о Богоучрежденности трех степеней иерархии, св. Игнатий показывает необходимость повиноваться священнослужителям и быть с ними в единении. «Старайтесь делать все в единомыслии Божиим, так как епископ

предстательствует вместо Бога, пресвитеры занимают место собора Апостолов, и диаконам, сладчайшим мне, вверено служение Иисуса Христа»¹⁵⁹. «Без них нет Церкви»¹⁶⁰, – пишет св. Игнатий Богоносец. И далее он говорит: «Кто делает что-нибудь без епископа, пресвитера и диакона, тот не чист совестью»¹⁶¹. Далее св. Игнатий Богоносец, обращаясь к пресвитерам и диаконам, убеждает их повиноваться епископу и ничего не делать без его воли. «Любите его, умоляю вас Иисусом Христом, – пишет св. Игнатий, – и все будете подобны Ему»¹⁶². «Повинуйтесь епископу и друг другу, как Иисус Христос повиновался отцу по плоти и Апостолы Христу, Отцу и Духу, дабы единение было вместе телесное и духовное»¹⁶³.

Особенное внимание св. Игнатий Богоносец обращает на личные качества священника. В послании к своему другу и сослуживцу епископу Поликарпу св. Игнатий кратко, но выразительно раскрывает важнейшие черты пастырской деятельности. Пастырь Церкви по своим нравственным качествам должен стоять выше своих пасомых, а поэтому он должен идти впереди всех, направляя путь к небу. «Ускоряй свое течение и умоляй всех, – пишет св. Игнатий Богоносец, – чтобы спасались. Блуди место свое со всяким тщанием – плотским и духовным». Св. отец также советует «стараться о церковном единении, лучше которого нет ничего». Пастырь несет ответственность пред Богом за каждую душу, если она по его нерадению погибнет. Он должен умело руководить своей паствой и не строгостью, а своей любовью привлекать в ограду Матери Церкви. «Ко всем снисходи, как и к тебе Господь. Ко всем имей терпение, в любви как ты и поступаешь, – пишет св. Игнатий Богоносец епископу Поликарпу. – Пребывай в непрестанных молитвах. Проси неусыпный дух. Говори с каждым, как поможет Бог. Носи немощи всех, как совершенный подвижник. Где больше труда, там больше приобретения»¹⁶⁴. Эти слова святого Игнатия Богоносца говорят о том, что пастырь должен уподобляться Христу Спасителю, Который ради Своей любви к человеку взял на Себя все его грехи и добровольно понёс их. Так обязан и служитель Церкви заботиться о спасении всех, кто ему поручен. Он обязан

трудиться, не щадя своих сил, а если где нужно, и самой жизни, даже ради одной потерянной овцы словесного стада.

По учению св. Игнатия, пастырь должен любить не только добрых, послушных чад, но и упорных, закоснелых в своих пороках. «Если любишь только добрых учеников, еще нет тебе за это благодати; лучше худых покоряй кротостью. Не всякая рана врачуется одним и тем же пластырем; острые боли утешай прохладительными примочками. Во всем будь мудр, как змия, и незлобив, как голубь»¹⁶⁵. Пастырь Церкви и сам по своей греховной природе не свят. Свят только один Господь. Поэтому он должен сознать свои недостатки, и это поможет пастырю в его служении.

Пастырь также должен и духовно окормлять свою паству, а так как это есть особенный дар благодати, то он обязан молиться об этом Богу – Подателю всех даров духовных. «Для того ты вместе и телесен, и духовен, – пишет Игнатий Богоносец, – чтобы ласково принимать и то, что является тебе наружно, но молись, чтобы тебе открыто было и сокровенное, дабы не иметь ни в чем недостатка, напротив, с избытком обладать всяким дарованием»¹⁶⁶. «Как кормчим нужны ветры или обуреваемому пристань, – говорит св. Игнатий Богоносец, – так настоящему времени нужен ты – для того, чтобы достигнуть Бога»¹⁶⁷. «Будь бдителен как подвижник Божий»¹⁶⁸. Наградой будет нетление и жизнь вечная, в которой и сам ты уверен. «Люди, которые кажутся достойными доверия, а между тем учат иному, не должны смущать тебя. Стой твердо, как наковальня, по которой бьют. Великому борцу свойственно принимать удары и побеждать. Особенно же для Бога мы должны все терпеть, потому что и Сам Он потерпел нас. Будь еще усерднее, нежели каков теперь»¹⁶⁹.

Для того, чтобы исполнить эти увещания св. Игнатия Богоносца, епископ или пресвитер должен воплотить в своей душе следующие добродетели – молитву, бдительность и рассудительность. «Пребывай в непрестанных молитвах. Проси большего разумения, нежели какое имеешь. Бодрствуй, чтобы стяжать неусыпный дух»¹⁷⁰. В своих наставлениях к епископу св. Игнатий Богоносец также увещает его ревностно заботиться

о вдовицах и рабах. «Вдовицы не должны быть пренебрегаемы, – пишет святитель. – После Господа, ты будь попечителем их. Рабов и рабынь не презирай»¹⁷¹. Затем святитель советует пастырям быть внимательными и мужественными, неутомимо бороться против врагов Церкви – еретиков, которых он называет «зверями, отравляющими ядом учения». Вот против них и должен пастырь быть неустрашимым и не допускать в себе колебаний.

Учение св. Поликарпа Смирнского (†166)

Имя св. Поликарпа было тесно связано с ап. Иоанном Богословом и Игнатием Богоносцем. Святитель Поликарп управлял Смирнской Церковью и был ревностным защитником апостольских преданий. Он писал много, но до нас дошло только послание к Филиппийцам, где он касается вопроса Богоустановленности пастырского института, а также рассуждает о качествах пастыря.

По учению св. Поликарпа, пастырство в Церкви Христовой установлено Самим Богом, а поэтому он повелевает всем верующим «покоряться пресвитерам, как Богу и Христу»¹⁷², потому что они являются «служителями Бога и Христа, а не человеков»¹⁷³. Высота такого служения, т. е. не человеку, а Богу, требует и нравственных качеств от пастыря Церкви. Св. Поликарп в своих наставлениях дает следующие указания: «Диаконы должны быть непорочны пред правдою Божиею... не клеветники, не двуязычники, не сребролюбцы, воздержаны во всем, милосерды, старательны; должны поступать согласно с истиною Господа, Который сделался служителем всех, от Которого, если угодим Ему в нынешнем веке, получим и будущий, так как Он обещал нам, чтобы воскресить нас из мертвых, и что, если будем жить достойно Его и в Него веровать, будем царствовать с Ним»¹⁷⁴.

Пресвитеры должны проводить свою жизнь так, чтобы и другие, видя их высоконравственную жизнь, могли следовать за ними, подражать им. По учению св. Поликарпа, пресвитеры «должны быть благосердны, милостивы ко всем, обращать заблуждающих, посещать всякого немощного, не пренебрегать вдов или нищего, всегда стараться о добром пред Богом и человеками» (Рим. 12, 17; 2Кор. 8, 12), воздерживаться от всякого гнева, лицемерия, несправедливости в суде; удаляться от всякого сребролюбия¹⁷⁵, «не быть легковерными к наговорам на кого-либо, жестокими на суде, зная, что все мы должники греха. И потому, если молим Господа, чтобы Он простил нас, то и мы должны прощать»¹⁷⁶.

Таким образом, св. Поликарп Смирнский дает нам очень важные указания о пастырском служении. Он говорит также о Богоучрежденности иерархии и пастырской деятельности.

Учение Ермы (I век)

Св. Ерм в своем труде «Пастырь», который был адресован Римской Церкви, также касается некоторых сторон пастырской деятельности. Он советует священнослужителям внимательно относиться к своей жизни, т. е. проводить ее согласно своему высокому званию, а также напоминает, что относиться к этому великому служению следует добросовестно.

Святой отец в своем труде символически изображает Церковь в виде непрерывно строящейся башни, которая «основана словом Всемогущего и Преславного Имени и держится невидимою силою Господа»¹⁷⁷. В основание этого строения, по учению св. мужа, был положен краеугольный камень – Сам Господь Иисус Христос, Сын Божий. А затем на Нем, как на прочном основании, были положены сначала Апостолы, а после них – последовавшие и имеющие следовать до скончания веков епископы, учителя и диаконы»¹⁷⁸.

Упоминая о епископах, учителях и диаконах, Ерм сравнивает достойных служителей с камнями квадратными и белыми, прилегающими плотно друг к другу, и указывает им место в построении – в Церкви наряду с Апостолами. «Камни квадратные и белые, хорошо прилаживающиеся своими спайками, – говорит Ерм, – это суть Апостолы, епископы, учителя и диаконы, которые ходили в святом учении Божиим, надзирали, учили, свято и непорочно служили избранным Божиим, – как почившие, так и живущие еще доселе, которые были всегда согласны друг с другом, имели мир между собою и слушали взаимно друг друга; поэтому-то они и в здании башни хорошо приходят своими спайками»¹⁷⁹. Так как пастыри Церкви, по учению св. Ерма, являются основными камнями в строении, то к их жизни предъявляются более высокие требования. «Предстоятели Церкви, – говорит Ерм, – (чтобы) совершали пути свои в правде, дабы вполне могли получить обетования со мною славою». Святой Ерм старается врачевать и тех пастырей, которые не живут по духу, но большое внимание уделяют своим греховным наклонностям и считают свое

положение выше других. «Вам теперь говорю, которые начальствуете в Церкви и председательствуете, – обращается к Ерму старица (под старицей понимается Церковь Христова), – не будьте злодеями. Злодеи, по крайней мере, яд свой носят в сосудах, а вы отраву свою и яд держите в сердце; не хотите очистить сердец ваших и чистым сердцем сойтись в единомыслии, чтобы иметь милость от великого Царя... Как хотите вы воспитывать избранных Божиих, когда сами не имеете научения? Поэтому вразумляйте себя взаимно и будьте в мире между собою, чтобы и я, радостно предстоя пред Отцом вашим, могла отдать отчет за вас Господу»¹⁸⁰.

Дух вражды и несогласия между предстоятелями Церкви наносит великий вред не только им самим, но и всей пастве. «Врачуйте, – увещает старица пастырей, – и удаляйте от себя злые раздоры, чтобы Господь стада пришел и возрадовался, найдя целыми овец Своих. Если же которая-нибудь будет потеряна пастырями или самих пастырей Господь найдет дурными, что будут они отвечать Ему? Ужели скажут, что они измучены стадом? Не поверит им, ибо невероятное дело, чтобы пастырь мог потерпеть что от овец; и он еще более будет наказан за ложь свою»¹⁸¹.

Св. Ерм видел также в видении горы, означающие пастырей. В частности, ему было сказано: «Осьмая гора, со многими источниками, которыми напоялась всякая тварь Божия, означает Апостолов и учителей, которые проповедовали всему миру и учили свято и чисто слову Господню и не уклонялись к худым пожеланиям, но постоянно ходили в правде и истине, как приняли Св. Духа. Посему они обитают с ангелами. От девятой горы, пустынной и имеющей змей, вредоносных для людей, камни с пятнами означают диаконов, которые худо проходили служение, расхищая благо вдов и сирот и сами наживаясь от своего служения. Если пребудут в своем пороке, то они мертвы и нет в них никакой надежды жизни; если же обратятся и будут непорочно исполнять свое служение, то могут жить... Десятая гора, на которой деревья служили кровом для скота, означает епископов и верующих страннолюбцев, которые непритворно и радушно всегда принимали в дома свои рабов Божиих, –

епископов, которые непрестанно покровительствовали бедным и вдовицам и жили всегда непорочно. Таким людям покровительствует Сам Господь: они почтены у Бога и имеют место среди ангелов, если пребудут до конца в служении Господу»¹⁸².

Таким образом, в этих откровениях св. муж видел и истинных пастырей Церкви, и наемников, которые заботятся больше о своем благополучии, чем о пастве. Св. Ерм советует таковым исправиться и честно служить пред Богом и людьми, за что обещается им от Господа жизнь вечная. Достойным пастырям Церкви св. Ерм указывает место среди ангелов.

Учение св. Иринея, епископа Лионского (130–202)

Ревнитель чистоты Православия св. Иринея Лионский бдительно стоял у кормила вверенного ему Богом пастырского служения. Он был близок к св. Поликарпу Смирнскому, который лично слушал наставления св. ап. Иоанна Богослова. Твердо зная предание апостольское, св. Иринея Лионский в борьбе с еретиками гностиками¹⁸³ написал против них свое знаменитое сочинение «Пять книг против ересей» или «Обличение или опровержение лжеименного знания». В этом сочинении святитель излагает и учение о Церкви и пастырстве. По мысли Иринея Лионского, та истина, которая принесена на землю Христом и проповедана Апостолами, всецело дарована Церкви, и в ней одной, как богоучрежденном обществе, она хранится неизменно в своем чистом и неповрежденном виде. Далее св. Иринея говорит: «Проповедь Церкви истинна и тверда, так как в ней (Церкви) указывается во всем мире один и тот же путь спасения; ей вверен свет Божий; она есть седмисвечный светильник, носящий свет Христов»¹⁸⁴. «Ибо где Церковь, там и Дух Божий, и где Дух Божий, там и Церковь и всякая благодать»¹⁸⁵.

Таким образом, по учению св. Иринея Лионского, истина сохраняется только в Церкви Христовой. Хранителями этой истины, по мнению св. мужа, являются пастыри Церкви, «которым Апостолы вручили сущую повсюду Церковь»¹⁸⁶. Но так как в то время в Церковь Христову уже проникли незаконные пастыри-еретики, то св. Иринея советует слушать только тех, которые имеют законное преемство от Апостолов и проводят свою жизнь свято. «Апостолы хотели, – пишет св. Иринея Лионский, – чтобы были совершенны и безукоризненны во всем те, кого оставили они своими преемниками и кому передавали свое место учительства, так как от их правильного действия должна происходить великая польза, а от падения их – величайшее несчастье»¹⁸⁷.

Св. Иринея Лионский, ограждая христиан от еретиков, которые могут своим неправильным учением отвлечь их от

истины Христовой, говорит: «Тех, которые уклоняются от первоначального преемства и где бы то ни было собираются, надлежит иметь в подозрении... как лицемеров, поступающих так ради корысти и тщеславия. Все эти отпали от истины»¹⁸⁸. Затем св. муж указывает христианам и признаки истинных пастырей, это те, кто не отвергают апостольское преемство и хранят церковное предание, а также проводят здоровую и неукоризненную жизнь. Вот они, по учению св. Иринея, сохраняют нашу веру в Единого Бога и поучают нас в истине. А те, которые почитаются многими за пресвитеров, но служат своим удовольствиям и не имеют страха Божия в сердцах своих, а ведут себя с презрением к прочим и гордятся своим предстательством и делают втайне зло, говоря: «Никто нас не видит» (Дан. 13, 20), будут обличены Словом, Которое судит не по видимости и смотрит не на лица, а на сердце, и услышат слова пророка Даниила: «Семя Ханааново, а не Иудино, красота оболстила тебя и похоть развратила твое сердце. Состарившийся в злых днях, теперь пришли грехи твои, которые ты делал прежде, ибо ты судил несправедливо, невинных осуждал, а виновных отпускал, тогда как Господь говорит: не убивай невинного и праведного» (Дан. 13, 52–53; Исх. 23, 7). О таковых и Господь сказал: «Если же злой раб скажет в сердце своем: не скоро придет господин мой; и начнет бить товарищей своих и слуганок, есть и пить и пьянствовать, то придет господин раба того в день, в который не ожидает, и в час, в который не думает, и разделит его и назначит ему часть с неверными» (Мф. 24, 48–51; Лк. 12, 45). «От всех таковых, – говорит св. Ириней, – надлежит удаляться»¹⁸⁹.

Святой Ириней, обличая самонадеянных пастырей, которые гордились своею ученостью, возвышая себя пред другими, пишет: «Лучше и полезнее оставаться простыми и малознающими и приближаться к Богу посредством любви, нежели считать себя многознающими и очень опытными, оказываться хулителями своего Бога». И потому-то ап. Павел восклицает: «Знание надмевает, а любовь назидает» (1Кор. 8, 1); не то, чтобы он порицал истинное знание о Боге, – ибо иначе он первого обвинил бы самого себя – но он знал, что некоторые,

надмеваясь под предлогом знания, оставляли любовь Божию, считая себя совершенными. Но самое большое надмение видит св. отец в том, когда кто считает себя лучше и совершеннее Того, Кто создал его, даровал ему дыхание жизни и призвал в бытие. Таким образом, св. Ириней советует пастырям Церкви иметь смирение Христово и подавать пример своей пастве не ученостью, а примером личной жизни.

Учение св. Киприана Карфагенского (201–258)

Св. Киприан Карфагенский оставил после себя замечательные указания, относящиеся к пастырям Церкви. Он был епископом в городе Карфагене. В своих письмах и посланиях святитель говорит о высоком назначении пастырства. В своих сочинениях св. Киприан также приводит ясную мысль о том, что пастырство в Церкви Христовой есть учреждение Божественное. «Разве какой-нибудь человек святотатственной дерзости и потерянного ума, – пишет св. Киприан, – мог бы думать, что священник бывает без изволения Божия, когда Господь говорит в Евангелии Своем: «Не две ли птицы ценятся единым ассарием? И ни одна от них падет на землю без воли Отца вашего» (Мф. 10, 29). Когда, по слову Господа, ничто, даже самое малозначительное, не делается без воли Божией, то ужели кто-нибудь подумает, что важное и великое делалось в Церкви Божией без ведома или без воли Божией и чтобы священники, т. е. домостроители Его, поставлялись не по Его распоряжению? Это значит не иметь веры, которой мы живем; это значит не воздавать чести Богу, манием и волей Которого (как нам известно и как мы верим) управляется и производится все. Правда, иные делаются епископами и не по воле Божией, но это те, которые делаются вне Церкви, вопреки установлению и преданию евангельскому»¹⁹⁰. В одном письме св. отец пишет, что епископы поставляются Самим Богом, и кто осмелится судить их поступки, тот является судьей Самого Бога и не избежит гнева Божия в день суда¹⁹¹. В силу именно такой богоучрежденности иерархии тот, «кто действует против священников Христовых... вооружается против Церкви, противодействует Божественному домостроительству; он враг алтаря, возмутитель против жертвы Христовой... Презревши епископа и оставивши священников Божиих, он дерзает устроить другой алтарь... и даже не хочет знать, что действующий вопреки Божию законоположению наказывается за безрассудное дерзновение по усмотрению Божественному»¹⁹².

От богоучрежденности пастырства св. отец переходит к личным их качествам, которыми они должны обладать как служители алтаря Господня. Пастырь должен быть чист и непорочен. «Покрытый тяжкими преступлениями, – говорит св. Климент, – не должен носить епископского сана, ибо, по заповеди и слову Апостола, «подобает епископу без порока быти, яко же Божию строителю» (Тим. 1,7).

Этой чистоты и непорочности требует высота пастырского служения. «Давно уже, – пишет св. Киприан, – и небесным словом определено, и законом Божиим предписано, кто и каковы должны быть те, которые служат алтарю и совершают Божественные жертвы. В книге Исход Бог дает повеление Моисею в следующих словах: «Жрецы же, приступающие ко Господу Богу, да освятятся, да не когда погубит от них Господь» (Исх. 19, 22)... Также в книге Левит Бог повелевает и говорит: «Человек, аще будет на нем порок, да не приступит приносить дары Бога своего» (Лев. 21, 17)... Имея это в виду и размышляя об этом тщательно и благочестиво, при поставлении священников мы должны избирать предстоятелей непорочных и чистых, которые, достойно и свято принося жертвы Богу, были бы услышаны в своих молитвах, возносимых о спасении людей Божиих. В Писании сказано: «Грешники Бог не слушает; но аще кто богочец есть и волю Его творит, того слушает» (Ин. 9, 31); поэтому со всем тщанием и беспристрастным исследованием надлежит избирать на священство Божие только тех, о коих знаем, что они будут услышаны Богом»¹⁹³.

Чистота и непорочность, по словам святителя, необходимы священнику еще и для того, чтобы подавать добрый пример пасомым: «Если все вообще обязаны строго хранить благочиние, – говорит св. отец, – то тем более обязаны заботиться о том пресвитеры и диаконы; они должны подавать собою пример и утверждать прочих своим поведением и нравственностью; а то каким образом они могут руководить других к целомудрию и воздержанию, если будут предначинать порчу и научать порокам?»¹⁹⁴ Служитель Церкви, по мысли св. Киприана, должен быть тверд в вере. «Сколько пагубно падение предстоятеля для последующих ему, столько, напротив,

благотворно и спасительно, когда епископ твердостью в вере подает собой пример братиям»¹⁹⁵, -говорит святитель и далее советует пастырям быть крепким в вере, хотя бы пришлось и пострадать за нее. «В нас сила веры должна быть непоколебима, – пишет св. Киприан епископу Корнилию, – и стойкой и непреклонной твердостью мы должны противостоять напору и стремлению идущих на нас волн, так, чтобы они разбивались о нас, как о неподвижную каменную скалу»¹⁹⁶.

Имея такую твердую и непоколебимую веру, пастырь Церкви должен воплотить в своей душе и другие добродетели – кротость, смирение и т. д. «Священники должны быть смиренны, так как Господь и Его Апостолы были смиренны»¹⁹⁷. «Во всех отношениях, – учит св. отец, – нужно вести себя кротко и смиренно, как прилично рабам Божиим»¹⁹⁸. «Мерзостными и ненавистными называет Бог тех, кои мечтают о себе, кои в надмении и гордости ведут себя высокомерно»¹⁹⁹.

По учению св. Киприана, пастырь Церкви также должен быть целомудренным и молитвенным, «чтобы... сердце не расслабляли мирские удовольствия и чтобы отягченный пиршествами ум не ослабел... в молитве»²⁰⁰; для этого нужно иметь воздержание в пище и питии. Принявший священный сан, по словам св. Киприана, «должен служить только алтарю и жертвам, заниматься только молитвами и мольбами». И, наконец, св. Киприан советует пастырям Церкви стяжать еще две добродетели, которые нужны в их служении, как воздух для тела, – это любовь и милосердие. «Помышляя о кротости и милосердии Христа, – пишет св. отец, – мы не должны быть очень жестоки и бесчеловечны по отношению к тем братьям, которые требуют помощи, но должны скорбеть с скорбящими, плакать с плачущими и восстанавливать их, сколько можем, пособиями и утешением нашей любви и не быть ни столько суровыми и неумолимыми, чтоб отвергнуть их покаяние, ни столько податливыми и слабыми, чтобы безрассудно облегчить им общение». И далее св. Киприан приводит пример: «Вот лежит, – пишет он, – уязвленный брат, израненный врагом на брани; с одной стороны, диавол старается убить уязвленного им, с другой, – Христос увещевает, чтобы не всецело погиб тот,

кого Он откупил. С кем из двух сойдемся, на чьей стороне станем? Ужели будем содействовать диаволу убить и, подобно евангельскому священнику и левиту, пройдем мимо полуживого, лежащего брата? Или, как священники Бога и Христа, подражая тому, чему Христос учил и что делал, исхитим уязвленного из пастей вражеских, чтобы, исцелив, сохранить его для Судии Бога»²⁰¹.

Однако любовь, по словам св. отца, в пастырском воспитании должна быть разумной, т. е. не покрывать пороки своих духовных чад любовью, но где нужно применять строгость. «Кто согрешающего нежит лъстивыми ласками, тот, – по учению св. Киприана, – только более располагает его ко греху и не подавляет преступлений, а питает. Но кто строгими советами изобличает и вместе наставляет брата, тот содействует его спасению. «Их же аще люблю, – говорит Господь, – обличаю и наказую» (Откр. 3, 19).

Так надлежит и священнику Божию не обманывать лъстивыми услугами, но промышлять о спасительных лекарствах. Неискусен тот врач, который слегка только ощупывает напухающие извилины ран: сохраняя заключенный внутри, в глубоких впадинах яд, он только увеличивает его силу. Надобно открыть рану, рассечь и, очистив от гноя, приложить к ней сильнейший пластырь. Пусть больной вопиет, пусть кричит, пусть жалуется на нестерпимую боль; он будет благодарить потом, когда почувствует себя здоровым»²⁰². И далее говорит св. отец о том, что пастыри Церкви должны заботиться и о материальных нуждах пасомых, т. е. помогать бедным вдовицам, немощным и всем, кто имеет нужду²⁰³.

Таким образом, рассмотрев учение св. Киприана о пастырстве, можно сказать, что св. отец затрагивает многие вопросы: о богоучрежденности этого института, о подготовке к принятию сана, об основных обязанностях, о качествах пастыря и уделяет особое внимание духовному окормлению пасомых.

Учение св. Киприана, еп. Карфагенского, представляет собой как бы завершение христианской письменности первых трех веков по данному вопросу.

Учение св. Амвросия, епископа Медиоланского

Господь, избирая пастырей на высокое служение Своей Церкви, усмотрел в Амвросии ревностного поборника Православия и исполнителя Христова закона.

Став епископом, св. Амвросий, прежде всего занялся вопросами церковного благоустройства и повышения нравственного уровня духовенства, так как в то время и паства, и духовенство находились на низком нравственном уровне. Он понимал, что исправление паствы нужно начинать с исправления пастырей. Для этой цели св. Амвросий в своем епископском доме основал школу для подготовки церковных священнослужителей. Здесь св. отец почти с первых дней своего епископства и начал собирать вокруг себя достойных кандидатов на пастырское служение, обращая особое внимание на их нравственность.

Характер воспитания и приготовления пастырей в этой школе можно узнать из слов самого святителя, который в обращении к питомцам говорил: «Ничто не может внушить нам столько силы и привязанности и пастырскому служению, как необходимость быть подчиненным с ранней молодости строгому воздержанию и святости; благодаря этому клирики, оставаясь жить среди мира, удаляются и воздерживаются от сношений и привычек мирских»²⁰⁴. Этими словами св. отец развивал в кандидатах священства любовь и уважение к пастырским обязанностям и уставу Церкви Божией. Для лучшего усвоения всего этого святитель написал своим питомцам специальную книгу «Об обязанностях священнослужителей». В этой книге св. отец затрагивал вопросы, которые нужны в пастырском служении, начиная от внешнего поведения пастыря и кончая внутренними качествами. По учению архипастыря, служитель Церкви не только должен заботиться о чистоте своего сердца, но обязан следить и за своим внешним поведением, чтобы не подать соблазна своим пасомым. «Необходимо нам, служителям, для соблюдения и умножения в жизни своей внешней красоты и благопристойности, строго сохранять

стыдливость в поведении и умеренность во всем»²⁰⁵. По мысли св. Амвросия, по внешнему виду и походке познается внутреннее состояние души человека. «В движениях тела, – говорит он, – выражается состояние нашей души, так что из внешних действий телесной природы нашей, по тесной связи души с телом, мы заключаем и о внутренних свойствах духовной природы нашей. Поэтому-то мы, и не видя души человека... об одних говорим, что они ветренны, а о других – что они степенны; иных называем гордыми и надменными, а иных – смиренными и кроткими; в одних подозреваем хитрость и лукавство, а в других усматриваем искренность и чистосердечие и т. д. Таким образом, душа наша отражается во всех телодвижениях наших, как в зеркале»²⁰⁶.

В качестве доказательства св. отец приводит два примера из своей практики. «Помните, дети мои, – пишет св. Амвросий, – как я одного приятеля нашего, искавшего у нас места..., не принял в свой клир потому только, что приемы его телодвижения в обращении и действиях были очень непристойны; а другого, которого я застал в нашем клире, удалил от себя... по той именно причине, что он своею наглою и неистовой походкой и разными кривляньми, как бичом, поражал взор мой. И не обманулся я в своем о них мнении и распоряжении; ибо оба они впоследствии отпали от Церкви. Таким образом... их телодвижения служили выражением... легкомыслия, вывеской шутов, туда и сюда кривляющихся и перебегающих»²⁰⁷. В этих словах св. Амвросий подчеркивает, что нескромные телодвижения пастыря могут принести большой соблазн пасомым, и поэтому он советует служителю Божию всегда и везде соблюдать благоразумную меру, даже в походке. «Походка в священнослужителе, – по его мысли, – должна быть... скромная. Скоро ходить я не считаю для него приличным, разве когда это требует какая-либо особая нужда... Впрочем, бывают и такие, которые в тихой и плавной походке подражают телодвижениям комедиантов... так что в каждом шаге они как бы стараются наблюдать особенную меру или такт. Хороша и благопристойна походка простая и естественная, без всякого притворства, когда она выражает собой степенность и

спокойствие духа. Всякое притворство и неестественность всегда и во всем неприятны»²⁰⁸.

Далее св. отец советует пастырям Церкви не заводить знакомств с порочными людьми, которые могут вовлечь его в свою сеть: «Целомудренная скромность священнослужителей, – говорит св. отец, – имеет еще камни преткновения... это – товарищества и общества с людьми невоздержанными и распутными, которые под видом приятного дружества вливают яд в сердца непорочные. Знакомство и обращение с таковыми людьми, особенно на пиршествах, в забавах, играх и разного рода увеселениях... незаметно подрывает и самое прочное основание доброй нравственности. Поэтому надлежит нам всячески беречься и остерегаться, чтобы... не подвергнуться нам опасности расстроить гармонию в правильном образе жизни и добрых делах»²⁰⁹.

Св. Амвросий не одобряет тех клириков, которые любят участвовать в пиршествах, потому что в таких компаниях часто бывают и нескромные разговоры о предметах соблазнительных. «При такой обстановке, – говорит св. Амвросий, – нельзя же и пастырю Церкви закрыть глаза и заткнуть уши; а выступать ему в таком случае с наравоучением и воспрещением неуместно и неблагоугодно; потому что могут, с одной стороны, приписать это гордости, а с другой – упрекнуть и его самого в неуместном его присутствии. Подносят еще здесь стаканы и бокалы; хочешь – не хочешь, а просят пить; так что и не заметишь, как соблазнишься». Поэтому пастырю «извинительнее и лучше предлагать изредка скромное и приличное угощение в своем доме, нежели часто присутствовать на чужих пирах. Дома сам он всегда может, как и должен, встать из-за стола трезвым, подавая собой пример гостям и наблюдая за благочинием; а за нетрезвость и невоздержание других никто не вправе осуждать его присутствие с ними»²¹⁰.

Пастырь Церкви, по учению св. Амвросия, должен более уделять внимание молитве и чтению слова Божия, нежели проводить время в удовольствиях плотских. «Вы, – обращается св. отец к предпочитающим последнее, – ищите визитов для отдыха и приятного времяпрепровождения. Почему же

свободное от церковных занятий время не употребить нам на душеполезное чтение? Почему не посетить Христа, не побеседовать со Христом, не послушать Христа? С Ним мы беседуем, когда молимся; слушаем Его, когда читаем Божественные писания». Далее св. отец говорит: «Что нам в посещении чужих домов? Один есть дом, который всех вмещает в себя. Пусть же ищущие нас сами лучше приходят к нам в дом Божий»²¹¹. Относительно близких знакомств с лицами женского пола св. Амвросий предостерегает пастырей быть осторожными. Во-первых, потому что это может послужить соблазном для других, а, во-вторых, и самому пастырю грозит опасность в нравственном отношении. «Как многие, – говорит св. отец, – с сильной и даже твердой волей падали от соблазнов! А сколько есть и таких великих людей, которые, хотя и устояли против искушений, но не избежали людских подозрений и даже нареканий»²¹². Затем св. Амвросий советует пастырям быть осторожными в своих беседах с пасомыми, чтобы не повредить им своей неопытностью. «Наши слова, – пишет он, – зеркало, видимое обнаружение нашего ума», а поэтому пастыри «должны хорошо знать и соблюдать в них меру и порядок – уметь вовремя молчать и кстати говорить»²¹³. Молчать во гневе, когда злословят, поносят и т. д. И если пастырь будет так поступать, то, по мысли св. отца, он научится говорить благоразумно и каждое слово, прежде нежели сказать, будет обдумывать: полезно ли оно или вредно? Также пастырь Церкви, по учению св. Амвросия, не должен допускать шуток. «Неуместными шутками, – пишет св. отец, – пастырь может оскорбить и унизить как предмет разговора, так и свой сан»²¹⁴. «Самый голос наш должен быть естественный, не слишком громкий и не слишком тихий; сколько чужд сельской или простонародной необработанности, столько и театральности», «не особенно слаб и прерывист, не плаксив, как у женщин, как многие для выражения какой-то нежности стараются изменить его»²¹⁵. Но «он должен быть вполне приличен важности нашего звания и святости служения»²¹⁶.

Переходя от внешних качеств к внутренним, св. Амвросий подчеркивает, что кто приступает к этому великому служению,

должен иметь в своей душе все качества совершенства как умственные, так и нравственные. Существо характера пастыря Церкви, по мысли св. Амвросия, выражается в четырех главных добродетелях – благоразумии, справедливости или правде, мужестве или силе и воздержании. Св. Амвросий этим четырем добродетелям дает следующее разъяснение: «Благоразумие, – говорит он, – эта высокая и превосходная добродетель... состоит не в практической, житейской мудрости или умении жить, а в мудрости Евангельской – в поиске истины и познании Бога – Творца вселенной»²¹⁷. «Справедливость обнимает все отношения пастыря к обществу людей... Отдает каждому должное – и неразлучно с честностью и любовью христианской... Вера служит ей основанием; Христос – ее образец, храм – её очаг, священство – ее школа»²¹⁸. Мужество пастыря не есть физическая мощь, но нравственная крепость духа, «поле битвы которой – это ветхий человек с его страстями и похотями». Эта добродетель проявляется в миролюбии, в радостном принятии страданий и даже самой смерти ради Иисуса Христа, в терпении и кротости против развращенного мира, в твердом уповании, что за все скорби, перенесенные в этом мире, наступит блаженное успокоение в Боге²¹⁹. И последняя добродетель – воздержание, по мысли св. отца, состоит «в спокойствии духа, в кротости и смирении. Корень воздержания – благонравие и стыдливость; венец же его – телесное и духовное целомудрие, чистота души и святое девство»²²⁰. Святой отец советует пастырям Церкви воплотить в своей жизни эти четыре основных добродетели настолько, чтобы они могли «обратиться в природу души»²²¹.

Для того, чтобы эти добродетели стали второй природой пастырской души, святой отец советует пастырям Церкви «воздерживаться от пристрастия ко всему земному»²²²; также пастырь Церкви должен быть свободен от житейских скорбей и печалей, а когда они постигнут его, то «переносить их так спокойно, великодушно и мужественно, как будто бы с ним ничего особенного не случилось»²²³. И в пример приводит слова праведного Иова: «Наг изыдох от чрева матери моея, наг и

отъиду тамо: Господь даде. Господь отъят; яко Господеви изволися, тако бысть».

Вершиной всех добродетелей св. отец ставит пастырскую любовь, которая должна обильно изливаться не только на пасомых, но и на весь мир. Говоря вообще о любви, святой Амвросий не упускал из своего духовного взора и того, что для пастырей Церкви необходимо иметь мир и любовь среди своих сослуживцев. Взаимные отношения священнослужителей, по мысли св. отца, должны «основываться на христианской любви»²²⁴. Основным выражением пастырской любви, по учению св. отца, служит благотворительность бедным. «Много согресишь, сын мой – говорит св. Амвросий, – если, зная нужду и беду христианина, не поможешь ему... ты не сын Церкви Христовой, а раб мира сего» и «чужд призвания и духа пастырского»²²⁵.

Благотворительность, по мысли св. отца, не ограничивается только подаванием милостыни, но включает и другие добрые дела, т. е. «посетить больного, а под час смерти... приготовить его христианским напутствованием... в жизнь вечную и т. д.»²²⁶.

По учению св. Амвросия, пастырям Церкви «дана могущественная власть – решать и вязать... но этой властью нужно пользоваться с крайней осторожностью и осмотрительностью. Нужно являть себя не столько строгим судьей-карателем, – говорит св. отец, – сколько попечительным отцом-воспитателем»²²⁷.

Таким образом, учение св. Амвросия о пастырстве обнимает собой все стороны пастырской жизни – как внешние, так и внутренние. В нем даются конкретные указания пастырю, как он должен вести себя не только среди верующих, но и среди инакомыслящих лиц. А также даются подробные указания, какие качества нужно иметь служителю Истины, чтобы достичь вечности самому и привести за собой паству.

Учение св. Иоанна Златоуста (347–407)

Систематическое развитие учения о пастырском служении достигло своей вершины в творениях св. Иоанна Златоуста.

В своих знаменитых шести словах «О священстве» св. отец говорит о высоте и ответственности пастырского служения; вот почему он, сознавая свое недостойство, уклонялся от принятия такого великого дела, за что неоднократно подвергался укорению от своего друга св. Василия Великого. В оправдание своих поступков св. Иоанн Златоуст говорит о том, «что священство есть достоинство великое, обязанность трудная, не для всякого доступная, и руководствует к неукоризненному исправлению этой обязанности»²²⁸.

Пастырское служение, по мысли св. Иоанна Златоуста, «настолько выше всякого служения, насколько небо превосходнее земли и дух превосходнее плоти»²²⁹. Земных совершителей этого служения Господь благоволил поставить наравне с ангелами. «Священнослужение, – говорит святитель, – совершается на земле, но по чиноположению небесному; и весьма справедливо, потому что ни человек, ни ангел, ни архангел, и ни другая какая-либо сотворенная сила, но Сам Утешитель учредил это чинопоследование, и людей, еще облеченных плотью, соделал представителями ангельского служения»²³⁰. Предостерегая пастырей Церкви от превозношения над другими, св. Иоанн Златоуст говорит: «Получил ли ты власть церковную? Не высокоумствуй; не ты достиг этой чести, а Бог облёк тебя ею; береги ее, как чужую... Если бы тебе поручено было хранить царскую порфиру, то ты, конечно, не стал бы злоупотреблять этой одеждой и портить ее, но с великим тщанием хранил бы ее для вручившего тебе»²³¹.

Служитель Церкви должен быть так чист, как будто стоит на небе среди ангельских сил. «Когда видишь Господа закланным и лежащим, – говорит Златоуст, – думаешь ли ты, что еще находишься с людьми, стоишь на земле, что не мгновенно перенесся в небеса и, отринув от души все плотские мысли, простой душой и чистым умом не созерцаешь небесное?»²³².

Если кто размыслит, как человек, облеченный еще плотию и кровию, может приближаться к тому блаженному и бессмертному естеству, тот поймет, какой чести благодать Духа удостоила священников. Кроме этого, ими совершаются и другие, не менее важные действия для спасения верующих. «Они еще живут и обращаются на земле, – говорит святитель, – а уже поставлены распоряжаться небесным и получили власть, которой не дал Бог ни ангелам, ни архангелам. Ибо не им сказано: елика аще свяжете на земли, будут связана на небеси, и елика аще разрешите на земли, будут разрешена на небеси» (Мф. 18, 18).

«Что может сравниться с такой честью, – говорит св. Иоанн, – небо получает начало суда с земли. Судия сидит на земле, и Владыка следует за рабами; и что последний присуждает внизу, то Он утверждает горе»²³³. «А когда он призывает Святого Духа, совершает страшную жертву и постоянно касается общего всех Владыки, скажи мне, где поставим его? – вопрошает святитель. Какой потребуем от него чистоты и какого благоговения? Подумай, каковы должны быть руки, служащие этому, каков язык, произносящий эти слова? Не всего ли чище и святее душа, принимающая этого Духа? Тогда ангелы предстоят священнику, весь чин небесных сил взывает и наполняет место около престола в честь Лежащего»²³⁴. Приступая к этому святому служению, пастырская душа, по мысли святителя, «должна сиять, подобно свету, освещающему вселенную»²³⁵. Во время молитвы, по свидетельству св. Златоуста, пастырь «так приступает к Богу, как бы ему вверен был весь мир и сам он был отцом всех, прося и умоляя о прекращении повсюду войн... о мире и благоденствии, о скором избавлении от всех... бедствий частных и общественных»²³⁶. Для совершения такой молитвы чистота и святость священника, по словам св. Иоанна Златоуста, должна превосходить даже святость таких великих угодников Божиих, как пророки Моисей и Илия. «Тот, кто молится, – пишет св. отец, – за всю вселенную и умиловливает Бога за грехи всех, не только живых, но и умерших, тот каким сам должен быть? Даже дерзновение

Моисея и Илии я почитаю недостаточным для такой молитвы»²³⁷.

Поэтому душа священника, по замечанию св. Златоуста, должна быть чище самих лучей солнечных, чтобы Дух Святой всегда пребывал с ним и чтобы он мог говорить: «Живу не к тому аз, но живет во мне Христос»²³⁸. Сам святитель благоговел и трепетал перед святым служением. Он говорил: «Принимающему на себя сан служителя Божия нужно иметь великое благоразумие, и еще прежде благоразумия великую благодать Божию, правоту нравов, чистоту жизни и добродетель более, нежели человеческую»²³⁹.

«Священник, – учит св. Иоанн Златоуст, – должен быть бодрствующим и осмотрительным и иметь множество глаз со всех сторон, как живущий не для себя одного, а для множества людей» (1Тим. 3, 2)²⁴⁰.

«Грехи обыкновенных людей производятся как бы во мраке и губят только согрешающих... никому не нанося опасной раны. Но стоящие на высоте священнического достоинства, – во-первых, всеми видимы; во-вторых, самые неважные погрешности их представляются великими в глазах других людей... Поэтому священник должен со всех сторон оградить себя, как адамантовыми оружиями, непрерывной бдительностью, всегдашней трезвенностью жизни, неопустительным наблюдением того, чтобы не оставалось какое-нибудь место нагим и незащищенным, и враг, заметив его, не нанес смертельного удара. Ибо со всех сторон, – говорит Златоуст, – окружают люди, готовые уязвлять и поражать, – не только враги и зложелатели, но многие и из тех, которые принимают на себя вид друзей»²⁴¹. Вот почему священнослужитель, по мысли святителя, должен всегда быть осторожен в своих действиях и внимателен к себе, «чтобы он мог отвращать душу свою от всякой нечистоты и сохранить неповрежденную духовную красоту»²⁴².

«Пока жизнь священника хорошо устроена со всех сторон, он недоступен для коварства; если же случайно он погрешит в малом (что возможно, потому что он человек и переплывает море этой жизни, полное заблуждений), другие подвиги его не

помогают ему заградить уста обвинителей, но этот малый проступок набрасывает тень на все прочие. Какова должна быть чистота священника; а между тем, сколько соблазнов предстоит ему. Душу священника обуревают волны, сильнее тех, – пишет святитель, – какие ветры поднимают на море, но самая опасная волна, которая может поглотить пастыря – гордость»²⁴³. Эта страсть уничтожает в пастыре все доброе и святое и направляет его разум не на то чтобы воздавать благодарение Творцу, а чтобы приписывать все своим способностям. Этим самым пастырь умерщвляет в себе все Божественное и духовно умирает, а с ним гибнет и вся паства. Поэтому св. Иоанн Златоуст запрещает допускать к священству тех лиц, у которых замечалась страсть к тщеславию, честолюбию и властолюбию, гневу, склонности к чувственным удовольствиям и мирским заботам²⁴⁴. Лица, подверженные этим страстям, по мысли святителя, если и примут сан, то не только не избавятся от них (страстей), но еще более усилят их, растравят свои душевные раны. «Тот, кто до получения священного сана не научился удерживать гнева, но легко воспламеняется, – когда получит в управление целый народ – подобно зверю, уязвляемому отовсюду и всеми, и сам не может быть никогда спокоен, и вверенных ему непрерывным подвергает смятениям, – наставляет святой отец»²⁴⁵.

Для того, чтобы управлять народом, вести ко спасению, нужно иметь много терпения и смирения. «Власть поставляет человека во многие обстоятельства, которые делают и весьма кроткого, – говорит Златоуст, – суровым, подавая множество поводов к гневу»²⁴⁶. «Душа священника, – считает святитель, – ничем не разнится от корабля, обуреваемого волнами; со всех сторон она уязвляется от друзей и от врагов, от своих и чужих. Тысячи упреков он слышит со всех сторон; никто не боится обвинить и оклеветать его»²⁴⁷. Истинному пастырю не следует обращать на это внимание и отвечать злом на зло, а наоборот, ему нужно все переносить со смирением и всех обидевших его прощать и молиться о них Богу.

Со своей стороны пастырь, по мысли святителя, должен предпринять все, чтобы не подать соблазнов, но предвидеть

издали, откуда они могут произойти, и наперед уничтожить причины, от которых могут произрастать²⁴⁸. Но это может сделать только тот пастырь, у которого «душа крепкая и мужественная»²⁴⁹, – говорит Златоуст. Таким образом, по мысли святителя, пастырь Церкви должен быть свободен от всех страстей; иначе он не способен будет выполнять это высокое служение. Подверженные порокам, по мысли Златоуста, не могут быть посвящаемы в этот сан, так как это может послужить только поводом к обнаружению их злых склонностей, а вместе с этим порочная жизнь пастырей может оказаться крайне соблазнительной и губительной²⁵⁰. «Когда диавол убивает овец, – говорит св. отец, – он только уменьшает стадо; а если поражает пастыря, то наносит вред всей пастве. Вследствие этого, так как в данном случае с меньшим трудом он достигает большого и в одной душе все погубляет, – то он более всего и нападает на учителей»²⁵¹. Сложность и трудность такой духовной брани, которую ведет сатана с Церковью Христовой, очень хорошо описывает св. Иоанн Златоуст в своих творениях, где он изображает обычную человеческую борьбу двух неприятельских войск. «Если бы возможно было, – пишет святитель, – сложить с себя это тело, или с телом чисто без страха собственными глазами видеть все ополчения диавола и его битву с нами, то ты увидел бы не потоки крови и мертвые тела, но такое избиение душ и такие тяжелые раны, что все изображения войны... ты почел бы детской игрой и скорее забавой, нежели войной, так много поражаемых каждый день!»²⁵².

Если в обыкновенном сражении бывают перерывы по каким-либо причинам, да и продолжительность всякой борьбы имеет конец, то в «борьбе с лукавым, – говорит Златоуст, – никогда нельзя ни сложить оружие, ни предаваться сну для того, кто желает всегда оставаться не раненым. Необходимо избрать одно из двух: или, сняв оружие, пасть и погибнуть, или всегда вооруженным стоять и бодрствовать. Этот враг всегда стоит со всем ополчением, наблюдая за нашей беспечностью и гораздо более заботится о нашей гибели, нежели мы о своем спасении. Особенно трудной борьбу с ним делает для непостоянно бодрствующих то, что он невидим нами и нападает

внезапно»²⁵³. В борьбе с трудностями и искушениями надо всецело уповать на Бога, и Господь никогда не оставит верного Ему пастыря. «Мы подвергаемся опасностям, – говорит святитель, – нам строят козни, но мы имеем Избавителя – не человека, но Бога. Следовательно, Избавитель наш не изнемогает, потому что Он – Бог, и какие бы нам ни угрожали нападения, они не одолеют нас, потому что наша надежда – Христос»²⁵⁴.

Кроме трудностей этого великого служения, на пастыре еще лежит и ответственность перед Богом как за свои грехи, так и за врученную ему паству. Он говорит, что «если только и один кто отойдет (из этой жизни) без посвящения в таинства, не ниспровергнет ли это всего его спасения? Ведь гибель и одной души составляет такую потерю, которой не может выразить никакое слово»²⁵⁵. Ответственность пастыря увеличивается еще и тем, что он будет отвечать не только за свое нерадивое несение пастырского долга, но и за грехи и пороки вверенных его попечению. Св. Иоанн Златоуст, учитывая это положение, приходит к мысли, что в среде священников гораздо больше погибающих, чем спасающихся. Он пишет: «Не думаю, чтобы в среде священников было много спасающихся, напротив, гораздо больше погибающих, и именно потому, что это дело требует великой души... и тогда, когда прочие грешат, вина падает на него»²⁵⁶. Пастырь, по мнению св. Златоуста, «должен отдать пред Богом двойной отчет»²⁵⁷, «он не только будет судим за свои грехи, но и подвергнется крайней опасности за грехи других»²⁵⁸.

В своем учении св. Иоанн Златоуст не допускает и мысли об оправдании пастыря пред Богом. «Потому что поставленный исправлять невежество других и предварять о наступающей борьбе с диаволом, не может оправдываться неведением и говорить: я не слышал трубы, я не предвидел войны. Он, как говорит пророк Иезекииль, для того и посажен, чтобы трубить для других и предвозвещать об угрожающих бедствиях; почему неминуемо постигнет его наказание, хотя бы погиб только один человек»²⁵⁹.

Если даже пастырь, по мысли святителя, проведет свою жизнь благочестиво, «но... не будет с должным усердием заботиться о вверенных его попечению, то вместе с порочными пойдет в геенну, и часто, невинный по своим делам, он погибнет за ваши беззакония»²⁶⁰. «Это потому, – говорит св. Иоанн Златоуст, – что пастырь является начальником, поэтому он «должен дать ответ за всех, над кем начальствует, – за жен, мужей и детей»²⁶¹. Таким образом, пастырское служение ответственно, поэтому св. Златоуст и советует принимать священный сан только тем лицам, которые своей жизнью приготовились к этому великому служению. А кто чувствует неподготовленность своей души, тому св. отец советует воздержаться от принятия сана, хотя бы кто-нибудь и насильно принуждал его. Избираемый «должен, – по мысли св. Златоуста, – остановить их, подробно изложить препятствующие причины, чтобы вывести их из обмана и, показав себя недостойным избрания, избежать тяжести столь великого поручения»²⁶², чтобы по своей неопытности он не подверг бесчисленным падениям вверенный его руководству народ²⁶³. Затем святитель приводит пример. Ведь никто, не будучи зодчим, не осмелится обещать, что он построит дом, и из не умеющих лечить не станет касаться больных, хотя бы многие насильно побуждали их. Говоря о важности пастырского служения и о том, кто должен приступать к нему, святитель в то же время дает советы, как достойно подготовиться к этому служению. Он говорит: «Важно и много содействует благоустроению Церкви и великую приносит пользу, когда предстоятели – его люди ученые. А когда этого нет, то в Церквях многое погибает»²⁶⁴. Исходя из этого, по учению св. Иоанна Златоуста, для кандидатов священства необходимы знания и теоретические – приобретение искусства слова; затем знания богословских наук, преимущественно же Св. Писания. По мысли св. отца, это поможет будущему пастырю при отражении заблуждений и при разрешении возникающих недоуменных вопросов²⁶⁵. Знание Св. Писания и богословских наук для кандидатов священства также необходимо для того, чтобы легче было умиротворить «догматические споры, которые

ведутся одним и тем же оружием Писания»²⁶⁶. Вот почему св. Златоуст советует пастырям изучать Св. Писания так, чтобы «Слово Христово вселилось в них обильно»²⁶⁷. Изучая Писание, пастырь духовно развивается и становится способным преподавать верующим чистые религиозно-нравственные понятия и убеждения. В связи с этим св. Златоуст говорит: «Не ожидай другого учителя; есть у тебя Слово Божие, никто не научит тебя так, как оно»²⁶⁸. В Св. Писании излагается все, что должно делать, и чего не должно. Оно есть одно из главнейших средств для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности (2Тим. 5, 16). Для того дано наставление, чтобы совершен был «Божий человек»²⁶⁹.

Вместе с важностью знания Священного Писания и творений св. отцов большое значение для пастыря, по учению Златоуста, имеет знакомство с основоположениями современной человеческой мысли. Благодаря всестороннему образованию, пастырь легко сможет разбираться в различных недоуменных вопросах, с которыми обращаются к нему его прихожане. Его спрашивают не только о путях спасения, но часто предлагают ему то, что вовсе не относится к делу нашего спасения. «Одни, – говорит Златоуст, – хотят исследовать такие предметы, которые и знать было бы бесполезно... другие требуют отчета о судьбах Божиих и усиливаются измерить эту великую бездну, «ибо судьбы Твоя, – говорится в Писании, – бездна многа»²⁷⁰. «Кто намеревается, – говорит Златоуст, – отстаивать истину перед всеми, тот должен знать способы действия всех их. А если он не будет сведущ во всех частях их искусства, то диавол и через одну какую-нибудь часть, если она останется в пренебрежении, сумеет провести своих грабителей и расхитить овец; но он не будет (так смел), когда увидит пастыря, выступающего с полным знанием и хорошо сведущего во всех его кознях»²⁷¹.

Для более успешного выполнения своего долга, по мысли св. Иоанна Златоуста, пастырь должен иметь в себе любовь как к Богу, так и к ближним. Любовь к ближним вытекает из любви к Богу и должна быть неразлучна с нею. «Аще кто речет, яко люблю Бога, а брата своего ненавидит, ложь есть, ибо не любяй

брата своего, егоже виде, Бога, его же не виде, како может любить. И сию заповедь имама от него, да любяй Бога, любит и брата своего» (1Ин. 4, 20–21). «Способность к такой любви, как особый дар, дается в хиротонии, однако, – говорит Златоуст, – усвоение и поддержание его в себе зависит от стремлений человеческого духа»²⁷². Любящий Бога пастырь будет всеми силами стремиться искоренять грех как из своей души, так и из душ пасомых. «Нет решительно... ни одного греха, – говорит святитель, которого бы, подобно огню, не истребила сила любви»²⁷³.

Любовь к Богу и ближним, по мысли св. отца, нужна кандидату священства еще и для того, чтобы поддерживать в нем ревность по Боге, побеждать искушения, всякие прелести мира сего и многие другие трудности, встречающиеся на этом тернистом пути. Эта пламенная любовь к Богу и ближним не допустит его сойти со скорбного и тесного пути, ведущего в Царствие Небесное. Св. Иоанн Златоуст ставит в пример как образец любви св. ап. Павла. «Одно только было для него, – говорит святитель, – страшно и опасно, как бы не скорбить Бога... Питая эту любовь, он не удивлялся достоинству ни ангелов, ни архангелов и ничему другому подобному; ибо имел в себе то, что выше всего, – любовь Христову; и с ней он считал себя блаженнее всех, а без нее не желал быть ни с господствами, ни с началами, ни с властями... для него единственное было наказание – лишиться этой любви; это было для него геенной, мучением, множеством зол; равно как иметь ее было наслаждением... жизнью, будущим, настоящим... множеством благ»²⁷⁴.

Пастырская любовь к ближним должна также простираться безгранично. По мысли св. Иоанна Златоуста, любовь к ближним «делает душу пастыря пространнее неба»²⁷⁵. «Если бы можно было исторгнуть и показать мое сердце, – говорит Златоуст своим пасомым, – то вы увидели бы, как не тесно помещаетесь в нем все вы»²⁷⁶. «Поверьте мне, я забываю о собственном спасении, заботясь о вашем, и не имею времени оплакивать свои грехи. Так вы для меня – все. Когда вижу, что вы преуспеваете в добродетелях, то не чувствую собственных

бед от радости; а когда вижу, что вы не преуспеваете, то от скорби опять занимаюсь своим... Ибо какая надежда учителю, когда его паства предана порокам? Какая жизнь, какое утешение?»²⁷⁷.

Вот такая любовь должна наполнять сердце пастыря к пасомым. Без такой самоотреченной любви он не может совершить то дело, на которое посылает его Христос.

Учение св. Григория Богослова (326–389)

Св. Григорий Богослов вел строгую жизнь и не стремился к достижению какой-либо церковной должности. Его душа горела огнем Божественной любви к уединению. Но получилось по-другому. Отец Григория Богослова, будучи епископом, вопреки желанию своего сына рукоположил его в сан пресвитера. Это настолько потрясло душу св. Григория, что он тайно ушел к своему другу Василию Великому в г. Понт. Прожив там некоторое время, успокоившись немного, он решил возвратиться снова на свою родину и занять тот приход, куда был рукоположен. Здесь он пред своей паствой произносит три слова; в первом, приветствуя всех с великим праздником Воскресения Христова, просит себе прощения у оскорбленных его удалением; во-втором – с кротостью и любовью обличает тех, которые не желают слушать его и, наконец, в третьем излагает учение о важности и высоте пастырского служения, его великой трудности и ответственности, обязанностях, необходимости как практического, так и теоретического приготовления к этому служению. Здесь же резко осуждаются принимающие сан священства без предварительной подготовки к нему.

Но хотя, по учению Григория Богослова, пастырское служение и трудное, однако оно необходимо в Церкви Христовой по Божественному установлению. Для лучшего понимания св. отец приводит в пример целесообразность человеческого организма: «Как в том, – говорит он, – иное начальствует и как бы председательствует, а иное состоит под начальством и управлением, так и в Церкви... Бог постановил, чтобы одни, для кого сие полезнее... оставались пасомыми и подначальными, а другие, стоящие выше прочих по добродетели и близости к Богу, были пастырями и учителями к совершению Церкви и имели к другим такое же отношение, какое душа к телу и ум к душе, дабы то и другое, недостаточное и избыточествующее, будучи подобно телесным членам, соединено и сопряжено в один состав, совокуплено и связано

союзом Духа, Самого Христа – нашей Главы»²⁷⁸. – «Не у всех членов один образ действования, хотя и все одинаково имеют нужду друг в друге... Так, глаз не ходит, но указывает путь; нога не смотрит, но переступает и переносит с одного места на другое; язык не приемлет звуков, ибо это дело слуха; ухо не говорит, потому что это дело языка... То же и у нас – в общем теле Христовом»²⁷⁹. «Поэтому не думаю, чтобы безначалие и беспорядок были полезнее»²⁸⁰.

Говоря о необходимости пастырского служения в Церкви Христовой и неуклонении от этого призвания, св. отец советует в то же время принимать этот высокий сан лицам, подготовленным и чистым душой и телом. «Кто возьмется, – спрашивает святитель, – как глиняное какое-нибудь изделие, изготовляемое в один день, образовать защитника истины, который должен стоять с ангелами, славословить с архангелами, возносить жертвы на горний жертвенник, священнодействовать со Христом, возсозидать создание, восстанавливать образ Божий, творить для горнего мира и – скажу более – быть богом и творить богами? Знаю, чьи мы служители, где мысами поставлены и куда готовим других. Знаю величие Божие и человеческую немощь, а вместе и силу. Небо высоко, земля же глубока (Прит. 25, 3). И кто из низложенных грехом взойдет на небо? Кто, обложенный еще дольным мраком и грубой плотью, может целым умом ясно созерцать всецелый Ум; находясь среди непостоянного и видимого, вступить в общение с постоянным и невидимым?»²⁸¹ «Величие, высота, достоинство, – говорит св. Григорий Богослов, – чистые существа, с трудом вмещающие сияние Бога... Которого во всем и вне всего, Который есть всякая доброта и выше всякой доброты... таков должен быть невестоводитель, уневещающий души. И боюсь, чтобы, связав мне руки и ноги, не извергли меня из брачного чертога, как не имеющего на себе брачного одеяния и нагло вторгшегося в круг возлежащих там»²⁸².

Высота пастырского служения требует от священнослужителя и высоких качеств в личной жизни, посредством которых он может привлекать ко опасению и

других. Пастырь, по мысли св. отца, должен проводить свою жизнь строго и без пороков, подавая тем самым пример пастве. «Пастырь, – пишет святитель, – подобно серебру и золоту обращаясь всюду, во всяком обстоятельстве и деле не должен звучать, как поддельная и нечистая монета... Иначе тем большее произойдет зло, чем над большим числом людей он будет начальствовать... Но как удобно ткань принимает в себя невыводимую краску и близкие вещи занимают одна от другой зловоние или благовоние, так подчиненные... принимают в себя пороки начальства... Таким образом, порочному принимать на себя пастырство значило бы только усиливать зло и порок в мире»²⁸³ (ср. Агг. 2, 13–14).

По учению св. отца, добрая и примерная жизнь пастыря должна быть признана первым, главнейшим и неприменным средством пастырского воздействия, потому что метод наглядного обучения есть самый естественный и действенный. «Или вовсе не учи, – говорит Григорий Богослов, – или учи доброй жизнью. Иначе будешь одной рукой притягивать, другой отталкивать... Меньше потребуется слов, если делаешь что должно, живописец больше учит картинами... Особенно вам, служители алтаря, – продолжает он, – советую не быть оком, исполненным тьмы, чтобы не оказаться первыми в порочной жизни... Будь более привязан к Богу, чем стой за учение о Боге. Всякое слово можно оспаривать словом, но жизнь чем оспоришь!»²⁸⁴.

Пастырь должен быть среди своих пасомых, как военачальник среди солдат, сиять славой и добродетельной жизнью, чтобы, как говорит святитель, – не подать другим преткновения или соблазна, не погрешая и даже не подавая подозрения, сколько сие возможно»²⁸⁵.

«Кому вверено сие (пастырство), – учит св. Григорий, – тот не только должен быть непорочным... но должен отличаться добродетелью... Он обязан не только изглаживать в душе своей худые образы, но и напечатлевать лучшие, чтобы ему превосходить других добродетелью больше, нежели сколько он выше их достоинством. Он должен не знать даже меры в добре и в восхождении к совершенству, почитать не столько прибылью

то, что приобретено, сколько потерянным то, что не достигнуто, пройденное же обращать всегда в ступень к высшему и не высоко думать о себе, если и многих превосходит, но признавать уроном, если не соответствует в чем сану»²⁸⁶. Если в обыкновенном человеке, по мысли св. отца, считается пороком то, что произведено им худого, и заслуживает наказания и строго истязуется законом, то в пастыре даже и то уже порок, что он не достигает возможного совершенства и не преуспевает в добре. «В начальнике и предстоятеле, – говорит Григорий Богослов, – и то уже порок, если не многим он превосходит простолюдина, если не оказывается непрестанно лучшим и лучшим»²⁸⁷.

Говоря о пастырской высоте и добродетельной жизни, св. Григорий Богослов требует от кандидатов священства приготовления души заранее, испытания ее со всех сторон нравственного совершенства. Готовясь на это великое служение, по мысли св. отца, «надобно прежде самим очиститься, потом уже очищать... стать светом, потом просвещать, приблизиться к Богу, потом приводить к Нему других; освятиться, потом освящать»²⁸⁸. Тому, кто ищет сан священства, не искоренив из своей души пороки, святитель советует «учиться умерять гнев, обуздывать язык, уцеломудрить око, укрощать чрево и попираť земную славу... Вести такую любомудрую жизнь лучше, нежели принять на себя власть и управление душами, и, когда еще сам не научился быть хорошим пасомым, не очистил, как должно, душу свою, обязаться должностью править паствой»²⁸⁹. Далее святитель считает «чуждыми, незаконными и недостойными сана тех священников, которые, приступая к священству, ничего не приносят с собою; нимало не потрудившись для добродетели, оказываются вместе и учениками и учителями благочестия и когда сами еще не очистились, начинают очищать других»²⁹⁰. И действительно, как паства сохранит себя в чистоте, когда ее пастырь погрязает в нечистоте? Ведь дурной пример гораздо сильнее, чем добрый, оказывает влияние на окружающих и без всяких трудов усваивается ими. Поэтому пастырю Церкви, по мысли святителя, нужно очистить свою душу от всех пороков, и

тогда он сможет вести свою паству по пути спасения. Для этого нужно пастырю глубоко изучить души своей паствы и уметь дать соответственно ее запросам указания и врачевания.

Святой Григорий Богослов, для лучшего понимания в руководстве паствой и исцелении ее, приводит сравнение с лечением тела. Трудно вылечить тело, но душу «еще труднее, а вместе и предпочтительнее, – и по свойству врачуемого, и по силе знания, и по цели врачевания. Одно трудиться над телами, над веществом, которое непременно разрушится и подвергнется своей участи, хотя теперь с помощью искусства и преодолевается происшедшее в нем расстройство... А другое – оказывать попечение о душах, которые произошли от Бога и божественны, которые причастны горнего благородства и к нему поспешают... Врачующий тело принимает во внимание место, случай, возраст, время года и тому подобное, дает лекарства, предписывает образ жизни, предостерегает от вредного, чтобы прихоти больного не воспрепятствовали искусству; иногда же, когда и над кем нужно, употребляет прижигания, резание и другие еще более жестокие способы лечения. Хотя все это, – пишет святитель, – оказывается очень трудным и тяжелым, однако же не столько, как врачевать нравы, страсти, поведение, свободное произволение и все в нас тому подобное; исторгать, что приросло к нам зверского и дикого, а на место сего вводить и укоренять все, что есть кроткого и благородного, устанавливать надлежащее отношение между душой и телом... Охраняемое врачом тело нимало не злоумышляет и не ухищряется против средств, употребляемых искусством... а в нас мудрование, самолюбие и то, что не умеем и не терпим легко уступать над собою победу, служат величайшим препятствием к добродетели и составляют как бы ополчение против тех, которые подают нам помощь. Сколько надлежало бы прилагать стараний, чтобы открыть врачующему болезнь... Мыто рабски скрываем грех... то под различными предлогами извиняем в себе его... то, заградивши слух... принимаем все меры, чтобы не слышать гласа обвиняющих (Пс. 57, 5–6) и не пользоваться врачевствами, которыми исцеляется душевный недуг; то, наконец, явно не стыдимся ни греха, ни врачующих грех, идем,

как говорится, с открытой головой на всякое беззаконие... Посему-то полагаю, – пишет св. отец, – что наше врачебное искусство гораздо труднее, а, следовательно, и предпочтительнее искусства врачевать тело... Что касается до цели того и другого врачевания, – говорит святитель, – то цель одного – или сохранить здоровье, когда оно есть, или возвратить, когда оно утрачено... Но цель другого врачевания – окрылить душу, исхитить из мира и предать Богу, сохранив образ Божий, если цел, поддержать, если в опасности, обновить, если поврежден, вселить Христа в сердце (Еф. 5, 17) Духом; короче сказать, того, кто принадлежит к горнему чину, соделать богом и причастником горнего блаженства»²⁹¹. Забота врача о теле больного, по мысли св. отца, заключается в том, чтобы продлить его жизнь на земле и облегчить тяжелые страдания болезненного тела, но «врач духовный должен предохранять человека от вечной смерти; вот почему он постоянно находится в опасности утратить спасение души, души блаженной и бессмертной, которая будет вечно или наказываема за порочность или прославляема за добродетель»²⁹².

Прекрасную картину сравнения духовного врачевания с телесным св. Григорий Богослов заканчивает тем, что говорит: «Сколько пастырю нужно умений и опытности для того, чтобы дать соответствующие указания той или иной душе для ее спасения!» Поэтому, по учению святителя, «как телам неодинаковые даются лекарства и пища... так и души врачуются различным образом и способом... Одних назидает слово, другие исправляются примером. Для иных нужен бич, а для других узда, ибо одни ленивы и неудобоподвижны к добру, и таких должно возбуждать ударами слова; другие сверх меры горячи духом и неудержимы в стремлениях, подобно молодым, сильным коням, бегущим далее цели, и таких может исправить обуздывающее и сдерживающее слово. Для одних полезна похвала, для других укоризна; но та и другая – вовремя; напротив того, без времени и без основания они вредят. Одних исправляет увещание, других выговор, и последний – или по всенародному обличению или по тайным вразумлениям. Ибо

одни привыкли пренебрегать вразумлениями, сделанными наедине, но приходят в чувство, если укорять их при многих; другие же при гласности обличения теряют стыд, но их смиряет теплый выговор... Иные, надмеваясь мыслию, что дела их тайны, о чем они и заботятся, считают себя умнее других, и в таких надобно тщательно наблюдать все, даже самые маловажные, поступки; а в других лучше иного не замечать и, как говорится, видя не видеть и слыша не слышать... Иногда нужно гневаться, не гневаясь, оказывать презрение, не презирая, терять надежду, не отчаяваясь, сколько сего требует свойство каждого; других должно врачевать кротостию, смирением и соучастием в их лучших о себе надеждах... Хвалить или осуждать должно у иного достаток и могущество, а у другого – нищету и расстройство дел. От сего столько труда доброму пастырю, обязанному хорошо знать души своих пасомых и быть вождем их по закону прямого и справедливого пастырства, которое было бы достойно истинного нашего Пастыря».

Это, конечно, требует большого труда и много умения, потому что, по словам святителя, «править человеком, самым хитрым и изменчивым животным, – действительно есть искусство из искусств и наука из наук»²⁹³.

Далее святитель советует пастырям быть ревностными проповедниками Божественной истины, которая требует много трудности, осторожности и осмотрительности. «Что касается до самого разделения слова... то, если кто другой приступает к делу сему с дерзновением и почитает это доступным для всякого ума, я дивлюсь многоумию (чтобы не сказать: малоумию!) такого человека. Для меня кажется, – говорит святитель, – не простым и немалого духа требующим делом – каждому давать во время житомерия (Лк. 12, 42) слова и с рассуждением вести домостроительство истины наших догматов»²⁹⁴. Чтобы вести беседы о догматах, о их возвышенных понятиях, пастырю, по мысли св. отца, «всегда потребен Дух, при одном содействии Которого и можно только о Боге мыслить, и говорить, и слушать»²⁹⁵. Трудность пастырского проповедания заключается в том, что слушающие его бывают

люди различного и состояния, и возраста, и пола, и способностей. «В многочисленном собрании люди всякого возраста и разных способностей, – пишет св. Григорий Богослов, – которые, подобно многострунному органу, требуют неодинаковых ударений, трудно тогда найти слово, которое бы всех назидало и озаряло светом ведения»²⁹⁶. Эти трудности с народом святитель уподобляет одному сложному, разнородному живому существу. «Поелику общее тело Церкви, – говорит св. отец, – подобно одному сложному и разнородному живому существу, слагается из многих и различных нравов и умов; то предстоятелю совершенно необходимо быть вместе как простые, относительно к правоте ко всем, так, сколько можно... многосторонним и разнообразным для приличного со всяким обращения, а равно способным к полезной со всяким беседе»²⁹⁷. Не все могут вместить, по мысли святителя, одинаково те истины, которые им преподаются. Но одного нужно питать млеком, другим давать твердую пищу, одним преподавать начальные истины, другим более глубокие и таинственные.

Чтобы внедрить в сердца слушающих эти таинственные истины, по мысли св. отца, пастырь должен быть духовным и в тоже время иметь умственное развитие и теоретическое приготовление. «Не знающему ни того, что должно говорить, ни того, что должно делать, – говорит святитель, – лучше учиться, нежели, не зная, учить... А посему брать на себя труд учить других, пока сам еще не научился достаточно, и, по пословице, на большом глиняном сосуде учиться делать горшки, то есть, над душами других упражняться в благочестии, по моему мнению, свойственно только людям крайне неразумным и дерзким – неблагоразумным, если они не чувствуют своего невежества; дерзким, если, сознавая оное, отваживаются на дело»²⁹⁸.

Развитое умозрение, по словам св. Григория Богослова, является могущественным спутником к горнему, содействует в деле спасения и создает добродетель²⁹⁹. «Есть науки, – говорит святитель, – и им учатся, и на то нужно время, непрерывные труды и усилия, иногда надобно тратить деньги, приискивать

людей, которые бы объясняли науку... а мудрость, которая все превосходит и заключает в себе все блага в совокупности... ужели почтем для себя столь легким и не затруднительным делом, что всякому стоит только захотеть, и будет мудрым? Большое невежество так думать»³⁰⁰, – замечает св. отец.

Затем святитель конкретно указывает кандидатам священства, какие они прежде должны изучать науки, чтобы стать истинными проводниками своих пасомых в жизнь вечную. Святой Григорий Богослов советует прежде всего знать Священное Писание. Чтение книг Священного Писания, по мысли св. отца, «очищает душу и тело, делает человека угодным для Бога храмом, органом, в котором ударяет Дух, песнопевцем Божией славы и Божия могущества... Через Него я образуясь, прихожу в благоустройство, из одного человека делаюсь другим, – говорит святитель, – изменяюсь Божественным изменением»³⁰¹. «Может быть, – говорит святитель, – извинили бы мы простолудинов в незнании истин веры, если бы с ними случилось это; но как простить это учителю, который, если только не лжеименный, должен помогать в неведении другим? Если всякому непростительно не знать какого-либо римского закона, – пишет св. отец, – то не странно ли тайноводствующим ко спасению не знать начал спасения»³⁰².

Хотя св. Григорий Богослов и обращает большое внимание на изучение Священного Писания, однако, вместе с тем, он считает, что для кандидата священства необходимо знать и светские науки. Полезно также «заниматься... красноречивыми произведениями витий, тонкими рассуждениями философов. Но со всем этим обращаться благоразумно; с мудростью собирать отовсюду полезное, с рассудительностью избегать всего, что в каждом писателе есть вредного, подражать в работе мудрой пчеле, которая садится на всякий цветок, но весьма умно берет с каждого только полезное»³⁰³. В пример светской учености св. Григорий Богослов приводит св. Василия Великого. «Какого рода наук ни проходил он, – говорит святитель, – это был корабль, столько нагруженный ученостью, сколько сие вместительно для природы человеческой»³⁰⁴. Далее святитель,

обличая возражающих против светского образования христиан, в частности, кандидатов священства, упрекает их в невежестве. Эти лица, – говорит св. Григорий, – желают «видеть всех подобными себе, чтобы в общем недостатке скрыть свой собственный (недостаток) и избежать обличения в невежестве»³⁰⁵. Познание светских наук, по мысли св. отца, нужно иметь пастырям для того, чтобы ум приучить к здоровой, отчетливой и последовательной мыслительности, а также для успешного отражения нападений на христианство со стороны инакомыслящих, чтобы их же собственным оружием побеждать их³⁰⁶.

Говоря о всесторонней подготовке к пастырскому служению и о его ответственности, святитель Григорий Богослов приводит несколько выдержек из ветхозаветных пророков, где за недостойное прохождение пастырских обязанностей следует наказание. «На меня, – говорит св. отец, – наводит великий страх, с одной стороны, блаж. Осия, когда говорит, что нас – священников и начальников – ожидает суд, а с другой стороны, божественный Михей, который не терпит, чтобы Сион созидаем был кровью, Иерусалим неправдами... (Мих. 3, 11). Меня приводят в страх, – восклицает св. отец, – и укоряемые фарисеи... нам будет стыдно пред ними, если окажемся хуже их по своим порокам и услышим справедливые себе укоризны: змии, порождения ехиднины, вожди слепые, гробы, внутри полные скверны (Мф. 23, 24–33). Такие мысли не оставляют меня день и ночь, – говорит св. Григорий Богослов, – Сушат во мне мозг, истощают плоть... Сие смиряет наше сердце, полагает узы на язык и заставляет думать не о начальстве... но о том, как самому избежать грядущего гнева»³⁰⁷.

Вот почему св. Григорий Богослов в своих творениях и обличает тех пастырей, которые священный сан делают «средством к пропитанию» и считают «не служением, подлежащим ответственности, но начальством, не дающим отчета»³⁰⁸. Таким образом, пастырь, по учению св. Григория Богослова, должен быть идеально чист от всех пороков и стараться врачевать вверенную ему паству. Он должен быть огненным столпом, освещающим путь в Царствие Божие.

Учение св. Исидора Пелусиота (5 век)

Св. Исидор Пелусиот был учеником ревностного поборника Православия и чистоты нравов св. Иоанна Златоуста. Наследовав от своего учителя добрые качества, св. Исидор сам старался воплотить их в своей жизни. Он не только сам желал быть с Богом, но старался привести к Нему и других, подобных себе, пастырей, как видно из его многочисленных писем (до двух тысяч), адресованных лицам всех званий и состояний. Но с особенной ревностью св. Исидор заботился о воспитании современных ему пастырей Церкви. В своих письмах св. отец раскрывает многие вопросы, касающиеся пастырства – о его Божественном происхождении, высоте и ответственности этого служения, о качествах пастыря и т. д.

По мысли св. отца, пастырство установлено Самим Господом Иисусом Христом, Который избрал двенадцать Апостолов и дал им власть поставлять после себя преемников. Апостолы были «как бы звездами, сопровождающими Солнце правды, и приняли не писания на слоновой кости, но власть, какой не имеют и цари земные, ибо сказано им было: «Елико аще свяжете на земли, будут связана на небесех, и елика аще разрешите, будут разрешена» (Мф. 18, 18)»³⁰⁹. Далее он говорит: «Бог по человеколюбию благоволил употреблять на служение Ему иерея, ибо иерей есть Ангел Господа Вседержителя (Мал. 2, 7), как по таиноводству Божественного священнодействия, так и по тому, что служит спасению многих»³¹⁰. Исходя из этого высокого понимания пастырства, св. отец считает его учреждением небесного порядка. «Священство есть Божественное достояние»³¹¹, служение «светоносное, небесное, приличное ангелам»³¹². Вот почему, по мысли св. Исидора, священство превышает «всякую человеческую почесть и всякий сан, даже и царскую власть»³¹³. По учению св. отца, «священство поставлено как быв середине между естеством Божеским и человеческим, чтобы одному служить, а в другом производить перемену на лучшее»³¹⁴.

Св. Исидор, указывая на высоту пастырского служения, в тоже время обращает внимание пастырей и на необыкновенную трудность пастырского служения и ответственность за него. Священство, по его словам, «есть занятие, а не покой; забота, а не забава... Посмотри на Апостола; он опытен был в этом подвиге, много пролил пота, принял на себя тысячи ран и ударов, близко видел и казни, и смерть, чтобы, сколько от него зависело, никто не погиб из вверенных ему... Кто желает (также) священства, тот пусть посмотрит на труды и вникнет, может ли найти в себе достаточно к тому силы? Пусть обратит внимание на опасности, ибо нередко вооружаются на него и невидимые и видимые враги. Пусть помышляет не об одной только почести; пусть имеет в виду смерть, а не забавы; предусматривает козни и заботы, а не льстит себя покоем; пусть знает, что если возведен кто бывает на оный престол, то рукополагается законно подвизаться, а не наслаждаться безопасно»³¹⁵.

Пастырское служение есть непрерывный подвиг. Но трудности этого служения не должны устрашать пастырей Церкви, потому что в трудах и подвигах, по мысли св. отца, им будет помогать Божественная благодать. «Если, – пишет св. Исидор Пелусиот, – неопустительно и со всею рачительностью будем делать все, что от нас зависит, то должно нам тогда призывать на помощь Божию силу. Она придет и всеми способами доставит победу. Если же не сделано нами ничего должного, то напрасно наше призывание, потому что не терпит она посмеяния и не приходит к тем, которые сами себя охотно ввергают в необъятное море»³¹⁶.

Св. Исидор Пелусиот, раскрывая перед пастырями Церкви высоту и трудность такого служения, указывает также и на ответственность его. «Стража ты дах и усмотри меч грядущий (Иез. 33, 7) и возвести, – пишет св. отец епископу Ираклию. – Смотри, чтобы не оказаться тебе в делах неискусным... ибо погрешающему в делах великих и осуждение необходимо будет такое же, какова была бы награда соблюдающему служение свое неукоризненным»³¹⁷.

Далее св. отец разбирает вопрос о пастырском призвании и принятии сана. Кандидат священства, истинно желающий

послужить Богу, по мысли св. Исидора, всегда будет руководствоваться мудрым изречением «познай самого себя»³¹⁸, а когда мы увидим, в каком состоянии находимся, то не только не будем искать этого сана, но и отстраним его от себя³¹⁹, благоговейно сознавая, что пастырство не есть мирская должность, а высочайшее, многотрудное и многоответственное служение³²⁰, на которое призываются кандидаты «Божественной благодатию, Божиим распределением»³²¹.

Говоря вообще о необходимости добродетельной жизни для кандидата священства, преп. Исидор, в частности, требует, чтобы избираемый в священство в нравственном отношении обладал всеми теми качествами, какие указывает св. ап. Павел в своих пастырских посланиях (1Тим. 3, 1–13; Тит. 1, 8). «Не всякому, кто бы то ни был, – говорит св. отец, – должно желать себе священства, а только тем, которые в жизни управляются павловыми законами. Посему, если усматриваешь в себе оную строгость жития, с радостью приступай к восхождению на такую высоту. А если нет у тебя оной, пока не приобретешь, не касайся неприкосновенного; опасайся приближать вещество к истребляющему его огню»³²², «потому что неосвященному непозволительно священствовать»³²³. К этому делу, по мысли св. Исидора, должен приступать тот, «кто славен делами добродетели... а кто не имеет внутри себя признаков достоинства, но прикрываясь чуждым его благолепием, величается только саном одним, тот по суду Истины причисляется к людям поддельный»³²⁴. Затем св. Исидор Пелусиот обращает внимание на внешнее поведение пастыря, как он должен вести себя в среде пасомых и в среде других людей. «Жизнь пастыря испытывается тысячами глаз и языков»³²⁵. Вот почему и внешнее поведение пастыря во всех отношениях его положения должно быть на высоте.

«Каковы же те, – говорит прп. Исидор, – которые ищут власти, превосходящей их силы? Непорочна ли их жизнь? Столько ли в них трезвенности, чтобы душевное око было неусыпно? В такой ли мере просияли целомудрием, чтобы не только самим иметь здравый смысл, но уцеломудривать и тех, которые со страстью и неистовством предаются нечистым

связям и молчат о сем?.. Отличаются ли столько кротостью, что никому никогда не сказали грубость?.. Столько ли незлобивы, что переносят, когда напрасно их оскорбляют и обвиняют? Есть ли в них и другие преимущества, какие указал ап. Павел, изображая доблестного пастыря?»³²⁶.

У пастыря, по словам св. отца, «да будет и наружность степенная, и взор кроткий, и брови не поднятые вверх, и поступь не борзая, и одежда самая необходимая, и седалище смиренное, и постель, не превышающая потребности, и утварь недорогая, и дом приличный христианам, а также и голос и обращение с ближними да показывают паче скромность, а не кичливость»³²⁷. Развивая мысль о добром поведении пастыря, св. отец пишет: «Любителю добродетели должно отсекал все излишнее, не в пище только, но и в одежде, и в месте жительства, и в домашней утвари... Ибо надлежит быть скромными в слове и в наружности, и в голосе, и во взоре, и в походе»³²⁸. В беседе с другими, по мысли св. отца, пастырь не должен допускать «слов срамных и выражений, для других оскорбительных, делающих его виновником соблазна»³²⁹. Предосудительны ему также злоречие, пересуды и смехотворные шутки. «Если иерей наименован и должен быть образцом стада (1Пет. 5, 3) и светом Церкви (Мф. 5, 14), – рассуждает св. отец, – то нравам его необходимо отпечатлеваться в подчиненных, как печати на воске. Посему, если хочешь быть светом, то не терпи шутливости и смехотворства, чтобы не научить многих бесчинию. Иерей ангел Господа Вседержителя есть (Мал. 2, 7), ангел же не знает смеха, служа Богу со страхом»³³⁰. Также, по мысли св. отца, пастырь должен быть осторожным и не заводить знакомства с лицами плохого поведения. «Ибо надлежит знать, – говорит прп. Исидор, – что человек удобнее приемлет в себя порок, нежели добродетель»³³¹...ядя и пия с беззаконными, легко заразиться их злостью и лукавством»³³². И особенно преп. Исидор советует пастырям Церкви избегать знакомств с женщинами. «Сколько можно, – пишет он к еп. Палладию, – избегай свиданий с женщинами. Ибо священствующим надлежит быть святее и чище поселившихся в горах. Первые имеют попечение и о себе,

и о народе, а последние только о себе, притом первые поставлены на высоте такой чести, что все разведывают и разбирают их жизнь, а последние живут в пещере, врачую свои раны... Если же вынужден будешь свидеться с женщинами, то склони очи долу и их учи... И ты, сказав немного, что может просветить, лети скорее прочь, чтобы продолжительное свидание не расслабило и не расстроило твоих сил и не овладело тобой»³³³.

От внешнего поведения пастыря прп. Исидор переходит к внутреннему содержанию, касающемуся чистоты души. Пастырь Церкви, по мысли св. отца, должен отличаться от подначальных, сколько пастух от овец. Пастырь должен иметь чистое сердце и нескверное тело. «В ком нет сил двух видов, – говорит святитель, – тот, если приведет в заклание всех животных, какие древне указано было приносить в жертву, не угодит Богу»³³⁴.

Чистота сердца и тела, по мысли св. Исидора, достигается при условии, если пастырь будет проводить свою жизнь согласно заповедям Божиим. Для пастырского совершенствования св. отец советует читать Слово Божие. «Должно непрестанно иметь в руках... Божественные Писания, – говорит он, – в которых заключаются и история мужей добрых, и постановленные Богом спасительные законы. Ибо это зеркало не показывает только безобразие, но и прелагает оное... в неизобразимую красоту»³³⁵. «Чтение Священных Писаний почитай напутствием к спасению, как питающее достойными уважения примерами и добротолубия и мужества внимающих ему со тщанием»³³⁶.

Кроме чтения Слова Божия, по учению св. Исидора, кандидат священства должен иметь умственное образование, которое необходимо как для просвещения пасомых, так и для охранения догматов веры от еретического искажения. «Ибо какую силу возымеет доблестная жизнь, когда предстоит спор о догматах и защитник неправого учения неудержимо устремляется против догматов правых»³³⁷. Вот почему прп. Исидор высоко ценит в пастыре силу слова, как качество,

необходимое в рассуждениях с еретиками для обличения их лжеучений.

В своих письмах прп. Исидор касается вопроса и относительно братской любви между пастырями-сослуживцами. «Удостоившимися первого призвания в ученики Иисуса Христа, – говорит он, – были два брата. Так всепремудрый Спаситель самым началом уже показал, что всех учеников Своих угодно Ему привести в братский союз, посему ничто да не будет для нас предпочтительнее любви, которая все связует и сохраняет в полезном единомыслии»³³⁸. Для того, чтобы сохранить братолюбие, пастырь должен принять все меры предосторожности к тому, чтобы не расстроить чем-либо своего сослуживца. Всякие ссоры и разногласия весьма пагубны для Церкви³³⁹.

Пастырь Церкви, по учению св. отца, должен обладать умственным любомудрием, т. е. учить словом, которое должно произноситься с целью уцеломудрить слушающих, а не по желанию показать себя. Только тот проповедник, по мысли прп. Исидора, будет иметь успех, будет сладкозвучным органом, приятным Богу и людям, который своим поучением не слух улаживает, а питает душу словом живым, когда говорит со властью, обличая порок и восхваляя добродетель³⁴⁰. Проповедь, по мысли св. отца, должна быть содержательная, назидательная и в то же время краткая. «Ибо что пользы, – говорит преподобный, – если (речь) истинна, но не кратка – утомляет же слушателей; или кратка, но не ясна, или ясна, но произносится некстати? Если же имеет все совершенства (достоинства), то будет сильна, поразительна, одушевлена, покоряя слушателей истиной, преоборя краткостью, уловляя ясностью и увенчиваясь благовременностью»³⁴¹. По учению преподобного, учительство словом является замечательным средством для нравственного воздействия пастыря на пасомых, но, однако, этого еще недостаточно. Одному пастырскому слову, без соответствующей ему добродетельной жизни, св. отец не придает еще важного значения. «Любомудрствовать на словах, – пишет преподобный Исидор, – легко, а на деле трудно. Почему одно не поражает слушателей, а другое трогает;

одно возбуждает смех, а другое пробуждает беспечность; одно оканчивается укоризной, а другое похвалами; одно возмущает, а другое пристыжает слушателей. Посему должно не только говорить о том, что надлежит делать, но и исполнять это; иначе подвергнемся укоризне и будем подлежать ответственности»³⁴². «Всякое слово, – говорит преподобный, – оставляемое без дела, мертво и бесполезно, наипаче же слово, произносимое теми, которые почтены высоким саном священства»³⁴³. «Поелику слово, когда не сопровождается делом, не идет далее слуха, одушевляемое же делом, как сильное и действенное, проникает в глубины и касается души»³⁴⁴. Но если пастырь говорит одно, а делает другое, он этим самым ставит себя в смешное положение перед слушателями и «наводит скуку на них»³⁴⁵. «Приятно учишь ты в церкви, – пишет св. Исидор епископу Евсевию, – но лучше было бы, если бы учил и благодетельно. А теперь уподобляешься человеку, который бросает вверх камни и старается, чтобы камень падал прямо вниз, а тем призываешь его на себя самого. Если наше обличение грехов усматривается в нас отрицающими слова делами, то не только слушателям не воспрепятствуем поступать худо, но и себя подвергнем смеху, иному уча, а иное делая»³⁴⁶. «Кто славен словом и жизнью, тот ни с кем не сравним»³⁴⁷.

Для более ясного понимания важности единства слова и жизни пастыря прп. Исидор сравнивает пастыря с плодовитым деревом. «Как хорошей породы дерево, когда обременено плодами, покрыто листьями, веселит садовника, услаждает зрителей и покоит проходящих, так и поставленный на учительском месте, когда украшен добродетелью и озаряет светом, – и Бога веселит и людям приносит пользу... Посему надлежит озарять и словом, и жизнью. Сказано: иже сотворит и научит, сей велий наречется в Царствии Небесном» (Мф. 5, 19)³⁴⁸. «Делать и учить, пишет прп. Исидор, – всего превосходнее, а делать и не учить – недостаточно, потому что хромлет на одну сторону... А не делая учить – это имеет, по видимому, листья, но лишено плода и не остается без осмеяния, посрамления и осуждения»³⁴⁹. Но при отсутствии же

согласия между словом и делом пастыря св. отец все-таки отдает предпочтение добродетельной жизни. «Если надлежит сделать сравнение, – пишет он, – между тем и другим (словом и делом), то лучше делать, не говоря, нежели говорить, не делая»³⁵⁰. По мысли преподобного, «две причины убеждали людей: удовлетворительность слова и жизнь проповедников... Посему и Христос, зная, что слово, не сопрягаемое с деятельностью, немощно и недействительно, одушевляемое же деятельностью, живо, сильно и действенно всякой добродетели и любомудрию, обучив Апостолов делами и наставив словом и украсив Божественными дарованиями, потом уже послал их на уловление человеков. Ибо во всей точности знал, что нравственность проповедников не меньше чудес может привлекать людей. Так, рассеявшись по вселенной, подобно крылатым земледельцам, посева слово благочестия, благоустроив нрав свой по наставлению Учителя, и ведя жизнь не только неукоризненную, но даже чудную, препобедили всю подсолнечную. И ни мудрость, ни могущество, ни богатство, ни царская власть, ни самоуправство, ни варварская свирепость, ни полчище демонов, ни сам диавол, ни голод, ни стремнины, ни узилища, ни иное что не превозмогло их, напротив, все уступали и давали им место и быть побежденными почитали для себя славнее всякой победы и победных памятников»³⁵¹.

Далее прп. Исидор пишет: «Чудеса могут дать место лукавому подозрению, а правая жизнь заграждает уста самому диаволу. Посему намеревающиеся не прилагать никакого попечения о правой жизни да не думают, что проповедь преодолевала только чудесами, потому что всему, что совершали и говорили проповедующие, содействовала и их жизнь... Если бы и ныне наставники, – говорит прп. отец, – в жизни своей соревновали апостольскому житию, то, может быть, совершали бы чудеса, а если бы и не совершались, то жизни их было бы достаточно к просвещению видящих»³⁵². «Бог, – говорит прп. Исидор, – возжигает светильник – иерея – и поставляет на свещнице – на светоносной его кафедре, чтобы, как молниями, озарял Церковь и догматами, и деяниями, свободный от всякой тьмы; а народы, видя лучи животворного света, к ним

направляли шествие и прославляли Отца светов»³⁵³. Разлад между словом и делом в жизни пастыря губит не только самого проповедника, но и паству. «Божественные постановления повелевают сподобившимся священства преимущественно пред всеми быть в трудах и подвигах, чтобы подначальные, видя трудящимися тех, которые имеют право приказывать, от стыда делались ревностнейшими к доблестной жизни»³⁵⁴. Пастыри, сияющие делами, хотя и в молчании подвизаются, назидают души взирающих»³⁵⁵. Но если пастырь, по мысли прп. Исидора, живет порочно, то его проповедь хотя бы была и на высшем уровне, однако он меньше принесет пользы пастве, нежели тот, кто не может говорить, но славен по жизни³⁵⁶. «Всякое слово, – пишет преподобный, – когда не исполнено на деле, не только кажется напрасным и пустым, но обращается в укоризну, если особливо произнесено проповедником. Чем с большей готовностью стараются воспользоваться им, тем более все не доверяют ему, даже почитают его поводом к смеху. Посему должно наипаче сперва делать, а потом говорить, а если не угодно делать, то и не говорить»³⁵⁷.

Могучая действенность примера обнаруживается и отрицательным образом, путем влияния дурных примеров, сила которых, пожалуй, даже гораздо более силы примеров добрых. Поэтому, если достойная, назидательная жизнь пастыря производит добро, побуждает паству к добродетельной жизни и не меньше чудес привлекает к нему людей, то бывает и наоборот, соблазнительная жизнь его гораздо более и скорее производит зло. Вот почему прп. Исидор в своих письмах проводит мысль, что те пастыри, «которые не делают, но не берутся и учить, вероятно, понесут меньшее наказание, а которые величаются поучительным словом и не делают того, что говорят, нещадно и непростительно будут наказаны»³⁵⁸. Подверженные порокам пастыри, по мысли преподобного, колеблют и омрачают все дело нравственного воспитания паствы. Преп. Исидор уподобляет пастыря Церкви чистому, здоровому глазу, без которого жизнь человека может подвергаться опасности. «Пастырь есть глаз в теле Церкви, – пишет прп. отец. – Посему, если он светел, т. е. сияет лучами

добродетелей, то будет светло и все тело, которым он правит и о котором прилагает надлежащее попечение, а если он темен, т. е. делает достойное тьмы, то помрачится все почти тело... Так и Церкви, у которой наставник предан самоуправным похотям, может иной сказать: если тот, кто должен приносить пользу и просвещать, не терпит просвещения да и вознамерившихся быть полезными гонит вон, то чего не сделают его подначальные»³⁵⁹. Вот почему прп. Исидор в своих письмах произносит весьма строгое осуждение на недостойных пастырей: они, по его словам, жестокосердные и хуже язычников³⁶⁰.

Говоря о необходимости для пастыря добродетельной жизни и благочестия, прп. Исидор предостерегает их от пороков, которые препятствуют достижению цели. Принявшим священство, говорит преподобный отец, как храмам, надлежит блюсти себя недоступными всякой самоуправной и срамной страсти; явившиеся же «неистовые и бешеные плотские страсти должно укрощать, делать послушными и смиренными, а если не повинуются, то и наказывать сколько можно»³⁶¹. По учению св. отца, «страсти нужно преодолевать первоначально, чтобы не оказаться неисцельно больными при конце»³⁶². По мысли прп. Исидора, пастырь Церкви должен быть свободным от страстей, особенно от страсти сребролюбия: «Малоумными считали тех, – говорит преподобный отец, – которые в словах видят противоречие, а в делах не усматривают. Строго наблюдая основательность умозаключений, не отказываются делать противное тому, что говорят. Признавая нестяжательность самым великим благом, какова она и есть действительно, извлекают выгоды из чужих бедствий; превознося милосердие, не стыдятся присваивать себе достояние имеющих нужду в милосердии; проповедуя общительность и щедрость в подаении, без стыда копят деньги»³⁶³. Прп. Исидор, говоря о пагубности этой страсти, указывает и средства к ее искоренению. Единственный способ, говорит он, освободиться от плена этой зверообразной, неприятной, дышущей пламенем... страсти состоит в том, чтобы, призвав Божию помощь, перестать желать прибытков, а что собрано – вдруг или

понемногу раздавать нуждающимся³⁶⁴. Далее преп. Исидор говорит о страсти, которая часто пленяет пастыря Церкви, ведущего роскошную жизнь. Роскошь пагубна для пастыря, пишет преподобный, она – мать и писательница всяческого невоздержания... приводит ум в крушение, возбуждает пожелания противоестественные и сладострастные, погружает его в глубину страстей³⁶⁵ и вредит вообще – «как здоровью тела, так и души»³⁶⁶. Св. отец и для этой страсти советует врачевания, а именно, умеренность, воздержание и пост³⁶⁷.

Большое внимание прп. Исидор обращает на страсть чревоугодия, которая, по мысли преподобного, является следствием роскошной жизни. С чревоугодием тесно связана и страсть к вину, которая губит пастыря и колеблет его авторитет перед пасомыми. «Не оскорбляй Божественной литургии, – пишет св. отец пресвитеру Зосиме, – не бесчести благословенных плодов, не простирай до пресыщения питания, не нарушай соразмерности несоблюдением меры. Пия вино, не пропивай ума, но помни, что Дух Божий соделывает начаток его Кровью Христовой; пользуйся им, как больной, который имеет нужду в его пособии, а не как неприятель, который обращает вино в оружие против всех, а паче против себя самого, падая от него в прах»³⁶⁸ и «поставляя себя вне Царствия Божия»³⁶⁹. И далее прп. Исидор приводит в пример библейское повествование. «Не чрево и пьянство, – пишет преподобный, – довели Офнисса и Финесса до того, что, утратив священство, кивот и власть над коленами, и честь и славу, преданы были врагами вражескому мечу»³⁷⁰. По мысли прп. Исидора, всякая страсть мешает пастырю совершать великое служение – спасение человека. Кроме того, пастырь, подверженный страстям, тем самым «бесчестит Божие рукоположение и самое священство»³⁷¹, обращая его в орудие порока, и, наконец, – служит поводом к злословию и на Церковь³⁷².

Преподобный Исидор в своих письмах также затрагивает вопрос о поведении пастырей в святом храме. «Если мы вносим в храм беспорядки, пустословие, неуместные беседы, – пишет св. отец, – то подвергнем себя такому же осуждению»³⁷³, какому подпали книжники и фарисеи. «Как они думали, что,

изучая закон, исполняют его, так и мы воображаем, будто бы тем самым, что касаемся жертвенников Божиих, приближаемся к Богу. Но Господь, истребляя в нас сие самолюбие, говорит: «Аще не избудет правда ваша паче книжник и фарисей, не можете войти в Царствие Небесное» (Мф. 5, 20), выражая этим ту мысль, что если вы, для служения Богу признающие достаточною одну наружность, того, чем хвалитесь, не обратите в самое дело, то Царствие Божие не будет для вас отверсто, потому что Царствие сие истинно и отверзется истинно ищущим его»³⁷⁴. Хотя Бог и от нечистой руки принимает фимиам, однако пастырь, запятнавший себя всякими сквернами и грехопадениями, и касающийся алтаря, в нечистоте простирающий руки к святому, сам подвергнется осуждению; жертвенник же не осквернится его недостойными деяниями и на самое богослужение не кладется печать бесславия и посмешища³⁷⁵. Таким образом, по мысли преп. Исидора, как бы ни была порочна жизнь пастыря, однако она не препятствует действию Божественной благодати на верующих. Спасительность таинств не зависит от нравственных качеств пастыря, который, тем не менее, подлежит тяжкому наказанию за то, что дерзает прикасаться к алтарю нечистыми руками³⁷⁶.

В своих письмах преп. Исидор много дает ценных наставлений, касающихся обязанностей пастырского делания. Особенно ответственной обязанностью пастыря преподобный считает руководство пасомыми. Пастырь, по мысли прп. Исидора, должен так воспитывать вверенные его попечению души, чтобы изгнать в них всякое помышление о грехе... и руководить их к тому, чтобы они и впредь не грешили³⁷⁷. Для более успешного врачевания душ пастырю необходимо следить внимательно за каждым членом своей паствы. «Иерей Божий, – пишет св. отец, – поскольку приближается к Богу, подобно многоочитым животным, должен видеть все... Ему надлежит зорко усматривать беспечность в членах Церкви, насилия людей несправедливых, безуспешность в делах вдов, подозрительное поведение служащих алтарю, недоброе расположение прислуживающих, худые поступки юных, злонамеренность старых; одним словом, быть оком, которое все

видит и не упускает из вида ничего такого, за что, если понерадит о сем пастырь, подвергнется наказанию... ибо все падения подчиненных ему, оставляемые без внимания и врачевания, становятся как бы его делом и подвергают его суду Божию»³⁷⁸. Вот почему пастырь Церкви должен быть всесторонне опытным врачом в деле нравственного возрождения пасомых и притом для каждой души в отдельности. «Не все люди, – говорит преподобный, – одержимы одними и теми же болезнями и не все уступают одному и тому же лечению, но как недугов много, они разнообразны и бывают всякого рода, так много должно быть и различных пособий... Не всем пригодны одни и те же пособия, не все излечиваются одним и тем же; что принесло пользу одному, то повредило другому, и пригодное другому повредило опять иному»³⁷⁹. И далее прп. отец говорит: «Одни исцелены были выговором, а иные ожесточены и доведены до того, что стали еще хуже; другие же посмеялись и над самым словом и вменили его ни во что. Посему невозможно в столь многих недугах употреблять одно врачевство»³⁸⁰, но «нужно предлагать и приемы, соответствующие болезням и силам страждущих»³⁸¹.

Самое лучшее средство, каким может пастырь воздействовать на пасомых, по мысли прп. Исидора, является пример личной жизни пастыря. И далее он указывает, какие средства пастырь должен употреблять при врачевании грешников: чистота его жизни, исправляющая непослушных³⁸², руководство словом³⁸³, совет³⁸⁴, похвала, порицание, увещание, выговор (всенародный и тайный), сострадательность, видимый (а не действительный) гнев, видимое презрение, видимое замечание грехов, обличение с дерзновением, отлучение, запрещение, наказание, снисходительность и проч.³⁸⁵. Все эти пастырские воздействия должны быть применимы с особой осторожностью, чтобы не повредить никому из ищущих спасения. Но упорных грешников, которые не желают сами исправляться, а также могут повредить и другим, таковых, по мысли прп. отца, должно «обличать с дерзновением», т. е. со всею строгостью и важностью, но в то же время тоном, чуждым раздражения. «Думаю, – пишет прп.

Исидор, – что советнику надлежит не бить, не бранить или не доходить до рук, но обличать только с дерзновением, ничего не уважая и не боясь... и молча и не оказывая дерзновения, участвуя с ним в наказании. Ибо выше сего сказал: если не возвестишь, кровь его от руки твоя взыщу (Иез., гл. 18). Сделав зависящее от тебя, избавишься от осуждения. Ему, не принявшему твоего увещания, будет тяжкое наказание. А ты, исполнив повеление, не будешь подлежать ответственности. Не иное что требуется от учителя, как, ведя жизнь неукоризненную, наставлять, нимало не взирая на то, что согрешающие достойны уважения»³⁸⁶.

Но всякое обличение, по мысли св. отца, должно исходить из любви пастыря к своим пасомым, только такие обличения могут тронуть и смягчить жестокое сердце. «Сострадательностью и кротостью старайся, – пишет преподобный к епископу Феодосию, – обличать бедствия впадших в искушения, кротким словом приводя их в благодушие и исторгая корень уныния»³⁸⁷. Такое обличительное средство поможет согрешающим стать на спасительный путь. Пастырь должен с особенной заботливостью прилагать к ним все способы врачевания до тех пор, пока они не исправятся. Но если же и в этом случае исправления не последует, то с пастыря тогда снимается вина за их гибель, потому что они сами не пожелали спасения.

Учение св. Дмитрия Ростовского (1651–1709)

Истинно добрым пастырем на ниве Христовой Церкви явился святитель Димитрий, митрополит Ростовский. Великий подвижник, неустанный ученый труженик, он был и пастырем-учителем.

Первое, на что обращает внимание пастыря святитель, это учительство. Во-первых, словом, во-вторых, своей добродетельной жизнью. «Мы знаем, – учит св. отец, – что... ветхозаветное священство было прообразованием нашего священства; звонцы же, издающие звон, по толкованию святого Григория Двоеслова, знаменовали глас учения святительского, означали то, что архиерей, как и иерей, не должен быть немым и должен возглашать уже не звонцами, а устами и языком, уча и вразумляя людей Божиих... Звонцы были золотые; и из священных уст должны исходить слова золотые: о богоугождении, о святой и праведной жизни, о любви к Богу и ближнему»³⁸⁸.

По мысли святителя Дмитрия, пастырь, который не имеет разума и искусства книжного, не стремится стяжать духа премудрости и не поучает народ, тот нем, а следовательно, и мертв. Потому что, как в Ветхом Завете, если бы священник дерзнул войти в святилище без звонцов, то его ожидала смерть, так и новоблагодатным пастырям, не могущим поучать пасомых, предстоит духовная смерть³⁸⁹, ибо они почитаются Богом мертвыми, как сказано в Апокалипсисе: «Ты носишь имя, будто жив, но ты мертв» (Откр. 3, 1). «Мертв пред Богом тот, – говорит святой архипастырь, – кто только носит имя и сан пастырства, а обязанностей пастыря не исполняет; обязанность же пастыря, прежде всего, заключается в том, чтобы поучать полезно, уничтожая человеческие грехи и наставляя на путь спасения»³⁹⁰.

По словам святителя, пастырь, который не постарался убедить грешника и отклонить его от грехов, тот как бы своей рукой убивает этого грешника, потому что молчащий язык пастыря является как бы мечом, убивающим души грешников³⁹¹.

Таким образом, по учению святителя Димитрия, пастырю необходимо быть разумным и учительным. «Не имеющий же духа премудрости и смысла и не сохраняющий в устах своих разума недостоин пастырского сана»³⁹². Но вместе с тем, учит святитель, пастырь должен быть добродетельным и святым по жизни, потому что учить словесных овец подобает не только словом, но и образом доброй жизни в Боге. Необходимо, чтобы жизнь пастыря согласовывалась с учительными словами, из уст его исходящими, чтобы пастырь сам творил то, чему учит других, чтобы не быть обличенным словами Апостола: «Научая иного, себе ли не учиши?» (Рим. 11, 21). Научит ли других творить добрые дела тот, кто сам творит дела злые? Направит ли кого-либо в Царство Небесное тот, кто сам идет в ад? Не стыдно ли омывающему других от блата самому пребывать в смрадном кале и не радеть об омовении себя от загрязнения? Может ли врачевать чужие язвы и недуги тот, кто сам весь покрыт струпными язвами и одержим тяжким недугом? Не скажет ли такому всякий: «Врачу, исцелися сам» (Лк. 4, 23)?³⁹³

Говорящий и не делающий подобен грому, бывающему в облаках без дождя во время засухи. Какая польза от грома облачного, если на жаждущую землю не прольется дождь? Какое умиление для души от гласа учителя, который не только не пользуется жизнью своею, а еще более соблазняет? Ибо слово без образа добродетельной жизни не действенно. Пусть кто-либо носит на языке своем, как мед, сладкоглаголение, но если в делах его видна желчь соблазна, он не усладит сердце слушателя. Желаящий возгревать у других любовь Господню должен сам не быть льдом, но пламенеть, как серафим, божественным желанием; желающий просвещать других да будет сам не тьмой, а светом. Посему и Господь говорит пастырям и учителям в Евангелии: «Вы есте свет миру» (Мф. 5, 14) А святой Златоуст увещевает: «Начальнику подобает быть светлее всякого светила и иметь житие нескверное, чтобы все, взирая на него, могли воображать его жизнь в своей жизни» (Бес. 10 на 1 посл. к Тим, гл. 3).

Когда гаснет свет, наступает тьма; если начальник проводит злую жизнь, то как не соблазниться взирающим па него

подначальным! Когда заблуждается пастырь, как не заблудиться овцам! Если свет является тьмой, то тем более тьма! Посему свет должен быть светом, а не тьмою, чтобы просвещать тех, кому светит. «Тако да просветится, – говорит Господь, – свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела» (Мф. 5, 16). Желаящий поднимать падающих, да стоит твердо сам; наставляющий на правый путь заблудших сам пусть идет путем правым!³⁹⁴

Тысячи изреченных слов могут не принести никакой пользы, а единое злое дело, содеянное явно, соблазнит тысячи людей, и то, что ты смог создать в душах человеческих многими словами, разрушишь одним своим соблазняющим делом. Будь ангелом по жизни, и все будут с удовольствием сладостно слушать слова твои и творить то, что ты повелеваешь, имея пред собою образ твоей жизни. И ты не сможешь упасти вверенное тебе стадо и наставить его на путь спасения, если сам первый не будешь идти по пути спасения; не побудишь людей к боголюбию, если сам не явишься возлюбленным другом Божиим³⁹⁵.

Но недостаточно пастырю быть учительным в слове и святым по жизни, наставляет святой отец, он должен иметь еще великое попечение о стаде, трудиться и быть бодрствующим. «Вот в чем заключается должность пастыря, – объясняет св. Димитрий, – отдать рамена свои вверенной ему овце и носить тяготы ее.» Послушаем, что некогда заповедал Господь Моисею, вождю людей израилевых: «Возьми их на раму твою, яко же доилица носит доимья» (Числ. 11, 12). Не только как пастух носит овцу, но и как мать носит свое чадо и питает его сосцами, так пастырь должен духовно носить своих словесных овец, питая их духовною пищею, как младенцев млеком, и в необходимом для тела не оказывая, а по возможности восполняя недостаточность неимущих. Во всем сем пастырю предстоит труд немалый, труд в отыскании заблудшего, труд в поднятии павшего, труд в уврачевании язвенного, в ношении немощей и бремени обремененного, труд в том, чтобы исторгнуть похищенную волком овцу из самых зубов звериных и представить ее в целости Христу; с трудом сопряжено и то,

чтобы и во внешних нуждах подавать руку помощи обиженным, защищать невинных, заботиться об убогих и нищих и исполнять другие обязанности церковного управления, – все эти труды должен подъять на себя пастырь. И горе тому пастырю, который ищет только чести пастырской, а подобающего ему труда не подымлет³⁹⁶. По выражению святителя, “пастырь, оставивший овец, не трудящийся, нерадящий об овцах – идол... Идолское изображение имело вид не трудящегося, а только ядущего тельца, и пастырь, который не подымлет на себя подобающих ему трудов, а только питается даром богатыми трапезами, есть как бы ядущий телец, и потому подобен идолу тельческому»³⁹⁷.

Пастырю, как учит святитель, необходима и великая бодрость, какую имеет страж, охраняющий город или полки, ибо к каждому пастырю относятся слова, сказанные Господом пророку Иезекиилю: «Стража ты поставих дому израилеву» (Иез. 3, 37). И подобно тому, как не спит ночью страж, и пастырю духовного стада не должно быть сонливым (имеется в виду сон духовный)³⁹⁸.

Сравнивая пастыря с многоочитым херувимом, св. Димитрий говорит, что и пастырю необходимы всюду тысячи глаз, чтобы пасти овец и зорко смотреть за волками в овечьей шкуре. «Пастырю также недостаточно многоочито наблюдать за своим стадом, – продолжает святой отец, – он должен бодрственно смотреть и внутрь самого себя, в глубину своей совести: не зазрит ли его в чем-нибудь совесть? Ибо пред Богом не похвально смотреть за другими, а себя не видеть, замечая сучец в очах ближнего, не ощущать бревна в своем оке и, показывая другим путь добрый, самому падать в яму. Посему пастырю подобает быть многоочитым не только извне, но и внутри, не только исправляя прегрешения других, но и внимательно предохраняя себя от грехопадений и соблазнов. И для сего, как мы уже сказали вначале, пастырю потребно великое искусство. Неискусный врач больше навредит, чем уврачуе, и неопытный кормчий скорее приведет корабль к потоплению, чем направит его к пристанищу. Подобно сему и неискусный пастырь скорее послужит во вред своему стаду, чем

на пользу. И горе такому пастырю! Ибо о всех погибших душах он должен будет дать ответ Богу³⁹⁹.

В своей епархии святитель ревностно боролся с невежеством и недеятельностью пастырей. Он стремился всеми мерами влиять на таковых. С этой целью, не ограничиваясь личными устными наставлениями, он составляет специальные окружные послания духовенству своей епархии по поводу тех или иных недостатков. Так, например, одно было написано по поводу злоупотребления священников таинством Покаяния, а другое – по поводу неблагоговейного отношения к Тайнам Христовым. Святитель указывает, что это самые тяжкие пастырские грехи, и тем самым раскрывает всю ответственность пастыря пред Богом.

Таинство Исповеди, учит святитель Димитрий, есть таинство Божие; поэтому никому не должна быть известна эта тайна, кроме Самого Всеведущего Бога и духовного отца, как свидетеля и слушателя дел, исповеданных устами кающегося⁴⁰⁰. «Если бы какой властелин, – разъясняет далее св. отец, – или суд гражданский или еще кто-либо принуждал иерея сказать какой-либо грех своего духовного сына; если бы угрозами, муками и смертью устрасал и убеждал открыть чей-либо грех, то иерей должен скорее умереть и мученическим венцом венчаться, нежели разрушить печать исповеди и тайну Божию предать известности, объявляя о грехах своего духовного сына. Ибо лучше отцу духовному за необъявление исповеди принять временную смерть от людей, убивающих тело, души же не могущих убить, нежели быть наказанным от Бога за объявление вечной смертью»⁴⁰¹.

Священника, открывающего грехи, поведанные ему на исповеди, святитель Димитрий называет «богопротивником, разорителем тайны Божией, насильником печати Святого Духа»⁴⁰². Он говорит, что «таковой... страшному суду Божию и вечной казни подпадает, и ждет его вечная мука с Иудой, предателем Христовым... Такой духовник – не духовник, но Иуда, Христов предатель, более же того, сам сатана, клеветник братии нашей»⁴⁰³. Святой отец говорит, что такой пастырь-духовник сам лишается Царствия Небесного и идет в вечную

муку, а также лишает спасения тех, кто исповедуется у него. Тщетность спасения для исповедающихся, учит святитель, происходит по той причине, что, услышав всенародное обличение от отца духовного, христианин больше не будет вполне откровенно и чистосердечно исповедоваться во грехах своих. От этого его душа остается неисцеленной, и если случится умереть в таком состоянии, то он погибнет вовеки⁴⁰⁴.

По учению святителя Димитрия, «тайна святого покаяния есть (как сказано) тайна, запечатленная Богом. Как тот, который тайну царя земного, написанную на свитке и запечатанную царской печатью, дерзнет самовластно разрушить и, прочитавши, поведать всем прочим, подлежит лютым мукам и смертной казни, так и иерей, нарушая тайну исповеди, запечатленную печатью Царя Небесного, и отдавая во всеобщее сведение грех исповедавшихся, подпадает мукам и казням не только вечным в аде, но и здесь временным»⁴⁰⁵. «О, духовник неискусный, – восклицает святитель, – ведь предал Бог забвению исповеданные человеческие грехи, ибо Иезекииль говорит в пророчестве своем: «Если грешник покается, то не вспомнятся больше никогда грехи его». А ты, окаянный иерей, помнишь и вспоминаешь грехи твоих детей духовных, когда не должно их вспоминать, и чрез это делаешься противником Бога. Он прощенные однажды грехи не вспоминает во веки веков, ты же дерзаешь вспоминать их. Каких казней ты достоин за это!?»⁴⁰⁶

Ростовский архипастырь поучает пастырей, чтобы они свое высокое звание духовника не превращали в повод к тщеславию и гордости. Духовничество даровано священнику от Бога для того, чтобы послужить спасению человеческому, а не для суетного превозношения и излишнего влаительства над духовными детьми. «Для чего же тебе, – обращается святитель к пастырю, – еще нужно хвалиться твоей духовностью? Какая похвала в омовении кого от болота? Какая честь в том, чтобы очищать чужой двор от гноя? Какая слава в том, чтобы отирать чей-либо кал? Ведь когда ты слушаешь грехи твоего духовного, которые он пред тобой исповедует Богу, когда ты, разбирая их властью иерейской, данной тебе от Бога, разрешаешь его,

омываешь его от болота, очищаешь гной от душевного двора его и отираешь кал от совести его, то какое тебе в этом тщеславие и гордость?»⁴⁰⁷

Св. Димитрий призывает иереев, всячески заботиться о спасении душ человеческих как днем, так и ночью, потому что во время грозного испытания каждому из них придется дать равный отчет о всех, о каждом равно спросит от иерея Сам Владыка Христос⁴⁰⁸.

Святитель Димитрий, говоря о Пречистых и Животворящих Тайнах Христовых, разъясняет, что в них под видом хлеба, напоенного вином, являются истинные Тело и Кровь Христовы и что они, как запасные дары, целый год хранятся на престоле. Этому вопросу святитель посвящает целое окружное послание. Причиной этому послужило то, что или по неведению, или по небрежности неискусных и нерадивых иереев Святые Тайны, на которые даже ангелы взирают со страхом, хранятся в неподобающих местах и в нечистых почерневших сосудах. Крайне простые священники не знают, что в Пречистых Тайнах есть Сам Истинный Христос Бог, не знают, что Тело Христово нужно называть именно Телом Христовым, не почитают его как Тело Христово, но относятся к нему, как к простому хлебу. «О окаянные иереи! Если вы сами не знаете Христа Бога, являющегося в Пречистых и Животворящих Его тайнах, если вы не имеете ни веры, ни любви к Нему и не воздаете Ему достодолжного почитания, то как вы можете простых людей научить истинному богопознанию? Горе вам, вожди слепые, водящие слепцов»⁴⁰⁹.

По учению святителя Димитрия, иерей должен сам, войдя в алтарь, поклониться до земли Святым Христовым Тайнам как Самому Истинному Богу, так и людей наставлять, чтобы они прежде совершали поклонение Пречистым и Животворящим Тайнам.

Св. отец учит, что иерей должен приступать к совершению Литургии, достойно приготовившись, потому что «ничем так не прогневается Бог, как недостойным священнодействованием. Тот иерей, который недостойно служит святую Литургию, наводит гнев Божий не только на себя одного, но и на весь

народ, ибо если пастырь согрешает тяжко, то многие овцы терпят злое, подобно тому, как за грех Давида на народ израильский нашло неожиданное смертное всегубительство⁴¹⁰.

По мысли святителя, иерею подобает как можно чаще исповедоваться, очищая покаянием не только смертные и великие согрешения, но и малые. «Как один большой камень, – учит св. Димитрий, – будучи привязан к вые человека, погрузит его в воду, так и песок, хотя и мелкий сам по себе, но если им будет насыпан полный мешок и привязан к вые человека, так же погрузит человека в бездну, как и большой камень⁴¹¹.

Ничто не может служить оправданием пастырю, не желающему очистить свою душу покаянием. «Если ты служитель Божий, – заключает св. отец, – если ты пастырь словесных овец, если ты учитель, то будь по жизни своей непорочным, как ангел Божий»⁴¹². «Будь, о пастырь, образом добродетелей для овец твоих и тогда ты сможешь научить их»⁴¹³.

Учение св. Тихона Задонского (1724–1783)

С малых лет горя любовью к Богу, святитель Христов имел твердое намерение послужить Ему в иноческом чине в малолюдном монастыре без принятия священного сана. Но Промысл Божий судил по-другому. Богу не угодно было, чтобы возженный светильник оставался под спудом, вдали от страждущего народа, который всегда нуждается в истинном ходатае за него пред Богом.

Промыслительно призванный к общественному служению, св. Тихон быстро восходит по иерархической лестнице. Не раз говорил он впоследствии: «Я никогда и не мыслил о сем важном сани, чтобы быть мне епископом. У меня мысли были непременно куда-нибудь удалиться в пустынный монастырь, быть монахом и провождать уединенную жизнь; но Всевышнего судьбе угодно так, что есмь недостойный епископ»⁴¹⁴.

Избрание его во епископа ярко ознаменовано тем, что Синоде было несколько кандидатов во епископы, но три раза подряд жребий выпадал на Тихона, вопреки желанию почти всех членов Св. Синода. Кроме того, когда он, будучи еще архимандритом, подошел во время «Херувимской» к архиерею, произнося слова «помяни мя, владыко святой», Преосвященный Афанасий по внушению свыше отвечал: «Епископство твое да помянет Господь Бог во Царствии Своем».

В святительском сани он ревностно служил Богу и ближним. Прежде чем изучить учение св. Тихона Задонского о пастырстве, рассмотрим основные положения его учения о христианской жизни вообще.

В своих поучениях святитель дает вначале общее наставление и разъясняет людям, что все мы здесь странники и пришельцы на земле. «Все люди, – говорит святитель Тихон, – хотя и обитают на земле, суть граждане неба»⁴¹⁵, для земли же они только странники и пришельцы⁴¹⁶. Земля для них не есть место постоянного обитания, а только место ссылки, из которой каждый человек может возвратиться в потерянное отечество не

иначе, как только силою благодатных даров Сына Божия. «Ради небесного, а не ради земного отечества, – говорит святитель, – создан человек от Создателя своего, яко образ и подобие Божие, и ради греха онаго лишился и на землю, как в ссылку, послан. Христовою же благодатию паки к отечеству оному призывается, и ограждается, и обновляется»⁴¹⁷. Далее святитель приводит слова Христа Спасителя, Который призывает всех к небесному отечеству, говоря: «Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененные, и Аз упокою вы» (Мф. 11, 28). Но путь, которым Он призывает к Себе человека, есть «узкий путь смирения, послушания, терпения, кротости, и самого себя, то есть воли своей, отвержения»⁴¹⁸, – говорит святитель Тихон. Чтобы наследовать жизнь вечную, по мысли святителя, нужно прежде всего сораспяться Христу и взять крест свой, т. е. отречься от всех соблазнов мира и распять свою плоть со страстями и похотями, ибо только эти люди «христовы суть». Вот почему не все идут за Христом, не все слушают Его призывающего голоса, потому что не желают расстаться с прелестями мира, которые настолько увлекают человека своими греховными приманками, что человек становится рабом их, и через это самое лишает себя действия искупительных заслуг Сына Божия.

Затем святитель говорит, что такие люди «предпочитают совершать свой жизненный путь широкою стезею гордости, непослушания, нетерпения и самолюбия и, таким образом, вместо уготованных человеку райских обителей и вечного блаженства, устремляются к аду и вечным мучениям»⁴¹⁹. Далее святитель указывает, что виновник этого гибельного пути есть диавол, который является исконным врагом рода человеческого. Эти два пути, по мысли святителя, вечно расходятся и никогда не соединяются. Между ними нет середины; ибо не может человек одновременно устремлять свой взор на небо и землю, служить одновременно двум господам – Богу и диаволу. Кто не за Христа, говорит святитель, тот против Христа, кто не идет за Христом, тот следует за сатаною. Царство Божие есть царство добра и света, истины и правды; царство сатаны, напротив, область зла и мрака, лжи и

обмана. Между истинными сынами того и другого царства не может и не должно быть ничего общего, подобно тому, как не может быть общения и соединения между светом и тьмою, добром и злом. Существует между ними только постоянная и непрерывная брань, которая продолжится до конца мира⁴²⁰.

По мысли святителя, только те христиане, которые следуют за Христом и в таинстве Крещения соединяются с Ним, как уды с головою, могут идти по узкому и скорбному пути для достижения Царства Божия, а христиане, которые после Крещения ведут жизнь греховную, идут в муку вечную. Постоянная бдительность над своей душой помогает человеку следовать по стопам Христа. Христианин в земной жизни должен вести непрерывную борьбу особенно с тремя врагами своего спасения. И первый их них – греховная плоть, которая постоянно мучит человека, на что и ап. Павел жалуется: «Ин закон во удех наших, противу воююще закону ума нашего, и пленяюще нас законом греховным, сущим во удех наших» (Рим. 7, 23). Исходя из этого текста, святитель говорит: «Оно (наше тело) не иное что, как только помышления злая зачинает и родит... В нем видится весь нрав скотский, и зверский, и змеиный»⁴²¹. Победу может одержать над этим тот христианин, который ведет борьбу с греховными пожеланиями и не дает им пребывать в своем сердце. Святитель Тихон в своих наставлениях дает также совет «не делать того, что ветхий наш человек, живущий в нас, хочет; но то, что воля Божия ищет и требует от нас, когда хотим Божиим свойствам и нравам последовать⁴²²; яко же и Апостол повелевает нам отложить, по первому житию, ветхого человека, тлеющего в похотех прелестных; обновлятися же духом ума нашего, и облещися в нового человека, созданного по Богу в правде и преподобии истины» (Ефес. 4, 22–24). Прелести греховного мира, т. е. привязанность к богатству, славе, чести человеческой, роскоши и тому подобные, омрачают человеческий ум и лишают его быть со Христом. Здесь нужно проявить христианину бдительность, чтобы не быть рабом своих страстей, но избрать скорбный путь Христов, который ведет в жизнь вечную. Когда христианин действительно вменяет все прелести ни во что и направляет

свои стопы по узкому пути, то злая сила не оставляет его и здесь, наводя скорбь об утехах и сладости мира, порождая в христианине уныние и желание снова вернуться на широкий путь веселия и ликования. Вот против этих соблазнов святитель Тихон и советует постоянно бороться и подавлять в себе скорбь, уныние и греховное желание покинутых наслаждений. Побеждая в себе все эти пристрастия, христианин тогда только может искренно любить Христа и быть Его последователем⁴²³.

Описывая все эти препятствия, которые преграждают путь к небу, святитель Тихон советует бодрствовать, чтобы злой дух не вовлек нас в свои сети. «Везде он коварством своим окружает нас, – говорит святитель, – что ни делаем, что ни беседуем, примечает, и во всем хочет запяти и озлобить нас. Спим ли, или почиваем – он не спит и бодрствует на погибель нашу. Ходим ли, или сидим – он наблюдает хождение, сидение и восстание наше. Ядим ли, или пием – подлагает козни свои. К молитве ли обращаемся – и тут не оставляет нас... тщится расслабить нас, отвратить ум наш и сердце от Бога»⁴²⁴.

Также злой дух старается посеять в душе христианина злые семена, т. е. влечение ко греху, злые мысли, неверие, сомнение, хулы на имя Божие, отчаяние и проч. Но если христианин одерживает победы в той борьбе, то диавол насылает злых людей – прелестников, хитрецов и обманщиков, которые притворно принимают вид добрый, а на самом деле являются волками в овечьей шкуре, которые, по словам святителя, опаснее самого диавола⁴²⁵. Далее святитель Тихон проводит аналогию между враждующими народами и диаволом. «На брани мира сего, – говорит святитель, – люди на людей восстают; в брани христианской сатана и злые его ангелы противу христиан восстают. Люди, на людей восстающие, видимы суть; но сатана и ангелы его, враги наши, невидимы нам суть... того ради и брань с ними весьма опасная нам... Брань, которая между людьми бывает, хотя и продолжается, однако престаёт, и мир заключается; но у христиан непрестанная брань, даже до смерти, противу врагов их и смертью кончается»⁴²⁶.

Святитель Тихон в своих поучениях говорит и о том, что христианин не собственной своею силою побеждает соблазны, а

только с помощью Божией. «Горе человеку, если бы он сражался со врагами только собственными своими силами, без Вышней помощи»⁴²⁷, – говорит святитель, – как существо падшее, греховное, он не устоял бы против соблазнов диавола и пал, а вместе с падением погиб бы и для своего небесного отечества; но у него есть богодарованные средства борьбы и надежный способ (восстания) поднятия. Средствами борьбы, заменяющими для него меч и другие орудия, являются слово Божие и молитва⁴²⁸, а средством восстания – покаяние. Погибает только тот, который не пользуется богодарованными средствами; что же касается остальных, то все они благополучно окончат земную брань свою и с радостью и торжеством внидут в отечество небесное, где уготован им венец правды от Царя Небесного, Иисуса Христа⁴²⁹.

По мысли святителя Тихона, все люди являются странниками и пришельцами на земле. Некоторые из них ревностно заботятся о достижении вечного блаженства, а другие не заботятся об этом и остаются беспечными. Святитель, указывая путь к достижению вечного блаженства, советует отречься от мира греховного и присоединиться к Церкви Христовой, а также указывает идти узким путем страданий и скорбей, быть верным Христу и не уклоняться от Его пути на просторный путь, открываемый сатаной. Побуждает христиан непрестанно бороться с врагами своего спасения, а в случае падения он советует подыматься и снова становиться в ряды своих собратий-борцов. Конечно, очень трудно для грешного человека одному без посторонней помощи восстать. По учению св. Тихона, если обыкновенные путники, странствуя по незнакомой им пустынной местности, нуждаются в путеводителе и в страже, который охранял бы их от нападений хищников... то тем более христиане, странствующие по невидимой пустыне греховного мира, испытывающие постоянно и со всех сторон нападения врагов своего спасения, нуждаются и в путеводителе, и в страже. Такими путеводителями и стражами на пути ко спасению и являются пастыри Церкви, которые продолжают дело Пастыреначальника и Его св. Апостолов. Они и должны призывать всех на путь ко спасению,

а тех, которые уже находятся на нем, вести прямо на уготованную им Небесным Царем вечерю; как стражи дома Божия и охранители овец Христовых, пастыри должны непрестанно бдеть и охранять души вверенных им людей от происков врагов внешних и внутренних; как предводители на брани Христовой, они должны вооружать каждого воина оружием слова Божия и молитвы, научить, как он должен действовать против врага и, наконец, постоянно напоминать ему об уготованной подвизающемуся награде и тем самым поддерживать во всех воинах мужество.

Для того, чтобы вести паству по пути ко спасению, пастырь Церкви должен, прежде всего, сам хорошо знать этот путь, а он познается только тогда, когда пастырь живет во Христе и со Христом. Такого пастыря ценит не только тот приход, который поручен ему, но и с других мест христиане стремятся к нему ради пользы духовной. Вот почему в Слове Божиим такие пастыри и называются «светом миру», «солью земли», «свечой, горящей в ночи и освещающей путь»⁴³⁰ и т. д.

По мысли святителя, пастырское служение очень важно, но оно сопряжено и с большими трудностями. Далее святитель Тихон указывает: чтобы быть примерным пастырем, еще не достаточно быть разумным и учительным, но необходимо подавать пример личной жизнью⁴³¹.

В своих поучениях святитель Тихон говорит, что пастырь Церкви должен быть не столпом, на пути стоящим, который только указывает путь в город, а сам не движется с места, но вождем, который должен идти впереди и вести за собой прочих. Пастырь Церкви, охраняя других, должен быть особенно бдителен по отношению к себе, потому что падение пастыря может бедственно отразиться на пасомых, в глазах которых пастырь окажется неавторитетен. «Аще светильник угаснет, – говорит святитель, – чем домашние просветятся? Аще пастырь похитится от волка, от кого сохранятся овцы? Аще пастырь, «соль земли», обуяет, какое уже буйство в людях будет? Аще вождь с пути совратится и заблудит, каком заблуждении уже будут путники?»⁴³² И падение пастыря Церкви гораздо опаснее для паствы, нежели падение просто верующего человека.

Пастырь стоит на самом видном месте, поэтому все стрелы вражьи направлены прямо на него. «Неприятель, – говорит св. Тихон, – на брани тщится наипаче начальников и полководцев... поразить и погубить, чтобы в непорядок и замешательство все воинство привести и тако погубить или пленить его... Тако на брани христианской враг диавол о сем наипаче тщится, как бы пастырей и учителей низложить, дабы так удобнее мог и прочих христиан пленить и погубить»⁴³³.

Если враг этим не сможет совратить пастыря с истинного пути, то он предпринимает другие меры, вооружив против него пасомых, которые под действием вражией силы клеветают на пастыря и тем самым производят в народе смуты и всеобщее недоверие. Так что пастырю нужно быть бдительным и умело отражать все козни лукавого – как внутренние, так и внешние. Победить эти искушения пастырь сможет только тогда, когда будет постоянно заниматься чтением Слова Божия и молитвой, а также к этому присоединит кротость и терпение, потому что ничем другим так клеветы, поношения, злословия и гонения не побеждаются, как этими добродетелями. Горе пастырю, если он будет побежден врагом и направлен на ложный путь. Ведь он несет ответ не только за свою душу, но и за всю паству, которая поручена ему от Бога. «Ежели кий христианин погибнет, – говорит св. Тихон, – и не явится в небесной ограде, – спросит Христос Господь: где овца, которую Я не серебром и златом, но Своей Кровию стяжал? Где овца, которую ты принял пасти и хранить?»⁴³⁴ И какой тогда может пастырь дать ответ Пастыреначальнику? «Тогда... Христос праведно разгневается на пастыря – стража Дому Своему, и будет судить его, яко нерадивого и неверного и протешет его полма, и часть его с неверными положит; ту будет плач и скрежет зубом» (Мф. 24, 51; Иезек. 33, 8).

Вот что ожидает нерадивых пастырей. Принимающему на себя сан священства св. Тихон советует испытать себя и не относиться к этому делу легкомысленно, обольщая свое сердце почестями и похвалами: «Многие христиане, – говорит святитель, – ни о чем так не стараются, как в честь произойти... Но не знают сами, о чем стараются»⁴³⁵. «Честь (разумеется

пастырское служение) христианину великая есть тягость; и чем большая и высшая честь, тем большая ее тягость есть. Поэтому, если в честь идешь, рассуждай силытвоя, можешь ли тягость сию понести. Аще не можешь поднять и понести, не касайся, да не отягчит тебя, и падеши, и под тяжким тем бременем будеши лежать, а не нести его... Надобно сильным тому быть, кто хочет тую тягость поднять и понести; надобно тому научиться прежде себе управлять, кто хочет других управлять; себе исправить, кто хочет других учить; быть солью, кто хочет других растворять»⁴³⁶.

Таким образом, по учению святителя Тихона, пастырь должен быть светом, освещающим путь тем, которые ищут спасения.

V. ПРИМЕРЫ ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПАСТЫРСТВА

Пастырство епископа Игнатия (Брянчанинова)

Епископ Игнатий (Брянчанинов) является одним из представителей знаменитых подвижников-богословов XIX века, которые не столько мыслили и философствовали о христианстве, сколько жили им.

Епископ Игнатий (родился 6 февраля 1807 г.) происходил из дворянской семьи, в которой получил и строгую религиозную настроенность, и прекрасное образование. Еще с детства он имел стремление и желание принять монашество. Сразу же после окончания главного инженерного училища, куда он поступил по настоянию отца на 16-м году жизни и которое окончил первым, он подает прошение об отставке⁴³⁷.

В 1831 году он принял монашеский постриг и вскоре был назначен настоятелем одного из вологодских монастырей. В 1833 году он вызывается в Петербург и поставляется настоятелем Сергиевой пустыни, в которой пробыл архимандритом около 24 лет, т. е. до отъезда в Ставрополь по посвящению в сан епископа Кавказского и Черноморского. На кафедре Владыка пробыл 4 года и в 1861 году удалился на покой в Николо-Бабаевский монастырь (на Волге близ Костромы), где и преставился 30 апреля 1867 года.

Всю свою жизнь епископ Игнатий непрестанно изучал творения святых отцов, никто из современников не мог сравниться с ним в знании отеческих писаний. «Это была живая библиотека отцов», – писал о нем игумен Антоний (Бочков)⁴³⁸. «Чтение отцов, – писал о себе богомудрый архипастырь, – с полной ясностью убедило меня, что спасение в недрах Православной Церкви несомненно. Оно открыло мне, что сделал Христос для человечества; в чем состоит падение человека; почему необходим Искупитель и в чем заключается спасение».

Основным психологическим импульсом духовной настроенности епископа Игнатия было чувство лично живого и непосредственного отношения к Искупителю Христу и сильная

жажда спасения и искупления. Живое, опытное познание Бога-Спасителя – эта идея проникает все писания Владыки.

Будучи настоятелем Сергиевой пустыни, Владыка часто посещал петербургское общество. Многие тогда удивлялись, как он, подвижник и молитвенник, не чуждался вместе с тем общества, бывал приятным собеседником людям светским, умел возбуждать в них к себе доверие и действовать на них ко благу душевному. Видя в нем не столько лицо духовное, сколько доброго знакомого, равного по уму и образованию, многие, весьма нерасположенные к иночеству лица любили бывать у него в обители и видеть его в своих домах, что незаметно склоняло их к благочестию. Благочестие было целью и основой всех бесед о. Игнатия, и самый светский разговор он всегда старался свести к душеназиданию своих слушателей; нередко заставлял задумываться самых беззаботных.

Отличаясь строгостью к себе, епископ Игнатий был снисходителен к немощам человеческим. Он охотно прощал недостатки своим духовным чадам, когда видел их искреннее раскаяние и начатки исправления. Эту черту милосердия доброго пастыря можно видеть во многих его письмах. Владыка не только не отвергал согрешающих, но, наоборот, старался поддержать, исправить и привести ко Христу. Епископ Игнатий умел воздействовать на людей не только примером своей высоконравственной жизни, но и даром слова. Этот талант Владыка также посвящал на служение ближним. Он видел в этом свое призвание. Считая душеполезное слово милостыней, епископ Игнатий щедро раздавал его. Владыка, с присущей ему духовной мудростью, умел применять к своей жизни наставления древних подвижников, сообразовываясь с современными ему условиями; во многих своих сочинениях, проповедях и письмах он отразил учение св. отцов, примененное к требованию современности. На свои произведения святитель смотрел не как на свою собственность, но считал их даром Божиим. Я, – писал он в своих сочинениях, – был только орудием милости Божией к современным православным христианам, крайне нуждающимся в ясном изложении душевного христианского подвига⁴³⁹.

Преисполненный великого смирения и глубокого чувства покаяния, Владыка больше всего желал быть примером для пасомых не словом, а самой жизнью, и это желание можно видеть в его творениях и письмах. «Довольно, если буду взирать на грехи свои, стремиться к покаянию и плачу, и на сию спасительную ниву изгонять вверенное мне стадо жезлом примера и учения»⁴⁴⁰. Из этого смиренного и покаянного источника – своего сердца – добрый архипастырь и давал наставления, заботясь о спасении душ, вверенных ему Богом.

Епископ Игнатий своим богопросвещенным духом постоянно ощущал суетность и кратковременность земной жизни. Вся земная жизнь христианина, по мнению Владыки Игнатия, должна быть школой для приготовления к вечности. Жизнь христианина-путника, идущего в Небесный Иерусалим, – должна быть теснейшим образом соединена со Христом через исполнение евангельских заповедей. Добродетельная жизнь делает христианина уже на земле причастником неба. Только тот, кто еще на земле жизнью во Христе сделал себя способным к восприятию начатков небесной радости, будет сопричтен к ней в бесконечно большей степени на небе. «Земля – страна плача; небо – страна веселия; небесное веселие вырастает из семян, посеянных на земле»⁴⁴¹.

Призывая своих пасомых следовать за Христом, святитель Игнатий советует каждому взять свой крест, помня завещание Спасителя: «Аще кто хочет по Мне идти, да отвержется себе и возмет крест свой и по Мне грядет». Взятие креста своего есть добровольная, благоговейная покорность воле Божией при всех скорбях, посылаемых и попускаемых Промыслом Божиим. Ропот и негодование при скорбях и напастях есть отречение от креста⁴⁴². Чтобы последовать Христу, надо свою жизнь направить по Его заповедям, указанным в Евангелии, и отречься от своего греховного разума и своей воли, которые противоречат разуму и воле Божией⁴⁴³. Каждый, кто желает узнать волю Божию, должен приступить к Евангелию – этой вечной книге жизни, – и в ней найдет Истину, следуя которой, может унаследовать блаженство. Истина – Христос. «Христос, – говорит священномученик Петр Дамаскин, – сокровен в

Евангелии; желающий найти Христа может найти Его в Евангелии»⁴⁴⁴. Епископ Игнатий считал, что святое Евангелие есть основа духовной жизни христианина. Им необходимо поверять правильность своей духовной жизни, своего шествия по лестнице духовного совершенства. Читать Евангелие нужно постоянно, и не просто читать, а благоговейно изучать его. Владыка советует каждому христианину усвоить Евангелие настолько, «чтоб ум твой, так сказать, плавал в нем, жил в нем; тогда и деятельность твоя удобно соделается евангельскою. Этого можно достичь непрестанным благоговейным чтением, изучением Евангелии»⁴⁴⁵. Деятельное изучение Евангелия постепенно откроет человеку его греховность и то, каким должен быть новый обновленный человек, почерпая из Евангелия образ мыслей и действий, каждый христианин перерождается из человека плотского в духовного, «созданного по Богу» (Еф. 4, 24).

По мнению святителя Игнатия, истолкование и понимание Священного Писания должно быть согласно с мнением и учением св. отцов Восточной Церкви. Иначе можно уклониться от правильного понимания его и тем самым погубить свою душу. «Как же вы хотите, – продолжает еп. Игнатий, – произвольно понимать духовное слово, которое и произнесено не произвольно, а по внушению Духа, и само запрещает произвольное толкование. Дух произнес Священное Писание, и только Дух может толковать его. Поэтому всякому, желающему стяжать истинное познание Священного Писания, необходимо чтение святых отцов»⁴⁴⁶. Святые отцы опытно изучили Слово Божие, поэтому они и могли правильно и непогрешительно изъяснять его. На вопрос: каких отцов читать христианину, Владыка отвечал: «Христианину, живущему посреди мира, не должно читать св. отцов, которые писали для монашествующих. Какая польза от чтения тех добродетелей, которых нельзя исполнить делом? Пользы никакой не может быть, а может быть только вред, состоящий в том, что в человеке возбудится мечтательность духовного состояния, ему никак не идущего»⁴⁴⁷.

Такая мечтательность будет лишь обманчиво услаждать наше воображение высокими добродетелями, а временами

вводить душу в уныние и отчаяние при виде того, что мы не можем исполнить этих добродетелей. Глубоко изучив св. отцов Восточной Церкви и на опыте убедившись в духовности и спасительности их учения, епископ Игнатий уверенно и настойчиво привлекал к этому сонму святых мужей и своих духовных детей, которые обращались к нему за душеспасительными наставлениями. Он верил, что постоянное упражнение в чтении трудов св. отцов будет для каждого христианина надлежащим компасом, указующим правильный путь ко спасению. Это истинное мнение о учении св. отцов Владыка старался донести до сознания своих слушателей. Вот как об этом сказано в одном из его писем: «Вы убедились, что единственный непогрешимый путь ко спасению – неуклонное следование учению св. отцов при решительном уклонении от всякого учения постороннего, от самых своих разумений, доколе разум не исцелится от недуга своего и не соделается из плотского и душевного – духовным».

Святитель Игнатий был учителем покаяния. Главным содержанием его учения был призыв к покаянию. Покаяние он считал основой всех видов христианского подвига. По учению епископа Игнатия, покаяние есть дверь, которой мы входим в Небесное Царство. Он писал: «Милосердый Господь, уготовав нам дивное, небесное, вечное Царство, указал дверь, которою мы можем войти в спасительную пажить Духа и Истины, – дверь покаяния. Если пренебрежем покаянием, без всякого сомнения окажемся вне. Добрые дела естественные, по чувствам, никак не могут заменить собой покаяния. В покаянии – вся тайна спасения»⁴⁴⁸. Пока христианин жив, он должен постоянно пользоваться врачевством покаяния и никогда не отчаиваться в грехопадениях. Через покаяние христианин возрастает духовно и удостоивается великих милостей Божиих. Только при посредстве покаяния можно перейти из состояния душевного в состояние духовное. В одном из писем святитель пишет, что покаяние необходимо всем последователям Христа на любой степени совершенства... Тщетны, бесплодны, часто душевредны подвиги и самые возвышенные, когда они не растворены чувством покаяния⁴⁴⁹.

Этой истине богомудрый архипастырь следовал не только в творениях и письмах, но и в личном своем общении с пасомыми и, особенно, учениками. Он учил и воспитывал каждого ученика по его силам и способностям, не щадя своих сил, не жалея времени, и если его ученикам бывало нелегко принимать его учения и усваивать себе его правила, то и ему немало трудов стоило каждого отдельно воспитывать, внушать любовь к урокам и возводить в духовное состояние.

Епископ Игнатий душу свою полагал за учеников своих; он прощал всякую немощь, лишь бы человек сознавал ее с покаянием, но ненавидел лукавство и фарисейство; гордость и тщеславие обличал и искоренял ежедневно. Система воспитания новоначальных у о. Игнатия была такова: он приучал их быть откровенными с ним не только в делах, но и в помыслах. Такая откровенность и близость отношений не допускала учеников до грубых погрешностей: как то было стыдно и жалко оскорбить своего отца и благодетеля, который старался не стеснять их не воспрещал веселости в обращении между собой, даже в его присутствии. О. Игнатий ненавидел несогласия и ссоры: если случалось кому посориться, он немедленно призывал их к себе и мирил, чтобы не оставалось неприязни до другого дня. Один из духовных чад о. Игнатия так усвоил себе это правило, что бывало, вечером ходит всюду, ищет брата, с которым размолвился, и всех спрашивает: не видал ли такого-то? И на вопрос: на что тебе его, отвечал: «Да видишь ли, давеча с ним поразмолвил, а отец говорит: «Солнце да не зайдет во гнев наш»; надо прощенья попросить». И непременно отыщет брата и исполнит сие благое намерение.

Жизнь святителя Игнатия была исполнена многих скорбей и болезней, но, постоянно помня спасительные слова Господа нашего Иисуса Христа: «В терпении вашем стяжите души ваша» (Лк. 21, 19), он все великодушно претерпевал с надеждой на помощь Божию. Считая посылаемые Господом земные скорби залогом вечного спасения, епископ Игнатий отечески призывал переносить скорби с терпением. Терпение же должно быть с благодарением и славословием Спасителя. Только при этом

человек скоро получает обильную благодать, укрепляющую его в подвиге терпения⁴⁵⁰.

Многоразличными были слова утешения, которыми Владыка подкреплял своих духовных чад. Видя души пасомых, он своим любвеобильным сердцем хорошо чувствовал, что кому сказать и как подкрепить угнетенного множеством скорбей. Постоянной целью архипастыря было как можно скорее и надежнее помочь и утешить в «беде сущего». Одних утешал он примером Христа Спасителя, претерпевшего для нашего спасения крестные страдания. Другим говорил, что скорби кратковременны и скоропреходящи. Некоторых утешал с состраданием, указывал на свои постоянные болезни, умоляя совместно безропотно переносить болезни. Одного из своих приближенных добрый попечитель ободрял надеждой вечных благ. Владыка писал: «Терпи великодушно яростные волны, терпи великодушно напор свирепых ветров, терпи силою веры – и Христос приведет тебя в свое время в покой Свой. По множеству болезней, которые тебя посещают в этой жизни, великие утешения ожидают тебя»⁴⁵¹. Если скорби возникали по причине или вине самого страждущего, то таким архипастырь советовал не только терпеть, но и принимать меры к устранению самой причины, вызвавшей скорбь.

Иногда, по премудрым судьбам Божиим, Господь через скорби избирает Себе служителей. Хорошо понимая и чувствуя это, святитель писал некоторым в утешение: «Тому человеку, которого Бог избирает в служение Себе, посылаются скорби. За скорби должно благодарить и славословить Бога, моля Его, чтобы даровал покорность Ему и терпение»⁴⁵². Скорби посылаются и тем, кто усердно занимается внутренним подвигом, но опять же, единственно, для духовной пользы последних. Только в этом случае нужна усиленная надежда на Бога, от чего подвиг увеличивается большими духовными успехами. В одном из писем Владыка писал: «Подвижникам, занимающимся умственными подвигами, попускаются преимущественно пред телесными подвигами болезни и другие скорби; от действия их подвижник по необходимости должен возлагать надежду на Бога. От усиления надежды на Бога

слабеет самонадеянность; с уменьшением самонадеянности уменьшается самомнение. С ослаблением этих недугов начинает зарождаться в душе истинное смирение, на котором основаны правильность и прочность всякого подвига»⁴⁵³. От благодарения во время постигшей скорби воспитывается не только смирение, необходимое для спасения, но рождается и живая вера и подается благодатное утешение.

Своим современникам, требующим у Владыки душеспасительного назидания, он писал: «Милосердый Господь, дарующий путь спасения и самое спасение произволяющим спастись, да укажет вам подобающий путь. В наше время предоставлено спастись наиболее терпением скорбей»⁴⁵⁴. Христианская добродетель терпения является одной из важнейших добродетелей на пути спасения. На нее указывал Христос Спаситель (Лк. 21, 19). Ее имели и спасались все святые. К этой добродетели призывал и продолжает призывать в своих творениях и письмах попечитель спасения человеческих душ – епископ Игнатий. Он обращается ко всем жаждущим спасения и говорит: «Итак, благодумствуйте посреди волнения, предайте себя воле Божией...»⁴⁵⁵

О молитве епископом Игнатием написано очень много. Занимаясь сам постоянной умной молитвой и получая посредством ее благодатное утешение, Владыка считал своим долгом передать опыт молитвенного делания своим последователям. В письмах к духовным чадам он часто говорил о том, что необходимым условием благодатной молитвы является внимание: «Желающий заниматься богоугодной молитвой должен заботиться только о том, чтобы во время молитвы ум его сохранял внимание...»⁴⁵⁶ От внимания дух наш приходит в смирение; от смирения рождается покаяние...»⁴⁵⁷.

Личную опытность святителя в молитвенном подвиге подтверждает и следующий пример. Посетил его однажды афонский иеросхимонах, бывший в России за сбором. Владыка заметил в нем что-то особенное и просил рассказать о своем делании. С первых слов афонца стало ясно, что он употребляет способ восторженной молитвы и находится в прелести. С тонким и умелым подходом Владыка стал просить монаха,

чтобы он, как постник и подвижник, испытал над собою преподанный святыми отцами способ, заключающийся в том, чтобы ум во время молитвы был совершенно чужд всякого мечтания, погружался весь во внимание словам молитвы, заключался и вмещался, по выражению святого Иоанна Лествичника, в словах молитвы; причем сердце обыкновенно сочувствует уму душеспасительным чувством печали о грехах, как сказал преподобный Марк подвижник: «Ум, неразвлеченно молящийся, утешает сердце, сердце же сокрушенно и смиренно Бог не унижит». Через несколько дней афонский иеросхимонах пришел к епископу Игнатию, но уже без самонадеянности, и сказал, что он пробовал молиться со вниманием, заключая ум в слова молитвы, и все его видения пропали. Архимандрит Игнатий посоветовал ему не отличаться наружностью от других, потому что это ведет к высокоумию»⁴⁵⁸.

Для успешности молитвы архипастырь предлагает умеренное правило. Но в молитвенном правиле мудрый святитель никогда не связывал своих пасомых внешними условиями. Больным и слабым он представлял возможность несколько увеличить или уменьшить молитвенное правило в соответствии с их силами. «Относительно правила молитвенного – знайте, что оно для вас, а не вы для него, но для Господа. Почему имей свободу с рассуждением. При немощи убавляйте, при силе прибавляйте – и то, и другое с умеренностью и осторожностью; потому что мы крайне немощны и окружены татями и убийцами отовсюду. Когда вы не бываете в Церкви, то читайте правило, предписанное вам»⁴⁵⁹.

Начинающим свою духовную жизнь владыка советует молиться понемногу, но часто, чтобы сохранить вкус к молитве и не произвести в уме утомление, от которого происходит оставление молитвы. «Когда находишься один, молись несколько вслух, чтобы слышать самому себя. На приходящие мысли, как бы они ни были явственны, не должно обращать никакого внимания»⁴⁶⁰. Молитвенный подвиг христианина приносит обильные плоды, но, прежде чем молящийся сподобится получить их, ему нередко приходится преодолеть многие внутренние трудности. «Молитвенный подвиг, батюшка

мой, – говорил Владыка одному из вопрошающих, – есть подвиг. Надо трудиться. Кто терпеливо молится своею оскверненною молитвою и не покидает ее, тому Бог в свое время дает истинную молитву. Внимай себе, т. е. словам молитвы, и не внимай помыслам, приходящим во время ея»⁴⁶¹.

Опытный делатель молитвы епископ Игнатий предупреждает, что молитве иногда сопутствует обильное умиление, а иногда в душе наступает особая сухость. «На эти перемены должно смотреть равнодушно, как смотрит на перемены погоды опытный земледелец, зная, что после ненастья бывает ведро, а после ведра ненастье. Враг рода человеческого завидует христианам, занимающимся внимательной молитвой и, чтобы препятствовать им в этом добром деле, наводит на них различные искушения». Святитель Игнатий, предупреждая делателя молитвы, говорит словами святых отцов: «Помолясь как должно, ожидай противного». Это значит, что после внимательной молитвы, когда нам даруется обильное умиление, всегда случается какое-либо смущение или искушение. От смущения следует храниться, т. е. отвергать его, когда оно придет, а тому, что оно приходит, не должно удивляться. Нападение на нас греховных помыслов попущено для нашей пользы, потому что оно приводит нас к смирению, к опытному познанию нашего падения, нашей греховности. Велико значение молитвы в духовной жизни христианина. Время, посвященное молитве, не истрачено понапрасну, а употреблено для насаждения в своей душе Царствия Небесного и приближения к Богу. Молитва помогает христианину в жизни: поселяет в его душе мир, возбуждает милость и сострадание к человеку, искореняет страсти, делает человека холодным к миру и покорным Богу, дает силы для борьбы с греховными помыслами и влечениями. Она жителя земли делает причастником небесных и вечных благ.

Епископ Игнатий в своих сочинениях уделяет большое внимание основной христианской заповеди – любви, и в своих творениях и письмах к пасомым постоянно призывает к евангельской любви. Стяжанию ее владыка посвятил всю свою жизнь и только ее он считал настоящей любовью. «Понимаю

только ту любовь, которая действует по священным велениям Евангелия, при его свете, которая сама – свет, – писал он. – Другой любви не понимаю, не признаю. Истинная, святая любовь к Богу и ближним отчетливо изображена в Евангельских заповедях; правильное, непорочное действие ее является в исполнении заповедей. Кто любит Меня, сказал Господь, заповеди Мои соблюдет. В такой любви не может быть ни мечтательности, ни плотского разгорячения»⁴⁶². Говоря об истинной любви, святитель писал: «Истинная любовь строга и, являясь в делах, не нуждается в личине – ласковости и льстивости, которыми непременно прикрывает себя самолюбие для обмана ближних»⁴⁶³.

О любви к ближнему мы знаем из учения отцов, что она бывает двух родов: естественная и евангельская, или о Христе. Естественная насаждена в нас при творении и потому непременно есть в каждом человеке. Она повреждена, как и прочие благие свойства, падением или прародительским грехом, поэтому в каждом человеке подвержена большим или меньшим, кратким или продолжительным изменениям. Христос, исцеляющий все наши недуги дивным образом, исцеляет и поврежденную любовь: заповедует Себя – Господа – любить в человеках.

Это возводит любовь на высочайшую степень, дарует ей чистоту, духовность, святую... Любовь естественная непостоянна, изменчива и скоро может перейти в ненависть, но ничего подобного не бывает с любовью духовною. Святитель писал: «Бог отвергает любовь плотскую, любовь, которую узнал Адам по падении; принимает только одну духовную любовь, которую явил миру новый Адам, Господь наш Иисус Христос. Мы должны любить так, как Он любит... Любовь духовная постоянна, беспристрастна и бесстрастна, вся – в Боге, объемлет всех ближних»⁴⁶⁴. «Желаю, чтоб вы имели любовь к Господу Богу, любовь живейшую, а к ближним одинаковую и равную, как к образу Божию»⁴⁶⁵.

Святое Евангелие заповедует христианину иметь любовь не только друг к другу, но и к врагам. Разъясняя евангельский текст о любви к врагам, Владыка писал: «Здесь ясно и определено

изображено, в чем должна состоять любовь к врагам: в прощении нанесенных ими обид, в молитве за них, в благословении их, т. е. в благих словах о них и благодарении Бога за наносимые ими напасти, в благотворении им соответственно силам и духовному преуспеянию, в благотворении, которое может простираться до вкушения телесной смерти для спасения врага. Пример такой любви явил Спаситель. Хотя Евангелие говорит о любви к врагам, но в нем же повелевается не верить им (врагам) и быть с ними очень осторожными. Но сколько плодотворна эта заповедь, столько и трудно стяжать её. Молитесь Господу, и Он пошлет в ваше сердце благодатное и разумное чувство, которым возлюбите врагов и обидящих как орудие правосудия Божия»⁴⁶⁶. Владыка Игнатий учил, что любовь должна быть освящена духовным рассуждением. Любить друзей нужно во Христе, чтобы Христос был любим в ближнем, а ближний был любим как создание Божие»⁴⁶⁷. Христианин, приобретший евангельскую добродетель – любовь – не расстанется с нею и в будущей жизни; по словам св. Апостола Павла, «любовь никогда не перестанет» (1Кор. 13, 8), и святитель Игнатий говорит: «Одно благо, которое пойдет с нами туда – «любовь к Богу и ближнему»⁴⁶⁸.

Каждому христианину для воспитания себя по заповедям Евангелия необходим телесный и душевный подвиг. Святитель Игнатий говорил: «Всякому новонаначальному сперва надо преподать делание заповедей Христовых, совершаемое телом; а когда по значительном времени он окажется верным в этом делании, то преподать ему и блюдение ума (душевное делание), но только очень просто и умеренно»⁴⁶⁹, ибо «душевное делание естественно человеку и составляет неотъемлемую принадлежность его»⁴⁷⁰.

Посильные труды приучают христианина отсекал свою греховную волю, приучают к послушанию и способствуют укрощению страстей, гнездящихся в сердце каждого человека. Епископ Игнатий, сравнивая сердце человеческое с землей, говорил: «Телесные подвиги необходимы для того, чтобы землю сердечную соделать способною к принятию духовных семян и к принесению духовных плодов... Оставление телесных подвигов

соделывает человека подобными скотам, давая свободу и простор телесным страстям... Телесный подвиг нужен даже и для святых, соделавшихся храмами Святого Духа, чтоб тело, оставленное без обуздания, не ожило для страстных движений и не послужило причиной появления в освященном человеке скверных ощущений и помыслов, столько несвойственных для нерукотворенного духовного храма Божия»⁴⁷¹. По мнению святителя Игнатия, телесный подвиг должен быть соединен с душевным; иначе, при оставлении последнего, у христианина развиваются душевные страсти. Как тело без души мертво, так и телесный подвиг без душевного бесплоден. Душа оживляет тело, а духовный подвиг оживляет телесные подвиги. Тело без души подвергается тлению и издает зловоние, так и наружное благочестие без умного делания «сперва оказывается чуждым духовного плода, потом заражается тщеславием, самомнением... и другими трудно выявляемыми страстями»⁴⁷².

Владыка считал, что «душевный подвиг может и один, без телесного, совершить очищение; телесный же, если не перейдет в душевный, – совершенно бесплоден, и более вреден, чем полезен: удовлетворяя человека, не допускает его смиряться, напротив того, приводит к высоте мнения о себе как о подвижнике, не подобном прочим немощным человекам»⁴⁷³. Душевный подвиг имеет первостепенную важность в духовной жизни, однако, по учению Владыки, «подвиг телесный, совершаемый с истинным духовным рассуждением, необходим для всех одаренных здоровьем и сильным телосложением; с него надо начинать путь спасения.»

«Совершителю телесных и душевных подвигов, – говорит святитель, – необходимо также и смирение, без которого не может увенчаться ни один подвиг. Смирение почти рядом идет с подвигом, т. е. доставляет почти тот же успех, каковой доставляется подвигом. Смирение одно, само по себе, полезно; а подвиг без смирения не приносит никакого плода, – напротив того, приносит вред, вводя в высокое о себе мнение и в осуждение ближних. Смирение состоит в том, чтоб признать себя достойным того положения, в котором мы находимся, и недостойным положения лучшего и высшего, даже и в духовном

отношении, и покорно предавать себя воле Божией... В наше время Бог дарует спасение более при посредстве смирения, нежели подвига; ныне при умножившихся немощах подвиг особенно опасен, как сильно наветуемый осуждением, притом требующий опытного руководителя; а смирение – всегда непадательно. Самые немощи и грехи, когда мы сознаемся в них и раскаиваемся, способствуют смирению»⁴⁷⁴.

Телесный и душевный подвиг необходим не только каждому монаху, но и мирянину. Этот подвиг определяет истинного христианина и укрепляет его на спасительном пути. Вот что писал епископ Игнатий в своих письмах: «По настоящему положению монашества в России и вместе по состоянию общества в духовно-нравственном отношении ближайшее ознакомление и монашества, и общества (в духовно-нравственном отношении) с правильным образом подвижничества оказывается особенно нужным и полезным. Уважение к телесному подвигу, когда он предоставлен лишь самому себе, уважение, воздававшееся во времена простоты, миновало. Миновало оно по той весьма естественной причине, что монахи, занимающиеся исключительно телесным подвигом, не могут дать должного отчета в монашеской жизни ни себе, ни братьям своим, живущим посреди мира. Притом, занятие телесным подвигом в той степени, в какой занимались им старинные монахи, ныне очень, очень ослабело по причине общего упадка сил и здоровья в человеке. Духовный подвиг образует истинных, сознательных монахов, и его-то вызывает, так сказать, на поприще деятельности современная образованность»⁴⁷⁵.

Каждому новонаначальному иноку для того, чтобы стать на правильный дуть духовной жизни и твердо шествовать по нему, необходим духовный руководитель-старец. В деле старческого руководства епископ Игнатий особенно большое значение придавал ежедневному откровению помыслов ученика своему старцу. Одной инокине архипастырь писал: «Понуждай себя к простоте и откровенности пред старицею; от всех же других вполне скрывай свои брани, потому что такую преступною откровенностью повредишь себе и другим, которым отнюдь не

полезно слышать о твоих бранях»⁴⁷⁶. «Ежедневное исповедание пред старцем всех своих согрешений, помыслов и недоумений приносит иноку великую душевную пользу. Ни один подвиг не может так умертвить страсти, как откровение их старцу. Страсти отступают от того, кто без пощажения исповедует их. Телесное вожделение увядает от исповедания более, нежели от поста и бдения»⁴⁷⁷.

Нелегко бывает новонаначальному иноку открывать помыслы своему наставнику. Враг часто возбуждает в нем чувство ложного стыда и тем самым препятствует чистосердечному исповеданию своих помыслов старцу. При таком состоянии иноку необходимо приложить усилие к откровенности, после чего она постепенно станет его добрым навыком и раз от разу он будет открывать свои помыслы непринужденно. Владыка опытно знал, что иноку без частого откровения помыслов очень трудно устроить свою духовную жизнь. «Твое спасение единственно от твоей откровенности пред старцем, – писал святитель одной из своих духовных дочерей. – Без этого делания тебе не достигнуть ничего духовного и благодатного, а пребудешь плоть и кровь. Если будешь открываться, то достигнешь чистоты, которую осеняет благодать Божия»⁴⁷⁸. Иноки, приучившие себя к откровению помыслов, со временем бывают способны помогать ближним в их душевных смущениях. Таковы основные положения учения епископа Игнатия.

В письмах Преосвященного Игнатия имеются и ценные наставления о взаимоотношении пастыря и пасомых. Вот одно из них. Епископ Игнатий высоко смотрел на обязанность и ответственность духовника. В одном из писем он говорил, что духовный руководитель должен при воспитании вверенных ему Богом душ преследовать не свои выгоды, а единственно искать славы Христовой и приводить пасомых ко Господу. Пасомых же он предупреждал, чтоб они не имели к своим наставникам пристрастия. «Сердце ваше да принадлежит единому Господу, а в Господе и ближнему. Без этого условия принадлежать человеку – страшно. Не бывайте раби человекам, сказал Апостол. Всегда трогали меня до глубины сердца слова святого Иоанна Предтечи, произнесенные им относительно Господа и

себя, сохраненные им в Евангелии Иоанна: «Имеяй невесту, – говорил святой Предтеча, – жених есть, а друг женихов стал и послушал его, радостию радуется за глас женихов; сия убо радость моя исполнися. Оному подобает расти, мне же умалитися» (Ин. 3, 29–30). Всякий духовный наставник должен быть только слугою Жениха Небесного, должен приводить души к Нему, а не к себе, должен возвещать им о бесконечной, неизреченной красоте Христа, о безмерной Его благодати и силе; пусть они любят Христа, точию достойного любви. А наставник пусть, подобно великому и смиренному Крестителю, стоит в стороне, признает себя за ничто, радуется своему умалению, которое служит признаком их духовного преуспевания. Доколе плотское чувство преобладает в учениках, велик пред ними наставник их; но когда явится в них духовное ощущение и возвеличится в них Христос, они видят в наставнике своем только благодетельное оружие Божие. Охранись от пристрастия к наставнику. Многие не остереглись и впали вместе с наставниками своими в сеть диаволу. Совет и послушание чисты и угодны Богу только до тех пор, пока они не осквернены пристрастием. Пристрастие делает любимого человека кумиром; от приносимых этому кумиру жертв с гневом отвергается Господь. И теряется напрасно жизнь, погибают добрые дела, как благовонное курение, разносимое сильным ветром или заглушаемое вонюю смрадною. Не давайте в сердце вашем места никакому кумиру! И ты, наставник, охранись от начинания греховного! Не замени для души, к тебе прибегшей, Бога. Последуй примеру святого Предтечи: единственно ищи того, чтобы возвеличился Христос в учениках твоих. Когда Он возвеличится, – ты умалишься по причине возраставшего Христа. Увидев себя умалившимся, исполнись радости. От такого поведения чудный мир будет навеваться на сердце твое; в себе увидишь исполнение слов Христовых: смиряяй себя, вознесется»⁴⁷⁹.

Архипастырь видел, что истинных наставников, даже в его время, было очень немного. Зная большую ответственность тех, кому христиане в руководстве вверяют свою жизнь, он предупреждал всякого принимающего на себя звание старца-

духовника не по призванию: «Страшное дело – принять по самомнению и самовольно на себя обязанности, которые можно исполнять только по велению Святого Духа и действием Духа, между тем, как общение с сатаной еще не расторгнуто и сосуд не перестает оскверняться действием сатаны! Ужасно такое лицемерство и лицедейство! Гибельно оно для тебя и для ближнего, преступно пред Богом и богохульно»⁴⁸⁰.

Гибельность неправильного руководства состоит в том, что неискусный пастырь не может не направлять духовную жизнь пасомых по пути, на котором сам стоит. Если сам он стоит на ложном пути, то и другому будет передавать этот путь, потому что, по словам епископа Игнатия, «послушание образует того, кому он повинуется»⁴⁸¹.

По причине оскудения наставников святитель считал, что лучшим руководителям в духовной жизни христиан является следование святоотеческим писаниям. В одном из писем епископ Игнатий писал: «Кто подчинится этому (святоотеческому) руководству, того можно признать уже спасенным; кто же водится собственным разумением или учением лжеучителей, того должно признать погибшим»⁴⁸².

В заключение приведем слова бывшего келейника святителя Игнатия, архимандрита Игнатия (Малышева), в которых хорошо раскрыто значение учения епископа Игнатия для ищущих путь к вечной жизни: «Вы отверзли небо, – писал он, – потекли воды, и жаждущие люди напоились. Выдали пищу, которая алчущих питает. Так я разумею о ваших творениях и от избытка чувств и душевной благодарности ничего более сказать не могу. Тот лучше знает, что даст бедной душе, – кто благородно созерцается, уделяет от этой трапезы неимущему. Ваша книга – книга жизни и учение воды живой, напоющей души человеческие. Это учение в наше скудное время необходимо, как вода во время пророка»⁴⁸³.

Пастырство епископа Феофана (Затворника)

Личность епископа Феофана, как и епископа Игнатия (Брянчанинова), столь резко выделяется на фоне его современников, что он еще при жизни обращал на себя внимание всех церковных людей. Епископ, покинувший кафедру для того, чтобы целиком отдаться подвижническим трудам и литературной деятельности, представляет собой явление, конечно, незаурядное. Русская Церковь знала только трех таких святителей: св. Тихона Задонского, епископа Игнатия (Брянчанинова) и епископа Феофана Затворника.

Родился Преосвященный Феофан (в мире Георгий Васильевич Говоров) 10 января 1815 года в семье священника. Унаследовав от своих родителей высокие духовные качества, он сохранил и развил их в период учебы сначала в Ливенском Духовном училище (1823), а затем в Орловской Духовной семинарии (1829). Как лучший ученик, он был направлен в Киевскую Духовную академию, где на последнем курсе в 1841 году принимает монашеский постриг. Под мудрым руководством старца Киево-Печерской лавры иеросхимонаха Парфения и под влиянием лучших профессоров и наставников Академии – архимандрита Иннокентия (Борисова), архимандрита Димитрия (Муретова), Амфитеатрова, Скворцова, архимандрита Иеремии – молодой инок получил высокое духовное образование, развитие умственных сил и всех душевных способностей.

Дальнейшая судьба святителя после окончания Духовной академии связана, хотя и с некоторым перерывом в связи с пребыванием в наших заграничных миссиях Палестины и Константинополя, со многими местами и различными типами Духовных школ. Он прошел в них административные должности от смотрителя училищ до ректора академии. Уже здесь проявляются способности будущего святителя как пастыря. Основным началом воспитательных мер он считал христианскую любовь, а лучшей средой и средством доброго воспитания – храм Божий. «Самое действительное средство к воспитанию истинного вкуса в сердце есть церковность, –

говорил он. – Сочувствие ко всему священному, сладость пребывания среди него ради тишины и теплоты не могут лучше напечатлеться в сердце. Церковь, духовное пение, иконы-первые изящнейшие предметы по содержанию и по силе»⁴⁸⁴. Часто он беседовал с юношами о том, как направить душу к общению с Богом и приобрести чистоту совести и сердца, указывал на необходимость чтения духовной литературы, Слова Божия и святых отцов.

Дальнейшее служение в сане епископа (хиротонисан в 1859 г.) показывает его истинным архиереем, способным душу положить за овец своих. Частые богослужения, постоянное проповедание Слова Божия, которое святитель считал лучшим средством к созиданию спасения, поездки по епархии с целью личного знакомства с вверенной ему паствой, многоплодная миссионерская деятельность для возвращения заблудших в лоно Церкви, заботы о Духовных учебных заведениях, об открытии церковно-приходских школ, – вот краткая характеристика деятельности Преосвященного Феофана.

Несмотря на такую многогранную деятельность, душа святителя стремилась к уединению и к созерцательной жизни. Поэтому епископ Феофан обратился в Святейший Синод с просьбой об увольнении на покой, и он был определен настоятелем в Шацкую общежительную Вышенскую пустынь Тамбовской епархии. 28 лет своей жизни провел здесь Преосвященный Феофан в полном затворе и 6 января 1894 года мирно отошел ко Господу.

В годы затвора епископ Феофан не имел личного общения с пасомыми, но именно в этот период наиболее ярко проявилась его пастырская душепопечительность в служении ближним усердной молитвой, письмами и высокодуховными произведениями. Святитель получал ежедневно до сорока писем от разных лиц – архиереев, иереев, иноков, светских сановников, простых людей, богатых, бедных, родных, знакомых. Он всем спешил ответить и никому не отказывал в совете. «Я охотно готов, – писал он, – отвечать и помогать вам всем словом, сколько разума достанет»⁴⁸⁵. «Ко мне можете обращаться со всеми духовными запросами»⁴⁸⁶.

В своих письмах святитель одних наставлял, других вразумлял, иных утешал в скорбях, иных укреплял в бедах, иных предостерегал от заблуждения, иным раскрывал те или иные истины веры и нравственности. Словом, в своих письмах, по слову Апостола, он «всем был вся, да всяко некия спасет».

Епископ Феофан был строгим подвижником-аскетом, но его аскетизм был особого рода. Вот как один из биографов святителя характеризует его в этом отношении. «Преосвященный Феофан, – пишет он, – стремился осуществить в своей жизни идеал христианского аскетизма. Но это был не тот неправославный аскет, который в своей эгоистической замкнутости для себя одного ищет Бога, заботится только о своем спасении; нет, не для себя одного искал он полного уединения, совершенной отрешенности от мелочных житейских интересов, а более для других, – из глубины уединенной келии «любовь его обнимала всех»⁴⁸⁷.

Преосвященный Феофан смотрел на пастырство как на величайший подвиг. Этот подвиг, по его учению, имеет две стороны- внешнюю и внутреннюю. Внешняя его сторона определяется наведением строя и порядка в церковной жизни и во внешнем поведении паствы. Внутренняя же сторона этого подвига определяется воспитанием пасомых – «умов, сердец, их мыслей, чувств, расположения всей их жизни – так, как требует христианство... Создание такого настроения пасомых в их внутренней жизни есть назидание душевное или попечение о их спасении»⁴⁸⁸. Дело пастыря – «пектись (заботиться), чтобы все делали только добрые дела, день и ночь о том бы и помышляли, стремились вперед к своей цели»⁴⁸⁹, «дондеже достигнем вси соединения веры, познания Сына Божия, в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова» (Еф.4:13). Эти слова Апостола, учит святитель Феофан, выражающие собой постепенное восхождение человека к совершенству, исход которого – спасение и единение с Богом, составляют сущность цели пастырского душепопечения⁴⁹⁰.

Трудность пастырского душепопечения связана с немалыми опасностями и потому требует от пастыря великого терпения и постоянства. По этому поводу епископ Феофан так говорит:

«Как взявшийся выбирать хорошие цветы, выросшие среди терний, неизбежно оцарапывается, так и пастырь, выбирая из среды людей избранников Божиих, неизбежно страдает болезненно... Страдает, но не отступает от дела.»⁴⁹¹ В этом отношении еп. Феофан пастыря уподобляет «воину, постоянно ведущему борьбу», только не с видимыми врагами, а с врагами спасения. Поэтому святитель советует пастырю вседушно трудиться, ревновать о пастырском душепопечении, но «ревновать законно, достоительно, разумно, чтобы добиться победы и получить награду»⁴⁹². «Пастырю, – продолжает он, – надлежит пастырствовать не как попало, но со строгой осмотрительностью и разумным ведением дела, надлежит сообразовать свои действия с местом, лицом и с течением дел внешних и внутренних, житейских и гражданских, во всем имея одну цель – побеждение зла и спасение душ»⁴⁹³.

Такой взгляд на пастырскую душепопечительность сложился у епископа Феофана на основании личного опыта. Детский и особенно юношеский возраст, по мысли святителя, является самым ответственным в жизни человека. «Юность кипит жизнью, – пишет еп. Феофан. – Надобно иметь очень твердую опору, чтобы устоять в это время от напора волн. Самая беспорядочность и порывистость движений опасна. К этому присоединяется жажда впечатлений, склонность к общению... Стихии юноши – развлечение, мечты, легкое чтение, жажда нового, разнообразия... Самый верх опасности для юноши от общения с другим полом... Какая надежная опора в этом случае? – Труд телесный и еще более умственный!»⁴⁹⁴ Кроме этих опасностей есть еще две: «свое личное» постижение высоких истин и «светскость», которая вводит юношу в мир со всеми его растленными понятиями и обычаями. Поэтому очень хорошо юноше подчинить себя строгой дисциплине и быть под руководством опытных воспитателей⁴⁹⁵.

Епископ Феофан особенное внимание обращал на нравственную часть воспитания. «Главное, – говорил он, – надо образовать нрав и сердце. Отсюда все – страх Божий и благочестие, и любовь к ближним. Молитва с пением, частое

хождение в церковь, навык к благочестию да будут предметом воспитания»⁴⁹⁶.

Как архипастырь, Владыка внимательно следил за состоянием церковного проповедничества. Проповедь он считал одним из главнейших способов к достижению главной цели – нравственному усовершенствованию пасомых. Доказывая необходимость проповедовать каждому пастырю, он утверждает: «Пастырская проповедь настолько необходима для людей, что не может быть заменена даже словом Божиим. Ибо в слове Божиим содержатся общие указания для всех, а каждый человек, как индивидуум, может превратно понять и истолковать его, поэтому общие указания Священного Писания должен разъяснять ему живой опытный голос пастыря»⁴⁹⁷.

Известно, что на одном из постановлений Тамбовской Духовной консистории еп. Феофан наложил такую резолюцию: «Священника Светлова, без уважительных причин не говорившего ни одного поучения в течение целого полугодия, оштрафовать на вдов и сирот духовного звания шестью рублями серебром и пропечатать в «Ведомостях» к сведению епархии».

«Как многоценен долг священников, – говорит святитель, – благовременно и безвременно возвещать спасительные пути Божий»⁴⁹⁸. Чтобы оживить проповедническую деятельность, епископ Феофан за каждым богослужением произносил поучения, подавая всем священнослужителям пример неутомимости и любви к проповедническому искусству. При этом святитель учил, что высокая духовная жизнь пастыря не менее, чем проповедь, учит людей вере и нравственности. Памятуя слова Спасителя, отдающего предпочтение тому, кто сотворит и научит, еп. Феофан писал: «Назидать или созидать других может только тот, кто сам воссоздан, чей ум светло созерцает истины, чье сердце согрето любовью к сим истинам. Кто желает быть назидательный, тот должен усвоить истины Божии умом, запечатлеть их в сердце, расположить по ним волю так, чтобы они служили для нее и побуждением, и правилом. Проповедь без этих качеств, но вооруженная всеми способами риторики, остается холодной, бессильной,

пустозвучащей. Слово же духа благонастроенного и без внешних средств будет назидательно, в нем-то и есть источники истинного красноречия»⁴⁹⁹.

Во всех сочинениях и письмах Преосвященного Феофана проходит одна главная и существенная мысль – мысль о едином на потребу, именно о важнейшей предмете человеческой жизни, о христианском спасении.

Прежде всего, учит святитель, необходимо выработать в себе ревность к богоугодной жизни. «Есть ревность – все дела идут стройно, всякий труд не в труд; не станет ее – не станет ни сил, ни труда, ни порядка; все приходит в расстройство»⁵⁰⁰. «Без труда и самопринуждения, – пишет в одном из писем епископ Феофан, – ни в чем не успеем. Хоть чуточку, да надобно принудить себя, хоть на волосок. Когда есть усердие и ревность, то все пойдет хорошо. Но истинная ревность безжалостна к себе»⁵⁰¹. И вот вся беда в том, что даже и верующие христиане не стремятся приобрести эту малую, но столь необходимую ревность, не хотят жить свято, идти за Христом. Тем самым сбываются слова Господа, сказавшего: «Тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф. 17, 14).

Что же может подвигнуть человека на этот тяжелый труд? Какова самая первая ступень спасения? По учению еп. Феофана, начальной ступенью спасения является сознание своей греховности – смирение перед Богом. «Немощи свои видеть, – пишет епископ Феофан, – жалеть об них и к Богу, по причине их, прибегать, се есть начало доброго пути»⁵⁰². Владыка не только указывает на необходимость смирения, но и дает совет, как приобрести эту великую добродетель. «Смирение трудно достается, – пишет он. – Можно считать себя смиренным, не имея и тени смирения. Одним размышлением не усмиришь себя. Лучший, или единственный верный путь к смирению есть послушание и отречение от своей воли. Без этого можно развить в себе сатанинскую гордыню. Как ни смиряйте себя в мыслях, без смиренных дел не придет смирение. И надобно подумать хорошенько, как это устроить»⁵⁰³.

Эта мысль Преосвященного Феофана о необходимости внутреннего подвига, внутренней духовной жизни является основополагающей во всем учении святителя о спасении. «Дела нужно так распределять, – пишет он в одном из писем, – чтобы внешнее не мешало внутреннему. Внутреннее надо налаживать с утра – как глаза откроются. Хранить его весь день, вечером подогреть, и так заснуть»⁵⁰⁴. «Не внешне только надо держать добрую исправность, – говорит еп. Феофан, – но и в сердце содержать – это главное»⁵⁰⁵. Очень часто, хотя христианин уверен в том, что он идет по пути спасения, это не соответствует действительности. «Можно думать, что идешь, – пишет епископ Феофан, – а между тем не идти; можно двигаться, не подаваясь вперед, подобно мулу, поворачивающему рушальное (мельничное) колесо»⁵⁰⁶.

Так бывает с тем, кто свое внимание сосредоточивает только на внешнем исполнении установлений Церкви, и это внешнее не соответствует внутренним настроениям сердца, в то время как шествие по пути спасения совершается в сердце и сердцем. «Ревнуя о спасении, все внимание должно обращать на устроение сердца и на впечатление в нем истинно-христианских чувств и расположений»⁵⁰⁷. Ссылаясь на слова Священного Писания, епископ Феофан учит, что Господь прежде всего смотрит на сердечные расположения. «Даждь Ми, сыне, сердце твое» (Прит. 23, 26), – говорит Господь устами премудрого Соломона. Псалмопевец учит молиться Господу такими словами: «Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей» (Пс. 50, 12). И православному христианину совершенно недопустимо ограничиваться лишь внешним знанием истин веры. Непременно надо и сердцем полюбить каждую истину веры. Нельзя ограничиваться чтением молитвословий, не вникая умом в слова молитвы. Одним словом, все церковное необходимо усовершенствовать в своем сердце. Сердцем любить, смиряться, приближаться к Богу, прощать, молиться, благословлять и т. д.

По учению епископа Феофана, жить духовно – значит непременно иметь в своем сердце благодать Святого Духа. В одной из своих проповедей он говорит: «Добрая жизнь

исправная есть крестоношение спасительное»⁵⁰⁸. Святитель указывает признаки, по которым можно судить, живем ли мы духовно или мертвы.

Духовность свидетельствует о способности христианина жить добродетельно. Первое свидетельство о присутствии в нас Святого Духа – это совокупность добрых чувств и расположений, а также подвиги самоумерщвления и самопожертвования. Свидетельствует о наличии в нас Святого Духа и наше отношение к земным вещам. Непременно мы находимся под духовно-благодатным осенением, если мы всеми желаниями и мыслями стремимся к небесному, а не к земному.

Явным признаком духовной жизни епископ Феофан, на основании учения св. отцов, считает действие молитвы. Молитва есть дыхание духа, свидетельствующее о духовном совершенствовании. Святые подвижники при встрече друг с другом спрашивали не о здоровье, а о том, как действует в них молитва⁵⁰⁹.

Чтение молитвословий, по учению святителя, еще не есть молитва. В собственном смысле молитва есть «возникновение в сердце нашем одного за другим благоговейных чувств к Богу – чувства самоуничтожения, преданности, благодарения, славословия, прошения, усердного припадания, сокрушения, покорности воле Божией и проч.»⁵¹⁰ Когда этими чувствами исполняется душа при чтении молитвословий, тогда в нас поистине совершается молитва.

В письмах епископа Феофана можно найти наставления и советы на всевозможные темы как духовной жизни, так и повседневных житейских забот. К нему обращались с вопросами о служебных обязанностях христианина, о военной службе, об отношении христианина к высшему образованию, об отношении к деньгам, об искусстве и его произведениях, о светских увеселениях и т. д. Давая ответы на вопросы, святитель неизменно сводил их к духовным наставлениям о необходимости иметь молитву при прохождении любого поприща земной жизни. Опытный делатель молитвы, епископ Феофан не только говорит о ее необходимости, но и дает

подробные указания, как проходить этот подвиг лицам различных положений и в различных обстоятельствах.

Прежде всего, учит Преосвященный Владыка, проникнуться молитвенным духом помогает соблюдение самых простых правил: не приступать к молитвословию без предварительного, хотя бы и краткого, приготовления, совершать молитву со вниманием и чувством, а не кое-как, а по окончании молитв не нужно позволять себе сразу приступать к обычным житейским занятиям. Если в жизни перед самым простым даже делом мы сначала подготавливаем себя, то тем более это необходимо в молитвенном деле. Перед тем, как начать чтение молитвословий, вспомни, «кто Тот, к Кому обратишься в молитве, и кто ты, имеющий начать сие молитвенное к Нему обращение, – и соответственно тому возбуди в душе настроение благоговейным страхом проникнутого предстояния Богу в сердце»⁵¹¹. Так, настроив себя внутренне, учит епископ, можно начинать чтение молитвословий не спеша, мыслью проникая в каждое слово и доводя его до сердца.

«Часто бывает так, – говорит Преосвященный, – что некоторые много лет молятся по молитвенникам, однако в сердце не имеют молитвы. Такой недуг часто встречается и бывает оттого, что обращение к Богу ограничивается молитвенным правилом. По его же исполнению они уже не думают о Боге. Доброе молитвенное чувство, полученное во время молитвы, заглушается суетой и многозаботливостью. Этот недуг (чуть ли почти не всеобщий) надобно исправить. Нужно сделать так, чтобы душа не тогда только обращалась к Богу, когда стояла на молитве, но и в продолжение дня нужно как можно чаще возноситься умом и сердцем к Богу»⁵¹².

Особенностью учения епископа Феофана о молитве является то, что он настойчиво советует молиться своими словами, считая это самым нужным и необходимым для воспитания молитвенного духа. «Никогда не читайте без перерыва молитвы, – пишет он в одном из писем, – а всегда перерывайте их своей личной молитвой с поклонами, в середине ли молитв придется это сделать, или в конце. Как

только вспадет что на сердце, тотчас останавливайтесь читать и кладите поклоны»⁵¹³.

Вместе с тем святитель Феофан постоянно напоминает о тесной связи молитвы с другими добродетелями. «Ныне хочу напомнить в предостережение, – говорит он в одной из проповедей, – что трудно, да и едва ли возможно успеть в молитве, если в то же время не будем заботиться и о других добродетелях. Как цветам предшествуют листья, ствол с ветвями и корнем, так расцветающей в душе молитве непременно должны предшествовать и сопутствовать добрые духовные расположения »⁵¹⁴.

Прежде всего епископ Феофан указывает на необходимость смирения. Выше уже было сказано, что смирение является основой вообще всей духовной жизни христианина, а тем более молитвы.

На вопрос, как приобретать добродетели, святитель указывал, что они есть дар Божий и рождаются от исполнения со смирением заповедей Божиих. Чтобы жить «по заповедям относительно ближних, – учит Владыка, – извольте законом иметь: всякое дело Богу посвящать в самом его зародыше, к Богу обращать его во время производства его и у Бога просить сил на совершение его; потом, кончивши, и благодарение ему воздать за то... каясь, если что проторглось покривившее дело или представляющее его пред очами Божиими в чем-либо недостаточным. Действуя так, вы, наконец, этим трудовым путем достигнете того, чего достигают от всего отрешающиеся пустынники»⁵¹⁵.

Особое внимание в своих произведениях и письмах Преосвященный Феофан уделяет на раскрытие внутренних расположении сердца, его страстей и борьбе с ними. «Цель – Царствие Небесное, – учит святитель, – но чтобы быть достойным войти в Царствие, надо очиститься от страстей и от всего худого. Так как без этого очищения дверь в Царствие не отворится, то оно должно быть для вас ближайшей целью»⁵¹⁶.

Основываясь на учении св. отцов, епископ Феофан ярко раскрывает, что страсти – начало ада, ибо перейдя по смерти в вечность, они будут вечно терзать душу томительными

мучениями. Страсти нельзя считать каким-либо легким помышлением или желанием, скоро возникающим и быстро исчезающим. Они глубоко входят в душу, откуда нелегко их изгнать. Страсти, по причине своей неестественности, мучат душу, подобно змее, сидящей внутри. Пока здесь на земле, где есть возможность удовлетворять страсть, она временно может молчать. По смерти же, лишившись удовлетворения, она будет томительно терзать душу. Преосвященный Владыка призывает очистить себя здесь на земле от мучительных страстей, объявить им борьбу, не взирая на болезненный труд.

Оружием для борьбы с грехом и страстями являются пост, уединение, бдение, хранение чувств, поклоны, хождение в храм, чтение Слова Божия, послушание и молитва. Основные же приемы духовной борьбы, по учению еп. Феофана, таковы. «Во-первых, – пишет он в одном из писем, – восстановить неприязнь к ним; во-вторых, оттолкнуть ненавистью и гневом, как врагов, и, в-третьих, поразить молитвой к Господу, Ангелу Хранителю и Владычице Богородице и к святой, имя коей выносите... Второе средство против этих бурлений... – говение, исповедь и св. Причащение»⁵¹⁷.

Необходимым условием внутренней духовной жизни является постоянная сосредоточенность и внимательность ко всем своим действиям и, особенно, словам. Епископ Феофан предостерегает беречь свой ум от рассеяния, ибо это вносит нестроения в духовную жизнь. «Блюдитесь, – пишет он, – от рассеяния внимания ума, от пристрастия сердца к каким-либо предметам и обременения воли многозаботливой попечительностью. Рассеянность, пристрастие и многозаботливость – три злейших врага внутренней жизни»⁵¹⁸. Святитель убеждает не допускать этих врагов внутрь своего сердца, чтобы они не заглушили духовной жизни.

Этот единственно правильный путь смиренной, постоянно устремленной к Богу внутренней духовной жизни является обязательным для каждого христианина, какой бы образ жизни он ни проводил: монашеский или мирской. Правда, епископ Феофан как бы делает различие между монахами и мирянами, когда говорит: «Монахам дело – помыслы очищать; а у мирян

главное – намерения при делах исправные держать; а уж до чистоты куда им. И Бог не взыщет»⁵¹⁹.

Но среди многочисленных писем Преосвященного владыки нет ни одного письма к мирскому лицу, в котором он не указывал бы на необходимость внимательности и сосредоточенности в делах житейских, необходимость исполнения евангельских заповедей, а при нарушении этих норм богоугодной жизни, очищения путем покаяния, познания своей немощи и смирения пред Богом и людьми. Таким образом, основы духовной внутренней жизни являются одинаковыми и обязательными как для мирянина, так и для монаха. «Цена (жизни) зависит не от того, – пишет епископ Феофан, – что делается, а от того, в каком духе делается»⁵²⁰.

По учению святителя, «спасаются не в одном (только) монастыре. И в семейном быту спасаются, и во всяком звании и состоянии»⁵²¹. Очень часто в письмах епископа Феофана можно встретить следующее выражение: «Спаستись везде можно, и спасение не от места и не от внешней обстановки, а от внутреннего настроения»⁵²². «Путь спасения – не один монастырь, – пишет Владыка, – путей столько, что не перечесть. Все в душе, а не во внешнем положении. Некто взял на себя чужую вину и был сослан. Там в рудокопиях до конца жизни смиренно трудился... По смерти оказалось, что Богу угодил. А уж что за жизнь»⁵²³.

«Кто в семье живет, – учит епископ Феофан, – тому и спасение – от семейных добродетелей»⁵²⁴. То есть и в обычной семейной обстановке должно ходить пред Богом. «Вы жалуетесь на хлопоты, развлекающие и не дающие помнить о Господе. Попробуйте так понять все дела свои по хозяйству и по другим отношениям, как бы они прямо от Самого Господа были вам назначаемы; не вообще только, а частно всякое дело таковым понять. Тогда, приступая к делу и совершая его, можно содержать в мысли и то, что вам следует исполнить его, как было бы приятно Господу... Через это при делании будете с Господом. Если в конце, сознав помощь Божию, возблагодарите Господа, то вот и в конце Господь. Если затем, в том же порядке исполните второе, третье дело и так до конца дня, то

вот вы весь день с мыслью о Господе. А это ведь и есть то, что требуется, то есть ходить в присутствии Божиим»⁵²⁵.

В другом письме, затрагивая этот вопрос, епископ Феофан раскрывает, что есть мир и мирская жизнь. «Мнение, – пишет он, – будто в мире нельзя спастись, верно, если жить по-мирски. Но если в мире не жить по-мирски, то для спасения от сего беды нет. Мир – страсти, люди, живущие исключительно по страстям, и совокупность обычаев и порядков жизни, придуманных для удовлетворения страстей... Жизнь семейная и гражданская не сама по себе есть мирская, а бывает такой, когда в порядки такой жизни втесняются страсти и удовлетворение их. На семейную и гражданскую жизнь есть заповеди. Если так завести эту жизнь, чтобы в ней господствовали заповеди с прогнанием всего страстного, тогда это будет не мирская, а святая жизнь, Богом благословенная»⁵²⁶.

Вот еще несколько выражений епископа Феофана о спасении среди семейной жизни и в миру, а также о том, в чем сущность спасения на этом пути. «Брачная жизнь, – пишет он в письме к молодым супругам, – не затворяет двери в Царство Небесное, может не мешать и в духе совершенствоваться. Не во внешних порядках дело, а во внутренних расположениях, чувствах и стремлениях. Их и поревнуйте всадить в сердце. Читайте Евангелие и Апостол, и смотрите, как следует быть христианину настроену, и позаботьтесь так настроиться. Понемножку все придет и займет свое место. Главное – молитва. Она барометр духовной жизни. Непрестанно надо с Господом быть, ибо без Него ни в чем успеха не будет»⁵²⁷.

В одном из писем святитель так наставляет замужнюю женщину: «Вы – жена, вы – мать, вы – хозяйка. Обязанности по всем этим частям изображены в посланиях Апостольских. Просмотрите их и возьмите на совесть исполнять их. Ибо сомнительно, чтобы спасение могло устроиться помимо исполнения обязанностей, которые налагаются званием и состоянием. Ибо как то и другое от Бога, то то и другое может быть обращено или на угождение Ему, если верно исполняется, или на оскорбление Его, если не исполняется»⁵²⁸.

Особенностью руководства еп. Феофаном лиц, живущих в миру, является то, что он постоянно им напоминает о необходимости созидать свое спасение именно в мелочах будничной жизни. «Извольте себе записать в памяти, что с минуты пробуждения до минуты закрытия глаз ко сну, все время должно так вести дела, чтобы весь день представлял непрерывную цепь актов самоотвержения, и все Господа ради, пред лицом Его во славу Его. Акты самоотвержения не огромное что суть, а идут среди обычных дел житейских и состоят во внутренних решениях и поворотах воли. Они могут быть под всяким словом, взглядом, движением и под всякой мелочью. Отличительная их черта есть – не допускать самоугодия ни в большом, ни в малом, а во всем идти наперекор себе... Садитесь, например, на диван; приходит желание развалиться... – откажите и приведите члены в напряжение, в струнку. Подобно этому и во всем. Мелочь это, но из полушек рубль составляется... Главное, навывки этому в мелочах, – и на большом тем охотнее будете так же делать»⁵²⁹.

По учению епископа Феофана, не только спасения, но и «совершенства можно достигнуть среди семенной жизни... надо только страсти погашать и искоренять»⁵³⁰.

Таким должен быть путь христианина, живущего в миру, т. е. быть последователем Христа не по имени только, но и в жизни. Это иногда нарушается, так как сердце мирянина очень часто увлекается житейскими заботами и тревожностями. Поэтому епископ Феофан делает вывод, что путь в монашество более удобен в деле спасения. «Дела не главное в жизни, – пишет он в одном из писем, – главное – настроение сердца, к Богу обращенное. Где это удобнее соблюсти: в мире живя, или устранившись от мира? Апостол пишет: «К тому не аз живу, но живет во мне Христос... Живот наш сокровен есть со Христом в Боге... Сыне, даждь Ми сердце... Непрестанно молитесь... Ни о чем же пецываетесь...» И множество есть таких указаний, в коих возвещается превосходство жизни, когда, подобно Марии, избирают единое на потребу»⁵³¹.

Однажды на возражения собеседника, что монашеская жизнь трудна и лишь одни избранные могут понести ее, епископ

Феофан ответил: «Трудности и в монашеской жизни есть, и в житейском быту. И в последнем их больше... Выходит, выбежите от меньших трудностей, чтобы попасть в большие. Разумно это?.. От трудностей никуда не убежать»⁵³².

Духовный подвиг инока заключается в очищении сердца от страстей. «Дело монашества, – говорит еп. Феофан, – все внутреннее, (а) внешнее в нем есть придаток»⁵³³. По словам святителя, вступление в иноческий чин знаменует собой твердую решимость жить, не поддаваясь увлечениям страстей. Подвиг этот непрерывен в течение всей земной жизни вплоть до отхода из сего мира и представления пред лицом Бога. «Хотите спастись, войдите внутрь себя, встаньте со вниманием у входа сердца и истребляйте все вражеское, выходящее и подходящее»⁵³⁴. Живя таким образом, инок предстанет пред Богом верным Его служителем.

Святитель Феофан Затворник как сам в иноческом подвиге стремился держаться среднего пути, свободного и от нерадения, и от излишней строгости, так и всех, обращавшихся к нему за советом, наставлял быть благоразумными в аскетических подвигах, тем самым предостерегая от высокоумия и гордостного превозношения. В письме к инокине он пишет: «Мне показалось, что, заведши у себя порядок келейных занятий и уставив правило о пище и сне, вы этим так довольны... Но смотрите, как бы вам не вознестись прямо на небо, и не стать свысока смотреть на всех, блуждающих по земле, отягченных пищей и сном и мятущихся в суетных делах. По крайней мере, излишняя строгость к телу всегда ведет к подобным мечтам... И что еще может быть?.. Враг придет в виде ангела света, и не знать, что может сделать с вами. Вот на какую дорогу вы себя поставили!.. Внутренность свою надо распалить прежде любовью к Господу, а там внешние подвиги сами собой устроятся»⁵³⁵.

Епископ Феофан, как мудрый и опытный пастырь, очень много внимания в своих произведениях и письмах уделяет начальным ступеням на пути ко спасению, т. е. воспитанию в грешнике сознания своей греховности и искреннего покаяния. В то же время он последовательно излагает основные этапы

духовного роста спасаемого человека, возводя грешника до самых высших ступеней лестницы спасения, раскрывая учение о живом Богообщении и непрестанной молитве. Все этапы, отмеченные епископом Феофаном, описаны им на основе глубокого изучения святоотеческих произведений и пропущены через собственный духовный опыт.

Эти этапы, безусловно, проходит каждый спасающийся человек. Поэтому всякий, возжаждавший духовной жизни и вступивший на путь спасения, найдет у святителя Феофана много полезного и пригодного для себя.

Мы верим, что Преосвященный владыка Феофан не только питает нас своими творениями, но и помогает своими святыми молитвами пред Престолом Живоначальной Троицы, к Которому он приблизился еще здесь на земле, достигнув духовного безмолвия и ангельского бесстрастия.

Пастырство настоятеля Оптиной пустыни схиархимандрита Моисея

Оптина пустынь была духовной лечебницей для душ, истерзанных грехом, потерявших или не нашедших смысла жизни, скорбящих и страждущих, ищущих вразумления, утешения, духовной поддержки, а также разрешения своих сомнений и недоумений.

Оптина пустынь расположена в трех километрах от древнего города Козельска, на правом лесном берегу реки Жиздры. По преданию, обитель была основана покаявшимся разбойником Оптою в начале XV столетия. Существует и другое мнение: возможно, первоначально это был общий монастырь, в котором жили монашествующие – старцы и старицы. Это мнение подтверждается древними синодиками пустыни, в которых записаны имена схимонахов и схимонахинь. Русское слово «опт» выражает общее количество чего-либо. Отсюда – «Оптин монастырь», в смысле – общий монастырь.

Достоверные сведения об Оптиной пустыни появляются в XVI веке. В XVIII в. обитель пришла в запустение. Только в конце этого столетия усилиями Московского митрополита Платона Оптина пустынь возрождается, и в XIX столетии приобретает известность и славу благодаря подвизавшимся в ней в это время старцам.

Большое влияние оказывали оптинские подвижники на нравственное воспитание русского народа. Это были святые вожди нравственности земли Русской. Передовая русская интеллигенция XIX в. имела тяготение к Оптиной пустыни, не говоря уже о простом верующем народе. Ее посещали писатели, философы: Вл. Соловьев, Шевырев, И. В. и П. В. Киреевские, М. П. Погодин, Н. В. Гоголь, А. П. Толстой, Ф. М. Достоевский, К. Н. Леонтьев, Л. Н. Толстой.

Русская интеллигенция посещала эту обитель не из-за пустого любопытства, а с надеждой укрепить свои духовные силы. С благоговением эти люди изучали и описывали Оптину пустынь. Малейшее знакомство с жизнью и деятельностью

оптинских старцев порождает в душе исследователя стремление глубже изучить и определить ее значение в истории Русской Церкви.

Они сознавали высоту внутреннего строя Оптиной пустыни. И. В. Киреевский прямо говорит, что для ознакомления с христианством необходимо познакомиться с жизнью оптинских старцев⁵³⁶.

Прежде чем непосредственно перейти к описанию пастырской деятельности трех великих оптинских старцев, необходимо кратко познакомиться с жизнью настоятеля Оптиной пустыни архимандрита Моисея. В 1820 г. по просьбе Преосвященного Филарета (Амфитеатрова), управлявшего Калужской епархией, братья Моисей и Антоний (Путиловы), подвизавшиеся уже 10 лет в пустынных рославльских лесах Смоленской обмети, переселились в Оптину пустынь, взяв с собой еще несколько иноков. Благодаря их трудам, Оптина пустынь день ото дня начала возрастать как внешне, так и внутренне.

В 1825 году управление обителью было поручено Моисею. Это был выдающийся администратор, талантливый строитель и мудрый наставник. Он управлял обителью 37 лет – с 1825 по 1862 год. Что делалось в Оптиной пустыни до него, имело характер лишь подготовительный. И все, что делалось после него, было лишь поддержанием им сделанного. Наиболее ценным, чем ознаменовал о. Моисей свое долговременное управление Оптиной пустыней, было учреждение пастырского окормления.

Во время настоятельства ему пришлось потерпеть много неприятностей. Случалось, что некоторые из немощных братьев, особенно в первое время настоятельства о. Моисея, питая к нему за что-либо неудовольствие, увлекались до того, что поносили его разными укоридами и делали это в присутствии его, притворяясь, что его не замечают. В подобных случаях о. Моисей все выслушивал, улыбаясь, с веселым видом и с какой-то радостью принимал неприятные слова как драгоценный подарок и после ни словом, ни делом не воздавал за такое

неразумие. А приходя в келию, молился пред образом Спасителя, о Котором всегда говорил: «Вот мое прибежище!»

Во все время настоятельства ему приходилось переносить некоторые неприятности от епархиального начальства. Однако он всегда был сосредоточен в себе самом и не поднимал на притеснителей ни малейшего ропота.

В обитель о. Моисей принимал всех, кто только изъявлял желание жить в монастыре – и образованных людей, и простых из всякого сословия. От поступающих он не требовал никакого вклада в пользу обители. Не столько заботился о. Моисей о том, могут ли принимаемые им люди в монастырь принести пользу, сколько о том, чтобы обитель действительно послужила к их душевной пользе и спасению, – и потому одинаково охотно принимал не только молодых и здоровых, но и старых и хилых, изъявивших искреннее произволение посвятить остаток дней своих на служение Господу. С особенною отеческой любовью смотрел он на своих слепых, как они усердно подвизались в послушании – кто звонарем, кто в хлебне.

В то время обитель была бедна, часто даже не хватало дневного пропитания. Некоторые из братьев роптали на о. Моисея за то, что он принимает многих, да притом старых и больных, в монастырь. Отец Моисей обычно отвечал: «Чем больше принимается в обитель, тем больше молитвенников и служащих Богу, Который на долю всякого и посылает потребное. Здоровый и молодой везде найдет себе пристанище, а если старых-то и неспособных к делу, каковы мы с вами, не призреть, то куда им деться? Притом же на всякого поступающего в монастырь Господь и посылает, а на старичков и на больных вдвое, потому что они сами ничем не могут воздать принявшей их обители».

Труды архимандрита Моисея не ограничивались заботой о том, чтобы построить и благоустроить церкви и келии и снабдить братство одеждой и трапезой; главное внимание старца было обращено на духовное воспитание монашествующих и нравственную их поддержку. В 1829 году переместился в Оптину пустынь о. Леонид, а в 1834 году, с согласия о. Моисея, прибыл сюда же для совместного жительства с о. Леонидом и

иеромонах Макарий (Иванов), бывший прежде уставщиком и ризничим в Площанской пустыни.

Хотя в духовном назидании братии и прочих лиц, приходивших в Оптину пустынь, главными действующими лицами были старцы о. Леонид, Макарий (а потом и о. Амвросий), но и о. Моисея заслуга и участие в этом деле весьма велика. Он лучше других понимал высокое значение и силу благотворной деятельности старцев; судя обо всем не по человеческим соображениям и понятиям, а с духовной точки зрения, он с большим доброжелательством содействовал их трудам в деле спасения ближних.

О. Моисей без совета старцев не предпринимал ничего. Новопоступивших и новопостригаемых поручал их руководству. Духовное руководство вводилось с большим трудом, но благодаря деятельности духовно мудрого настоятеля и его благих помощников, возделанное их сердечными воздыханиями, скорбями и молитвами, оно возрастало и укреплялось, а потом принесло и добрый плод на ниве Христовой.

Архимандрит Моисей никому не позволял уклоняться в своеволие, но, с другой стороны, всякому благоразумно предоставлял достаточную свободу, зная, что каждый, занимаясь каким-либо делом, приобретает в нем навык и опытность и большею частью нельзя предвидеть, что может встретиться при исполнении того или другого поручения. О. архимандрит не любил входить в мелочи и тем связывать подчиненных. Главнейшее, что нужно, скажет, а остальное предоставляет собственному их соображению и обстоятельствам.

За всякий труд, понесенный в пользу обители и братства, о. Моисей был всегда признателен и потрудившихся умел утешить и ободрить выражением своей благодарности и отеческою приветливостью. «Спаси, Господи, за взятое послушание. Благодарствую», – бывало, скажет почитаемый старец. Эти краткие слова о. Моисея настолько действовали на тружеников, что в их сердца вливалась новая благодатная сила, которая возбуждала ревность к выполнению данного послушания.

Проникнутый духом Священного Писания и св. отцов-подвижников, он все это старался воплотить в своей душе. Бывало, кто-либо из братии при исполнении какого-либо послушания потерпит неудачу или испортит что-либо случайно, о. Моисей вместо выговора и обличений поблагодарит его, да и утешит, говоря: «Ну, уж кто в деле, нельзя без того быть, чтобы не испортить чего». Или ненамеренно провинившемуся в чем-нибудь предоставит случай загладить свою вину исполнением другого поручения, и виновный еще более старается заслужить доверие, видя оказанное ему снисхождение.

О. Моисей верил совести каждого и не на словах только, а на самом деле, и по вере его сбывалось. Для всех доверие настоятеля было лучшим поощрением и лучшей наградой. Однако, при мудрой снисходительности, правление о. архим. Моисея вовсе не было слабым. Когда он видел какие-либо беспорядки, в случае надобности умел вразумить, а кому требовалось, и напомнить о послушании. Особенно в монастыре о. Моисей не допускал самочиния. Однажды заметив, что эконо́м, не спрашивая его благословения, делает распоряжения, о. Моисей подозвал его к себе и спросил:

Там вот куча мусора лежала, а теперь я ее не вижу. Куда она девалась?

Да я ее велел свезти, батюшка.

Что же ты меня не спросил, у меня для этого мусора было другое назначение. Ты все самочинничаешь, без благословения делаешь. Надо обо всем спрашивать». И столько говорил об этой безделице, что эконо́м поневоле увидел, что настоятель за всем следит, хотя и помалкивает, и впредь берегся самочиния в других делах, более важных, которые прежде делал, не спросясь у настоятеля.

Если кто из братии, провинившись в чем-либо, просил прощения у о. Моисея, то, конечно, получал просимое и больше о. архимандрит об этом деле никогда не вспоминал. Если же кто-нибудь и после долгого выжидания со стороны настоятеля не вразумлялся, то о. архимандрит старался, снисходя к его немощи душевной, найти удобный случай к обличению, когда заметит, что тот, кого следует вразумить, в хорошем

расположении духа и готов принять замечание, или когда виновный сам являлся к нему по какой-либо своей надобности и казался спокойным. «Придешь, бывало, к о. архимандриту, – рассказывал один из старших братии, – он тебя несколько раз с ног до головы осмотрит и когда увидит, что совершенно спокоен, тогда и начнет делать замечание: «Да вот, брат, я давно хотел тебе сказать...» и проч. А если заметит, что непокоен, то и говорить не станет.

Вообще, смотря снисходительно на немощи и не взыскивая за малости, доверяя на совесть, о. архимандрит не пропускал поступков, требовавших исправления, но сохранял их в памяти и, дождавшись удобного случая, за один раз высказывал все, что нужно, все припоминал за долгое время, так что слышавший не знал, чему более удивляться: продолжительному молчанию настоятеля или неожиданному его обличению, из которого было видно, что он видел и прежде бывшее и не забыл того, а ясно представлял его вину и в прежних действиях, и теперь; обличал неуклонно, и такое делал сильное назидание, что всякое самооправдание разрушалось в прах, и один подобный случай оставался памятным на многие годы и действовал сильнее, чем повторяемые выговоры. Оттого и происходило, что хотя о. Моисей мало и редко говорил, но влияние его ощущалось во всей обители, во всем братстве.

Слово о. архимандрита Моисея никогда не было праздным, но всегда бывало сказано кстати, редко, да метко; но, вместе с тем, не в начальственном властном тоне, а в отеческом духе и весьма рассудительно. По своей духовной мудрости он на всех смотрел, как на детей, на которых и не мог сердиться, а в случае надобности только вразумлял их отчески. Слово обличения и вразумления о. архимандрита было со властью и благотворно действовало на братию, потому что он имел правилом прежде, нежели сделать замечание брату, внутреннее помолиться за него Богу.

В ком о. архимандрит видел недостаток надлежащего разумения, от тех много и не требовал; а если заметит, что человек уже может понимать дело по-монашески, но невнимателен к должному или уклоняется в самооправдание, к

тому был строг и взыскателен. Тем из братии, которых считал более развитыми и понимающими духовную жизнь, поручая какое-либо дело, говорил иногда, что его можно сделать так или вот так, – и это он делал для того, чтобы потом в случае неисполнения иметь возможность смирить брата.

Он был для всех любящим отцом и наставником. Случалось, что между братьями возникало какое-нибудь неудовольствие. И тот, и другой приходили жаловаться к настоятелю. Внимательно выслушав жалобу, о. Моисей давал недовольному высказаться, прерывая изредка замечаниями в таком роде: «Как же он это мог сказать?» Или: «Одобрить этого нельзя»; а в заключение о. Моисей обыкновенно говаривал: «да уж, нужно кончить это дело по-монашески. Пойди как-нибудь там, объяснись с ним». Тот, кто приносил жалобу, должен был делать первый шаг к примирению или просить прощения у другого.

Можно себе представить, каково было его великодушие и снисхождение к недостаткам ближних, когда он состарился в трудах настоятельских и подвигах монашеских после многообразных испытаний и скорбей почти сорокалетнего настоятельства, какая возросла и созрела в нем духовная опытность и мудрость. Он стал подобен ангелу во плоти в своих поступках.

В последние годы жизни, когда кто-нибудь с огорчением говорил ему о каких-нибудь беспорядках или бесчиниях, о. архимандрит кротко отвечал: «Да, уж сам-то я хуже всех», и говорил это с таким искренним смирением, что разговор о немощах братских невольно прекращался.

Неподражаемо было искусство о. архимандрита говорить с каждым в его тоне: с простыми – попросту, с образованным – на их языке, а с средними – сообразно с их понятиями и их образом речи. Он хорошо понимал потребности каждого, зато и его внимание ценили все, и все его любили. На всякого он умел действовать и всякого направлять к полезному, смотря по его свойствам, привычкам и душевному настроению.

Однажды о. Моисею кто-то принес арбуз. Он взял его и положил в своей келии. Арбуз этот лежал день, лежал другой, а

на третий келейники решили: «Давай-ка, приберем этот арбуз, ведь архимандрит велел, чтобы всякая вещь была на своем месте». Взяли арбуз к себе и после обеда расположились его есть. Половину уже съели, как вдруг – звонок от о. архимандрита. Старший келейник говорит своему товарищу: «Ну, брат, иди ты, а если спросит про арбуз, отделяйся, как знаешь». Келейник входит, о. архимандрит спрашивает:

– А что, брат, вот тут у меня одна вещица лежала, да я ее теперь уж там не вижу. Где она?

– Где, батюшка? Какая вещица?

– Да вот здесь, одна вещь была у меня.

– Какая, батюшка, не арбуз ли?

– Да, арбуз.

– Простите, батюшка, мы его прибрали, да половину уже и съели.

– Ну, принеси мне сюда хоть половину, – и больше ни слова, потому что келейник начал со слова «простите».

Однажды по случаю ненастной погоды заехал в монастырь один богатый купец с сыном, да и пробыл в нем несколько дней, питаясь монастырской пищей. Наконец, начал роптать, что много придется заплатить за все. Но ему гостинник-послушник отвечал, что не возьмут с него ничего, «но если сам пожелает, то у них есть кружка на столе, и что ему Бог положит на сердце, то он в нее и опустит».

– Да я-то опущу, но ведь другие могут ничего не опустить, – сказал купец.

На это послушник отвечал, что о. настоятель Моисей говорил, что если 99 ничего не заплатят, так Бог пождет такого сотого, который за всех вознаградит.

При этих словах купец взглянул на своего сына и сказал: «Ну, сотые-то, верно, мы с тобой». И с тех пор, пораженный такой верой настоятеля, сделался постоянным благодетелем Оптиной пустыни.

Всякое благодеяние, всякую жертву из усердия к обители, даже малую, о. архимандрит Моисей принимал всегда с искреннею благодарностью, особенно во время нужды, но с другой стороны, никакому и самому значительному приношению

не удивлялся. Случилось, что одно семейство, оказавшее много благодеяний Оптиной пустыни, посетило обитель, и, остановившись на монастырской гостинице, осталось недовольно каким-то распоряжением гостинника. Пошли жаловаться к о. архимандриту.

Вот, батюшка, мы всегда с усердием принимаем ваших сборщиков, с любовью помогаем обители, а ваш гостинник и того-то не захотел сделать для нас».

Да мы уж думали, – отвечал богомудрый старец, – что вы оказываете нам благодеяния ваши ради Бога и от Господа ожидаете себе награды за ваши добрые дела. Если же вы нас, грешных, ожидаете себе воздаяния, то лучше уж и не оказывать благодеяний, потому что мы, убогие и неисправные, ничего не можем воздать за них.

Посетители не только удовлетворились этим объяснением, но и утешились искренностью старца, а потом с удовольствием и благодарностью вспоминали, как вместо ожидаемых извинений и удовлетворений их самолюбию получили к душевной своей пользе высоко-духовное назидание. Конечно, в этом случае о. архимандрит знал, с кем он имел дело, а гостинника после все-таки призвал и сделал ему нужное вразумление.

Духовная мудрость никогда не оставляла его. Он ни к кому не имел в своем сердце неприязненного чувства, обо всех имел благую мысль, со всеми старался быть в мире по заповеди апостольской: «Аще возможно еже от вас, со всеми мир имейте» (Рим. 12, 18). В случае надобности о. архимандрит готов был просить прощения и у тех, пред которыми он не был виноват. Однажды сделал он какое-то замечание одному брату, но заметил, что последний не хорошо принял его слова. Через несколько дней, собираясь идти к службе, позвал этого брата: «Вот я тебе тогда-то сделал замечание, и показалось мне, что ты слова мои принял неблагодушно. Угодники Божии и в ризах спрашивали прощения, и я тебя прошу: прости меня Бога ради!» – и при этом старец-настоятель поклонился недовольному брату.

Наконец, одну из главнейших причин всегда мирного устройства о. архимандрита Моисея и вместе с тем одну из отличительнейших и замечательнейших черт его составляло то, что он никогда не желал настойчиво, чтобы исполнилась его воля, но напротив, с совершенною покорностью и в малом, и в великом предавался воле Божией⁵³⁷.

Пастырство оптинского иеросхимонаха Льва

В Оптину пустынь в 1829 г. прибыл иеросхимонах Лев, который и положил начало духовного руководства как братии, так и мирян, обращавшихся к нему.

О. Леонид был родом из купцов г. Карачаева Орловской области. В молодости он занимался торговлей. Почувствовав пустоту этого занятия, он оставил мир и поступил в Оптину пустынь, но в ней не остался, а переходил из обители в обитель, ища духовного руководителя. Такового он нашел в лице схимонаха Феодора, ученика Паисия Величковского. Вначале он жил некоторое время в пустынных местах Орловской области, а затем переселился на Валаам. После смерти своего первого наставника о. Феодора и сподвижника монаха Клеопы иеросхимонах Леонид перешел в Оптину пустынь, где и оставался до своей кончины, последовавшей в 1841 году.

Со времени водворения о. Леонида в Оптиной пустыни в ней изменился строй иноческой жизни. Вся братия стекалась в келию старца со всеми вопросами духовной жизни. Старец в белой одежде, в короткой мантии был виден из-за круга учеников своих, которые стояли пред ним на коленях, и лица их были одушевлены выражениями разных чувств. Иной приносил покаяние в таком грехе, о котором не помыслил бы не проходивший послушание; другой со слезами и страхом признавался в неумышленном оскорблении брата. На одном лице горел стыд, что не может одолеть помыслов, от которых желал бы идти на конец света; на другом выражалась хладнокровная улыбка неверия ко всему видимому – он пришел только явиться наряду с другими к старцу и уйти не исцеленным, но и он, страшась пронизательного взгляда старца и обличительного слова, потуплял очи и смягчал голос, как бы желая смягчить своего судию ложным смирением... Здесь видно было истинное послушание, готовое лобызать ноги старца; там немощный, отринутый миром, болезненный юноша не отходил от колен о. Леонида, как от доилицы ея питомец. Между прочими видна была седая голова воина, служившего некогда в

отечественной брани и теперь ополчившегося под начальством такого искусного вождя против врагов невидимых. Здесь белелись и власы старца, который, признавая свое неискуство в монашестве, начинал азбуку духовную, когда мир признавал его наставником. Таким-то разнородным обществом был окружен великий старец и вождь духовный.

Советы о. Леонида имели огромный вес, потому что он сам соблюл в своей жизни то, чему учил других. Все, что говорил старец, было основано на Св. Писании и святоотеческих творениях. Больше всего заботился о. Леонид о том, чтобы приходящие к нему сознали свои грехи и страсти и положили твердое намерение исправиться.

Однажды пришел к о. Леониду купец, прося его наставления, как жить. Старец, спросив, а выполнил ли купец то, что он назначил в последний раз. Тот ответил, что не может исполнить этого. Тогда опытный пастырь о. Леонид, видя, что резкое обличение послужит ему на пользу, сказал своим келейникам, чтобы они выгнали купца из келии. Все со страхом смотрели на эту сцену. Один из келейников спросил старца: «Отче, за что вы так строго поступили с купцом?» О. Леонид ответил: «Да как же было поступить иначе? Он уже не один раз приходит ко мне и просит наставлений. Я ему сказал последний раз, чтобы он оставил курение табаку, и он обещал, а теперь говорит: «Не могу оставить». Пусть сначала исполнит одну заповедь, а потом приходит за новыми наставлениями»⁵³⁸.

В течение всего дня о. Леонид был занят с посетителями. Келия его, от раннего утра до поздней ночи наполненная приходившими к нему за духовной помощью, представляла чудную картину, достойную кисти художника. Своей святой жизнью, мудростью, прозорливостью, даром исцелений, милосердием к страждущим, прямыми и смелыми обличениями людей порочных о. Леонид приобрел общую любовь и глубокое почитание. К нему стали приходить люди всех классов и состояний, и все получали от него духовную пользу, совет и утешение в горе.

Видя о. Леонида в такой молве народной, некоторые из посетителей выражали недовольство старцем, вероятно, считая

занятие его с простым народом делом не очень важным, а, может быть, и бесполезным или даже неуместным. Но старец умел вразумлять таких. Однажды в Оптину пустынь приехал благочинный города Белёва почтенный о. протоиерей Иоанн Глаголев, который любил и уважал о. Леонида и взаимно был им уважаем. Придя к старцу, о. Иоанн нашел его окруженным крестьянками. «Охота Вам, батюшка, возиться с бабами», – сказал он со свойственной ему простотой. «Что же, о. Иоанн, и, правда, это бы Ваше дело, – отвечал старец. – А скажите-ка, как вы их исповедуете? Два-три слова спросите – вот и вся исповедь. Но Вы бы вошли в их положение, вникли быв их обстоятельства, разобрали бы, что у них на душе, подали бы полезный совет, утешили бы их в горе. Делаете ли это? Конечно, Вам некогда долго с ними заниматься. А если мы не будем их принимать, куда же они, бедные, пойдут с своим горем?» Пристыженный протоиерей сознался в необдуманности слов, сказанных старцу.

Не увлекаясь стремлением к мнимому высокому жителству, не ища прежде времени великих дарований Божиих, о. Леонид сперва сам шел, а потом духовных своих детей вел безопасным путем, указанным в писаниях богомудрых наставников монашества, которые учат, что новонаначальному христианину, подвижнику, прежде всего должно заботиться о познании себя и об укрощении своих страстей.

Посему о. Леонид особенно обращал зоркое внимание на душевные страсти тех, кто к нему обращался, и научал всех следить за ними, не действовать по внушению их, а, призывая Божию помощь, противоборствовать им. Прежде же всего не оправдывать их и познавать свою душевную немощь, к благим начинаниям не примешивать тщеславия, человекоугодия или другого какого-либо нечистого побуждения, а искренне и с чистым произволением, нелукавою простотою и беззлобием служить Единому Господу.

Свою духовную мудрость старец Леонид прикрывал крайней простотой слова и простотой обращения и часто растворял наставления свои шутливостью, которая казалась иногда неуместной, но всегда оправдывалась самим делом.

Через это он часто и посреди собрания мог прилагать духовные врачевства к тайным душевным ранам различных страждущих. А сверх того, доставлял свободный доступ к себе всем.

Иногда о. Леонид в разговоре с лицами высшего сословия употреблял резкие народные выражения. Но духовная сила его слова была так велика, что эти лица не только не могли обижаться простотой старца, но и получали через его наставления великую духовную пользу. Жил недалеко от Оптиной пустыни один барин, который хвастался, что, как только он взглянет на о. Леонида, так его всего насквозь увидит. Однажды этот барин приезжает к старцу, когда у него было много посетителей, и входит к нему. Ростом он был высок и тучен телом. О. Леонид имел обычай: когда хотел на кого-либо произвести особое впечатление, загородит глаза левою рукою, приставя ее колбу козырьком, как будто рассматривая какой-либо предмет на солнце. Так и при входе этого барина он поднял левую руку и сказал: «Эка остолопина идет! Пришел, чтобы насквозь увидеть грешного Леонида. А сам, шельма, 17 лет не был на исповеди и у святого Причащения». Барин затрясся, как лист, а после плакал и каялся, что он грешник, маловерующий, и, действительно, 17 лет не исповедался и не причащался Св. Тайн. Пораженный словами старца, он пожелал исповедаться у него. Иеросхимонах Леонид согласился исповедать его, но причаститься не разрешил до тех пор, пока он не прекратит незаконное сожителство с женщиной, что вскоре и было исполнено им. Так иеросхимонах Леонид умел врачевать закоснелые во грехах души.

Епархиальному начальству не нравилось, что о. Леонид постоянно окружен множеством народа. Им казалось, что схимник, принявший на себя обеты, должен не заниматься с людьми, но проводить свою жизнь в совершенном уединении и молитве. И монастырская братия была недовольна, так как множество посетителей нарушали покой скитской жизни. Поэтому о. Леониду было предложено прекратить прием посетителей, что смиренный подвижник и исполнил; но люди постоянно шли к нему и целыми днями просиживали около его келий, прося помочь в их горе.

Недолго о. Леонид находился в скиту. По указанию начальства он был переведен в монастырь, но народ по-прежнему не разрешали к нему допускать. Но свет, который светится во тьме, не может быть скрытым от взора людей. Они шли к нему ради того, чтобы успокоить свои мятущиеся сердца и водворить в них мир и тишину. Множество ищущих спасения людей теснилось около келии о. Леонида.

Однажды о. игумен Моисей, проходя по монастырю, увидел огромную толпу народа перед келией старца, между тем из Калуги недавно последовало повеление никого не пускать к нему. Игумен вошел в келию. «О. Леонид, – сказал он, – что же Вы принимаете народ? Ведь Владыка запретил принимать». Вместо ответа старец, отпустив тех, с кем занимался, велел своим келейникам внести к себе калеку, который в это время лежал у дверей его келии. Они принесли и положили калеку пред старцем. «Вот, – начал свою речь о. Леонид, – посмотрите на этого человека. Видите, что у него поражены все члены телесные. Господь наказал его за нераскаянные грехи, и за все это он теперь страдает; он живой в аду. Но этому человеку нужно помочь. Господь привел его ко мне для искреннего раскаяния, чтобы я его обличил и наставил. Могу ли я его не принять? Что Вы на это скажете?»

Слушая о. Леонида и смотря на лежащего перед ним страдальца, о. игумен содрогнулся. «Но Преосвященный, – промолвил он, – грозит послать Вас под начал.» – «Ну, так что же? Хоть в Сибирь меня пошлите, хоть костер разводите, хоть на огонь поставьте, я буду все тот же Леонид. Я к себе никого не зову, а кто приходит ко мне, тех гнать от себя не могу. Особенно в простонародье многие погибают от неразумия и нуждаются в духовной помощи. Как могу презреть их вопиющие душевные нужды?».

О. игумен Моисей ничего не мог на это возразить и молча удалился, предоставляя старцу жить и действовать, как укажет ему Сам Господь Бог. Многие жили в гостинице неделями, ожидая наставления старца. Некоторые, приходя к нему, от болезни сердца едва могли сказать слово и только стонами выражали ее. Другие, одержимые бесами, были влачимаы в

келию старца сострадательными родными или ближними, иные несли детей для принятия у него благословения. Старец уподоблялся в то время великому дереву, покрытому многими плодами, к которому все простирали и взоры, и руки, так что трудно было пробраться сквозь толпу, чтобы увидеть. В таком случае он говаривал: «Сам Бог поможет пройти ко мне тем, которым это полезно».

Благодатной силою наставлений о. Леонида умиротворены были многие семейства; люди, проводившие порочную жизнь, наставлены на путь истины; многие раскольники обращены к Православной Церкви. Победа над бесами, конечно, одержана была о. Леонидом после победы над своими страстями. Никто не видел его возмущенным от страстного гнева и раздражения. В самые тяжелые дни его жизни никто не слышал от него гласа нетерпения и роптания, никто не видал его в унынии. Нельзя было не дивиться его всегдашней веселости. Спокойствие, младенчество евангельское и христианская радость никогда не оставляли человеколюбивого старца.

Пастырство оптинского иеросхимонаха Макария

Иеросхимонах Макарий (в миру Михаил Иванов) родился в селе Железняки Орловской губернии 20 ноября 1788 года, от благочестивых родителей. Из своих детских воспоминаний о. Макарий рассказывал впоследствии, как однажды, стоя с родителями у обедни, он увидел в алтаре настоятеля, которого он очень любил, и, забыв обо всем, стремительно бросился к нему прямо через царские врата. Мать видела в отроке ревностное стремление к Богу и ко всему доброму и потому говорила, что из этого ребенка выйдет что-нибудь необыкновенное.

После окончания приходского училища Михаил поступил бухгалтером в Львовское казначейство, а затем его, как хорошего работника, перевели в Курск на должность губернского секретаря. По смерти своих родителей Михаил занялся хозяйством в своем имении, но из этого у него ничего не получалось.

В 1810 г. он посетил Площанскую пустынь; красота места и духовная жизнь иноков пленила его, и он решил навсегда покинуть мир и вступить под сень этой святой обители. Вскоре он был пострижен в рясофор с именем Мелхиседека, а 1815 г. принял монашеский постриг с именем Макария.

Через несколько дней был рукоположен во иеродиакона и назначен ризничим. В 1817 г. о. Макарий был рукоположен в сан иеромонаха. Горя ревностной любовью к Богу, о. Макарий искал высших подвигов в духовной жизни, но, к сожалению, живого образца для подражания в этой обители он не смог найти. Его душа искала внутреннего общения с Богом. Господь, видя желание о. Макария, послал ему наставника в лице ученика Паисия Величковского схимонаха Афанасия, от которого он получил очень много наставлений в духовной жизни.

В 1827 г. о. Макарий был назначен духовником Севского Троицкого девичьего монастыря. С этого времени начинается его новая пастырская деятельность. К этому времени наставник о. Макария умер, и во множестве духовных вопросов он

встречал много затруднений. Он молился, чтобы Господь послал ему наставника с даром духовного рассуждения, о котором св. Псалмопевец говорит: «Воззваша праведнии, и Господь услышал и».

Промыслительно в Площанскую пустынь прибыл о. Леонид, который обладал даром рассуждения, который он получил как плод пережитых им великих искушений и бед. Иеросхимонах Макарий вступил с ним в тесное духовное общение. Через полгода о. Леонид переселился в Оптину пустынь, и о. Макарий продолжал поддерживать с ним общение через письма.

Вскоре о. Макарий был назначен на должность эконома и казначея в один из монастырей г. Петербурга. Шумная городская жизнь мешала ему сохранить то духовное состояние, к которому он постоянно стремился. Поэтому о. Макарий просил высшее начальство перевести его в Оптину пустынь, на что вскоре последовало разрешение.

5 февраля 1834 г. о. Макарий был переведен в Оптину пустынь. Здесь начинается всесторонняя пастырская деятельность о. Макария. Вначале он нес послушание, помогая о. Леониду в его обширной переписке, а в 1836 г. был избран на должность духовника обители, а в 1839 г. был назначен скитоначальником.

Опытный наставник и врач человеческих душ, о. Макарий мирно отошел от этой жизни в вечные обители 7 ноября 1860 г., на 72 году жизни. С первых лет своего пребывания в обители о. Макарий всецело посвящал свою жизнь на пользу инокам, и в нем они видели духовного руководителя и наставника на пути ко спасению. Трудясь над очищением душ братии, о. Макарий убеждал их быть ревностными борцами в деле своего спасения. Двери его сердца и келии были открыты для братии во всякое время. Каждый из них мог входить к нему свободно, без всякого другого доклада, кроме Иисусовой молитвы, не опасаясь прийти не вовремя или обеспокоить старца своим приходом. Келейник, живший при нем 20 лет, свидетельствовал, что он не видал ни разу, чтобы старец прогневался на кого-нибудь из братии за несвоевременный приход, не исключая и того часа, который он посвящал на краткий отдых после трапезы.

Одного не любил старец, как вождь духовный – желания поступать по своей воле и соединенного с ним прекословия. Он оставлял таковых ходить по воле сердца своего, да накажет их самое отступление их. Старец и сам по временам посещал келии своих учеников, и, как замечено ими, приходил всегда благовременно, всегда имел цель духовную: утешить одного, ободрить другого, поддержать сего, вразумить онного, а потому посещения эти проливали в душу посещаемого успокоение и веселие; казалось, что по уходе такого вождьделенного гостя и самая келия исполнялась благоухания смирения, которым были запечатлены все дела и слова этого, поистине, дивного мужа. Вообще, в нем было редкое соединение детской простоты, тихости и смирения, делавшее его доступным всем и каждому.

По смерти о. Леонида на попечении о. Макария осталась и вся духовная паства мирян. В последние годы своей жизни, умудренный многими подвигами, старец безропотно нес тяжелый крест пастырства. Множество народа постоянно искали утешения у о. Макария, а старец старался довести до сознания своих духовных детей, что исполнение воли Божией, надежда на Бога доставляют не только облегчение в телесных и душевных скорбях, но и утешение, исключаящее возможность уныния.

Иеросхимонах Макарий не только врачевал духовные раны души – по его молитве врачевались и болезни телесные. Основной добродетелью у отца Макария было смирение, которое считается матерью всех дарований. Смирение старца выражалось во всяком движении и слове и в виде его. Это же глубокое смирение давало ему и мирность духа. «Слава Богу, – говорил он, узнавая, что кто-нибудь злословит его, – он один только и уразумел обо мне правильно. Вы прельщаетесь, считая меня нечто быти. А его слова обо мне – слова духовные, щетки, стирающие мою душевную нечистоту».

Исполненный истинного смирения и любви, старец проливал обильно милость на духовных детей своих, объемля их всею душою своею. По примеру милосердного нашего Создателя и Искупителя, он не отвращался ни от кого из приходивших к нему и требовавших милости душевной или

телесной и никого не отпускал от себя, не оказав внимания к его нужде.

Изумительно было спокойствие о. Макария в минуты его наставнической деятельности. Он с одинаковым терпением выслушивал нелепое суеверие и безумное вольнодумие, бессмысленную жалобу крестьянской женщины и замысловатую пытливость ученого человека. Ничто не могло возмутить его христианского терпения, его полного христианского спокойствия – все было покорено им в себе глубочайшему смирению.

Это был истинный учитель пастырского богословия и духовного делания. Не красноречивы были его поучения, но в них слышался дух, чувствовалась теплота, от которой размягчалось самое ожесточенное сердце. Он умел подойти, не оскорбляя и не отпугивая от себя строгостью, требовательностью или обличением мятущихся во грехах и скорбях. Его благодатное слово, как целительный бальзам, врачевало язвы скорбящих, утешало любовью и участием, разделяя скорбь и горе, давая отраду и духовную поддержку.

Главным в спасении человека о. Макарий считает для всех в любых обстоятельствах и условиях деятельное выполнение заповедей Божиих. «В самом выполнении евангельских заповедей, – учил он, – великая духовная сила; ими приобретается и умножается благодать Божия в человеке, и выше этого средства в приобретении душевного мира на земле нет, по словам псалма: «Мир мног любящим закон Твой и несть им соблазна».

«Всякому человеку, – говорил о. Макарий, – дан разум, свободная воля и, ко испытанию оных, закон. Исполнение заповедей Божиих во всяком звании доставляет человеку спасение. Но если мы находим в одном звании препятствие к сохранению чистоты или нравственности и, вообще, к исполнению заповедей Божиих, то нимало не возбранительно искать уклонения от того, что вредит». Спасение должно, по словам о. Макария, совершаться непременно деятельно, в среде людей, где человек, находясь в постоянном столкновении с обстоятельствами и людьми при всем разнообразии их

характеров, должен познавать не чужие, а свои недостатки, немощи и страсти, и через это познание смиряться.

Самый труд спасения совершается в деятельной борьбе с грехом, при исполнении заповедей, где человек невольно видит свои немощи и приходит к смирению.

Пастырские наставления о. Макария

О смирении

В созидании спасения о. Макарий главной добродетелью считал смирение. На основании св. отцов и подвижников, а также и своего личного опыта он учил, что христианское совершенство состоит в глубине смирения. Смирение – основное религиозное чувство, без которого нельзя познать истины, ибо смирение – это способность видеть истину. Оно открывает нам глаза, и мы можем видеть даже и малые наши погрешности. Как через самолюбие и гордость мы отпадаем от Бога и тьмою помрачаемся, так смирением приближаемся к Богу и просвещаемся. Смирение – истребитель грехов. Оно названо «одеянием Божества».

Далее о. Макарий говорит: «Ищущим спасения при исполнении заповедей Божиих самонужнейшее есть смирение, которое привлекает к нам Божественную благодать и освещает все наши действия, а без одного никакие подвиги и труды не помогут нам доставить многожелательного мира, который даровал нам Премилосердый Создатель».

Смирение привлекает милость Божию и прочнее укрепляет совершаемые добродетели. Вот почему о. Макарий советовал всем иметь смирение, без которого все наши дела остаются не услышаны Богом. «Нищета духовная, – пишет о. Макарий, – состоит в чувстве смирения. Нищий духом видит одну свою нищету, но не смущается, а через смирение получает помощь Божию и успокаивается...»⁵³⁹

Смирение, по мысли старца, есть прочное основание для других добродетелей. «Поверять... свою совесть, быть в постоянной борьбе со своими страстями, очищать душу от грехов, любить Бога в простоте сердца, веровать в Него без рассуждения, беспрестанно иметь пред собой Его милосердие, во всех неприятностях жизни искать вину в самом себе и всякую вину ближнего против нас прощать, дабы исходатайствовать тем у Бога прощение своих грехов; стараться водворить в себе любовь к ближнему; хранить мир и спокойствие в своем (тесном) семейном кругу; чистосердечно участвовать как в

радостях, так и в скорбях своих домочадцев и всех знакомых; вспоминать почаще заповеди Божии и стараться исполнять их, равно как и постановления церковные; если возможно, несколько раз в году говеть и причащаться Св. Тайн; соблюдать все четыре поста, а также среду и пятницу; каждый праздник бывать у всенощной и у обедни; каждодневно читать утренние и вечерние молитвы и хоть несколько псалмов, а если время позволяет, то главу из Евангелия и посланий апостольских. Кроме того, утром и вечером молиться об упокоении усопших и о спасении живущих. Если же какую-либо из сих обязанностей по каким-нибудь обстоятельствам не привелось бы исполнить, то укорять себя в этом, приносить чистосердечное раскаяние с твердым намерением впредь сего не делать; молиться и за тех, к кому питаешь какое-либо недовольство, так как это есть вернейшее средство к примирению о Христе»⁵⁴⁰. Вот сущность назидательных уроков, которые преподавал о. Макарий всем жаждущим от него назидания.

По мысли о. Макария, все труды и подвиги наши тогда только будут иметь ценность в очах Божиих, когда будут основаны на смирении. Все страсти, которые часто бушуют подвизающихся над очищением своего сердца, по мысли старца, не могут быть искоренены до тех пор, пока человек не смирится. Кроме того, без этой добродетели человек не может стяжать никаких дарований Божиих.

Для подтверждения своего мнения иеросхимонах Макарий приводит слова преп. Антония Великого, который видел множество сетей, распростертых для уловления душ, и возопил: «Кто может избежать оные?» – на что получил ответ: «Смиренная мудрость». Столь высока эта добродетель, что ни одна добродетель не может быть без нее твердой, даже и самая любовь имеет с ней тесную связь: «Любовь возвышает, а смирение не дает пасть», – пишет св. Иоанн Лествичник. Но что много о сем говорить, – пишет о. Макарий, – когда и сам св. Иоанн, соорудивший лестницу, возводящую на небо, сказал, что оно сокровище никакое слово не может изъяснить (слов. 25, стр. 2) и имеет на себе непостижимую, как свыше происходящую, надпись: «святая смирение». И далее старец

говорит: «Бог приемлет молитву смиренных и слышит моление их»⁵⁴¹.

Оптинский старец поучает, как приобрести эту великую добродетель, и дает нам совет: «Господь готов помогать человеку в приобретении смирения, как и во всем добром, но нужно, чтобы и сам человек заботился о себе. Сказано у св. отец: «Дай кровь и приими дух». Это значит: потрудись до пролития крови и получишь духовное дарование. Одной особе старец писал: «Ты дарований духовных ищешь и просишь, а кровь тебе проливать жаль, т. е. все хочется тебе, чтобы тебя никто не ругал, не беспокоил. Да при спокойной жизни как же можно приобрести смирение? Ведь смирение состоит в том, когда человек видит себя худшим всех, не только людей, но и бессловесных животных, и даже самих духов злобы. И вот когда люди тревожат тебя, ты видишь, что не терпишь сего и гневаешься на людей, то и поневоле будешь считать себя плохой... Если при этом будешь о плохоте своей и неисправности сожалеть и укорять себя в неисправности, и искренно каяться в этом пред Богом и духовным отцом, то вот ты уже на пути смирения».

Далее о. Макарий указывает пути к достижению смирения: он советует почаще открывать свои немощи на исповеди, а также приучать себя к самоукорению. Смирение всегда сознает себя скудным искусствам уменья... впрочем, всегда успокаивает себя сознанием своей худости, что и требуется для христианина в его спасении.

О покаянии

Пастырская душепопечительность о человеке у о. Макария не имела границ. Он, как опытный врач, с осторожностью подходил к каждой душе и, прежде всего, старался напомнить о вечном назначении человека – достижении Царства Небесного, а также называл средства к осуществлению его: «Помните Бога и смертный час, – говорил о. Макарий, – храните мир и любовь между собой и ко всем»⁵⁴². И далее он советует помышлять о Страшном суде Божиим и о том, каков будет приговор о нас Праведного Судии.

Все эти размышления, по мысли о. Макария, создают в душе человека покаянное чувство. «Всякий человек, – говорит старец, – создан для того, чтобы, живя, славить Бога. Создан он хорошим, но по времени, увлекаемый телесными страстями, ниспадает в состояние греховное.»

Однако никогда не поздно грешнику стараться возвратить себе первобытное состояние. Покаяние и старание исполнить заповеди Божии – вот верный и вернейший путь к Милосердому Господу для каждого. Христианину обязательно ежечасно обращаться к Богу и полагать начало исправлению своего духовного бытия. Никто не должен смущаться своим греховным состоянием: «Несть человек, иже поживет и не согрешит»; и чем греховнее человек, тем сильнее будет помощь Божия для изведения его из тины греховной. Но помощь Божия бывает тогда лишь, когда грешник с сокрушением сердца кается, имеет произволение исправиться, и, не видя в себе столько сил душевных, чтоб самому собой отторгнуться от дел греховных, ищет помощи Божией. Тут-то часто бывает видимое милосердие Господа, «не хотящего смерти грешника, но аще обратится, и живу быти ему». Но ни в каком случае не должно ни на минуту отлагать начало своего исправления; и ежели голос совести возбуждает в нас чувство угрызения или раскаяния, то должно усердно молить ангела-хранителя жизни человеческой, да сохранит он нас от тлетворных падений и да поможет нам «работати Господеви со страхом и трепетом»⁵⁴³.

Приступая к исповеди, – пишет о. Макарий, – надобно, сознав свою греховность, жалеть о прогневании Создателя... В случае смущения и забвения грехов своих можно, идя к таинству, записать их (оние) для памяти и при забвении с позволения духовника посмотреть по списку и объяснить ему»⁵⁴⁴.

Далее о. Макарий говорит: «Покаяние только тогда истинно, когда человек, чувствуя свои грехи, коими прогневал Создателя своего, оставляет греховное действие, сожалеет об оных и раскаивается и удостоивается прощения благодатию Христовой через разрешение священнослужителя Церкви. А когда не оставляет, хотя и кается, то сие не есть покаяние, а даже и опасное, чрезмерное и безрассудное упование на благость Божию, которое так же, как и отчаяние, в равной мере судится пред Богом»⁵⁴⁵.

Когда человек помрачится умом и начинает проводить свою жизнь в лени и беспечности, тогда попущением Божиим, но промыслительно, он подвергается скорбям как внутренним, так и внешним, которые напоминают ему об исправлении и необходимости (пещись) о своем спасении. «Нам нужны различного рода испытания, искушения и скорби, – говорит о. Макарий, – дабы через них (оние) могли познать кроющиеся в нас недуги душевные, немощи и различные страсти и через скорби и искушения получить исцеление душевное»⁵⁴⁶.

Терпеть скорби за грехи наши в здешней жизни мы должны, если желаем помилованы быть на Страшном суде; потому лучше терпеть те, какие Господь посылает, считать себя недостойными спокойствия, и тогда все находящие со стороны – от родственников ли то, или от других – приведшие вам эти оскорбления будут казаться легче; другого средства к сохранению мира душевного среди сего мира, исполненного бед и несчастий, не могу указать»⁵⁴⁷.

Далее о. Макарий говорит: «Если же вас кто чем оскорбил, то помышляйте, что это попущено Богом, дабы испытать насколько велико ваше христианское терпение»⁵⁴⁸.

О молитве

Воплотив в себе все христианские добродетели, о. Макарий старался хоть в некоторой мере внедрить их и своим духовным детям. Великий Оптинский подвижник особенно советовал заниматься молитвой Иисусовой, которая помогает в борьбе со страстями: «Употребляйте же молитву, как меч духовный, и всегда, а паче к поражению страстей, – пишет иеросхимонах Макарий, – когда почувствуете движение гнева или иной страсти, тогда более призывайте имя Иисусово – и ощутите помощь Его. В сем и состоит деятельная молитва (Иисусова), приличная вам. Св. отцы пишут, что кто достигнет истинной молитвы, того хотя и весь мир будет ратовать, он не оскорбляется; а если мы побеждаемся гневом, то еще далеки от молитвы, и надобно опасаться искать высокого, чтобы не впасть в прелесть. Молитва есть обоюдоострый меч: произносимая со смирением, она поражает врагов наших, а совершаемая с тонкой духовной гордостью и мнением о себе, вредит нам самим и не столько приближает нас к Богу, сколько удаляет от Него, ибо только смиренным дает Он благодать Свою»⁵⁴⁹.

О. Макарий советует «не углубляться слишком в значение слов молитвы, а читать просто (и) смиренно⁵⁵⁰, произнося ее устами. Такая молитва, по мысли старца, принесет пользу и не попустит впасть в прелесть»⁵⁵¹.

Ограждая своих духовных чад от прелести бесовской, о. Макарий советует им прочитывать слова о молитве Григория Синаита (7 и 8 главы), в которых, по мысли старца, имеются указания к прохождению истинной молитвы и избежания прелести. И затем приводит слова Паисия Величковского, который в своем письме к софрониевскому архимандриту Феодосию выражает радость по поводу издаваемых книг Добротолюбия, но и сожалеет, что многие, приобретя эти книги и не по искусству принявшись за духовное делание, то есть за молитву, могут пострадать»⁵⁵².

Также в подтверждение своего мнения о молитве Иисусовой иеросхимонах Макарий приводит мнение св. Иоанна

Златоуста, который учит проходить молитву Иисусову простым образом, и не упоминает о ее умном делании, потому что умное делание принадлежит только редким, как говорит св. Исаак Сирий (в слове 16): «Едва один от тысячи (и из проходящих умное делание) сподобляется достигнуть чистой молитвы». Художественный образ молитвы требует многих условий, поэтому редкие способны проходить оный, как это видно из писаний преп. Каллиста и Игнатия (во 2-й части Добротолюбия); во-первых, требует духовного опытного наставника к молитве и послушания ему искреннего, хранения совести Богу, к людям и к вещам, правильной цели к прохождению ее со смирением и направлением к исполнению всех заповедей Божиих для очищения сердца от страстей и греха, а не по горделивому усердию и самочинию стремиться к молитве, имея целью искание высоких дарований духовных. С таким направлением не только в прохождении художественной молитвы, но и на обыкновенном пути благочестия многие впадают в прелесть, потому что главная причина прелести во всяком случае есть гордость и самочиние⁵⁵³.

На вопрос одной своей духовной дочери, почему она не может молиться в церкви так, как дома, о Макарий отвечал: «Вы не можете в церкви при всех мирно молиться; выходя из нее, чувствуете, что совсем не были, а дома молитесь лучше и возносите умиленные молитвы. Вы не понимаете, что есть сильная прелесть, лишаящая вас спокойствия; когда вы молитесь уединенно и думаете, что хорошо молитесь, то будьте уверены, что такая молитва Богу неприятна, хотя бы были слезы и чувство умиления; когда все это не имеет глубокого смирения, это есть прелесть. В церковной же молитве вы, ища такого же чувства и не находя которого, считаете себя не молившейся и смущаетесь; это есть последствие или плоды домашних молитв ваших; враг возводит вас до небес и низводит до бездн; там возвышает, а здесь низвергает и причиняет смущение, что и доказывает об основании молитвы вашей на высокоумии. Вы молитесь просто, не ища в себе высоких дарований, считая себя недостойной их, и будете спокойны; и хотя видите хладность молитвы своей, тем паче

имейте в чувстве смирение, что я недостойна, но без смущения; то, верно, она принята будет у Господа лучше той, о коей вымните, что молитесь хорошо»⁵⁵⁴.

И далее он пишет: «В общественной молитве не надо отличаться от прочих поклонами или на коленях молиться, а когда положены по уставу поклоны, то надо класть в приличное время. Внутреннее чувство не надобно при всех выражать, а если придет чувство умиления, то надо иметь его сокровенно: Бог зрит на сердце. Когда особо молимся, то можно и наружно выражать, только смиренно»⁵⁵⁵.

Иеросхимонах Макарий учил не только о молитве Иисусовой, но советовал читать и другие молитвы. «Всякая молитва, – говорил он, – приятна Богу, когда мы приносим ее с верой и чувством смирения»⁵⁵⁶. Таким образом, молитва, по мысли о. Макария, в жизни христианина есть наилучшее средство к достижению спасения.

О страстях

Пройдя тяжелый путь иноческой жизни, о. Макарий с помощью Божией победил в себе ветхого человека, распял его «со страстями и похотями» и только после этого он, как чистый источник воды живой, мог напоить всякого человека, боримого страстями, но жаждущего спасения. Всем приходящим к нему он говорил, что спасение есть постепенный и длительный процесс прохождения через горнило испытаний и искушений. Чтобы достичь спасения, нужно, главным образом, очиститься от страстей. Иеросхимонах Макарий считал, что причиной и поводом к совершению грехов являются скрытые в человеке страсти, с которыми нужно вести борьбу, избегать и не допускать их.

На вопрос одного человека, который соблазнялся лицами другого пола, о. Макарий поучал: «Вам, людям светским, такая ветреность кажется пустой, незначащей, а между тем, в ней кроется страшное зло, влекущее за собой бездну бед и напастей и окрадывающее вашу духовную сокровищницу. Спаситель прямо говорит: «Всяк, иже воззрит на жену во еже вожделети ея, уже любодействовал с нею в сердце своем». Видите: вы только взглянули с вожделением, а грех уже совершен, и заповедь Господня нарушена. А с житейской-то точки зрения – сколько горьких скорбей влекут за собой подобные пристрастия! Вот вы теперь: живете счастливо в вашем семейном быту, любите вашу жену, и она вас... а лишь только в сердце ваше проникнет помысл об измене – тотчас искушитель схватится за него и повлечет Вас с такой силой, что трудно уже будет остановиться и воротиться к священному вашему долгу. До падения тут уже недалеко. А совершишь его – все тогда расстроилось! В жене вашей, если она верна вам, выбудете иметь скорее врага, чем друга; вместо любви вы начнете к ней питать ненависть; вместо утешения выбудете видеть в ней помеху удовлетворению вашей грубой нечеловеческой страсти. Вы и не заметите, как станете беззаконным врагом вашей законной супруги, что за горькая

будущность такой жизни! Но это еще здесь. А что там, за гробом!? Страшно!.. Страшно грешнику впасти в руце Бога Живаго»⁵⁵⁷.

Относительно помыслов, которые стужают человека, оптинский подвижник считал, что ни один человек не свободен от них. А если кто думает не иметь ни их, ни волнений плоти и почитает это чистотой, – говорит старец, – то весьма ошибается; если бы нам можно было получить это без борьбы, то это привело бы нас к горделивости, лютейшей всех грехов»⁵⁵⁸.

По мысли о. Макария, все страсти, которые борют человека, легко могут быть искоренены, если только мы будем чаще обращаться к целебному средству – исповеди. Относительно же срамных плотских помыслов о. Макарий советует их не изъяснять подробно, а просто говорить: «Побеждаюсь плотскими помыслами», и довольнo этого.

Далее о. Макарий предограждает своих духовных чад от страсти самолюбия, считая ее изобретением диавола; как он (диавол), облекшись в самолюбие, воспротивился Богу и, низвергнутый с неба, помрачился, а смирение, напротив, есть одеяние Божества, по словам св. Исаака (сл. 53). Сам Бог смирил Себя, облекшись в плоть нашу, и тем низложил самолюбивого и гордого диавола, и нам даровал сие оружие (смирение) для победы над ним⁵⁵⁹.

Особенно о. Макарий предостерегал тех, кто обращался к нему с покаянием в страсти осуждения пастырей или кого бы то ни было. «Судить же их (пастырей) в их погрешностях – совсем не ваше дело. Овцы пастыря не судят, каков бы он ни был. Судить священника – значит судить Самого Христа. Как можно, сего берегитесь», – писал старец⁵⁶⁰.

Как страж, стоя на своем посту пастырской деятельности, о. Макарий всячески старался привить каждой душе смиренное самопознание своих немощей. Один человек жаловался на нескромное поведение монаха, который собирал пожертвование для монастыря. Иеросхимонах Макарий, желая искоренить в сем человеке страсть осуждения, говорит: «Жалко его! А все-таки это случилось не без промысла Божия... Почему узнаете, может быть, Промысл завел его к вам, чтобы испытать,

насколько у вас христианской любви и снисхождения к падшему во искушение человеку? Подумайте-ка хорошенько: ваше ли дело осуждать его? Ваша обязанность – странно принять, упокоить его, да по силе возможности подать ему. Знаете ли вы, что, ежели вы принимаете пришедшего к вам во имя праведника, то и мзду праведнику примете, ежели монаха, носящего на себе чин ангельский, достодолжно примете, то и за это мзды не лишитесь. А что монах чин свой носит неправедно, в том за него ответствовать не будете. Да притом, вы видите только, как он погрешает, а известно ли вам, как он кается? Быть может, его раскаянию и ангелы Божии радуются»⁵⁶¹.

Пастырская душепопечительность о. Макария настолько была рассудительна, что даже его посетители удивлялись этому. Вот один из многих примеров. Пришел к о. Макарию один раздраженный человек и начал поносить своего соседа. Старец, видя его в таком возмущении, не стал сразу вразумлять, потому что в то время это было бы бесполезно. А, наоборот, стал как бы поддерживать его и укорять того человека, сказав с обычной ему скромностью: «Этот человек немного неосторожен. Погодите, вот как он ко мне придет, я поговорю с ним». Когда собеседник пришел в чувство, о. Макарий сказал ему: «Ежели Господь поможет, вы помиритесь...» Трудно было совладать с оскорбленным самолюбием. Вот как описывает свое состояние в то время данный собеседник: «Несколько минут колебался, но потом увидел, что делать было нечего, надо покориться старцу. Впервые в жизни пошел я просить прощения у человека, оскорбившего меня. Но когда я вошел к нему и поклонился, он так смутился, что мне стало жаль его. Мы обнялись с ним и поцеловались лобзанием мира. С необыкновенной радостью в сердце я возвратился к батюшке и спросил его: «Отчего вы в ту пору, как я жаловался на такого-то, не укоряли меня, а, напротив, даже сами осуждали его, принимая мою сторону?» «Да, – отвечал старец, – я согрешил в том, что осудил брата моего. Но что же мне было делать? Если бы я тогда начал укорять вас, очень немудрено, что вы и против меня стали бы немирствовать. Ведь огонь маслом не тушат. Когда человек не мирен, то противоречие только раздражает его. А когда бурное

состояние затихнет, мир начнет водворяться в душе его, тогда можно и совет предложить, который гораздо вернее подействует и примется с большей любовью. И вам советую в подобных случаях быть осторожным: человека, в гневе сущего, не укоряйте, не обличайте и не спорьте с ним, а лучше оставьте его в покое. Будьте только внимательны к самому себе, чтобы не впасть в немирствие, и когда чувствуете, что сердце ваше раздражается, то поминайте мысленно молитву Иисусову и старайтесь положить хранение устом своим»⁵⁶².

Раздражительность и ярость, по мысли о. Макария, лишают человека спокойствия как в этой жизни, так и в будущей. «Вы жалуетесь, – писал старец одной духовной дочери, – на хлопоты свои, через которые допускаете себя до раздражительности и безумной ярости. А мне кажется, напротив, когда бы не было хлопот и никакого развлечения, вы не были бы кроткими, а только казались бы таковой; страсти же лежали бы в вас сокровенными, до первого открывшегося случая»⁵⁶³. Для большего уяснения и понимания этого о. Макарий приводит пример, сравнивая человека с колодцем с чистой водой. При черпании из него воды она начинает мутиться. Если мы будем черпать чаще, вода сильнее будет мутиться. Так и человек, живя спокойно и даже радостно, с внешней стороны подобен кристально чистой и невозмутимой воде. Но стоит только тронуть его самолюбие или подать к тому повод, в нем возмутятся все страсти его сердца: гнев, ярость и прочее, хотя он после сожалеет о своих вспышках, впадая в уныние и отчаяние. Такова психология каждого человека, имеющего в себе страсти. Главным методом или способом к искоренению страстей о. Макарий считал откровение помыслов, так как оно есть единственно надежное и верное средство, связующее звено, обуславливающее общение пастыря с пасомыми.

Старец советовал чаще прибегать к Богу, повергать пред ним свою немощь и просить его о помощи, просить и Матерь Божию о помощи в борьбе со страстями. Когда кто бывает одолеваем страстями, то это знак, что предварила гордость, а поэтому надобно более смиряться.

О постах

В борьбе со страстями о. Макарий немаловажное значение придает посту, который способствует к искоренению страстей, особенно плотских. «Святые отцы, – пишет он, – Святым Духом движимые, установили посты как для душевной, так и для телесной нашей пользы. Если бы без изменения все одну пищу употребляли, скоромную и тучную, то она могла бы прискучить, и ожидание праздника непостоящимся не приносит такой отрады, как тем, кто готовят себя постом, но не одним телесным, но и духовным. Воздерживаясь от брашен, должны воздерживаться от страстей. Рыбу же положено вкушать в среду и пятницу, когда бывают бдения святым, даже и в посты, кроме Великого. А в простые полиелеи, когда не бывает бдения, рыбы не положено. В посты же Петров и Филиппов, до 20 числа декабря, в полиелеи простые употребляется рыба по вторникам и четвергам, а по снисхождению и в понедельник.

На вопрос одной духовной дочери, которая просила разрешение вкушать скоромную пищу по болезни в посты, иеросхимонах Макарий отвечал: «Касательно употребления в посты пищи, непозволенной Церковью, я не могу вам дать разрешения настоящего. А когда будете употреблять ее, то принимайте в виде лекарства, от доктора предписанного, а после о сем приносите покаяние пред духовным отцом, и получите от него разрешение. Дозволять непозволенного Церковью мы не можем, а разрешать по содеянии кающимся дана власть от Бога; только не имейте никакого смущения, а успокаивайтесь духом»⁵⁶⁴.

Сам будучи строгим исполнителем церковных установлений, о. Макарий старался и всем, кто обращался к нему, внедрить церковность в их сердцах. И это делалось старцем, чтобы привить в вопрошающих любовь к церковным установлениям и приучить их быть послушными сынами Церкви.

О прелести

Иеросхимонах Макарий по своему пастырскому долгу, зная хитрость врага рода человеческого дьявола, который часто преобразуется в ангела света для того, чтобы прельстить подвизающихся на пути ко спасению, предостерегает своих духовных чад быть осторожными и не обольщать свое сердце мнимой святостью. «Дух злобы наполняет душу мечтателя призраками света, односторонними, но сильно восторженными мыслями; возбудив в нем особую доверенность к самому себе, отводит от истины и делает жертвой суеверия, а затем и фанатизма. Мечтатель становится непримиримым врагом всякого, кто с ним несогласен в чем-либо; усиливая в нем более и более о себе самом мнение, дух злобы, наконец, доводит его до того, что мечтатель совершенно растраивается и в жизни, и в мыслях»⁵⁶⁵.

Одна особа, впадшая в прелесть, просила иеросхимонаха Макария помочь ей выйти из этого состояния. Опытный подвижник, зная опасность такого состояния, указывает ей способ к исправлению. Он приводит слова преп. Григория Синаита, где упоминается о двух главных причинах, за которые попускает Господь человеку впасть в прелесть. Это гордое мнение о себе и греховное житие. Далее старец предупреждает не принимать никаких видений и дает ей понять, что то видение, которое было показано ей в изменении икон – будто бы от икон Божией Матери розовые кружки изошли на ее сердце и она получила мнимое прощение грехов своих – все это было от врага. Старец пишет: «Видение это вы приняли за истинное и через то попали в поставленную вам сеть вражью. Демоны не могут представить истинного образа Владыки Христа, как сказано в книге Варсонофия Великого в ответе 415, но они, по обольщению, представляют образ простого какого-либо человека. Так же должно разуметь и о представлении вам на иконах мнимого образа Божественного Младенца и Божией Матери и других лиц. В том же 415 ответе Варсонофий Великий говорит, что бесы и во сне не могут представить образ Креста...

А Вам казалось, что вы видели образ митрополита с евангелием и крестом и что бесы писали на полу крест вашей головой. В действительности этого быть не может, ибо враг боится креста, но Бог попустит ему овладеть мыслительной силой вашей, так что он представляет какую-либо фигуру, влагает мысль, что это крест, и тем еще более вас смущает. Подобное этому надобно разуметь и о повторении за вами слов молитвы. Из некоторых отеческих (помещенных в Прологе) повестей видно, что бесы не могут произносить молитву Иисусову, ибо она (по слову Иоанна Лествичника) есть сильнейшее против них оружие, а выпишете, что они повторяют за вами слова молитвы – и это вам лишь только так кажется: бесы произносят неясные звуки, похожие на слова молитвы, и внушают вам, что это самая молитва, дабы показать, что они ее не боятся. Но не должно тому верить. И вообще, надо вам знать, что все представляющееся в каком бы то ни было образе и виде, или цвете, или свете, всеми святыми отцами принято за прелесть; так же и приятное пение и обоняние чего-либо благовонного или смрадного и тому подобное.

Вторая сеть прелести поставлена вам, когда вы размышляли о непохвальной своей жизни и желали примириться с обиженными от вас и враждующими на вас и вдруг почувствовали, как будто что влилось в грудь вашу, поразительно сладостное и радостное. По неопытности вы приняли это ощущение за истинное и потому еще глубже увязли в сетях прелести, так что и рассудка было совсем (как сами пишете) лишились. И думаю, что Господь только за неведение ваше и по милосердию Своему возвратил вам его. Преподобный Иоанн Лествичник в 6-й степени говорит: «Отвергай десницей смирения, как недостойный, приходящую радость, да не, обольстившись ею, волка вместо пастыря приемлешь». И в других случаях ощущаемая вами радость, даже и та, которую вы почувствовали, размышляя о словах Писания: «Предзрех Господа предо Мною...» после удара вас по правому плечу, имеет подобное же знамение, хотя вы по некоторым соображениям вашим и почитаете ее за правильную. Потому что истинная радость духовная, по слову

апостольскому, есть плод духовный и принадлежит к великой мере духовной. Прежде должно стяжать мир от браней и помыслов, мир от страстей и совершенное примирение с Богом. Так, основываясь на этом, в нашем настоящем положении отнюдь не должно доверять кажущейся духовной радости. Прп. Иоанн Лествичник говорит о себе в 15-й степени: «Будучи сим я искушаем волком сим (бесом блуда), ощущал, что он прелестно производит во мне бессловесную радость и слезы утешения в душе моей, и я по младенчеству своему думал, что содержу плод благодати, а не вред прелести». По мере того, как вы стали ознакамливаться с книгами отеческими и узнали кое-что о духовной брани, и враги душевные стали утончать образы своей прелести...

Далее выпишете, что вы теперь нередко ощущаете почти осязательно присутствие Иисуса Христа в комнате вашей и падаете к стопам Его с трепетом и радостью сердца. Слова ваши, что вы падаете к стопам Его, показывают, что вы мысленно представляете присутствие Его близ себя в чувственном образе. Если так, то это весьма опасно. Далее пишете, что такие явления ощущаете от ангела-хранителя вашего и присутствие святых Божиих, к коим сердечно обращаетесь. Бойтесь доверять таким явлениям: св. ап. Павел говорит, что сатана преобразуется в ангела света, конечно, для прельщения неопытных в духовной жизни. Так и святые отцы, описавшие вам признаки духовных явлений, строго запрещают новоначальным доверять таким явлениям без великого испытания и вопрошения опытных о сем... Преподобный Григорий Синаит в 7 главе (в Добротолубии) говорит: «Ты же, чая с Богом быти, никогда же да не приимеши, аще что видеши чувственно или умно или извне уду, или внутри уду, аще и образ Христов и проч., яко и самый ум наш естеством имать мечтательное (то есть по естеству имеем мечтательность). Сего ради внимай, да не преложиши веровати чесому же, согласуясь с тем вскоре, аще и благо есть, прежде вопрошания искусных и истязания многого, яко да не вред приимеши, но пребывай, негодуюя в том. Нужда не мала (то есть труд великий) достигнути истины явственно и чисту быти от сопротивных благодати, яко

во образе истины обаче диавол в первоначальных паче показывати прелесть свою, преобразуя лукавая своя, яко духовна». «Бог не негодует на опасно себе внимающего прелести ради, – говорит тот же святой, – аще сие и не приимет еже от Него, кроме вопрошения и много испытания, но паче позволяет яко премудра».

Еще пишете, что верую зрите Господа, одесную Отца сидяща. Не увлекайтесь мыслию о таком видении, которое свойственно только победившим свои страсти и достигшим сердечной чистоты. «Не стремись к видению не во время видения», – пишет Иоанн Лествичник, – пусть лучше само оно придет к тебе, привлеченное добротой твоего смирения, и совокупится с тобой чистейшим образом на веки веков». Также и св. Исаак Сирин во 2-м слове пишет, что от Бога то приходит само собой, без нашего усиленного искания и стремления, но только в таком случае, если сердце наше чисто; если же зеница очесе твоего чиста несть, да не посмееши воззреть на округу солнца, да не лишишися самая тоя малая зари, яже есть простая вера и смирение и исповедание сердечное, и малая дела, яже по силе твоей, – и отвержен будеши во едино место мысленных еже есть тьма кромешная, внешняя от Бога, образ поносящая ада: яко же он обесстыдствовывайся войти в брак в скверных ризах»⁵⁶⁶.

О. Макарий умел врачевать и такие души, которые были обуреваемы хульными помыслами и не имели через это душевного покоя, а по временам приходили в отчаяние. Так, в письме к своей духовной дочери он пишет: «Ты в том не виновата отнюдь – не хулишь Бога, а хулит Его богоненавистник бес, влагая тебе в ум хульные помыслы, и они не твои, а... вражьи, а ты не имеешь в них никакого участия и не виновата. Но тем самым, что смущаешься, – он радуется и больше наводит тебе их; советую тебе не считать мысли эти грехом, быть спокойной и не смущаться, и они исчезнут, а они бывают от того, когда думает кто о себе, что он живет хорошо или молится усердно, а других осуждает. За это и попускается сей бес»⁵⁶⁷.

Пастырствование о. Макария было многогранно. Он вникал во все тайники человеческого сердца и своими мудрыми

советами умел вовремя и правильно дать той или иной душе соответствующие указания, относящиеся к ее спасению. Так, оптинский пастырь советует не полагаться на свой ум и не толковать по-своему Священное Писание, но придерживаться церковного разума, (ибо)... люди, которые устанавливали в Церкви порядок и определяли смысл Священного Писания, были богодухновенные пастыри и учителя церковные. В них Сам Дух Святой действовал в этом деле⁵⁶⁸. Далее о. Макарий говорит о книгах святоотеческих, которые он также советует читать под контролем опытного руководителя, без которого можно заблудиться и быть в опасности⁵⁶⁹.

Неопытным в духовной жизни о. Макарий советует не останавливаться умом на изречениях, которых смысл бывает непонятен; прочитав, оставлять так, не вникая в глубину разумения; это все придет тогда, когда ум придет «в мужа совершенна».

К предрассудкам и снам иеросхимонах Макарий советует относиться отрицательно: «Верующим не должно иметь предрассудков и снам верить, – пишет он, – сны могут быть от врагов для того, чтобы смутить человека будущей случайностью. Без Промысла Божия или попущения ничего не может случиться»⁵⁷⁰. Но если верить станем всякому сну, то можем впасть в прелесть, которая бывает весьма разнообразна⁵⁷¹.

Таким образом, мы кратко познакомились с всесторонней пастырской душепопечительностью великого оптинского старца иеросхимонаха Макария, который умел вовремя помочь каждой бедствующей душе и дать ей правильное направление по пути ко спасению.

Пастырство оптинского старца иеросхимонаха Амвросия

Будущий великий старец иеросхимонах Амвросий (в миру Александр Михайлович Гренков) родился 23 ноября 1812 года в селе Большая Липовица Тамбовской губернии. Во св. крещении он был назван Александром, в честь благоверного князя Александра Невского, память которого совершалась в самый день рождения младенца⁵⁷². Его отец, Михаил Федорович, занимал должность сельского дьячка. Мать, Марфа Николаевна, занималась воспитанием своих детей, а их в семье было восемь человек⁵⁷³. В семье жили еще дед и бабушка. Александр рос веселым и резвым мальчиком. Он любил сельское приволье и шумные игры. Его живое детское воображение постоянно было наполнено забавами, и поэтому ему не сиделось дома. Часто случалось, что, получив от старших какую-нибудь работу по дому, он при первой же возможности бросал ее и убегал на улицу. Родители, а также дед и бабушка, были людьми глубоко религиозными и благочестивыми, и это находило свое отражение в укладе семейной жизни. О матери своей старец всегда говорил, что она была святой женщиной⁵⁷⁴. Понятно, что резвость Александра не находила одобрения в этой степенной и скромной семье, где на все детские, даже невинные, шалости смотрели как на значительные проступки. Поэтому к мальчику в семье относились с холодностью; ни дед, ни бабушка, ни даже родная мать не любили его так, как остальных его братьев. «Однажды, – так впоследствии передавал сам старец Амвросий, – очень раздосадованный этим, я решился отомстить брату (которого особенно любили родители). Зная, что дед мой не любит шума и что, если мы, дети, бывало, расшумимся, то он всех нас без разбора – и правого, и виноватого – отдерет за чуб, я, чтобы подвести своего братишку под тяжелую руку деда, раздражил его. Тот закричал, и выведенный из терпения дед отодрал и меня, и его. А последнее-то мне и нужно было. Впрочем, мне и помимо деда досталось за это порядком и от матери, и от бабки»⁵⁷⁵.

Все воспитание Александра проходило в строго религиозном направлении. Юному отроку старались привить любовь к чтению Слова Божия, которое было основой всей жизни этой благочестивой семьи. Каждый праздник отец брал его с собой в церковь, где мальчик вместе с родителем на клиросе читал и пел, что ему очень нравилось.

Когда Александру исполнилось 12 лет, родители определили его в первый класс Тамбовского Духовного училища, по окончании которого в 1830 году он поступил в Тамбовскую Духовную семинарию, которую окончил в 1836 г. После окончания семинарии он два года был учителем у одного помещика. И в училище, и в семинарии, благодаря природной одаренности, Александр Гренков учился очень хорошо. Вот как об этом вспоминал один из его сверстников: «Бывало, на последние копейки купишь свечку, твердишь-твердишь заданные уроки, а Гренков мало занимается; а придет в класс, станет отвечать – так валяет без запинки, как по писаному, лучше всех»⁵⁷⁶.

Больше всего Александр любил Священное Писание, богословские, исторические и словесные науки. Не подлежит сомнению, что собственно богословские науки, духовно-нравственное чтение, а также служба Божия особенно были дороги сердцу благочестивого юноши. Именно в это время и были заложены основные начатки того глубокого и широкого изучения Слова Божия и святоотеческих творений, которыми так отличался старец в последующей жизни.

В семинарии Александр был душой общества. Все любили его за веселость и доброту. Но, будучи веселым и остроумным юношей, он всегда сохранял нравственную чистоту и скромность, внутреннюю собранность духа и глубокое религиозное чувство, что, несомненно, привлекало к нему сердца всех, кто с ним общался. Даровитый юноша любил поэзию и даже пытался писать стихи. Не сделавшись поэтом, Гренков, однако, будучи уже старцем, любил говорить поучения своим слушателям в рифму.

Кто мог предположить, смотря на молодого юношу, который, от природы обладал живым характером, любил

веселое общество, увлекался музыкой и пением и даже помышлял о поступлении на военную службу, что его ждал монастырь. Он сам говорил: «В монастырь я не думал никогда идти... впрочем, другие почему-то предрекали мне, что я буду в монастыре»⁵⁷⁷. Но мысли человеческие – не те, что мысли Божии. «От Господа стопы человеку исправляются» (Пс. 36, 23). То, что другие провидели в Александре будущего инокa, несмотря на его веселость и общительность, свидетельствует, что окружающие видели в нем человека, качества души которого не принадлежали веку сему. Он не обращал внимания на эти черты своей души, но людям были заметны особые качества, которые определяли его духовные стремления. Окружающие не могли предположить для него иного пути жизни, как только путь всецелого посвящения себя Богу в монашестве.

Сам Александр не отдавал еще себе ясного отчета в своем жизненном призвании, но бывали моменты, когда это призвание само неожиданно и властно напоминало ему о себе. Так, за год до окончания семинарии Александр очень серьезно заболел. Он сам рассказывал об этом: «Все отчаялись в моем выздоровлении, мало надеялся и я сам. Послали за духовником. Он долго не ехал. Я сказал: «Прощай, Божий свет!»⁵⁷⁸ И тут же Александр дал обещание Господу, что если Он воздвигнет его здоровым от одра болезни, то он непременно пойдет в монастырь⁵⁷⁹. Александр никогда не думал о монастыре, и вдруг дает обет сделаться монахом. Не ясно ли из этого, что этот обет, неведомо для него самого, давно уже сложился и жил в глубине его сердца. Он был уже начертан предшествующими обстоятельствами его жизни, благочестивым настроением его души, но недоставало только подходящего случая для того, чтобы это настроение ясно в сознании благочестивого юноши.

Юноша выздоровел, но исполнить обет сразу не имел возможности: ни начальство, ни родители не отпустили бы его до окончания курса занятий. А год, проведенный в привычном оживленном товарищеском кругу, ослабил его желание уйти в монастырь. В 1836 году, окончив семинарию, Александр не решился тотчас постричься в монахи; в душе его происходила

острая внутренняя борьба между принятым решением и страхом порвать необходимости связь с привлекательными сторонами жизни в миру. Перед 23-летним юношей открывалось несколько жизненных дорог. Он мог пойти в высшую Духовную школу – академию, мог стать священником и отдаться пастырской деятельности; он мог пойти в университет, куда в то время шло много молодых людей из семинарии. Ему необходимо было определить дальнейший путь в жизни. Совесть как бы постоянно обличала его за неисполнение данного им обета, но он не находил еще в себе мужества твердо стать на путь монашества. Поэтому он решил избрать для себя такое общественное положение, находясь в котором, он имел бы возможность исполнить свое обещание.

В это время один помещик предложил Гренкову быть учителем его детей. Он с радостью соглашается на это предложение. Двухлетнее пребывание в доме помещика имело большое значение для его будущей деятельности как духовного руководителя не только монашествующих, но и мирян, ибо здесь он впервые познакомился со светским обществом, что значительно расширило его жизненный опыт. Здесь у него начинает проявляться заботливое попечение о людях и умение направлять их волю в сторону добра.

В 1838 году в Липецком Духовном училище открылось место преподавателя, и 7 марта Александр Михайлович занял эту должность. Здесь он проявил себя как добрый и вместе с тем строгий наставник оставил после себя добрую память. К нему искренно были расположены сослуживцы, он очень любил преподавательское дело; казалось, жизнь протекала ровно и безмятежно, но на самом деле было не так. Внутренний голос не давал ему покоя, и чем больше проходило времени, тем мучительней становились укоры совести; временами он продолжал развлекаться в кругу молодежи, но и в разгар веселья он чувствовал какое-то внутреннее неудовлетворение. Внутренний голос упрекал его за пустое времяпрепровождение, неотступная дума о монашестве, о принятом обете не покидала его сердца. Вот как сам старец описывает свое положение того времени: «После выздоровления я целых четыре года все

жался, не решался сразу покончить с миром, а продолжал по-прежнему посещать знакомых и не оставлял своей словоохотливости. Бывало, думаешь про себя: ну вот, отныне буду молчать, не буду рассеиваться. А тут глядишь, зазовет кто-нибудь к себе, ну, разумеется, не выдержу и увлекусь разговорами. Но придешь домой, – на душе беспокойно; и подумает: ну, теперь уже все кончено навсегда, – совсем перестану болтать. Смотришь, – опять позвали в гости, и опять наболтаешь. И так вот я мучился целых четыре года»⁵⁸⁰. Облегчение от этого мучения глубоко верующий Александр Михайлович находил в молитве. На казенной квартире, где он жил с товарищами по службе, у него была икона Божией Матери «Тамбовская» – родительское благословение. И перед этой иконой он часто ночью, неслышно для людей, подолгу молил Небесную Утешительницу упредить путь его жизни. Избегая насмешек соседей по квартире, он стал уходить молиться на чердак, а потом за город, в лес.

Уединенная пламенная молитва все более и более укрепляла в душе молодого человека чувство глубокой любви к Богу. Реальное ощущение близости Бога все более и более овладевало его сердцем, становилось для него все сладостнее, все ближе⁵⁸¹. Но и после того, как сердце Александра Михайловича ощутило близость Бога, он и тогда еще медлил исполнить свое обещание. Его волновал вопрос: пригоден ли он для избираемого пути? Не берет ли он на себя легкомысленно непосильное бремя и сможет ли его понести? Серьезно ли его решение? Не впадает ли в самообольщение?»⁵⁸² Он страшился не выполнить в своей жизни предназначенную ему свыше волю Божию. Тщательно скрывая от всех свое душевное состояние, он ожидал определенного указания от Господа. И когда в сердце его зажглась пламенная молитва, когда он ощутил близость Бога, его намерение уйти из мира в тихую иноческую обитель еще более окрепло. Он сознавал всю важность решения, которое складывалось в его душе, но в нем еще не было твердости воли, чтобы полностью оставить все мирское и посвятить себя Богу, а поэтому ему пришлось обратиться за советом к более мудрому мужу. Поддержку он нашел в лице

Троекуровского затворника Илариона, которого он посетил летом 1839 г. Старец принял его ласково и после того, как Александр Михайлович изложил ему свои думы и чувства, ответил: «Иди в Оптину», и добавил многозначительные слова: «Ты там нужен»⁵⁸³.

Так все более и более обстоятельства благоприятствовали его уходу в монастырь. Но Александр Михайлович все еще не решался привести в исполнение свое намерение. Он направился в Троице-Сергиеву Лавру, чтобы у гробницы преподобного Сергия в горячей молитве испросить благословение на новую трудную жизнь, избираемую им. И когда он увидел перед собой места, которые некогда были покрыты дремучим лесом и которые были свидетелями уединенных молитвенных подвигов преподобного Сергия, его душу охватило неизъяснимое чувство умиления. Ведь ему были так понятны эти подвиги, они были так желательны для его собственного благоговейного сердца! С трепетом и горячей молитвой припал он к мощам великого молитвенника, испрашивая себе благословения и помощи. Глубокий внутренний мир и спокойная решимость снизошли в душу его в этом священном месте⁵⁸⁴.

С грустью покидает он святую обитель. Теперь его намерение определилось окончательно, и все же самостоятельно он не может покинуть мир; необходим был какой-то внешний толчок, последний зов Божий. Поэтому по окончании летних каникул он вернулся в Липецк и приступил к занятиям в училище. «Легко совершается оставление мира людьми, созданными так, что мир не имеет для них цены, – говорит Е. Поселянин, – такими, как преподобный Сергей, как старец Серафим, с детства призванными, отмеченными перстом Божиим. Но как невыразимо трудно заклание себя в жертву Богу людьми, которые не меньше первых любят Бога и желали бы знать в жизни Его одного, но которые, вместе с тем, множеством связей любовно и крепко привязаны к миру и постигли лучшие стороны жизни, которым в жизни хорошо, как в родной стихии, им не чуждой»⁵⁸⁵.

Вскоре после начала занятий Александр Михайлович был приглашен в гости к знакомым. Своими шутливыми словами он настолько рассмешил всех присутствующих, что они смеялись «до упаду». Все были в восторге от оживления, после чего в благодушном настроении разошлись по домам. Но для Гренкова настала мучительная ночь. Так бурно разразившаяся веселость казалась ему тяжким преступлением. «Он ощутил на себе слова о том, что нельзя работать двум господам – Богу и миру. Он вспомнил обет, данный им в минуту тяжелой болезни, и совет старца Илариона, вспомнил свои пламенные молитвы в ночной тиши, вспомнил предчувствие какого-то громадного захватывающего счастья, которое он пережил на месте, где спасался некогда преподобный Сергей»⁵⁸⁶. А внутренний голос властно говорил ему: «Будет! Пора положить всему конец! Нельзя служить и Богу, и мамоне (Мф. 6, 24). Надо выбирать что-нибудь одно! Надо всецело прилепиться к Единому Богу! Надо бросить мир!»⁵⁸⁷ Подавив в себе все колебания и сомнения, он сделал окончательный выбор между миром и монастырем в пользу последнего. И через несколько дней тайно, без разрешения начальства, не говоря никому ни слова, он покинул Липецк и направился в Оптину пустынь, куда и прибыл 8 октября 1839 года⁵⁸⁸.

Духовный руководитель оптинской братии старец схиархимандрит Лев с любовью принял Александра Михайловича. 2 апреля 1840 г., по Указу Калужской духовной консистории, Александр Михайлович Гренков был зачислен в число братства. Сам старец Амвросий так вспоминал о своем первоначальном пребывании в обители: «Год жил (я) в монастыре на кухне. Пять келий переменил; жил и в келии о. Игнатия, и в башне. На кухне год прималчивал, т. е. спросят что, скажу... А через год меня прямо в келейники взяли»⁵⁸⁹.

В ноябре 1840 года послушник Александр Гренков переводится из монастыря в скит, где прожил «около 50 лет, до самого своего последнего отъезда в Шамордино летом 1890 года»⁵⁹⁰. Несомненно, что стремление к строгой духовной жизни молодого учителя были сразу отмечены старцами Львом и Макарием; они находили, что ему полезнее жить более

безмолвном месте под непосредственным руководством старца Макария. Но и после перехода в скит он продолжал ради душевной пользы ходить к старцу Льву из скита в монастырь.

Мудрые старцы Лев и Макарий старались, по выражению св. Иоанна Лествичника, «изыскивать случаи для приобретения подвижающимися в деле спасения братиями венцов терпения»⁵⁹¹. Таким же образом они поступали и с начинающим монашеский путь новоначальным послушником Александром. Однажды старец Лев надел ему на голову в присутствии многочисленного народа шапку одной монахини⁵⁹². Этим прозорливый старец указывал на будущую его заботливость о монахинях, но в тот момент молодому послушнику стоять в женской шапке среди народа было не очень приятно. В другой раз старец грозно отчитал его в присутствии лучших его друзей по Духовному училищу. В это время Александр уже твердо стал на монашеский путь и во всем стремился отсекал свою волю и раздражение. Иногда старец не обращался к нему даже по имени, а просто называл «Химерой». «Таким-то горьким опытом, – свидетельствует архимандрит Агапит, – такую-то дорогой, кровавой ценой мало-помалу стяжевал о. Александр боголюбезную добродетель смирения и, так сказать, закаливался в терпении скорбей, которые нередко приходилось ему переносить от искренно любившего его старца о. Льва».

Но недолго пришлось юному подвижнику руководствоваться окормлением мудрого старца. 11 октября 1841 года о. Лев переселился в вечные обители. Скорбь послушника Александра увеличивалась тем, что он не мог присутствовать при погребении, так как был занят обычным своим поварским послушанием. Но эта скорбь не была безутешна, потому что остался другой духовно близкий человек – о. Макарий.

Незадолго до смерти о. Лев, прозревая в своем любимом молодом послушнике Александре будущего великого старца, поручил его особенному попечению своего сотаинника – старца Макария. Сам отец Амвросий об этом вспоминал так: «Покойный старец тогда призвал к себе батюшку о. Макария и говорит ему: вот человек больно ютится к нам, старцам. Я

теперь уж очень стал слаб. Так вот я и передаю тебе его из полы в полу – владей им, как знаешь»⁵⁹³. Александр предал себя руководству старца Макария еще раньше, после перевода в скит, а теперь он всецело возлюбил его и продолжал служить ему так же усердно, как и о. Льву. Старцу нравился скромный и расторопный ученый послушник, и он благословил перейти ему на новое послушание. Вскоре после кончины старца Льва послушник Александр Гренков стал келейником о. Макария.

Для Александра Гренкова это были годы высшей школы, когда он постигал науку из наук – монашескую жизнь. О том, как он терпеливо переносил искушения и приобретал смирение и послушание, уже было сказано. Кроме смирения и послушания юный подвижник приобретал навык молитвы, нестяжательности и многих других добродетелей. Любовь к молитве он имел еще в миру, и здесь, «в тишине скитской жизни, среди иноков подвижников, под руководством великих старцев молитвенников, при собственном неудержимом стремлении к богоугождению молитва должна была найти себе простор в его душе»⁵⁹⁴.

Ежедневное внимательное испытание своей совести и чистосердечное откровение помыслов старцу ограждали его от всяких неожиданностей в жизни духовной, от подвигов «не по разуму». Все это вместе взятое способствовало его быстрому духовному возрастану. Еще летом 1841 года послушник Александр был пострижен в рясофор⁵⁹⁵, а через год, по представлению своего начальства и согласно разрешению Святейшего Синода, 29 ноября 1842 года был пострижен в мантию и наречен Амвросием, во имя св. Амвросия, епископа Медиоланского⁵⁹⁶. В это время ему исполнилось 30 лет, из них три года он привел в Оптиной пустыни. Через два месяца, 4 февраля 1843 года, о. Амвросий был рукоположен во иеродиакона, а 9 декабря 1845 года – в иеромонаха⁵⁹⁷.

Сам о. Амвросий считал себя недостойным диакоиского сана, а тем более – священства. Живя около старцев, он видел, что священнослужитель не только исполнитель священных действий, но и пастырь словесных овец. Пример старцев показывал всю сложность и ответственность этого подвига, но

не трудности пугали о. Амвросия, а чувства недостойности и неподготовленности к этому высокому служению. Свои мысли он высказывал старцам, которые давали утешительные наставления во всем полагаться на Промысл Божий и Его милосердие. Служение о. Амвросия у престола всегда сопровождалось чувством недостойнотва и глубокого благоговения. Так, много лет спустя, он говорил одному немощному иеродиакону, который тяготился отправлением чреды священнослужения: «Брат! Не понимаешь дела, – ведь жизни причащаешься»⁵⁹⁸.

Однако о. Амвросию не долго суждено было приносить Господу бескровную Жертву. С первых дней после посвящения его постигла болезнь, которая со временем навсегда лишила его возможности и утешения совершать Божественную Литургию. Еще в декабре 1845 года, при поездке в Калугу для посвящения во иеромонаха, он простудился и стал чувствовать постоянное недомогание. Однако сразу вылечиться не мог, так как новорукоположенному необходимо было постоянно участвовать в богослужении. По временам он бывал так слаб, что не мог долго держать потир в руке, и, как рассказывал сам старец, ему иногда приходилось прерывать приобщение народа, возвращаться на время в алтарь и ставить чашу на престол, чтобы дать отойти онемевшей руке⁵⁹⁹.

В начале сентября 1846 года о. Амвросий выехал по Белевской дороге за 18 верст от Оптиной навстречу Курскому архиепископу Илиодору, которого он должен был пригласить посетить обитель, а 17 сентября заболел так серьезно и пришел в такое изнеможение, что 26 октября во время утрени был особорован и приобщен Св. Христовых Тайн. В это время он был келейно пострижен в схиму с сохранением имени Амвросия⁶⁰⁰. Болезнь затягивалась, лечение не помогало, и в декабре 1847 года он заявил, что желает остаться в обители за штатом. Только летом 1848 года, после почти двухлетней жестокой болезни, о. Амвросий стал выздоравливать и выходить на воздух.

Эта тяжелая и продолжительная болезнь была явным действием Промысла Божия. Еще перед этой болезнью, летом

1846 года, о. Амвросий, тоже по причине болезненного состояния, освобождается от келейничества и, по ходатайству о. игумена Моисея и старца Макария, получает от архиепископа Николая назначение быть?омощником о. Макарию в духовничестве. В это время о. Амвросию было только 34 года, но старцы монастыря видели, что он в своей духовной жизни достиг высоких степеней нравственного совершенства и сможет принести большую пользу нуждающимся в духовном руководстве. Постигшая о. Амвросия тяжелая болезнь имела большое значение для его духовной жизни: она умерила живость его характера, предохранила его, быть может, от развития самомнения и побудила глубже войти в себя, лучше понять самого себя и человеческую природу. Болезни не покидали его до последних дней его жизни⁶⁰¹.

Несмотря на свои многочисленные болезни, о. Амвросий не только никогда не скорбел о них, но даже считал их необходимыми, как лучшее средство для воспитания души. И насколько его внешний человек предавался тлению, настолько внутренний обогащался духом.

С 1846 года старец о. Макарий благословлял некоторым из братии обращаться за духовными советами к о. Амвросию. Один из них (о. Геронтий) рассказывал: «Ходили на совет к о. Амвросию только немногие из монастырских и скитских братии и не иначе, как по благословению старца Макария: о. Амвросий, хотя и старчествовал, но как бы прикровенно»⁶⁰². Но уже в 1852 году старец Макарий, уезжая по личным делам в Москву, объявил, чтобы во время его отсутствия по всем духовным вопросам за советами обращались к иеромонаху Амвросию.

Игумен Марк, которому старец Макарий благословил обращаться с откровением помыслов к о. Амвросию, вспоминал: «Иногда... я заставлял его лежащим на кровати и слезящим, но всегда сдержанно и едва заметно. Мне казалось, что старец Амвросий всегда ходил пред Богом или как бы ощущал присутствие Божие»⁶⁰³.

Около этого времени духовному окормлению о. Амвросия уже были поручены монахини Борисовской пустыни Курской губернии. Старец Макарий знакомил его с некоторыми

боголюбивыми посетителями обители, которые искали духовного окормления, и благословлял вести душеполезные беседы в хибарке, примыкавшей к келье старца совне ограды скитской, где принимался женский пол. То, что вокруг старца постепенно собирался народ, свидетельствует о том, что о. Амвросий уже возрос «в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова» (Еф. 4, 13) и был способен преподать духовное утешение ищущим его. Старец Макарий иногда шутил, указывая на о. Амвросия, окруженного толпой: «Посмотрите-ка, посмотрите! Амвросий-то у меня хлеб отнимает, хлеб отнимает»⁶⁰⁴. Так о. Амвросий Промыслом Божиим постепенно готовился к самостоятельному старчеству. Постоянное духовное руководство старца Макария, внимательное изучение святоотеческих подвижнических творений, но более всего постоянный личный подвиг молитвы и непрерывного внимания себе подготавливали о. Амвросия к этому великому служению.

7 сентября 1860 года Господь благоволил отозвать из земной жизни в вечное упокоение старца Макария. Казалось бы, с кончиной о. Макария Оптиная пустынь и ее посетители навсегда останутся без духовного окормления. Но Господь не оставил жаждущих спасения без духовного вождя. Вместо старца Макария Промыслом Божиим поставляется на это великое служение миру о. Амвросий.

Вначале он был мало кому известен как духовный руководитель, к тому же и годами он был не стар: всего 48 лет. Поэтому, кроме тех, кому о. Макарий еще при жизни поручил обращаться к о. Амвросию, никто не пользовался его духовными советами. Монашествующие, а также многие из посетителей монастыря не могли сразу избрать постоянного руководителя, переходя от одного иеромонаха к другому, и были «аки овцы, не имущие пастыря» (Мф. 9, 36). Но такое разделение существовало недолго. Не мог остаться незамеченным тот, кто имел такое же любвеобильное сердце, как и старец Макарий, кто отказался от своей воли и жил такими же стремлениями и желаниями. И некоторые видели это. Еще в то время, когда все знающие о. Макария находились в глубокой скорби по поводу его кончины, один из его духовных сыновей К.

К. Зедергольм писал своему брату: «Доселе мне кажется, что с батюшкою о. Макарием скончалось все утешение мое. Обращаюсь к о. Амвросию, истинному ученику батюшки, проникнутому его духом»⁶⁰⁵. Господь благоволил поставить горящий светильник на подсвечнике, чтобы он освещал и показывал путь многим блуждающим во тьме. И действительно, этот свет настолько стал видим, что к о. Амвросию начали стекаться люди со всех уголков России. Все они, обремененные тяжелым трудом над восстановлением в себе искаженно образа Божия и очищения своего сердца от страстей, нуждались в помощи более искусного и умудренного духовным опытом руководителя.

Старец Амвросий и стал таким руководителем, знатоком сокровенных движений человеческого сердца, любвеобильным наставником, обладателем духовных сокровищ, которые он приобрел великими трудами. Так исполнились слова троекуровского старца Илариона, сказанные им двадцать один год назад Александру Гренкову, тогда еще молодому человеку: «Иди в Оптину. Ты там нужен»⁶⁰⁶. И действительно, теперь он был крайне нужен в Оптиной пустыни, потому что никто из монашествующих в обители, кроме него, не мог стать на место о. Макария⁶⁰⁷.

С течением времени слухи о духовной опытности и мудрости о. Амвросия все более и более распространялись, и число обращавшихся к нему все более возрастало. Смотревшие первоначально на о. Амвросия с недоверием стали изменять о нем свое мнение. Так, одна знатная женщина, бывшая духовной дочерью о. Макария, после его смерти не желала идти к о. Амвросию и иногда даже порицала его. Однажды, случайно встретившись с ним и получив духовное назидание, она была поражена этой беседой и впоследствии говорила: «Я знала обоих, но чувствую, что о. Амвросий еще выше о. Макария»⁶⁰⁸.

Постепенно имя его стало известно и в богатых палатах, и в бедных хижинах. Все более и более расширялся круг лиц, пользовавшихся духовными советами и руководством о. Амвросия как среди братии обители, так и среди приезжавших в Оптину пустынь монашествующих и светских лиц. С утра до

вечера он только и жил на пользу ближним. Он никогда никому не отказывал в совете и помощи. А сколько людей он привел к Богу своими благодатными советами и своей сострадательной любовью! Он жил жизнью других, радовался их радостям и печалился их печалям.

Отец Амвросий, как истинный пастырь, знал, что там, в ищущем Бога мире, много алчущих и жаждущих Христова слова, любви и веры. Поэтому он и любил этот мир, и отдал ему всю свою жизнь. Все приходившие к нему – богатые и бедные, ученые и простецы, – чувствовали себя пред ним только простыми смертными. С особой отеческой любовью принимал старец тех, кого терзали горести, печали, уныние, кто стоял на распутье и не знал, каким путем идти ему в жизни. Он принимал также и тех, кто был обуреваем сомнениями и жил вне спасительной ограды Христовой Церкви. С каким угнетенным душевным состоянием и с какими стонами неутолимых печалей и мук приходили к о. Амвросию люди из мира! Старец с открытым сердцем выслушивал их скорби и тотчас накладывал пластырь на душевные раны, давая нужные советы и наставления. Он твердо верил, что все страдания мира, как бы ни были они сильны, жестоки и изощрены, не могут победить Божественной любви, в лучах которой тает и исчезает всякое страдание и уныние. Сколько утешения, успокоения и отрады вливали в души этих скорбящих и обремененных людей благодатные наставления, беседы и молитвы любвеобильного старца! А иногда даже от одной встречи со старцем посетители получали большую пользу для своей души. Страдание их утихало прежде, чем старец начинал говорить. Туча душевная рассеивалась, и какое-то тихое и благодатное успокоение наполняло их души. Одаренный духовным рассуждением, острой памятью и словом, отец Амвросий всякому приходящему к нему давал соответствующие наставления из Священного Писания и отеческих книг. Его беседы были преисполнены глубокого смирения; они согревали охладевшие сердца, открывали душевные очи, просвещали разум, призывали людей к раскаянию, душевному миру и к духовному возрождению, они

покоряли сердца людей, вселяя в них благодатный мир и тишину.

Все наставления старца Амвросия убедительно свидетельствуют об искренней преданности делу спасения человеческих душ. Он понимал всех, кто жаждал слова о Вечной, Животворящей Божественной Правде; всех жаждущих напоял живительной водой из благодатного кладезя – своей богопросвещенной души. Спасая других, он и сам восходил на вершину богообщения и слушающих его возводил за собой.

Словом вот чем служил миру старец Амвросий. Его слово горело огнем неотразимого благодатного убеждения; оно согревало теплотой любви каждое сердце, было чуждо холодности и внешней вычурности и несло всем мир и счастье. Слово старца Амвросия, изображая земную жизнь как подвиг временного странствования на пути к вечной жизни, звало людей к жизни истинно христианской, совершенной, возвышенной, духовной. О. Амвросий отдал всего себя, все свои силы, разум, сердце и волю великому делу назидания и христианского руководства своих духовных чад. Все наставления, назидания и поучения старца Амвросия имели своей целью святость в смысле отрешенности от всего мирского, земного, льстящего греховному человеческому разуму. Старец, подобно апостолам, звал всех к жизни небесной; он каждого призывал стяжать нетленное богатство богосыновства, соделаться наследником Царствия Божия по благодати усыновления. К нему могут быть приложимы слова Христа Спасителя о том, что блажен тот, кто сотворит и научит, ибо «сей великий наречется в Царствии Небесном» (Мф. 5, 19). Исполняя волю Небесного Учителя, старец учил людей. Учил до последней минуты своей жизни, учил ежедневно, оставляя возможно малое время для отдыха и молитвы. Но и в молитве он непрестанно воздыхал за своих пасомых и о всем человечестве. Это была беспредельная любовь, горевшая желанием всем помочь, всех утешить, всем спастись. Эта самоотверженная любовь к людям была характерной чертой иеросхимонаха Амвросия. Любовь побуждала его заботиться о каждой душе христианской, скорбящей и озлобленной. Она

была «крепка, как смерть» (Песн. 8, 6), ради нее он готов был терпеть тысячи раз муки рождения (Гал. 4, 19), и от которой не могли разлучить его ни холод, ни теснота, ни многие жизненные трудности (Рим. 8, 35). Эта любовь в старце достигала высоты евангельского совершенства. Она любила только человека и любила его во Христе. По подобию любви Первообраза она хотела «всем человеком спастися и в разум истины прийти» (1Тим. 2, 4). Подвиг его любви к ближнему изумлял его современников и волнующе захватывал и восхищал души последующих поколений русских людей.

Но сам старец как будто бы не видел ни своих постоянных трудов, ни подвигов любви и постоянно укорял себя в «ничегонеделании», прося молиться о том, чтобы Всеблагий Господь не вменил ему в вину его «неделательное глаголение»⁶⁰⁹. Глубочайшее смирение и постоянное самоукорение лежали в основе всей жизни и деятельности иеросхимонаха Амвросия. Он и подвиг старчества принял на себя, видя в этом волю Божию, и нисколько не считал себя достойным этого ответственного служения.

Волю Божию, чтобы быть ему старцем, о. Амвросий впервые узрел в словах отца Макария, сказанных незадолго до его кончины: «Будешь жить в хибарке по ту сторону ворот, и смотри – вот тебе мой завет – никого из приходящих не оставляй без утешения»⁶¹⁰. По смирению о. Амвросий вступил на путь старчества, со смирением шел по нему до последних дней своей жизни. «Я грешен, неразумен и немощен душевно и телесно»⁶¹¹ – вот что постоянно раздавалось в его сердце. Поэтому все его беседы, поучения и особенно письма проникнуты внутренним сознанием своих немощей – как душевных, так и телесных. Как часто он покаянно вздыхает, что, уча других, сам он не исполняет того, чему учит! Апостольское увещание: «Научая убо и наго, себе ли не учиши?» (Рим. 2, 21) – он всецело относил к себе.

Старец сам опытно прошел скорбный путь послушания и унижения под руководством опытных старцев, прежде чем приобрел истинное смирение. Этот личный опыт он с радостью и готовностью передавал другим. «Когда человек понуждает

себя смиряться, – поучал он одну монахиню, – то Господь утешает его внутренне, и это-то и есть та благодать, которую Бог дает смиренным»⁶¹². Преподавая мудрые советы другим, старец по своему смирению сам искал совета, не полагаясь на свой разум. По кончине старца Макария, не имея к кому обратиться за советом в своей обители, о. Амвросий обращался к своему архипастырю Григорию, чтобы все делать с советом другого, в чем видел выражение воли Божией, и боялся поступать по своей воле⁶¹³.

Особенности пастырствования о. Амвросия

И только при таком духовном состоянии, которое воспитывается в человеке непрерывной внутренней борьбой, самоуничижением, скорбями и всякого рода испытаниями, возможно получение величайшего дара благодати Божией – христианской любви, которая стоит в неразрывной и глубокой связи с христианской верой и сердечной молитвой. Этими дарами был преисполнен старец Амвросий. В нем явился обильный дар духовного рассуждения, дар проникновения в души людей, дар прозорливости и дар исцелений. Поток посетителей увеличивался с каждым днем. Для каждого приходящего у него находилось и ласковое слово, и мудрый совет. Незнакомых ему лиц он часто называл по имени, говорил их тайные грехи, исцелял больных от недугов прежде, чем они просили его об этом. Это сверхъестественное ведение души и законов ее жизни обосновывает дар проникновения в сердце человека и способность безошибочно видеть его нравственное состояние, словом, способность читать душу ближнего. Дар рассуждения старца Амвросия проявлялся в том, что он умел сразу определить духовное состояние человека и дать ему самый правильный и полезный совет. Вся сила духовного руководства старца сводилась к тому, чтобы указать каждой душе путь спасения через веру во Христа Спасителя. Старец твердо верил, что первопричина всех душевных и телесных неустройств и болезней кроется в нарушении заповедей Христовых, и как основное средство для выздоровления предлагал чистосердечное покаяние в грехах и приобщение Святых Таин.

Отец Амвросий обладал всеобъемлющей опытностью, широким кругозором и мог дать совет по любому вопросу, не только в духовной области, но и житейской, применительно к данному лицу и данным обстоятельствам. Одному он советует, как усовершенствовать душу, другому – как вести хозяйство в обители, третьему – как направить дело в суде. Дар проникновения в тайники душ человеческих у старца Амвросия

удивлял многих и располагал сразу всецело отдаваться его руководству. У людей появлялась уверенность, что старец лучше их знает, в чем они нуждаются и что им полезно.

Одна молодая девушка много слышала от своей сестры о святости жизни о. Амвросия, но относилась к словам сестры с недоверием и даже с презрением, а старца называла «лицемером». Однажды, по просьбе сестры, она поехала в Оптину пустынь. Придя к старцу на общий прием, она стала позади всех у самой двери. Отец Амвросий, выходя из своей кельи, помолился, посмотрел на всех, а затем обращает свой взор на Веру (так звали девушку) и говорит: «Что это за великан тут стоит? А, это Вера пришла смотреть лицемера!»⁶¹⁴ После такого обличения ее тайных мыслей и особенно после беседы со старцем она совершенно изменила свое мнение о нем, искренне возлюбила его, а впоследствии поступила в Шамординскую обитель⁶¹⁵. Именно таким образом старец многих наставил на путь покаяния, нравственного очищения и смиренного перенесения жизненных испытаний.

Этот особенный дар прозорливости, который Господь дает некоторым праведным людям и которым праведник может предвидеть будущее и проникновенно созерцать даже сокровенные мысли и настроения сердца человека, очень часто проявлялся в старце Амвросии в период его старчества. Приведем несколько примеров дивной прозорливости старца Амвросия. Изумительный случай описывает оптинский инок Даниил. Одна вдова была обеспокоена тем, что во сне она часто видит своего покойного мужа, который о чем-то ее просит. Не зная, чем помочь ему, она обратилась с этим вопросом к старцу Амвросию, который после ее слов некоторое время был в задумчивости, а затем сказал: «Твой муж должен был деньги, – тут он назвал одно собственное имя (без отчества и фамилии), – и долг его тяготит. Заплати этому человеку, и душа твоего мужа успокоится»⁶¹⁶. Благоразумная женщина тщательно искала человека по имени, названному старцем. Наконец, нашла и возвратила ему долг, после чего покойный не стал больше беспокоить ее⁶¹⁷.

Еще один случай, свидетельствующий о прозорливости старца, произошел с иконостасным мастером, который приехал к настоятелю получить деньги за выполненную работу. О. Амвросий под разными предлогами три дня задерживал его отъезд из обители. Мастер очень скорбел из-за этого, так как к нему на дом должны были приехать для переговоров очень выгодные заказчики, но нарушить слово старца не решился. Каково же было его удивление, когда на другой день после его возвращения домой приезжают и его заказчики, которые также задержались на три дня. Но вся сила дара прозорливости старца в этом случае открылась через четыре года. Один работник этого мастера на смертном одре сознался, что в те дни хотел убить своего хозяина, чтобы забрать деньги, которые тот вез из Оптиной пустыни, и для этого три ночи караулил его под мостом. «Не быть бы тебе в ту пору живым, да Господь за чьи-то молитвы отвел тебя от смерти без покаяния... Прости меня, окаянного...» – это были последние слова умирающего⁶¹⁸.

Трудно перечислить все случаи дивной прозорливости старца Амвросия, который стремился обратить дар, данный ему от Бога, на пользу ближним. Им он открывал волю Божию, и много есть примеров, как некоторые, не сделав по его благословению, приезжали со слезами раскаяния, так как не было удачи в их делах. Так, один козельский житель просил благословения послать своего сына в Москву на обучение. Старец дал совет отправить его учиться в Курск.

На возражения отца старец шутливо ответил: «Москва бьет с носка и колотит досками. Пусть едет в Курск»⁶¹⁹. Не послушал отец старца, послал сына в Москву. В скором времени этому юноше на стройке раздробило обе ноги досками, и он остался на всю жизнь калекой, не способным ни на какую работу. Горько плакал отец, осуждая себя за недоверие к словам старца⁶²⁰.

К старцу обращались также многие люди, прося исцелить их от телесных болезней. Велика была сила молитв о. Амвросия, и многочисленные примеры мгновенных исцелений свидетельствуют об этом. Но старец по своему смирению, избегая человеческой славы, посылал больных или к св. мощам, или к чудотворным иконам, а иногда просто советовал

принимать какую-либо лекарственную траву. Больные совершенно исцелялись от своих болезней и, конечно, понимали, что не трава им помогла, но молитвы старца совершили чудо. Отец Амвросий, по своему смирению, не любил слышать, когда ему прямо говорили, что он исцелил, или даже когда его просили об этом.

Очень часто старец Амвросий, чтобы избежать человеческой славы, скрывал дар чудотворения под видом шутки. Чаше всего это проявлялось в виде ударов по больному месту, иногда даже очень сильных. Так, например, пришел к старцу один монах с ужасной зубной болью. Проходя мимо него, старец сильно ударил его в зубы и еще весело спросил: «Ловко?» – «Ловко, батюшка, – отвечал монах при общем смехе, – да уж больно очень», а уходя от старца, он заметил, что боль его прошла и в дальнейшем уже не возвращалась⁶²¹. Таких примеров было множество, так что крестьянки, приходившие к старцу со своими недугами, сами нередко подклоняли головы и говорили: «Батюшка Амвросий, побей меня, у меня голова болит»⁶²². Обращались к старцу и с просьбой помочь избавиться от худых и пагубных привычек. И неизменно в таких случаях старец указывал на таинство Покаяния, как верное средство для исцеления.

Духовное окормление монашествующих и мирян

Иеросхимонах Амвросий безгранично любил Господа, и всю любовь, на какую только было способно его существо, он отдавал своему Создателю через Его творение – через ближних. По любви к Богу он покинул мир и стал на путь нравственного самоусовершенствования. Но как любовь к Богу в христианстве неразрывно связана с подвигом любви к ближнему, так и подвиг личного усовершенствования и личного спасения у старца никогда не отделялся от подвига служения миру.

Старческое служение о. Амвросия началось с окормления братии Оптиной пустыни. Но служение старца не ограничивалось только монастырем. Этот подвижник, живший в маленькой келии, сумел раздвинуть ее стены на необъятные пространства. Люди всех званий и положений, жители самых далеких губерний – все знали смиренного и прозорливого оптинского старца. К о. Амвросию в Оптину пустынь тянулись тысячи верующих душ. Как часто келейники о. Амвросия, уступая многочисленным просьбам посетителей доложить о них старцу, говорили ему: «Батюшка, вас ждут», – «Кто там?» – спросит старец. – «Московские, Вяземские, Тульские, Белевские, Кадирские и прочие народы», – отвечают келейники⁶²³. Десятиминутного разговора со старцем ждали по несколько дней. Не хватало ямщиков для перегона между Оптиной и Калугой, а также номеров в многочисленных оптинских гостиницах⁶²⁴.

Целый день о. Амвросий проводил среди народа, приходившего к нему за советом и благоговевшего пред своим наставником. Делая каждому наставления соответственно его духовным нуждам и духовному развитию, он вникал в положение каждого, обращавшегося к нему, определяя его личный характер, его склонности, и с любовью указывал лучший исход. Все уходило от него утешенными и с облегченным сердцем.

Духовный опыт старца Амвросия был настолько богат, что он как бы читал мысли приходящих к нему и часто указывал на

их сокровенные тайны и в беседах прикровенно обличал их. Однажды одна монахиня пришла к нему на исповедь и говорила все, что помнила. Когда она кончила, старец сам начал говорить ей все, что она забыла. Но по поводу одного греха, названного батюшкой, она долго утверждала, что не делала его, и тогда старец ответил: «Забудь об этом, я так сказал»⁶²⁵. И еще не успел он закончить речь, как сестра неожиданно вспомнила, что этот грех действительно был совершен ею. Пораженная, она принесла чистосердечное раскаяние⁶²⁶. Если старец беседовал с кем-либо при народе, то он не имел обыкновения обличать прямо и резко, но поучал так искусно, что его обличение, несмотря на присутствие множества народа, понятно было только одному тому, к кому относилось.

Познав на личном опыте спасительность смирения, старец стремился научить этому и своих духовных детей. На самый насущный вопрос каждого человека: как жить, чтобы спастись? – старец давал такие шуточные ответы: «Нужно жить нелицемерно и вести себя примерно, тогда дело наше будет верно, а иначе будет скверно», или: «Жить можно и в миру, только не на юру, а жить тихо». «Мы должны, – говорил еще старец, – жить на земле так, как колесо вертится: чуть только одной точкой касается земли, а остальными непременно стремиться вверх; а мы как ляжем на землю, так и встать не можем»⁶²⁷. С первого взгляда простые и шуточные слова, но какой глубокий смысл содержится в них.

О. Амвросий принимал посетителей или беседуя с каждым в отдельности, или выходил на общее благословение, сначала к мужчинам, а затем к женщинам⁶²⁸. Иногда летом он выходил к народу на воздух. Медленно шел согбенный старец вдоль жердей, которые устанавливались от крыльца и служили ему опорой для передвижения, в то же время сдерживая народ от напора. Отец Амвросий по временам останавливался, давая ответы вопрошающим его. Тысячи вопросов сыпались ему из толпы; он все выслушивал внимательно. К старцу обращались со всевозможными вопросами. «Батюшка, – спросит кто-нибудь, – как мне благословите жить?» «Батюшка, – спрашивала другая, – куда мне благословите: замуж или в

монастырь?»⁶²⁹ Вопросы один за другим: «Я гибну от нищеты»; «Я потеряла все, что мне было дорого в жизни. Мне незачем жить»; «Неизлечимая болезнь меня терзает. Я не могу не роптать»; «Мои дети, в которых я вложил жизнь и душу, стали мне врагами»; «Я потерял веру, я не вижу благодати Божией. На моем языке одни проклятия»⁶³⁰. К кому идти, кому довериться, перед кем выплакать душу, кто сойдет с человека это каменное оцепенение долговременного безысходного страдания? И все приходили к старцу, как к последнему пристанищу. И среди этих стремнин горя, греха и отчаяния стоял о. Амвросий с любвеобильным сердцем, врачующих всех. Сколько раз самые сложные, отчаянные и запутанные житейские вопросы он решал двумя-тремя приветливыми, полными сердечного участия советами. Так, по-видимому, мимоходом решалась чья-нибудь судьба, решались важные вопросы, но всегда по благословению благодатного старца выходило хорошо и решение оказывалось мудрым и правильным. Многие, имея какое-нибудь дело, желали только одного, чтобы при начале этого дела старец молча благословил их.

Но не все приходили к о. Амвросию за делом. Некоторые только отнимали у него время и этим очень отягощали его. Он сам жаловался на таких посетителей в своих письмах: «Старость, слабость, бессилие, многозаботливость и многозабвение и многие бесполезные толки не дают мне и опомниться. Один толкует, что у него слабы голова и ноги, другой жалуется, что у него скорби многи; а иной объясняет, что он находится в постоянной тревоге. А ты все это слушай, да еще ответ давай; а молчанием не отделаешься – обижаются и оскорбляются»⁶³¹. И как тяжело ему было переносить ропот тех, кого он не мог по болезненности немедленно принять. Так, однажды истомленный старец, с потупленным взором, едва брел среди толпы народной, а вслед ему послышался чей-то голос: «Этакая злоба! прошел и не взглянул»⁶³². «Вот так мы день за днем и живем, – писал старец в одном из писем, – и несправедливыми сльем в приеме приходящих и приезжающих. А виновата моя немощь и неисправность пред Богом и людьми»⁶³³. И всегда старец не только не скорбел о

своей болезненности, но был в веселом настроении и даже шутил. А выражавшие ропот вскоре начинали сожалеть о своей нетерпеливости и просили старца простить их. Старец принимал посетителей до вечера, делая небольшие перерывы на прием пищи и малый отдых. Иногда после обеда, когда старец был слаб, он принимал посетителей у себя в келии. А после вечернего правила к нему приходила монастырская братия на ежедневное исповедание помыслов.

Старец Амвросий и интеллигенция второй половины XIX в

Чем объяснить, что к простому, хотя и имеющему семинарское образование, старцу обращались представители высокообразованного общества и даже те, которых в этом обществе называли «гигантами духа и мысли»? Ответ прост; он может быть выражен словами апостола Павла: «Не аз, но Благодать, яже во мне». Многими подвигами о. Амвросий предочистил свою душу, сделал ее избранным сосудом Святого Духа, Который обильно действовал через него. Эта духоносность о. Амвросия была настолько велика, что старца заметила, оценила и потянулась к нему даже интеллигенция XIX века, которая в это время нередко была слаба в вере, мучилась сомнениями, а иногда была и враждебна к Церкви и всему церковному⁶³⁴. Перед многими вставали вопросы о смысле и цели жизни, и все обращавшиеся к старцу находили ответ в своих сомнениях.

К тому же старец имел удивительный индивидуальный подход к каждому вопрошающему. Вот как об этом пишет писатель В. Розанов: «Некоторые... из образованных поступали под водительство старца. Никто их к этому не нудил. Они начали это, когда хотели, и оканчивали – когда хотели же. Но, обыкновенно, раз обратившийся уже никогда не хотел отойти вследствие явной пользы советов, основывавшихся единственно на обстоятельствах того, кто просил совета, а не (на) настроении самого старца»⁶³⁵. Прот. Сергей Четвериков говорит, что во второй половине XIX века о. Амвросий явился связующим звеном между образованным обществом, народом и Церковью⁶³⁶. Старца Амвросия посещали и слушали его духовные наставления Н. В. Гоголь, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, К. Н. Леонтьев и многие другие представители русской интеллигенции.

Старец Амвросий почил в Бозе 10 октября 1891 года. Тело старца было погребено при большом стечении народа около юго-восточной стены Введенского собора, рядом с могилами его

предшественников – старцев о. Макария и о. Льва. Незадолго до смерти старца спросили: «Придет время, не станет вас с нами. Что мы тогда будем делать?» И он с любовью ответил: «Уж если я с вами тут все возился, то там-то от вас уж, верно, не уйдешь»⁶³⁷. И он не ушел от нас. Он поселился там, где за Русскую землю предстательствуют святые и своей благодатной помощью не оставляют нуждающихся в ней.

Учение иеросхимонаха Амвросия о спасении и достижении Царствия Божия по его письмам

В письмах старца Амвросия каждое слово направлено к одной цели – к спасению душ тех, кто обращался к нему. Спасение души есть не что иное, как очищение ее от страстей, насаждение в ней добрых христианских чувствований, подготовка ее к тому, чтобы она сделалась храмом Духа Божия. Человек свободен, а потому он по собственному произволению может стать либо на сторону добра, либо на сторону зла. Это положение старец Амвросий в одном из своих писем освещает так: «Насильно никого не приведешь ко спасению... Воли человека и Сам Господь не понуждает, хотя многими способами и вразумляет... Некоторые толкователи Св. Писания объясняют, что Господь в Гефсиманском саду в последнюю ночь много плакал особенно потому, что знал, что немногие воспользуются его крестными страданиями, а большая часть по неразумию и по злой и упорной воле уклонится в противную сторону»⁶³⁸.

Иеросхимонах Амвросий, указывая на необходимость усилий со стороны человека в деле спасения, основное внимание обращал на действие Божественной благодати. Так, в письме к духовной дочери он пишет: «Напрасно и несправедливо ты думаешь, что дела делаются... без участия Промысла. Кроме властей земных, на земле есть еще и Царь Небесный, Дух Святой, всем управляющий, к пользе нашей полезное устрояющий, бесполезное отстраняющий»⁶³⁹.

Старец указывал, что действие благодати и воля человека находятся в тесном взаимодействии. «Дело нашего спасения, – пишет он, – зависит и от нашего произволения, и от Божией помощи и содействия. Но последнее не последует, если не предварит первое. С нашей стороны вся сила и важность сего дела состоит в благоволении, т. е. в благом изволении благоугождать Господу; тогда Сам Господь будет действовать и помогать нам в деле спасения нашего, по сказанному: без Мене не можете творить ниче́соже»⁶⁴⁰.

Несомненно, что человек, стремящийся к спасению через веру в Иисуса Христа, должен принадлежать к Церкви Христовой. Этот наиболее важный пункт христианского учения о спасении находит свое отражение и в письмах оптинского старца. В одном из писем он пишет, что вне Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви невозможно спасение⁶⁴¹.

Иеросхимонах Амвросий, руководя своих пасомых на пути к спасению, неизменно указывал на заповеди Христовы, как на самое необходимое условие для достижения Царствия Небесного. «На исполнение заповедей Божиих, – пишет старец, – должно понуждать себя и вопреки нехотению, т. к. в Евангелии сказано: нудится Царствие Божие, и нуждницы восхищают е»⁶⁴². При этом он учил, что «цель... православных при исполнении заповедей Божиих – видеть свои недостатки, познавать свою немощь и через то достигать смирения, без которого все другие добродетели не помогут христианину»⁶⁴³.

Такой вывод сделает каждый христианин, если твердо решится во что бы то ни стало исполнять заповеди Божии, потому что, по слову старца Амвросия, «как бы кто из христиан ни был тверд и точен в исполнении христианских своих обязанностей, это исполнение его и духовное делание, по слову св. отцов, может уподобляться только малой купели или самомалейшему озерцу; заповеди же Божий подобны великому морю, как и св. пророк Давид говорит: заповедь Твоя широка зело (Пс. 118, 96)»⁶⁴⁴.

Но очень часто многие христиане забывают о цели своей жизни, прилепляются к земным скоропреходящим благам, а о спасении только говорят. Поэтому старец писал: «Славы и прославления со Христом мы все желаем, но примеру Христову не все последуем... Что же нам делать в таком горьком нашем положении? Остается одно – подражать евангельскому мытарю, которого искреннее сознание, и смиренное мудрование, и смиренная молитва оправдали пред Богом»⁶⁴⁵.

Христиане, «когда принесут смиренное и искреннее покаяние и будут проводить жизнь благочестивую согласно заповедям Божиим, Сам Бог вселится в них и, по сказанному: «... буду им Бог, и тии будут Мне людие (2Кор. 6, 16)»⁶⁴⁶.

Итак, спасение христианина состоит в исполнении заповедей Христовых, конечной целью которых является достижение Царствия Божия, или Царствия Небесного. В своих письмах к духовным чадам иеросхимонах Амвросий много внимания уделяет вопросу достижения Царствия Божия. Господь любит человека как Свой образ и подобие и желает, чтобы он стремился к святости и к достижению Царствия Небесного. В Священном Писании иногда говорится также и о Царствии Божием. Иеросхимонах Амвросий видит между ними различие, а именно: «Царствие Небесное, – говорит он, – получают достойные по смерти, а Царство Божие твердо верующие и тщательные приобретают и в настоящей жизни внутри себя, в своей душе и сердце, по сказанному в Евангелии: «Царствие Божие внутрь вас есть» (Лк. 17, 21). Как и чем приобретается Царствие Божие внутрь нас? Но слову апостольскому, оно приобретается, во-первых, правдою или праведностью, которая состоит в исполнении заповедей Божиих и милостивом и сострадательном расположении к ближним; во-вторых, миром с ближними, миром от страстей, миром со своей совестью и миром с Богом чрез покаяние и смирение. Когда христианин понудится так себя устроить, тогда он получит благодатную помощь и при содействии Святого Духа среди самых скорбей будет радоваться, твердо веруя апостольскому слову, что «скорбь терпение соделывает, терпение же искусство, искусством же упование, упование же не посрамит»; что недостойны страдания нынешнего времени к хотящей славе явиться в нас в жизни будущей, что многими скорбями подобает нам внити в Царствие Небесное»⁶⁴⁷.

Иеросхимонах Амвросий, желая наставить ко спасению обращающихся к нему с просьбой душеполезного назидания, дает им наставление следующего содержания: «Немало между нами и таких, которые хотят и вечное блаженство получить в Царствии Небесном, и вместе желают и временное иметь счастье и полное благополучие. Но это невозможно, как объясняется в слове Божием, что «многими скорбями подобает нам внити в Царствие Небесное» и что наследие со Христом получают только те, которые Христа ради на земле переносят

различные скорби и страдания, как свидетельствует Апостол: «аще с Ним, т. е. со Христом, страдаем, то с Ним и прославимся». Когда же в скорбях наших и болезнях будем малодушествовать и роптать на Бога и на людей и на участь свою, в таком случае не прославимся, но и осудимся. Постараемся же исправиться, хотя не делами, но по крайней мере, душевным и мысленным расположением, как говорит Иоанн Лествичник: «Не постихся, ни бдех, ни на земли лежах, но смирихся, и спасе мя Господь"...⁶⁴⁸

Эти наставления старца Амвросия согласны с учением Спасителя о Царстве Небесном, Который говорит: «Царствие Небесное нудится и нуждницы восхищают е» (Мф. 11, 12). Заповедуя нам искать прежде всего Царство Божие, Спаситель добавляет: «И это все (то есть потребности земной жизни) приложится вам». Чаще всего человек заботится о земном и забывает о Небесном отечестве в надежде найти счастье и какое-то успокоение в своей земной жизни. Но, по слову старца Амвросия, кроме Царствия Небесного, нет упокоительного места во всей вселенной. «Поэтому, – говорит он, – ... нерасчетливо ради пустой и кратковременной мечтательности оставить путь, ведущий в Царствие Божие, к блаженной вечности, и избрать стезю, ведущую к гибели вечной»⁶⁴⁹. Для достижения вечного упокоения, по словам иеросхимонаха Амвросия, требуется усилие, чтобы шествовать по узкому и тернистому пути. «До дверей Царствия Небесного, – пишет он, – без труда и неудобств добраться невозможно»⁶⁵⁰. «Тесен и прискорбен путь, вводяй в живот... многими скорбями подобает нам внити в Царствие Небесное. И не вотще Господь говорит в Евангелии: «Не приидох мир воврещи на землю, но меч"...⁶⁵¹

Каждому христианину, который желает достигнуть нравственного совершенства, нужно пройти через многие искушения как внутренней борьбы, так и извне приходящих досаждений, обид и всевозможных неприятностей, одержать победу над борющимися страстями, гневом, раздражительностью. И только после этой длительной борьбы в душе может водвориться мир, о чем старец Амвросий пишет: «Христиане не вдруг достигают совершенства, а пока не достигнут оно,

беспокоимы бывают тою или другою немощью или страстию. Потому-то и сказано в Евангелии: нудится Царствие Божие, и нуждницы восхищают оное»⁶⁵².

Проводящие жизнь греховную и нерадивую сами уготовляют себе вечные муки. Это учение старца по данному вопросу полностью гармонирует с учением отцов и учителей Церкви. «Все помилованные от Господа, – говорит иеросхимонах Амвросий, – будут сподоблены лицезрения Христова; и Царствие Небесное не что иное есть, как радость о Христе Спасителе от лицезрения Его. Так и напротив, отлученные от Христа будут лишены и Царствия Небесного и отосланы в муку»⁶⁵³. Для избежания страшных мук в вечности иеросхимонах Амвросий советовал всем обращавшимся к нему жить по евангельским заповедям и очищать свое сердце от всего порочного и греховного покаянием.

О покаянии

Старец иеросхимонах Амвросий, в основу своей жизни положивший покаяние и отсечение своей воли, также поучал и своих пасомых стремиться к этой основной добродетели. «Если мы не можем, по немощи, жить благочестиво, – пишет старец в одном из писем, – то, по крайней мере, позаботимся и постараемся всегда приносить искреннее раскаяние в своей неисправности»⁶⁵⁴. Своим духовным детям старец Амвросий постоянно стремился привить жажду покаяния, посредством которого душа сподобляется единения с Богом. «Если грешный с верою и упованием в покаянии будет прибегать к Господу, – говорит старец, – то получит помилование и прощение согрешений»⁶⁵⁵. Старец непрестанно учил: «Одно остается нам, немощным и грешным, – каяться в своих слабостях и немощах душевных, нелицемерно смиряться пред Богом и людьми и безропотно и терпеливо переносить посылаемые нам за грехи различные скорби и болезни; и таким образом несомненно можем получить милость Божию»⁶⁵⁶.

Искреннюю, чистосердечную исповедь старец Амвросий считал неотъемлемой частью покаяния. Так, например, он поучает, что тяжелые душевные и телесные недуги большей частью являются следствием тяжких, а также неисповеданных согрешений. И когда иеросхимонаху Амвросию рассказывали о таких больных, он давал советы, чтобы они «искренно исповедали свои грехи духовному отцу и не стыдились ничего утаивать...»⁶⁵⁷

В большинстве случаев таинство Покаяния неизменно предшествует принятию Святых Таин. И если человек не отнесся с должным вниманием к исповеди, то он приступает к Телу и Крови Христовым недостаточно подготовленным. Об этом иеросхимонах Амвросий пишет: «Есть и такие христиане, которые приносят покаяние, но не все высказывают на исповеди, а некоторые грехи скрывают и утаивают стыда ради. Таковые, по слову апостольскому, недостойно причащаются Св. Таин и за недостойное причащение подвергаются различим

немощам и болезням, а немало и умирают. Сказано Апостолом: «Ядый бо и пияй недостойно, суд себе яст и пиет, не рассуждая Тела Господня» (1Кор. 11, 29)⁶⁵⁸. Утаенный грех влечет за собой смерть души и страдание тела, «так как наказание бывает человеку не только за грехи, но больше за недостойное причащение Святых Таин»⁶⁵⁹. «Покаяние же выше всего, и нужнее всего для всякого человека и утешительнее для других, нежели ведение о мнимых собственных добродетелях»⁶⁶⁰, ибо без покаяния не может человек черпать силы из благодатного источника, поддерживающего в христианине духовную жизнь.

Приведа слова Псалмопевца: «Наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя. Отверзите мне врата правды, вшед в ня, исповемся Господеви, сия врата Господня, праведные внидут в ны» (Пс. 117, 18–21), иеросхимонах Амвросий объясняет так: «Врата правды- заповеди Господни и закон Божий. Грехами врата сии затворяются; и паки отверзаются искренним сознанием и смиренным покаянием и благодарением Господу за помилование и избавление от смерти. Врата правды называются и вратами Господними, чрез которые и праведные восходят ко Господу также покаянием...

Праведник ежедневно может падать седмижды, если не делом, то словом или помышлением или зрением, или слухом и подобными; только, по словам св. Епифания, грехи праведных – грехи уст; а грехи грешных – грехи всего тела. Св. Давид, согрешив, каялся, исповедовался Богу и благодарил Господа за то, что его, согрешившего, не предал смерти... Мы маловерные и малодушные... не подражаем св. Давиду, а, будучи наказуемы за грехи наши, ропщем на Бога и людей, и обвиняя всех и все, вместо того, чтобы смиряться и приносить искреннее раскаяние в своей греховной жизни и постараться исправиться или... хоть не роптать, не обвинять других, что терпим болезнь или бедствие достойно и праведно»⁶⁶¹. По словам иеросхимонаха Амвросия, христианин должен постоянно, всю свою жизнь, каяться в грехах, даже и в тех, в которых он исповедовался⁶⁶². Только плотские грехи старец советует не вспоминать после раскаяния пред духовником, а всегда только помнить свою греховность и вообще считать себя грешным и неоплатным

должником пред Господом⁶⁶³. Кто чистосердечно раскаивался и приносил плоды достойные покаяния, о таковых старец Амвросий пишет, что они «сподобятся быть внутри райской ограды; и последние не должны лишиться лицезрения Христова»⁶⁶⁴.

Сожалея о тех, которые упорно не хотят каяться, старец говорит: «В ад только пойдут те, которые от гордости не захотят принести покаяния»⁶⁶⁵. Христианские души, пока добровольно предаются сластолюбию и другим телесным страстям, бывают подобны скотским яслям, заботятся только о корме и питании и ином телесном угождении; а когда обратятся к Богу с искрением покаянием и будут заботиться о воздержании и проводить жизнь благочестивую, тогда уподобятся небесному вместилищу, в котором обитает невместимый небесами Христос Бог⁶⁶⁶.

Тем, которые всю свою жизнь провели в пороках и грехах и, наконец, осознали бездну своих падений, старец советует не отчаиваться, но «благодарно простираться к покаянию и смирению, подражая мытарю, который, видя во всем свою неисправность, взывал ко Господу: «Боже, милостив буди мне грешнику»⁶⁶⁷. «Во всяком грехе человек может покаяться, имея твердое намерение вперед на то же не возвращаться и таким образом получить прощение и милость от Бога»⁶⁶⁸. «Многие святые утверждают, что и Иуда получил бы прощение, если бы решился приносить покаяние подобно верховному апостолу Петру, трижды отрекшемуся Христа, но чрез сие (покаяние) получившему не только прощение своего греха, но и прежнее апостольское достоинство... Евангелие тем начинается и оканчивается: покайтесь!»⁶⁶⁹

Покаяние только тогда будет истинным, когда человек осознает свой грех, возненавидит его, постарается не повторять его и получить прощение через исповедь. В то же время он должен смиренно сознавать, что своими грехами он оскорбил Бога и достоин всякого наказания, которое может выразиться во внешних скорбных обстоятельствах жизни. По этому поводу старец Амвросий пишет: «чтобы удобнее было получить прощение своих согрешений, нужно прежде всего обратиться к смиренному самоукорению и возложить вину на себя, а не на

других»⁶⁷⁰. Смирненное покаяние изглаживает все грехи, оно привлекает милость Божию к кающемуся грешнику. Какими бы добродетелями ни обладал христианин, он ничто в глазах Божиих, если в нем нет смирения, ибо Господь ублажает прежде всего нищих духом, ублажает смиренных сердцем, алчущих и жаждущих правды. Он обещает покой тем, кто вслед Его идет, подражая ему не только в послушании, но и в кротости и смирении.

О смирении

Смирение является признаком истинного христианина; оно должно лежать в основе всех его действий и поступков. Только при этом условии человек может избежать зла и приобрести душевный покой. «Чем себя умерять в своих действиях? – пишет старец в одном из писем. – Смирением, самоукорением и страхом Божиим, памятуя всегда слово псаломское, чтобы уклоняться прежде от зла, а потом уже стараться сотворить благо»⁶⁷¹.

На пути нравственного совершенствования внимание христианина, по учению старца Амвросия, должно быть обращено на очищение своего сердца, как это видно из его писем: «Господь более взирает на сердце и приобретение смирения, нежели на лицо или внешнее делание человека, хотя от здоровых телесно и это требуется... (но) смириться же потребно и полезно и необходимо всем – как крепким, так и, особенно, слабосильным. Смирение может заменять внешние труды. А без смирения и большие подвиги не могут приносить пользы»⁶⁷². Даже если христианин пребывает постоянно молитве, но не имеет в своей душе смирения, то и тогда он не будет свободен от вражиих нападений.

Своим духовным детям, которые часто подвергались вражиим нападениям, иеросхимонах Амвросий писал: «Вымолиться любите, а смирения, потребного для сего, должно быть, не стяжали. И выходит, что молитвой вы врага только раздражили; а не имея нужного смирения, не имеете против него потребного оружия»⁶⁷³. Старец советует всем находящимся в искушении прибегать «к твердыне смирения, которая для хищников неприступна»⁶⁷⁴.

Немощным телом, но совершившим много грехов иеросхимонах Амвросий советует самое наилучшее средство ко спасению – это «прибегать к самоукорению и смирению и в неприятных случаях более обвинять себя, а не других»⁶⁷⁵. «Телесные подвиги и труды, – пишет старец, – требуются только

от крепких телом; немощным же более полезно смирение с благодарением»⁶⁷⁶.

Само богоугождение также достигается только смирением. «Если хочешь угодить Господу, – поучает старец в одном из писем, – то знай, что нельзя Ему угодить безрассудством, упорством и ропотом на всех, даже на Самого Господа, а должно угождать Ему смирением, смиренным покаянием, покорностью и рассуждением, – или же, если кто сам не может рассудить здраво, то послушанием тому, к кому относится»⁶⁷⁷, а «корень всему злу – самость и упрямство... нужно всячески постараться вырвать этот злой корень смирением и послушанием, подражая Самому Господу, Который смирился до рабья зрака и послушлив был до смерти крестной и распятия»⁶⁷⁸.

При искреннем смирении рождается правильный образ мыслей. Об этом старец Амвросий говорит: «Если бывместо самомнения хоть мало бы мы приблизились к смирению, самоукорению и к недоверию к своему сердцу (потому что оно еще не очищено), тогда бы иначе стали думать и иначе говорить, особенно тогда, когда должно осторожно говорить и с рассуждением, и с бережением себя и других. Чтобы сказать разом все, повторяю слова Писания: «Аще кто мнится верен быти в вас и не обуздывает языка своего, но льстит сердце свое, сего суетна есть вера» (Иак. 1, 26)⁶⁷⁹.

Восхваляя смирение и считая его основанием всякой добродетели, иеросхимонах Амвросий строго осуждает порок, противоположный смирению, – гордость. Старец считает, что «гордость и самонадеянность вреднее прелюбодейства и убийства. Последние привели пророка (Давида) к смирению и раскаянию, первые довели его до падения»⁶⁸⁰. Желая объяснить, что значит самоукорение, старец пишет: «Самоукорение – это есть во всяком неприятном, скорбном случае и обстоятельстве должно возлагать вину на себя, а не на других»⁶⁸¹.

Если человек не имеет смирения, то он не должен оправдывать себя тем, что не может приобрести эту добродетель из-за определенной обстановки и окружающих его

людей. «Оставь обманчивую мысль, – пишет иеросхимонах Амвросия, – что ты в отдаленном месте будешь смиряться и будешь переносить всякое поправление и уничижение; а лучше смирись в настоящее время... где живем, и считай себя мысленно под ногами всех, то есть считай себя достойною всякого поправления и уничижения и досаждения... Смирение и терпение на все – победа содействием Божиим»⁶⁸².

Когда человек сам не доходит до сознания необходимости смирения и не смиряет себя, тогда Господь Сам, «имиже весть судьбами», приводит его к смирению. «Если сами не смиримся, то Господь невольно нас смиряет»⁶⁸³. Тогда смирение тесно соприкасается с другой добродетелью – терпением в скорбях.

О терпении в скорбях

В Св. Писании имеются ясные указания о необходимости скорбей для ищущих спасения. Сам Господь сказал: «В мире скорбни будете» (Ин. 16, 33). Эти скорби составляют крест, который каждый человек должен понести в своей жизни. Скорби, болезни и бедствия должны приниматься христианином как от руки Божией, потому что Промыслом Божиим они посылаются для нашего вечного спасения. Скорби пробуждают в нашем сердце веру в Бога, подвигают нас на молитву, очищают наше сердце от грехов, укрепляют в добродетелях. Св. апостол Павел говорит: «Хвалимся и скорбями, зная, что от скорби происходит терпение, от терпения – опытность, от опытности – надежда, а надежда не постыжает» (Рим. 5, 3–5). В горниле скорбей в душе человека рождается та добродетель, которую трудно приобрести в жизни спокойной, чуждой страданий. Скорбь рождает в терпение.

В свете евангельского учения поучает к терпению в скорбях своих духовных чад оптинский подвижник иеросхимонах Амвросий. «Всякий христианин чем-либо да испытывается, – пишет он в одном из писем, – один бедностью, другой – болезнью, третий – разными недоумениями. И этим испытывается твердость веры и надежды, и любви Божией, то есть к чему человек более склоняется, к чему более прилепляется, горе ли стремится, или еще пригвожден к земному; чтобы человек-христианин чрез подобные испытания сам видел, в каком он находится положении и расположении, и невольно смирялся»⁶⁸⁴. «Не обленимся, – учит старец, – каяться и смиряться и терпеть посылаемые скорби и болезни, внимая евангельскому слову Господа: «В терпении вашем стяжите души ваши»; и: «Претерпевый до конца, той спасен будет»⁶⁸⁵.

Почти во всех своих письмах иеросхимонах Амвросий затрагивает вопрос о терпеливом перенесении всех скорбных обстоятельств, встречающихся с христианином. В них он видит особое промыслительное действие Божие, попускаемое для

спасения человека. «Скорби, – говорит он, – это дар Божий, и все, что делается промыслительно от Господа, то делается к пользе нашей душевной»⁶⁸⁶. В одном из писем иеросхимонах Амвросий пишет: «Ошибка и заблуждение человечества происходит от того, что мы не понимаем как следует намерение Божие и волю Божию о нас. Господь, по благодати Своей и милосердию Своему, хочет даровать нам вечное блаженство на небе, в Царствии Небесном, а мы, по слепоте своей, более желаем, ищем счастья и благополучия временного на земле. Вот Господь, по благодати Своей и по любви к роду человеческому, и вразумляет нас разными скорбями и болезнями, и другими бедствиями, как свидетельствует Апостол: «Его же бо любит Господь, наказует; бьет же всякого сына, его же приемлет. Аще же без наказания есте, убо прелюбодейчици есте, а не сынове» (Евр. 12, 6)⁶⁸⁷.

Иеросхимонах Амвросий побуждает всех христиан переносить с терпением всякие встречающиеся скорби. «Советую тебе, – пишет он монахине, – более всего вооружай себя к терпению и понесению разных приключений и неудобств, а иначе нельзя успокоиться»⁶⁸⁸. «И не говори, что более не могу терпеть и выносить неудобства затруднительных обстоятельств, а лучше по возможности старайся терпеть и охранять душу свою в возможно мирном устройении... против всего и против всех»⁶⁸⁹.

Все скорбные обстоятельства, по мысли старца Амвросия, устраиваются к нашему спасению. Господь, как любящий отец, посылает каждой душе то, что ей на пользу. В одном из писем иеросхимонах Амвросий пишет: «Господь столько любит нас, сколько не может любить ни одна мать своих чад. Но мы часто делаемся недостойны такой любви Божией, за что и посылаются праведно на нас многообразные скорби и болезни»⁶⁹⁰. «Земной же удел человеческий, – пишет старец в другом письме, – скорбь, труд, болезни, подвиг, печали, недоумения, теснота, лишения того или другого, оскорбления, смущения, восстание страстей, борьба с ними, одоление или изнеможение, или безнадежие и подобное сим. Не вотще сказал пророк Давид: «Несть мира в костях моих от лица грех моих». И

праведный Иов взывал: «Не искушение ли есть человеку житие сие?» А мы все путаемся на том: нельзя ли как устроиться в покое и на покое, и часто думаем: «Если бы не такое-то неудобство и не такие-то обстоятельства, и не такой-то поперечный человек, то, может быть, было бы мне удобнее и покойнее», а забываем, что неудобства сии часто исходят изнутри нас, как и злые помышления. Где лежат страсти, оттуда исходят и все наши неудобства, неладицы, неурядицы и неустройства»⁶⁹¹. Старец Амвросий убеждает, что «большая часть страдающих из нас подвергается страданиям как следствиям или неправильных мыслей, или ошибочных действий»⁶⁹². Поэтому, «как ни тяжел крест, который человек несет, но дерево, из которого он сделан, выросло на почве его сердца»⁶⁹³.

На недоуменный вопрос многих: «Почему же тогда страдают люди благочестивые и праведники?» – мы находим убедительный ответ в письмах оптинского старца. «Всеблагий Господь, – пишет иеросхимонах Амвросий, – праведным посылает различные скорби, во-первых, для того, чтобы не ослабевали в подвигах благочестия и, разленившись, не уклонились в противную сторону и не погибли, как сказано у пророка Иезекииля: «Егда реку праведному: жизнью жив будеши, сей же, уповая на правду свою, и сотворит беззаконие, вся правды его не вспомнятся, в неправде своей, юже сотвори, в той умрет» (гл. 33, ст. 13). Во-вторых, праведным Господь посылает различные скорби для того, чтобы чрез это они совершенно очистились от грехов и страстей и получили велие воздаяние в будущем веке, по сказанному: «Яко злато в горниле искуси их, и яко всеплодие жертвенное прият я». На грешных же наводит Господь различные напасти и болезни, чтобы привлечь их к покаянию, как Сам говорит в св. Евангелии: «Приидох призвати не праведныя, но грешныя на покаяние»; и паки: «Покайтесь, приближися Царство Небесное»⁶⁹⁴. «Свобода существ разумных всегда испытывалась и доселе испытывается, пока утвердится в добре, – говорит иеросхимонах Амвросий, – потому что без испытания добро твердо не бывает»⁶⁹⁵.

Чем строже живет христианин в духовной жизни, тем все более его посещают всевозможные скорби и неприятности. Но все это бывает не случайно, а по особому устроению Божию. Скорби попускаются людям для того, чтобы они посредством их находились в постоянном бодрствовании и искании Бога. «Скорби, – говорит иеросхимонах Амвросий, – везде должны встречать человека; и тем более враги наши душевные износят оные... и в особенности желающим упражняться в молитве, которая для них несносна»⁶⁹⁶.

Скорби в жизни человека выражаются в самых различных формах. Это или жизненные условия, или телесные недуги, или клевета, наговоры и досаждения окружающих людей, иногда даже самых близких. Благодетельные люди, которые подобные обстоятельства переносят с терпением и покорностью воле Божией, иногда подвергаются искушениям непосредственно темной враждебной силой, но тоже только по попущению и Промыслу Божию. Обо всем этом мы узнаем из писем иеросхимонаха Амвросия. Так, в одном из писем он пишет: «Теперь нет Диоклетианов и Максимианов, но враг находит удобство досаждать держащимся благочестия через слабых и нерадивых»⁶⁹⁷. В другом письме мы находим: «Хотящие благочестно жити гоними будут». От кого же? Разумеется, прежде всего от своих, которых враг вооружает, чтобы отвратить от пути благочестия благо-изволивших по нему идти»⁶⁹⁸.

О болезнях старец Амвросий пишет так: «Болезни телесные потребны для очищения плоти, а болезни душевные через обиды и поношения потребны для очищения души»⁶⁹⁹. А однажды, сказав слова св. Исаака Сирина, что «невозможно не болети телу в недугах, егда кто избрет путь добродетели», старец добавил: «И тем более невозможно нам не бывать больными, слабо идущими по этому пути»⁷⁰⁰.

Иеросхимонах Амвросий болезни телесные уподоблял подвижничеству, и в одном из писем он говорил по этому вопросу: «Св. Лествичник и болезнь называет подвижничеством, притом подвижничеством отраднейшим, хотя и невольным. Отраднейшим потому, что на произвольное подвижничество охотников мало, и притом тут может примешаться возношение,

осуждение других, а в невольном болезненном подвижничестве нечем человеку погордиться... Произвольное и невольное подвижничество равно умеряют плоть, а последнее иногда посылается еще и для истребления возношения. Поэтому старайся в болезни благодушествовать и благодарить милосердие Божие за невольное вразумление... больше всего в болезненном положении остерегайся ропотливого расположения духа»⁷⁰¹.

С этой же целью старец иногда стремится объяснить, что за свою греховную жизнь мы достойны большего наказания, но Милосердый Господь подвергает нас только некоторому испытанию, ожидая от нас обращения и покаяния. «Если христианин согрешил, – поясняет старец Амвросий, – то по праведному суду Божию, для избежания вечного наказания, должен при покаянии понести какое-нибудь наказание временное, но малое в сравнении с грехом – или болезнь, беду какую, или бесчестие. Остальное же восполняет милость Божия. Благоразумный разбойник разбойничал 30 лет, а понес наказание, только три часа повисевши на кресте с перебитыми голеньями. Правда, что наказание тяжелое, но может ли оно послужить удовлетворением за тридцатилетнее разбойничество?»⁷⁰². А поэтому, по мысли старца Амвросия, только та скорбь ведет ко спасению, которая переносится без ропота на Промысл Божий. «Когда же в скорбях наших и болезнях будем малодушествовать и роптать на Бога и на людей, и на участь свою, в таком случае не прославимся, но и осудимся»⁷⁰³.

Унывать в скорбях очень опасно, потому что эта страсть (уныние) приводит душу в расслабление, а затем в совершенное безразличие к вопросам спасения и, наконец, в отчаяние. Старец Амвросий советует также: «Ни в каком случае унывать и паче меры печалиться и скорбеть не должно, а надеяться и уповать, что благодать Божия, оскудевающая восполняющая, и всеильная Божия помощь сильны все привести к полезному концу»⁷⁰⁴. Одной духовной дочери, которая от скорбей приходила в отчаяние, старец писал: «Напрасно ты думаешь, что люди от скорбей погибают... скорби

(наоборот) приближают людей ко спасению, если кто не малодушествует и не отчаивается, а вооружается терпением со смирением и преданностью воле Божией»⁷⁰⁵.

Иеросхимонах Амвросий советует особенно не углубляться в постигшее горе. Он пишет: «Знай, что горе, как море. Чем более человек в него входит, тем более погружается»⁷⁰⁶. И если «по немощи нашей не можем при поношении радоваться, то по крайней мере не скорбим паче меры. Если же от слабости нервов не можем побороть и одолеть скорбных и оскорбляющих мыслей, то всячески да соблюдаем себя от ропота. Когда же и до сего доходило дело, то да познаем немощь нашу и да смирим себя пред Богом и людьми и покаемся»⁷⁰⁷.

В другом письме мы находим: «Хотя мы пред людьми, может быть, и правы в чем-нибудь, но когда не правы пред Богом, то должны без самооправдания переносить всякое злострадание, всякое неудобство и всякое стеснение, никого из людей не обвиняя в этом, но принимая все скорби, как посланные от руки Божией к очищению грехов наших и исправлению нашему, и больше всего к смирению возносительного мудрования нашего»⁷⁰⁸.

Всецело предавший себя Господу терпеливо переносит все случающееся с ним, как посылаемое спасительным Промыслом Божиим. Истинному христианину во всех случаях жизни необходимо предавать себя воле Божией; во время же болезни эта преданность особенно нужна. «Преданность воле Божией, – пишет старец Амвросий, – всегда потребна и полезна для нас, но в болезни она еще более необходима. Тогда только мы можем быть спокойным и можем удерживать веру и упование на милосердие Божие, спасающее грешников кающихся и вместе смиряющихся подобно мытарю, который и не прогневался и на фарисея, уничижившего его»⁷⁰⁹.

Другим источником утешения, дающим терпение в скорбях, служит молитва. И старец также советует: «Бог даст, буря утихнет; только молись с верой и усердием Господу и Царице Небесной, чтобы помогли в несении скорбей»⁷¹⁰. Совершенно быть свободными от них мы не можем, по слову Христа Спасителя, Который, побуждая Своих последователей к

мужественному перенесению всех испытаний, сказал: «В мире скорбни будете, но дерзайте, яко Аз победих мир» (Ин. 16, 33). Слова эти означают, что никакая скорбь, как бы тяжела она ни была, никогда не одолеет верующего во Христа и пребывающего в Нем исполнением Его заповедей.

О молитве

Всякий истинный христианин не только в земной жизни не разлучается с Богом, но и не прекратит этого общения с Ним в бесконечных веках. И нет большего утешения для христианина, как ощущать близость Небесного Отца и беседовать с Ним в своей молитве. В молитве христианин раскрывает всю свою душу пред Богом: благодарит Его за все, что Он дает ему, прославляет Его благословенное имя и воздыхает к Нему, прося Его помощи в своих нуждах и печалях. Присутствуя в храме Божиим богослужением христианин своим сердцем ощущает Его присутствие, согласно Его обещанию: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я среди них» (Мф. 18, 20). «Молитва, – пишет старец, – без очищения помыслов и без перенесения скорбей совершаться не может»⁷¹¹.

Однако следует иметь в виду, что всякому приступающему к молитве необходимо приуготовить себя на борьбу с невидимым врагом, потому что никакая другая добродетель так не тревожит врага, как молитва к Богу. «Где люди заботятся преимущественно о молитвенном подвиге, – пишет старец Амвросий, – тут-то враг и старается возводить с обеих сторон гневливость, которая делает человека неспособным не только к молитве, но и ко всякому доброму делу»⁷¹².

Невидимый враг, заметив усердную молитву человека, нередко старается навести на него сильный страх. Если же этим он не сможет одолеть христианина, то иными путями старается отвлечь внимание верующего во время молитвы, вселяя в него различные помыслы, наводя леность или болезнь, а иногда и смущение, которое, по словам Исаака Сирина, «прилично назвать колесницею дьявола, потому что сатана имеет обычай, подобно седоку, восседать на уме, брать с собою кучу страстей, с ними входить в несчастную душу и погружать ее в смущение»⁷¹³.

Старец Амвросий молитву Иисусову ставит на первое место среди всех молитвенных правил. «Когда кто-либо совершает келейное правило, – говорит он, – и среди оного почувствует

особенное настроение духа к молитве Иисусовой, или к поучению в каком-либо изречении Писания, тогда можно оставить на время келейное правило и заняться тем или другим из сказанного. Так научают нас опытные отцы»⁷¹⁴. Далее старец Амвросий пишет, что в молитве Иисусовой должны мы пребывать постоянно, не ограничиваясь ни местом, ни временем: «К молитве Иисусовой старайся прибегать часто, во всякое время, также и в церкви, особенно если не слышно чтения, – за хождением и каждением»⁷¹⁵. Более опытных в духовной жизни христиан старец Амвросий увещевает пребывать в молитве Иисусовой постоянно. «Молитва Иисусова..., – пишет он, – прилична, когда человек идет, или сидит, или лежит, пьет, ест, беседует или занимается каким рукоделием; кто может при всем это произносить молитву Иисусову со смирением, тот не должен оставлять оной; за оставлением же укорять себя и каяться со смирением, но не смущаться, потому что смущение, какое бы оно ни было, есть признак тайной гордости и доказывает неопытность и неискуство человека в прохождении своего дела»⁷¹⁶.

Проходящим молитвенный подвиг старец Амвросий советует внимательно следить за движением своего сердца и не допускать возникновения в нем каких бы то ни было помыслов. «Во время молитвы, – пишет он, – должно стараться отвергать всякие помыслы и, не обращая на них внимания, продолжать молитву; если же стужение помыслов очень усилится, то опять должно просить против них Божией помощи»⁷¹⁷.

Особенно строгие указания оставил иеросхимонах Амвросий относительно тех, кто, не потрудясь достаточно на низших ступенях молитвенного подвига, дерзает переходить к высшей ступени – сердечной молитве. «Помысл понуждает тебя молиться, чтобы Господь ввел ум твой в сердце. Но ни у кого из святых отцов не видим, чтобы кто-либо из них молился подобною молитвою. Полезнее молиться со смирением так: «Господи! якоже веси, помилуй мя!» Нам заповедано Господом молиться: «Отче наш! Да будет воля Твоя...» А у тебя во всем, даже в молитве, проглядывает, что хочешь непременно, чтобы было по-твоему или по внушению вражью»⁷¹⁸.

Молитва, произносимая во смирении сердца, по мысли старца Амвросия, дает человеку распознать все искушения, наносимые диаволом, и помогает молящемуся одержать победу над этими искушениями. Старец Амвросий, поучая своих духовных чад бдительному хранению своего сердца от «дурных помыслов», советует заниматься молитвой Иисусовой, начиная с устной. «Иисусову молитву, – говорит он, – (нужно употреблять) особенно при борении дурных помыслов, но только устно. А иногда и: «Боже, милостив буди мне грешной»⁷¹⁹. В другом письме иеросхимонах Амвросий пишет: «Во искушении, особенно, когда бываешь наедине, всегда полезнее тебе молиться устной молитвою, как заповедует и св. Апостол: «выну приносяще хвалу Богу», сиречь плод устен исповедующих Господеву»⁷²⁰.

Желая оградить своих духовных чад от всевозможных помыслов и искушений, иеросхимонах Амвросий советует приобрести смирение, которое может оградить душу от всех ухищрений диавольских. «Ежели всякая добродетель без смирения не может состояться, – говорит он, – то кольми паче молитва прежде всего требует смирения, так как молящиеся имеют дело с гордыми бесами, которые, будучи сами бедны и ничего не имея, обещают другим богатство, показывая чужие ассигнации... Также знай, что молитва требует безгневия»⁷²¹.

По мере преуспевания своих духовных чад старец Амвросий побуждал их постоянно находиться с молитвой Иисусовой и в то же время внушал всем занимающимся этим делом не доверяться снам и всякого рода видениям. «Во время (молитвы), – пишет он, – никакого постороннего помысла не принимать и не верить тому, что видится или слышится, т. е. изменению иконы или какому-либо голосу. А если снам или чему-либо подобному верить, то можно ума лишиться»⁷²².

По мысли иеросхимонаха Амвросия, всякий подвиг должен совершаться подвижником с рассуждением, соразмерно со своими как духовными, так и телесными силами, и с благословением отца духовного. Но кто живет по своему разуму и произволу, такой человек, хотя бы нес большие подвиги, однако не может преуспеть в духовной жизни, потому что все

сделанное по своей воле не всегда бывает угодно Богу, по причине тщеславия и превозношения. «Полезнее, – пишет он, – постоянно продолжать умеренное делание, нежели иногда излишнее совершать, иногда же и должное оставлять, по причине неумеренной усталости... При молитвенном подвиге прежде всего должно заботиться о том, чтобы избавиться от дурных и вредных качеств юродивых дев, да не услышим: «Что Мя зовете: Господи, Господи! и не творите повеленного Мною» о мире и святом отношении ко всем»⁷²³. Одной монахине, жившей по своей воле и впавшей в диавольское обольщение, иеросхимонах Амвросий дает ценные наставления, как можно выйти из такого положения. «Ты, как видно, – говорит он, – от неопытности и самочиния, по причине самомнения и скрытости характера, подверглась прелести вражией. Поэтому молись Господу о избавлении: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя прельщенную! Господи, непусти врагам до конца поругаться над созданием Твоим, которое Ты искупил честною Твоею Кровию!» Когда будешь так молиться, то сама увидишь действие этой молитвы..., душевным врагам это будет неприятно, и они будут смущать душу твою и отвлекать, чтобы ты так не молилась; да и самолюбию твоему будет неприятно считать себя прельщенною. Но ты понуждайся так молиться и просить от Господа помилования и вразумления»⁷²⁴.

Иеросхимонах Амвросий убедительно советует, чтобы молитва человека была сообразна его душевному преуспеянию и совершалась постоянно, т. е. без длительных перерывов во времени. «Молитва каждого должна быть сообразна с его мерою; должна быть смиренна и разумна»⁷²⁵.

В его эпистолярном наследии можно найти указания, которые говорят о том, что плодом истинной молитвы должны быть смирение, любовь к Богу и ближним. Помимо приобретения этих добродетелей, по мысли старца Амвросия, посвятивший жизнь свою на служение Богу должен научать себя страху Божию, потому что в слове Божиим говорится: «Работайте Господеви со страхом и радуйтесь Ему с трепетом» (Пс. 2, 11).

О страхе Божиим

Христианин, ищущий спасения, в основу своей жизни, по мысли иеросхимонаха Амвросия, должен положить страх Божий. Страх Божий есть начало спасения, потому что, проникнув в сердце человека, он пробуждает его от сна греховного, наставляет его на путь обращения, вселяет в него стремление очиститься от страстей и жить по заповедям Господним, дабы избежать вечных мук и приобрести спасение. «Советую вам, – пишет старец, – держаться страха Божия и хранения своей совести, так как это более всего содействует христианину удержаться на настоящем пути»⁷²⁶.

Душа человека после грехопадения более бывает склонна ко злу, чем к добру, а потому для нее остается только одно средство: почаще прибегать к Богу и просить Его о ниспослании ей страха Божия, который ограждает душу и удерживает ее от греховных поползновений. В одном письме, наставляя свою духовную дочь, иеросхимонах Амвросий пишет: «Во всякое время да держимся страха Божия, и страх Божий сохранит вас от всякого зла – тайного и явного»⁷²⁷.

Страх Божий, по словам старца Амвросия, может удерживать душу от многих греховных поползновений и направлять его по пути нравственного совершенствования. «Крепко (нужно) держаться страха Божия и хранения своей совести, – пишет иеросхимонах Амвросий, – так как это более всего содействует христианину удерживаться на настоящем пути».⁷²⁸ Христианин – это воин, сражающийся, по апостолу Павлу, с «духами злобы поднебесной», поэтому он должен постоянно возгревать в себе страх пред Богом, бодрствовать над самим собой и хранить все свои чувства от всего того, что наносит вред его бессмертной душе и лишает ее вечного общения с Богом. Иеросхимонах Амвросий также об этом пишет: «Береги совесть свою и очи; имей страх Божий; чаще помышляй о смерти и о Страшном суде, и о том, что если теперь не управишь себя в богоугодной доброй жизни, то после уже и совсем ослабеешь к добру»⁷²⁹.

Вот почему и подобает всякому христианину пребывать всегда в страхе Божием и постоянно бодрствовать над собой, искоренять всякие зловредные страсти и пороки из своего сердца. Если мы не позаботимся искоренить их в земной жизни, то наше спасение в вечности окажется сомнительным. Кто стяжал страх Божий и постоянно поддерживает его в себе, уже стоит на пути ко спасению, но ему еще необходим великий труд по очищению себя от страстей.

О страстях и борьбе с ними

Спасение человека есть постепенный и длительный процесс очищения своей души от страстей и стяжание евангельских добродетелей. В своих наставлениях иеросхимонах Амвросий пишет лишь о тех страстях, о которых спрашивали его в письмах лица, обращавшиеся к старцу за духовным советом. Поэтому в эпистолярном наследии старца Амвросия нет полного разбора каждой страсти в отдельности.

В наставлении гордым и тщеславным иеросхимонах Амвросий подробно останавливается на признаках той и другой страсти и объясняет, в чем заключается различие между ними. Для большей наглядности он сравнивает гордых и тщеславных с утками и гусями. Иеросхимонах Амвросий считает, что гордость рождается от самолюбия. «Тщеславие и гордость, – пишет он, – хотя одной закваски и одного свойства, но действие и признаки их различны. Тщеславие старается уловить похвалу людей и для этого часто унижается и человекоугодничает, а гордость дышит презорством и неуважением к другим, хотя похвалы тоже любит... Если же побеждаемый тщеславием не имеет благовидной наружности и других хороших качеств, тогда, для уловления похвал, человекоугодничает и, как утка, кричит: «Так! так!», когда на самом деле и по справедливости не всегда так, да и сам он внутренне бывает расположен иначе, а по малодушию придакивает. Гусь, когда бывает что-либо не по нем, поднимает крылья и кричит: «Гага! каго!», так и горделивый, если имеет в кружке какое-либо значение, часто возвышает голос, кричит, спорит, возражает, настаивает на своем мнении. Если же недугующий гордостью в обстановке своей не имеет никакого веса и значения, то от внутреннего гнева шипит на других, как гусыня, сидящая на яйцах, и кого может кусать, кусает»⁷³⁰.

Наставляя гордых и самолюбивых к исправлению, иеросхимонах Амвросий напоминает им слова Спасителя: «Возьмите иго Мое на себе и научитесь от Мене, яко кроток

есмы и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим: иго бо мое благо, и бремя Мое легко есть» (Мф. 11, 29–30).

Оптинский старец Амвросий советует всячески искоренять в себе самомнение и тщеславие, приводящее к гордости. «Потребно нам, – пишет он, – более всего иметь смирение искреннее пред Богом и перед всеми людьми; и более бояться и остерегаться самомнения и тщеславия и самого тонкого, что мы стяжали нечто духовное»⁷³¹. Самомнение же величайшее происходит от величайшей гордости. Гордость же есть начало и корень всех зол в роде человеческом, и поистине есть гибель или смерть души»⁷³².

Ограждая своих духовных чад от этой зловерной страсти – гордости, старец Амвросий советует им всячески хранить свое сердце во смирении и самоукорении, приписывая все свои добрые дела единому Богу, потому что самонадеянность и гордость вреднее всех страстей: «Гордость же одна заменяет все пороки, как и одно смирение спасает человека»⁷³³. Далее иеросхимонах Амвросий, развивая мысль о гордости, пишет: «Горделивость и на небе жившим не помогла, а лишила благодати Божией и низвергла долу, почему нам, хотящим взыти горе, потребно смириться зело»⁷³⁴. В другом письме старец Амвросий эту страсть ставит хуже прелюбодейства и убийства, поясняя эту мысль словами Псалтири. «Гордость и самонадеянность вреднее прелюбодейства и убийства, – говорит он. – Последние привели пророка к смирению и покаянию. Первые довели его до падения, как объясняет он в одном своем псалме, говоря: «Рех, не подвижуся во век». По падении же своем совсем иное говорил: «Червь есмь, а не человек, поношение человека и уничижение людей»⁷³⁵.

Для истребления страсти гордости и последующих за ней страстей человек должен, по словам старца Амвросия, сконцентрировать все свои силы, все свое внимание и следить неослабно, чтобы они постепенно, с помощью Божией, ослабевали в нас. «Если хочешь избавиться от гордости и самомнения, – пишет он, – то прежде всего требуется покориться воле Божией. Если хочешь, чтобы все было по воле Божией, то терпи все»⁷³⁶. Иеросхимонах Амвросий дает совет

одной духовной дочери, как освободиться от гордости. «Когда найдут на тебя помыслы гордые и самонадеянные, – говорит он, – вспоминай, что ты подобна разломанному зданию без окон и без дверей, и сама себе говори: «Разграбленной, разоренной чем гордиться?» Заботясь о своем спасении, каждый должен вести добродетельную жизнь, подражая угодникам Божиим в их трудах, подвигах, смиряя свое сердце от превозношений и осуждений. Иначе все наши добрые дела, по мнению старца Амвросия, будут неуютны Богу. «С гордостью и осуждением других добродетель проходящие, – пишет он, – отвержены бывают Богом, как показывает евангельская притча о мытаре и фарисее»⁷³⁷.

Не менее зловредной страстью, по мысли иеросхимонаха Амвросия, является самолюбие. «Самолюбие наше, – пишет он, – корень всему злу. Оно – начало всех страстей, оно есть причина всех наших бедствий и страданий иногда в настоящее время, а иногда как последствие прежних ошибок»⁷³⁸. В другом письме об этой страсти старец пишет, что «она, как темная завеса, затеняет от нас свет истины и не попускает насладиться нам истинным познанием. Сказано: «Царствие Божие внутрь вас». Мы же, оставляя искание его внутри себя, вращаемся вовне, занимаясь разбором чужих дел и недостатков»⁷³⁹. Вместо того, чтобы внутри себя создавать Царствие Божие, самолюбивый человек выходит из внутренней клетки и устремляется в мир страстей. «Мы, вступая на смиренный путь благочестия, – пишет иеросхимонах Амвросий, – не вполне отрекаемся от того, чтобы и на этом пути иметь какое-либо значение, и самолюбие наше умеет тонко прикрывать это благовидным желанием доставлять какую-либо пользу и в обители»⁷⁴⁰.

Человек, одержимый страстью самолюбия, не видит в своей душе собственных недостатков, а по отношению к другим бывает жесток и дерзок, замечая в них самые малейшие недостатки. Сожалея о таковых, старец Амвросий пишет: «От себялюбия и самолюбия (бывает) вся беда... От них плодятся противные помыслы, словно саранча, поедающая не только плоды духовные, но и листья и самую кору»⁷⁴¹. Действенными

средствами, избавляющими человека от страсти самолюбия, служат самоукорение и молитва. Самолюбивому угрожает величайшая опасность – лишение его милости Божией. Об этой опасности и предостерегает оптинский старец ищущих спасения. «Сожалею и боюсь, – пишет иеросхимонах Амвросий, – как бы вам не лишиться милости Божией за упрямство свое по причине оскорбленного самолюбия за какие-то пустые претензии... Пощадите себя и меня, да не раскаиваемся после все тщетно и невозвратно. Поэтому кто не пощадит себя, ради самолюбивых безрассудных претензий, тот виноват будет не только пред Богом и людьми, но и сам перед собою, когда раскаяние будет неуместно»⁷⁴².

О страсти блуда иеросхимонах Амвросий пишет очень мало; он указывает лишь на средства для преодоления блудных помыслов. «Противу блудных помыслов, – говорит он, – вооружайся воздержанием в пище и сне; старайся всегда находиться в труде и при деле, а паче всего имей везде во всем и всегда смирение и самоукорение, не осуждай никого. Смирение в том и состоит, чтобы не осуждать и не укорять»⁷⁴³. «Огонь истинной Божественной любви отгоняет всякие нечистые помыслы, а когда подобные помыслы сильно стужают человека, то это явный признак, что он не достиг еще в меру любви Божией»⁷⁴⁴.

Рассматривая страсть уныния, ее пагубное действие в деле спасения, старец Амвросий советует христианам не побеждаться ею, но искоренять ее в самом начале. Свои мысли относительно этой страсти он основывает на учении преп. Марка Подвижника. «Прп. Марк Подвижник, – читаем мы в письме старца, – выставляет три особые силы врагии, которые, подобно трем великим исполинам, ратуют как живущих в монастырях, так равно и всех желающих приблизиться к Богу. Эти три исполина суть: уныние, забвение и неведение, а по другим отцам: невежество и неразумие, которые предыдут всем другим страстям и пролагают удобный путь темному полчищу оных...»⁷⁴⁵

Вскрывая причины уныния, иеросхимонах Амвросий указывает, что они являются следствием тщеславия: «Уныние

бывает от того, что не презрели мы еще тщетной славы и дорожим мнением человеческим, или хотя не дорожим, а не отвергли еще его»⁷⁴⁶. «Бывает уныние и от тщеславия, – пишет старец Амвросий, – когда что не по-нашему делается или другие толкуют о нас не так, как бы нам хотелось. Еще бывает уныние от рвения непосильного... непосильным и неразумным рвением можно себе духовно живот надорвать... Вредно не радеть о должном, но небезопасно ретиться выше своей меры»⁷⁴⁷.

Страсть сребролюбия, по учению иеросхимонаха Амвросия, следует рассматривать как проявление неверия. «Скупость, – пишет он, – происходит от неверия и самолюбия...»⁷⁴⁸ Вскрывая причины скупости, старец в то же время не настаивает и на совершенном нестяжании: «Совершенное нестяжание по настоящему времени невозможно. С помощью Божией умудряйся устраивать себя так, чтобы возможно было держаться внутреннего подвига⁷⁴⁹, который, по апостольскому слову, состоит из четырех частей: ко всем долготерпите, всегда радуйтесь, непрестанно молитесь и о всем благодарите. Сия бо есть воля Божия. Начинать должно с последнего, т. е. с благодарения за все. Начало радости – быть довольным своим положением.

В своих наставлениях иеросхимонах Амвросий предостерегает своих духовных чад от чрезмерного пристрастия к деньгам, а с другой стороны, и от слишком легкомысленного отношения к ним. В одном из писем он пишет: «Безрассудно быть пристрастну к деньгам и нерассудно пренебрегать ими; то и другое худо и ведет не только к смущению, но даже и ко вреду душевному чрез разные путаницы от неправильного пренебрежения. Деньги сами по себе, или, вернее, по цели, назначенной от Бога, вещь весьма полезная. Они заменяют недостаток простоты и любви между людьми. Без денег кто бы расчел людей! Были бы вечные споры и ссоры и даже драки до убийства; малыми монетами и даже ничтожными бумажками люди от всего этого избавляются, сами не понимая этого. Вред не от денег, а от безрассудной жадности или скупости, или от злоупотребления; пожалуй, скажем, и от неправильного пренебрежения»⁷⁵⁰. Затем старец Амвросий советует пасомым

обращать свою мысль на кратковременность земных благ, заботиться более всего о вечности. «Блага земные кратковременны, и никто богатства земного не переносит с собою в будущую жизнь, разве только кто разумно употребит его на милостыню и благотворения»⁷⁵¹. «Ежели кто об украденных у него деньгах не жалеет, то это вменяется ему более произвольной милостыни»⁷⁵².

Желающие достигнуть спасения, по мысли старца Амвросия, не должны обращать внимания на недостатки своих ближних и осуждать их, ибо осуждение также является одной из пагубных страстей. Для избежания осуждений иеросхимонах Амвросий дает ценный совет, а именно избегать многоречия и держаться совета св. Исаака Сирина, т. е. «стараться не видеть злобы человека»⁷⁵³. Следовательно, в борьбе со страстями прежде всего необходимо научиться осуждать самих себя и ни в коем случае других, потому что «человек, – говорит старец Амвросий, – может видеть только видимое, Господь же зрит самые глубины сердечные»⁷⁵⁴.

Каждая страсть, по мысли иеросхимонаха Амвросия, начинается с греховных помыслов. Зная это, старец предостерегает своих духовных чад от увлечения ими. Особенно много говорит он о хульных помыслах, которые борют человека за возношение и осуждение ближних, и дает следующие наставления: «Хульные помыслы, – пишет иеросхимонах Амвросий, – известно, за что борют: во-первых, за возношение, во-вторых, за осуждение. Смирись, не думай о себе, что ты лучше других, не зазирай никого, а себя за согрешения и поползновения укоряй, то и хульные помыслы утихнут. Впрочем, во всяком случае не смущайся; невольные хульные помыслы св. отцы не считают грехом, а их причины – грех»⁷⁵⁵.

Причину нахождения хульных помыслов иеросхимонах Амвросий также видит в зависти вражией, а потому советует: «Особенно не тревожься, – пишет он, – хульными помыслами, которые явно происходят от зависти вражией. Со стороны же человека поводом к оным бывает или горделивое самомнение, или осуждение других. Поэтому в нашествии хульных помыслов

прежде всего укоряя себя за осуждение других и гордое мнение за настоящее или прошедшее, нисколько не беспокоясь тем, что слышим неизреченные хулы вражий... старайся иметь посильное воздержание в пище и в питье и сокрушенное и смиренное пред всеми сердце, чтобы приобрести спасительный плач о прежних и настоящих согрешениях и чрез то сохранить себя безвредно в настоящем твоём искушении от духа хулы. Знай, что враг, если не может кому сделать вреда, то по злобе своей силится, по крайней мере, смущать того, досаждают ему разными помыслами и злыми внушениями»⁷⁵⁶.

Иеросхимонах Амвросий так же, как и св. Иоанн Лествичник, кроме указанных способов для отражения хульных помыслов, советует побеждать их презрением и молитвой, молясь псаломскими словами: «Боже, в помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися, да постыдятся и посрамятся ищущии душу мою, да возвратятся вспять и постыдятся хотящии (мыслящии) ми злая». Когда же будут враги внушать похвалу и гордостное возношение, то продолжай следующий стих, глаголя: «Да возвратятся абие стыдящеся глаголющии ми: благоже, благоже» (Пс. 69). Также прилично и в приличное время произнести из 39 псалма, начинающегося так: «Терпя потерпех Господа, и внят ми, и услыша молитву мою» и проч. по избранию до конца... Главное же старайся удержать веру и упование спасения, что Господь хочет всем спастися и в разум истины прийти. Враг же немощной только силится удалить человека от спасительного пути разными нелепыми внушениями и устрашениями и возможными искушениями, чтобы как-нибудь поколебать человека и отвратить от истинного пути; и хотя он и тогда, аки лев рыкая, ходит, иский кого поглотити, но св. апостол Петр увещевает противиться ему твердою верою и упованием на Господа, что Он не оставит нас и силен упразднить и разрушить все козни вражи, как слышим часто в тропаре мучеников, которые имуще крепость от Господа, мучителей низложиша и сокрушиша демонов немощныя дерзости»⁷⁵⁷.

Человек, одержимый страстью зависти, не способен к богоугодной жизни: в его сердце отсутствует любовь как к Богу,

так и к ближним. Такой человек не может приносить плоды добра, потому что его сердце всецело склонно к злым делам и даже убийству. Иеросхимонах Амвросий пишет о таких, что эта немощь (зависть) «побудила Каина убить незлобивого Авеля, а иудеев побудила распять Христа Спасителя... Страсть зависти ни в какой радостный праздник, ни при каких радостных обстоятельствах не дает вполне порадоваться тому, кем она обладает. Всегда, как червь, точит душу и сердце его смутною печалию, потому что завистливый благополучие и успехи ближнего почитает своим несчастьем»⁷⁵⁸.

Для более наглядного уяснения этой страсти старец Амвросий приводит один замечательный пример: «Один греческий царь, пишет он, – пожелал узнать, кто из двух хуже: сребролюбец или завистливый, потому что оба не желают друг другу добра. С этой целью повелел позвать к себе сребролюбца и завистливого и говорит им: «Просите у меня, что угодно; только знайте, что второй вдвое получит, что попросит первый. Сребролюбец и завистливый долго препирались, не желая каждый просить прежде, чтобы после получить вдвое. Наконец, царь сказал завистливому, чтобы он просил первый. Завистливый, будучи объят недоброжелательством к ближним, вместо *получения* обратился к злоумышлению и говорит царю: «Государь! прикажи мне выколоть глаз». Удивленный царь просил, для чего он изъявил такое желание? Завистливый отвечал: «Для того, чтобы ты, государь, приказал товарищу моему выколоть оба глаза»⁷⁵⁹. Вот насколько страсть зависти опасна и вредна для каждого человека. Людей, одержимых страстью зависти, иеросхимонах Амвросий уподобляет Ироду: «Постараемся всячески противиться зависти и истреблять сию страсть в самом ее начале, – пишет он, – потому что до крайней степени побежденные завистью поступают в делах своих подобно Ироду, и если бы они были цари, то простирали бы злобу свою до убийства многих»⁷⁶⁰. Чтобы искоренить из своего сердца зависть и одержать над ней победу, иеросхимонах Амвросий советует истреблять ее «в самом начале смиренной молитвой, смиренной исповедью и благоразумным молчанием»⁷⁶¹.

Иеросхимонах Амвросий не только предупреждает о пагубных последствиях зависти, но и указывает и на средства для избавления от данной страсти: «Как же быть тем, которые немоществуют недоброжелательством к ближним, завистию и осуждением, и презорством? Таким следует позаботиться об исправлении своего нрава. А исправление это требует, во-первых, смиренного и искреннего сознания и раскаяния пред Богом и духовным отцом; а во-вторых, евангельского понуждения удерживать язык свой и помысл от порицания других. Не вотще сказано в Евангелии: «Нудится Царствие Небесное, и нуждницы восхищают оное», а в-третьих, исправление это требует усердной и смиренной молитвы словами акафиста: «Господи, исцелил еси сребролюбивую душу Закхея мытаря, исцели и мою окаянную душу от недоброжелательства и зависти, осуждения и памятозлобия». Не без понуждения и смиренной молитвы получили спасение мытари и другие разные грешники покаявшиеся»⁷⁶².

Иеросхимонах Амвросий на основе своего многолетнего опыта, освященного житием подвижничеством, свидетельствует в своих письмах, что не может человек отразить гнездящиеся в нем страсти, если не стяжет четырех христианских добродетелей, а именно: мудрости, целомудрия, правдивости и мужества. «Евангельское учение, – говорит он, – утверждается четырьмя евангелистами, а жизнь христианская – четырьмя главными добродетелями; мужеством, мудростью, целомудрием и правдою. Не умолчу и о неполезной и душевредной четверице, яже есть: уныние, малодушие, нетерпение и уклонение, которые лишают нас полной власти, могут лишить и благой чести, если будем им поддаваться, хотя бы и под благовидным предлогом»⁷⁶³.

Благо только то, что делается по воле Божией и за святое послушание. А своя воля лишь мучит, и тогда только научит, когда будем оставлять оную. Вот «добродетели: мудрость, целомудрие, мужество и правда, которыми человек должен ограждаться, чтобы отразить и победить три главные страсти – сластолюбие, славолубие и сребролюбие. При отражении каждой из сих трех страстей потребно иметь богомудрыи разум

и великое твердомыслие... мудрости свойственно иметь не только остроумие, но и дальновидность, и предусмотрительность, и вместе искусство, как поступить»⁷⁶⁴.

В своих письмах иеросхимонах Амвросий неоднократно проводит мысль о том, что каждый человек должен следить за своим внутренним состоянием и не увлекаться греховными пороками, но отсекают их сразу же при первом появлении и не давать господствовать им в своем сердце, потому что, если только они вкоренятся, то очень трудно освободиться от них. Одной духовной дочери старец Амвросий писал: «Умудряйся направляться к внутреннему христианству и старайся отражать все противные помышления молитвенным призыванием... помощи Божией»⁷⁶⁵. В другом письме иеросхимонах Амвросий пишет: «Христианские души, пока добровольно предаются страстям – славолению, гневу, зависти, ненависти, памятозлобию, мщению и подобному сему, бывают вертепом мысленных разбойников – бесов»⁷⁶⁶.

Для того, чтобы освободить душу от этих мысленных разбойников, нужно произвести в душе внутренний переворот, т. е. принести чистосердечное раскаяние пред Богом и духовником и более не возвращаться к прежней жизни. Совершенное избавление от страстей, по мнению иеросхимонаха Амвросия, есть великое дарование Божие. Очистившись от них, душа сподобляется соединиться с Богом. Но тот, кто хочет стяжать этот дар, должен отрешиться от всех земных попечений. «За очищением души от страстей, – говорит старец Амвросий, – милостию Божиею, последует воскресение ее и соединение с Господом, если только душа, оставив всех и все, прилепится всем сердцем и всею любовью и Единому Господу»⁷⁶⁷.

Частные наставления мирянам

Вся жизнь иеросхимонаха Амвросия была направлена к тому, чтобы помочь страждущей душе в ее бедствиях – как духовных, так и в материальных нуждах. К старцу обращались многие с различными вопросами, связанными с семейным неустройством, прося его совета. Иеросхимонах Амвросий принимал самое живое участие в нуждах семейных лиц и преподавал им полезные советы. В его письмах можно найти мудрые наставления родителям о заблудших чадах, о вступлении в брак и выборе невесты, о христианском воспитании детей, о подверженных страстям табакокурения и винопития и врачевании их, а также утешение семьям, потерявшим близких лиц.

Желавшим вступить в брак старец не сразу давал благословение, а советовал навести «справки о невесте, чтобы узнать ее обстоятельно; и если действительно окажется хороша, то и Бог благословит»⁷⁶⁸. Вступивших в брак иеросхимонах Амвросий поучал жить в согласии, мире и любви и все супружеские тяжести нести вместе. Для подтверждения своих слов старец приводит замечательные слова Иустина Мученика, который говорит, что супруги должны нести тяготы «как впряженные волы ровно несут свое ярмо: если один... будет отставать, то другому бывает труднее. Если бы супруги ровно, по-христиански, разделяли тяготу жизни своей, тогда людям и на земле было бы жить хорошо. Но как супруги часто бывают упруги, оба или один... то наше благополучие земное и не упрочивается»⁷⁶⁹.

На воспитание детей старец Амвросий обращал особое внимание, потому что очень многое зависит от того, как младенец будет воспитан в детском возрасте. «Что вы благое посеете в душах своих детей в их юности, – пишет иеросхимонах Амвросий, – то может после прозябнуть в сердцах их, когда они придут в зрелое мужество»⁷⁷⁰. Для ясного понимания христианской жизни старец советует родителям читать детям «Священную Историю» и жития святых, по выбору,

незаметно насевая в них семена страха Божия и христианской жизни; и особенно нужно с помощью Божиею суметь им внушить, как важно хранение заповедей Божиих и какие бедственные последствия бывают от нарушения их»⁷⁷¹. Далее старец пишет, что родители должны научить своих детей, чтобы они знали наизусть некоторые молитвы, например, «Символ веры» и избранные псалмы: «Живый в помощи Вышняго», «Господь просвещение мое»⁷⁷² и т. д. Пришедшим в зрелый возраст старец предлагал прочитывать «Православное Исповедание» Петра Могилы и Катехизис. По словам иеросхимонаха Амвросия, хотя Катехизис «сухая» наука, но его знать необходимо для правильного понимания догматов Православной Церкви⁷⁷³.

Иеросхимонах Амвросий придавал большое значение и тому, чтобы мать научила ребенка правильно налагать на себя крестное знамение. «Веками утвержденный опыт показывает, – пишет старец, – что крестное знамение имеет великую силу на все действия человека во все продолжение его жизни. Поэтому необходимо позаботиться вкоренить в детях обычай почаще ограждать себя крестным знамением, и особенно пред принятием пищи и питья, ложась спать и вставая, пред выездом, пред выходом, пред входом куда-либо, и чтобы дети полагали крестное знамение не небрежно или по-модному, а с точностью, начиная с чела до персей, и на оба плеча, чтобы крест выходил правильный»⁷⁷⁴.

Старец обращал особое внимание на воспитание детей в страхе пред Богом. «Без внушения страха Божия, – пишет иеросхимонах Амвросий, – чем детей ни занимай, не принесет желаемых плодов в отношении доброй нравственной и благоустроенной жизни»⁷⁷⁵.

Умудренный жизненным опытом и одухотворенный благодатью Божией иеросхимонах Амвросий, как опытный кормчий, стоял у кормила душ человеческих, желая каждую из них привести к тихому пристанищу – Христу. К нему обращались люди с различными вопросами и болезнями, прося его совета и молитвенной помощи. Один диакон, страдавший неизвестной болезнью, сопровождавшейся тоской и чувством страха,

особенно при совершении Божественной литургии, просил иеросхимонаха Амвросия помолиться о нем. Своим духовным взором старец провидел причину мучившей его болезни и написал в ответ: «Началом и первой причиной болезни вашей были детские грехи, которые, должно быть, вы не умели или стыдились исповедать вовремя, как должно, а это следовало вам сделать, особенно пред посвящением вас во диакона. Второй причиной – то, что, может, вы не всегда хранили свою совесть при совмещении диаконского служения и супружеской жизни, так как от лица, посвященного на это служение, требуется особенное хранение совести»⁷⁷⁶. Перечисляя причины болезни, старец в то же время не оставляет болящего в недоумении, подает совет, как избавиться от нее. «В болезни вашей, думаю, – пишет он, – прежде всего нужно вам... найти в вашей стороне... духовника, пред которым бы вы могли с полной верой и с совершенной искренностью смиренно исповедовать все тяготящее совесть вашу, начиная с 6-ти лет и до сего дня; а во-вторых, не возвращаться к таким поступкам, которые причиняют страх и тоску. Если так поступите и вперед твердо решитесь хранить себя и свою совесть, то... не только избавитесь от отягощающей вас тоски и страха, но и самой телесной болезни»⁷⁷⁷.

Вся жизнь иеросхимонаха Амвросия была направлена к тому, чтобы помочь страдающей душе освободиться от греховных привязанностей, от которых часто сам человек без помощи других не может избавиться. Один человек страдал привязанностью к табакокурению и просил старца помочь ему освободиться от этого порока. Иеросхимонах Амвросий, видя в табакокурении вред для души, пишет: «Невозможное от человек, возможно при помощи Божией; только стоит твердо решиться оставить, сознавая от него вред для души и тела, так как табак расслабляет душу, умножает и усиливает страсть, омрачает разум и разрушает телесное здоровье медленной смертью»⁷⁷⁸. Чтобы избавиться от плохих последствий, старец советует ему «подробно исповедаться во всех грехах с семи лет и за всю жизнь, и причаститься Святых Таин, и читать ежедневно, стоя, Евангелие по главе, или более... или вместо

этого класть по 33 больших поклона»⁷⁷⁹. Когда же будет одолевать тоска, тогда нужно продолжать чтение Евангелия до тех пор, пока не пройдет. Этот человек до письма старца выкуривал в день по 75 папирос, но когда получил письмо с указанием, как ему поступать, то усумнился в этих наставлениях, а привычка преодолела, и он закурил. Однако внезапно он почувствовал сильную боль в голове и отвращение к курению. С тех пор он раскаялся в этой страсти и больше не стал курить.

Другим более вредным пороком, от которого страдали многие, было пьянство. Этот порок так крепко пленяет душу человека, что пристрастившийся к вину не находит в себе силы воли освободиться от него. Увлечшийся винопитием теряет человеческий образ, становится непригодным как для общественного служения, так и для своей семьи. Иеросхимонах Амвросий, сострадая о таковых, дает им совет, как избавиться от этой немощи. Во-первых, старец побуждает молиться с усердием св. Иоанну Крестителю Господню и мученику Вонифатию, по молитвам которых Господь может исцелить и возвратить страждущего на путь трезвенной жизни. Во-вторых, указывает на лечение травой «черногоркой». Старец не описывает способ лечения этой травой, так как, очевидно, в то время это средство было известно в народе. В-третьих, старец указывает на самое верное и сильное средство освобождения от винопития – молитву Иисусову: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». При этом иеросхимонах Амвросий советует полагать по 33 поклона⁷⁸⁰. По мнению старца, это самое наилучшее средство.

Имея отзывчивое сердце ко всем страждущим людям, старец Амвросий, по словам ап. Павла, готов был плакать с плачущими и скорбеть со скорбящими. Одной благочестивой супружеской чете, которая лишилась единственного сына, скончавшегося в расцвете лет, старец Амвросий выражает свое искреннее сочувствие. Он готов был сам посетить скорбевших, хотя по своей крайней немощи не мог никуда выходить. Сострадая, он в то же время напоминал им о том, что существует будущая жизнь, где они увидятся о сыном. Укрепляя

их веру в будущую жизнь, старец советует им поминать душу почившего за проскомидией, при чтении Псалтири и в домашних молитвах, а также предлагает подавать за его душу посильную милостыню. «Все это, – пишет он, – полезно будет не только покойному сыну вашему, но и вам самим»⁷⁸¹.

В другом случае, утешая родителей, лишившихся дочери, старец советует им не скорбеть чрезмерно. «Должно умерять скорбь, – пишет он им, – христианскою надеждою, что дочь ваша получит великую милость у Царя Небесного, в горнем и нескончаемом Его Царствии»⁷⁸². В молодых летах, по мысли иеросхимонаха Амвросия, душа бывает чиста. Она свободно взлетает в горний Иерусалим, где, предстоя Престолу Всевышнего, ликует вместе с ангелами. Старец советует родителям почаще размышлять об этом, «и тогда скорбный дух ваш будет получать через это отраду душевную»⁷⁸³.

Предостерегая всех ищущих спасения от непомерной скорби и ропота, иеросхимонах Амвросий приводит назидательный пример из жизни одной семьи. Мать с двумя дочерьми умерла в состоянии ропота. Одна из дочерей через несколько дней Промыслом Божиим ожила. Когда ее спрашивали о потустороннем мире, она отвечала, что видела исполненные неизреченной красоты и радости райские селения. Потом видела страшные места мучения, и здесь в числе мучимых видела свою мать и сестру. Потом слышала голос: «Я посылаю им скорби в земной жизни для спасения их; если бы они все переносили с терпением, смирением и благодарением, то... сподобились бы вечной отрады в... блаженных селениях. Но ропотом своим они все испортили; за то теперь и мучатся. Если хочешь быть с ними, иди и ты ропщи». С этими словами умершая возвратилась к жизни⁷⁸⁴.

Старец Амвросий никогда не отстранял от себя решения самых сложных вопросов семейной жизни. Несмотря на то, что он сам никогда не был связан узами семейной жизни, он не замыкался в узком кругу монашеских интересов, но всегда сострадал и людям семейным. Его наставления как монашествующим, так и мирянам преисполнены духовного и

жизненного опыта и свидетельствуют, что автор их имел особое, благодатное помазание.

В образе оптинского иеросхимонаха Амвросия светлыми чертами запечатлевается высокий и ясный ум, непреклонная воля и любвеобильное сердце. Всю свою жизнь он стремился достигнуть одной главной цели – стяжать в своей душе Царствие Божие. Он был воистину одним из глубочайших знатоков сокровеннейших движений душ человеческих, опытным врачевателем духовных недугов, мудрым и любвеобильным наставником. Его письма, дошедшие до нас, являются прекрасным руководством всем идущим по пути ко спасению. Они раскрывают полную и ясную картину внутренней, духовной жизни человека, указывают ему высшую цель – Царство Небесное – и пути достижения его.

VI. ДУХОВНОЕ И ДУШЕВНОЕ ПАСТЫРСТВО (ДОБРОЕ И ЗЛОЕ)

Христос Спаситель, основав на земле Церковь, установил в ней пастырское служение «к совершению святых» – в созидание тела Церкви... дóндеже достигнут вси в соединение верыи «познание Его» как «краеугольного камня» спасения людей (Еф. 4, 11; Деян. 4, 11). И служитель алтаря, принимая от Пастыреначальника в таинстве Священства священный сан, никогда не должен забывать Господа, давшего этот сан. Никогда и нигде его жизнь не должна стать, хотя бы в малейшей мере, поруганием святейшего Имени Иисусова! Она не только не может быть зазорной, но должна быть святой и чистой, ибо от пастыря Господь не порядочности только требует, а святости и совершенства. Он должен устроить свою жизнь так, как устроили ее его великие предшественники: святители, преподобные, мученики, исповедники, вообще все святые Христовой Церкви по заповеди любви к Богу, к людям, к Церкви, ко всякому Божию созданию.

Но для того, чтобы стать настоящей солью для мира, всех его слоев, священство не должно быть кастой, сословием. Внутреннее же условие, гораздо более существенное, – священник должен быть духовно выше своей паствы. Бывает (и нередко), что пастырь не только не возводит пасомых к небу, но принижает их еще более к земле.

Пастырь не должен быть светским человеком. Излишество в еде, питье, сне, ведущее к праздной болтливости, игра в карты и разные другие игры, все это – недопустимые явления в жизни пастыря. Пастырь должен быть беспристрастен ко всем людям, судить о них лишь духовным, евангельским оком. Участие пастыря в каких либо мирских земных объединениях, даже самых благородных для мирского человека, но где кипят человеческие страсти, делает пастыря из духовного – «душевным», земным, заставляет судить о людях превратно, пристрастно, ослабляют остроту зрения духа и даже окончательно ослепляют.

Сила евангельской необмирщенности («в мире, но не от мира») должна быть присуща всякому пастырю и его помощникам клирикам. Лишь необмирщенность, несвязанность пастыря ни с какими земными ценностями – как материальными, так и идейными, может сделать пастыря свободным во Христе. «Если Сын освободит вас (от всех призрачных и временных ценностей земли), то истинно свободны будете» (Ин. 8, 36). Пастырь, как призванный освобождать души для Царствия Божия, сам должен быть, прежде всего, свободен от власти мира, плоти и диавола.

Освобождение от мира, т. е. стояние вне всяких земных организаций, над всякими светскими спорами не только формально, но и сердечно. Беспристрастие к людям: знатным и уничиженным, богатым и бедным, молодым и старым, красивым и безобразным. Во всех пастырь должен зреть только бессмертную душу. К пастырю должен быть легок приход человека всяких убеждений.

Пастырь должен знать, что враг бесплотный воспользуется всякой его земной, не только греховной, но и житейской привязанностью, чтобы ранить его, ослабить его работу, отвратить от его молитвы, от его исповеди людей противоположных или несходных убеждений. Эти люди будут, конечно, сами виновны, что не сумели посмотреть на пастыря поверх его человеческих убеждений, но пастырю от сознания, что не только он виноват, не будет легче, ибо поставлен он не для сильных духом, а для слабых, и должен все сделать, чтобы помочь всякой душе прийти к очищению, к Церкви. Много, что можно для мирянина, – греховно для пастыря.

Цель пастыря – действительно быть «отцом духовным», вести всех людей к Единому Отцу Небесному; и он, конечно, должен сделать все, чтобы поставить себя в условия одинаковой близости ко всем, и всех поставить одинаково близко к себе.

Освобождение от плоти. Если духовное понятие «плоти», «плотности» означает не физическое тело, а перевес плотской жизни над духовной, порабощение человека стихиями тела

своего и «угашение духа», то, конечно, необходимо освобождение и от плоти, как и от «мира».

Священник не должен быть явным аскетом, очень строгим воздержником. Подобное состояние испугает многих и отвратит от духовной жизни. Бесплотный враг пугает людей «духовной жизнью», смешивая в их сознании «духовную жизнь» с «умерщвлением своего тела» и подобными страшными, невыносимыми для простого мирянина понятиями. И – человек отвращается от всякой духовной жизни, испуганный призраком «аскетизма». Поэтому священник не должен казаться (и еще меньше, конечно, – выказывать себя) строгим аскетом. Чувствуя это, некоторые иереи впадают в другой грех: под видом смирения и смирения себя пред людьми, «не выделения себя» из среды других расслабляют и убивают себя невоздержанием и, даже, внутренне (а то и внешне), тщеславятся таким своим «смирением». Это смирение есть, конечно, призрачное, и совсем не смирение, а лукавство. Отложив лукавство, надо скромно пользоваться благами земли, необходимыми для жизни.

Истинная духовная жизнь пастыря и его молитвенность сами укажут ему меру воздержания. Всякий излишек моментально отражается на внутреннем состоянии духовного человека, стремящегося быть всегда молитвенным, легкий, удободвижным к добру, свободным от темных, двоящихся и давящих мыслей, неизменно облегающих душу от невоздержании в питии⁷⁸⁵, пище и сне.

Певец за 6 часов до выступления своего перестает есть, чтобы быть «легким» и чтобы голос звучал легко. Борец наблюдает строго за режимом своим и, укрепляя тело, следит за тем, чтобы не отяжелить его. Вот правдивый, жизненный, медицинский аскетизм – условие здоровья и самой полной жизнеспособности.

Как же пастырю – и вообще всякому христианину – не пользоваться этим аскетизмом, когда он более, чем земной борец, является непрестанным борцом, с самим собою, со своею греховностью и с невидимым бесплотным врагом хорошо охарактеризованным Апостолом Петром (1Петр. 5, 8) и

пользующимся малейшей оплошностью или невнимательностью человека – тем более иерея. Духовный опыт – лучший учитель борьбы с телом ради блаженной и святой свободы от страстей.

Освобождение от диавола. «Сей род ничем не исходит, – только молитвою и постом» (Мф. 17, 21). Пост есть воздержание для живущего в миру. Сущность поста не определяется внешними нормирующими узаконениями Церкви. Церковь лишь намечает пост и определяет, когда о нем особенно надо помнить (среда и пятница, 4 годовых поста и т. д.). Каждый должен сам для себя определить размеры поста, чтобы тело получало свое и дух возрастал, находясь в равновесии, в мире. Этот мир («Мир оставляю вам, мир Мой даю вам, не так, как мир дает, Я даю вам» – Ин. 14, 27) есть место, недостижимое для лукавого. Злой дух, лжец и разбойник духовный, стремится прежде всего вывести человека из равновесия, «возмутить» его, «расстроить». Когда ему удастся нарушить кристальность вод души, поднять ил со дна души, чрез какое либо искушение или наваждение (чаще всего – чрез другого человека), тогда в сей «мутной воде» души враг начинает делать свой улов, толкать человека, ослабленного страстью (гнева, похоти, зависти, стяжательности) – на преступление, т. е. преслушание Закона Христова. И если человек молитвой и покаянием не порвет этой паутины, чрез некоторое время она сделается бечевкой, еще далее – веревкой, и, наконец, цепью, связующей всего человека, и человек пригвождается, как каторжник, к тачке развоза зла по миру. Делается орудием лукавого. Рабство и сыновство Божие заменяет сперва рабством, а потом и сыновством лукавому.

Правило духовной борьбы: всякую страсть побеждать силою Христовой немедленно, как только зародилась она. Исцелить, изгнать совершенно мы ее не можем сразу, но можем все время загонять ее «на дно», чтобы там страсть умирала под действием вод благодати, а душа наша всегда была бы мирная, кристальная, любящая, благожелательная, бодрственная, духовно трезвая. Если на какой-либо стороне души намечается или происходит «прорыв», сейчас же все внимание сердца надо обратить туда и усилием («Царствие Божие берется усилием», –

сказал Спаситель, указывая именно это Царствие Божие, которое на земле приобретается или теряется внутри человека), т. е. молитвенной борьбой надо восстановить мир сердца, души. Это есть трезвение духовное.

Для духовно трезвого человека враг не страшен. «Се, даю вам власть наступать на змию и на скорпиона и на всю силу вражью» (Лк. 10, 19). Враг страшен и опасен лишь для сонливого, ленивого, расслабленного душой. Такого человека никакая праведность его не может спасти. Можно сделать множество подвигов на войне, но если все они закончатся изменой – они не будут значить ничего. «Претерпевший до конца, тот спасен будет». Если будет человек, а тем более иерей, столько же уделять заботы охранению души своей, сколько враг употребляет для ее погубления, то, конечно, он может быть спасен. В глубине мирного и свободного сердца своего, он даже посреди больших испытаний всегда услышит ободряющий голос: «Это Я – не бойтесь» (Мф. 14, 27).

Если можно сравнить пастырское служение с ангельским, то пастыри – это «служебные духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение» (Евр. 1, 14). «Пастырское служение состоит в служении возрождению душ, совершаемом Божественной благодатью. Для совершения этого служения пастырь получает дар, внутренне его перерождающий»⁷⁸⁶.

Пастырское дело обнимает исполнением трех главных обязанностей: проповеди слова Божия и проповедания христианского учения, священнослужения и нравственного руководства или воспитания прихожан или пастырской попечительности о душах людей, вверенных его заботам. «Дело пастыря: учить, назидать, исправлять, утешать, отрезвлять, защищать, упорядочивать Церковь или стадо верующих»⁷⁸⁷, – говорит епископ Феофан.

Спасение душ пасомых, укрепление их в вере, споспешествование их нравственному совершенствованию согласно требованиям Евангельского закона и приготовление их к будущей блаженной жизни в единении с Богом – вот цель, к которой должна быть направлена пастырская деятельность.

«Пастырь должен постоянно следить за состоянием своих пасомых, чтобы падшего поднять, изнемогающего поддержать, колеблющегося утвердить, стоящего оградить, он обязан быть воспитателем, врачом, духовным отцом и руководителем своих пасомых»⁷⁸⁸, – говорит св. Григорий Богослов. Без преданности этой святой цели пастырь Церкви не будет пастырем в истинном смысле этого слова, не будет оправдывать то высокое служение, которое возлагает на него Церковь.

Образ доброго (духовного) пастыря и образ наемника (душевного пастыря) Христос Спаситель дал в притче о пастыре (Ин. 10, 1–16). «Добрый пастырь ведет людей к блаженству вечной жизни, свою любовь к ним он доказывает тем, что жертвует за них своей жизнью»⁷⁸⁹. Доброму пастырю Господь противопоставляет воров и разбойников, которые думают только о том, как бы поживиться за счет овец, а также наемников, которым овцы не дороги, которые не любят их и думают больше о своих личных выгодах и благополучии, нежели о благе пасомых, и потому ведут их не к спасению, а к гибели.

Для наглядности Спаситель сравнивает народ со стадом овец, а руководителей народа – с пастырями этого стада. Если на Моисеевом седалище, огражденном стеною Закона, сели книжники и фарисеи (Мф. 23, 2), то тем более они могут сесть на седалище Единого кроткого Пастыря и именем Его начать неправо править слово Его истины... Это случилось в мире. «Великое дело, возлюбленные, предстательство в Церкви, – говорит св. Иоанн Златоуст. – Оно требует и много любомудрия, и такого мужества, что должно, как сказал Христос, полагать душу за овец, нигде не оставлять их без защиты и помощи и твердо стоять против волка. Этим пастырь отличается от наемника. Последний, не заботясь об овцах, всегда имеет в виду собственную безопасность; первый напротив всегда заботится о спасении овец, забывая о себе самом»⁷⁹⁰.

«Шедше, – говорит Господь Своим преемникам, – научите все народы» (Мф. 28, 19), то есть дайте духовным интересам человека преобладающее значение, раскрывая перед людьми, кто они, зачем призваны в мир и каков смысл человеческого бытия. Первая обязанность пастыря – наставлять пасомых в

вере – так важна, что оставляющий ее без исполнения недостойн своего звания. Если у пастыря «только жизнь свята, то, живя так, он себя только пользуется, но если он и учителен, то и себя, и других созидает»⁷⁹¹, – говорит блаж. Иероним.

Пастырь должен учить людей словами, делами и даже своим молчанием. По словам св. Василия Великого, «он приставлен домостроительству Слова». Ответственность за людей и страх Божий побуждают его усердно назидать паству в своих поучениях и «учить не затем, чтоб только знали, но наипаче для того, чтоб и жили сообразно с учением»⁷⁹². Движимый духовной связью с паствой, пастырь выступает то со словом назидания, то увещания и обличения.

Истинный пастырь более всего заботится о том, чтобы заложить в глубине сердца слушателей сознание неотразимой правды и абсолютной чистоты проповедуемого учения. Для этого ему необходимы не только большие теоретические знания, но и собственная жизнь. Хотя пастырь говорит красноречиво, но если предписываемые им правила жизни не оправдываются его собственной жизнью, то слушатели не могут понимать проповедуемого в строгом смысле и применить к себе. «Кто худо живет, – говорит св. Григорий Богослов, – того обыкновенно презирают, а чью презирают жизнь, того презирают и проповедь»⁷⁹³. Продолжая эту мысль, св. Иоанн Дамаскин говорит: «Или не учи, или нравами учи, иначе словами будешь призывать, а делами отгонять»⁷⁹⁴.

Истинный пастырь преподаваемое высокое учение сам усваивает органически, оно превращается в его плоть и кровь, становится его собственным цельным и ясным мировоззрением. Тогда его проповедь оказывает неотразимое влияние на слушателей. Слушатель чувствует, как самый дух проповедника входит в его душу. Душевный же пастырь руководствуется горделивой мыслью о своем образовании и стремится отвлеченными катехизическими и богословскими поучениями привести людей к Богу, вместо того, чтобы изменять человеческие сердца Божественной благодатью. Примером истинного пастыря в этом смысле является святитель Николай, который богословствовал делами своей жизни. Его богословие –

дела любви, творимые в смирении. Он, как говорится в тропаре, «стяжал смирением высокая». Сама красота души его «блистала со всех сторон и могла радовать и освещать души смотрящих на него»⁷⁹⁵.

Если пастырь будет связан страстями и пороками, то и сам язык его будет связан. Его слова будут пустым звуком и «тщетным искусством». Сама же порочная жизнь истощит его духовные силы и отнимет у него способность учить паству. «Такой пастырь станет достойным презрения торгашом, избравшим великое и страшное дело священнослужения средством к питанию»⁷⁹⁶. Ибо для пастыря «никакой нет пользы стяжать лишь навык в научении и натореть язык в говорении, если он не будет учить более примером, чем словом»⁷⁹⁷.

В положении духовного и душевного пастыря последний может оказаться и в отношении к священнодействию. Деятельность пастыря в качестве совершителя богослужения является наиболее специальной, таинственной и ответственной частью его служения. Поучать и руководить другими может и мирянин, но священнодействовать может только пастырь, который получает для этого благодать при хиротонии. «Поставленный в священство, – говорит св. Григорий Нисский, – по внешнему виду остается прежним человеком, а по душе преобразуется на лучшее невидимою некоею силою и благодатию, даруемой ему»⁷⁹⁸.

Эта благодатная способность относит священство к разряду небесных учреждений, ибо «Сам Утешитель установил это служение и побудил людей, еще пребывающих во плоти, подражать службе ангелов... Живя на земле, они призваны к распоряжению небесным и получили власть, которую Бог не дал ни ангелам, ни архангелам»⁷⁹⁹.

В священнодействии пастырь предстоит пред Богом. Он призван постоянно предстоять, ходить пред Богом и жить в Боге. Это предстояние пастыря пред Богом осуществляется как в храме, когда он стоит у св. Престола и возносит свои молитвы, обращенный взором к Горнему месту, к сиянию славы Воскресшего Господа, так и дома, и во всяком другом месте за молитвой, за любым другим богоугодным делом. Наиболее

полное выражение это пред стояние находит в молитве пастыря за богослужением.

В храм люди несут страдания и скорби своего сердца, кровоточащие раны своей совести, сознание заблуждения своего ума, расслабление своей греховной воли. Все это они выражают во вздохах и воплях о помощи. Этой жаждой очищения, исцеления, примирения с Богом наполняется вся духовная атмосфера храма. Каждый из стоящих в храме в своем сердце молится Богу о помощи в скорбях, об ограждении от соблазнов и искушений, сокрушается о своих неправдах. Но если все они молятся только за себя, то пастырь призван молиться за всех. «Задача каждого пастыря, – говорит прот. Иоанн Сергиев, – приблизить к сердцу и искренне возлюбить Бога, далее возлюбить искренне всех живущих на земле, за коих молится и приносит ежедневно жертву или молитву домашнюю или общественную»⁸⁰⁰.

Молиться «о всех и за вся» пастырь может силой укрепляющего его Иисуса Христа (Флп. 4, 13). И лишь при условии этой молитвы за всех возможна духовная связь его со всеми молящимися и объединение всего храма в единое духовное тело. Эта молитва пастыря особенно усиливается при пресуществлении св. Даров, когда он с полным сознанием прямого отношения к молящимся в храме и особенно к причастникам св. Тела и Крови Христовых произносит великие совершительные слова. Пастырь сам весь как бы растворяется в молитве. Молитва переносит его в другой, неземной мир, постепенно делает благоговейного священника жителем иного мира.

И совершенно по-другому молится душевный пастырь. Он очень тяготится молитвенным подвигом, считает его чем-то устаревшим, скучным, почти бесполезным и ненужным.

«Истинный пастырь путем долговременного подвига создает в себе молитвенный дух, способность возноситься к Богу и быть там как бы своим человеком»⁸⁰¹. Душевный пастырь, произнося лишь слова молитвословий и не вникая в их смысл, не умеет с вниманием и усердием исполнять богослужебные последования, не имеет дара молитвы и

«является обманщиком и ремесленником, а не богомольцем»⁸⁰². Душевность и духовность пастыря паства узнает по дару молитвенности. Когда она говорит о священнике, то первый отзыв о нем касается того, хорошо или плохо он служит. «Под хорошим служением разумеется не музыкальность голоса и его громкость, а то, что в нем слышится дух искренней молитвы»⁸⁰³.

Духовность пастыря особо наглядно видна из отношения его к основному месту священнодействия – св. храму. Храм – дом Божий, в нем все Божие, все святое: и престол, и жертвенник, и Евангелие, и крест, и иконы. Храм – средоточие всей деятельности священника, здесь преимущественно проходит его пастырское служение. Здесь он – совершитель Таин Божиих и молитвенник за свою паству пред Отцом Небесным. Здесь в него проливаются дары Божественной благодати, любви и умиления, духовной радости и близости к горнему миру. Это место, которое пастырь любит, ценит, куда постоянно стремится душой. Даже в самом убогом, холодном храме душа истинного пастыря становится согретой и облагодатствованной. Вспомним маленькую церковь прп. Сергия в дремучем радонежском лесу, где когда-то трещали и чадили лучины, а молитвы святых, как говорит митрополит Филарет, восходили до небес⁸⁰⁴.

В храме пастырь воочию ощущает славу и величие Божие, здесь каждое священное изображение напоминает ему о небесном. Кадильница с фимиамом, лампы, горящие свечи – все в храме отрывает от житейских дум и забот и устремляет к горнему. Пастырь всем сердцем и душой привязывается к храму, живет с ним одной благодатной жизнью, заботится о его благолепии и украшении, считает его самым родным и близким для себя местом.

И в этом же самом храме для душевного пастыря все духовное гаснет и меркнет. На все в храме Божиим он смотрит холодными, безучастными глазами. Все здесь утрачивает для него духовный смысл, становясь обычным и незначительным. Св. Евангелие для него – это всего лишь исторический памятник земной жизни Иисуса Христа, потир – простой сосуд, копия –

просто нож, икона – живописное портретное изображение, а само богослужение в храме – механическое и бессвязное повторение одного и того же последования... До такого поистине ужасного отношения к храму он доходит, предавшись нерадению и небрежности о духовных вещах. Он постепенно духовно черствеет и превращается в сухого и рассудочно холодного наемника. Архиепископ Астраханский Сильвестр, обращаясь к подобному пастырю, говорит: «Если ты будешь лениво отправлять свою должность, то будешь наемником, но горе тебе, – продолжает он, – о наемнике робкий; ты услышишь определение Христово: свяжите его по рукам и ногам и ввергните во тьму кромешную»⁸⁰⁵ (Мф. 22, 13).

В священнике одинаково страшно бросающееся в глаза его беззаконие, соблазняющее многих, и незаметное для глаз безразличие, равнодушие к делу Христову, теплохладность (Откр. 3, 16), при котором священник (незаметно даже для себя) становится на место Божие и служит себе, а не Богу, исполняет форму, букву пастырского служения, не имея содержания, духа пастырского, не входя в дело, совершаемое в мире Единым Пастырем⁸⁰⁶.

С благоговением относясь к св. храму, истинный пастырь не теряет его, приступая к совершению богослужения. Вот он входит в храм. С икон смотрят на него строгие и выразительные лики святых угодников, они будто спрашивают его: как он подготовился к богослужению? Сможет ли достойно предстать пред Престолом Божиим? Благолепная, молитвенная обстановка алтаря приводит его в чувство благоговения пред святой святых храма. Поклонившись св. престолу и духовно сосредоточившись, пастырь приступает к совершению богослужения. Богослужение, совершаемое истинным пастырем, своей благоговейностью, красотой, духовностью и величием потрясает человеческую душу, влечет ее к небу. Сам пастырь «умом созерцает Бога, сорастворяется в сердце своем с Христом»⁸⁰⁷.

Отношение к священнодействиям у него духовное, благоговейное, святое. В священнодействии он является в ореоле всеобщего ходатая и предстоятеля пред Богом.

«Предстоит священник, – говорит св. Иоанн Златоуст, – низводящий не огонь, но Св. Духа... Какой чести благодать духа удостоила священников... что священники делают на земле, то Бог определяет на небе... Никто не может войти в Царство Небесное, если не будет возрожден водой и Духом (Ин. 3, 5), и не ядущий плоти Господа и не пьющий крови Его лишается вечной жизни, все же это совершается руками священника... Живя на земле, они призваны к распоряжению небесным»⁸⁰⁸.

При совершении богослужения истинный пастырь может глубоко понять и внутренне духовно воспринять преизобилие благодатной жизни св. Церкви. И чем чаще он благоговейно служит и больше пребывает за богослужением, тем сильнее и органичнее его связь с Богом и паствой. «Достойное совершение богослужения пастырем, живой пример его молитвенного церковного духа заставляет людей ценить богослужение, прививает усердие к посещению его, внушительнее слов увлекает пасомых на добрый, спасительный путь»⁸⁰⁹.

Но для душевного пастыря это высокое и ответственное служение становится не таким священным и высоким. Вместо того, чтобы употреблять для служения все свои силы и энергию, он вносит в свое служение механичность, мертвенность и сокращенный вид отправления богослужения. Такая небрежность является презрением к Господу и подлежит небесному суду, грозящему «изблеванием из уст Божиих» (Откр. 3, 15).

Чем святее место, тем ужаснее мерзость запустения на нем. Всякое священнодействие есть великая духовная реальность, воплощение Духа Истины. Как таковое, оно никогда не бывает «нейтральным», но несет либо Вечную Жизнь, либо вечную смерть. Внешнее, формальное, бездушное пользование священными предметами, действиями и словами рождает и накапливает в мире смертельную отрицательную энергию. Человек, износящий ее, делается слугой антихриста. Украшенному золотом и высокими санами, но не имеющему покаянного горения сердца, любви и молитвы поистине можно сказать словами Апокалипсиса: «Ты думаешь, что ты богат... а

ты нищ и слепи наг. Постарайся купить у меня золото, огнем очищенное» (Отк. 3, 17–18).

Поставленные от Господа Иисуса Христа быть посредниками между Ним – Единым Пастырем – и овцами Его стада, они, в большинстве своем, оказались стеной меж Светом Христовым и народом. «Бог будет бить тебя, стена подбеленная!» – пророчески воскликнул апостол Павел архиерею (Деян. 23, 3). И действительно, как этот архиерей, так и многие другие в истории церквей и народов были «стенами подбеленными», подкрашенными, благообразными (по внешнему виду своему) стенами меж Богом и Божиим народом. Похищая ключ разума, они «сами не входили, и других не пускали» (Мф. 23, 13). Оцеживая комара обрядности и формализма, они поглощали верблюда Христовой правды и милости, простоты и смирения.

Не жить по своей вере хуже, чем жить по своему неверию. Никакой злой человек не может принести Церкви Христовой столько вреда и внести такое опустошение в ограду Церкви, сколько злой, корыстолюбивый иерей, которому дана и от которого не отнята страшная благодать свершения таинств и ношения священной одежды. Это они, эти иереи и епископы, будут на Суде говорить Господу: «Господи, не от Твоего ли имени мы пророчествовали и многие чудеса творили?» (Мф. 7, 22–23). А Господь Кроткий скажет им: «Отойдите от Меня, делатели неправды».

Таковыми «делателями неправды» являются все священнослужители, которые Христово благодатное пастырство подменяют без благодатным жречеством, а служение народу – господством над народом. Которые смотрят не на худых, а на жирных овец, которые радуются не грешникам кающимся (Лк. 15, 7–10), но праведникам, не имеющим и не чувствующим нужды в покаянии, проводящим жизнь пастыря-жреца, свершающего священнодействия Церкви как языческий ритуал, без веры, милосердия, любви, сердечной молитвы, служения Богу в Духе и Истине.

Православная церковность со всеми священнодействиями и правилами ее есть великое поле духа и возрастающая сила

жизни для тех, кто имеет волю и призвание к истинному пастырству. Но эта же дивная церковность делается камнем не только преткновения, но и падения для всякого, кто к ней приступит не в духе Христова Священства и Христова Царства.

Другие из таких пастырей-наемников впадают в другую крайность. Они делают богослужение драматически-выразительным, придают ему искусственную торжественность. Результаты такого культурного воздействия на паству плачевны и, как правило, кончаются разочарованием. Лишь на непродолжительное время тщеславный пастырь заражает прихожан своей энергичностью. Вскоре этот искусственно созданный энтузиазм остывает и паства оставляет пастыря одиноким.

Когда священником овладевает дух неблагоговения и отсутствия страха Божия к святыне, то этот дух выражается в беспорядочности слов и действий, отпечатлевается на все окружающее священника. В молитвенном славословии неблагоговейного душевного пастыря обыкновенно проявляется «бессмысленная поспешность, безжизненная вялость; непозволительные пропуски в обрядах, нестройность – даже до отвратительного и очевидного беспорядка; небрежность в отношении к священным предметам; в положении тела какая-то презрительная невнимательность к святыне и к священнодействиям; отсюда непристойные взгляды и озирания по сторонам, безвременное сидение и движение с места на место»⁸¹⁰.

Такое крайнее неблагоговение душевного пастыря объясняется отказом жить в Боге, ходить пред Богом, тогда как задача каждого пастыря пробудить в себе сокровенные духовные силы, создать в себе навык возгревания дара Божия» (1Тим. 1,6). Этим он может предостеречь себя от опасности духовного омертвления. Этот навык тем легче будет создаваться и укрепляться, чем серьезнее и сосредоточеннее пастырь будет молитвенно готовиться всякий раз к очередному богослужению, к выполнению всех пастырских обязанностей, чем глубже проникнется ответственностью пастырского служения.

При совершении богослужения пастырь может использовать дар голоса и других своих способностей при наличии искреннего молитвенного настроения. Главное для него – всегда хранить смиренно-благодатное состояние духа и совершать священнодействие во славу Божию. Пастырь, обуздавший порывы личного тщеславия, с благоговейным дерзновением может употреблять за богослужением естественную выразительность речи и красоту голоса.

Кроме сказанного, душевный пастырь стремится произвести впечатление на пасомых своей личностью. «Он предаётся горделивым мечтам о своем влиянии на народ своим голосом, жестами, речью, мягкостью и элегантностью в обращении. Он все направляет к тому, чтобы произвести эффект, употребляя сентиментальный голос, ненужное воздеяние рук, лишние поклоны»⁸¹¹. Такой пастырь старается воздействовать на людей не истиной слова Божия и искренней молитвы, а собственной личностью.

Слабой душе человеческой легко увлечься подобием священства, внешним свершением «обрядов»⁸¹², музыкальностью пения, красотой слова и убранства, – всем укладом, всей телесностью Церкви, которая, не будучи одухотворена и одушевлена Духом Христовым, представляет собою мертвое, не воскресшее Тело Христово... Здесь – беззаконие, имеющее свою тайну (Откр. 17, 5). И это есть поистине та «мерзость запустения, реченная пророком Даниилом, стоящая где не должно (читающий да понимает)», о которой говорил Спаситель, и которая до сих пор не позволяет многим принять Его Свет.

Недостойные пастыри теряют власть сами совершать Таинства. Они бывают невидимо связаны ангельской рукой, которая и свершает Святое Приношение верующих. Святейшее Таинство Евхаристии попирается и оскверняется не одними «волхвующими» (ради которых Церковь перестала давать св. Причастие в руки мирян), но и недостойными священнослужителями, которые и в жизни своей, и во время предстояний церковных не имеют ни веры, ни воли быть в Господе, и чтобы Господь был в них.

Это – жречество без благодатное, о котором св. Иоанн Златоуст сказал в словах: «Не мною многих иереев быть спасенными». Это – «профессионализм», профанация святыни. Жизнь и слово Божие открывают с ужасающей реальностью, что пастыри подчас становились не только ниже уровня пастырского, но и человеческого. Не приняв Единого Пастыря, могли ли они быть пастырями? Не переживая предстояний пред Лицом Божиим за себя, могли ли они предстоять за других? Народ, освящаясь по вере своей, от священнодействуемых ими Таинств, омрачался, видя их жизнь, входя в соприкосновение с их интересами.

Мало в мире душ, просвещенных духом Христовой мудрости, которые, видя соблазн в священнике, не соблазняются о Христе, не искушаются о Церкви, но еще горячее прикипают ко Христу, еще пламеннее любят Его Церковь и с большей ревностью стараются служить Тому, измену Кому видят пред собою. Большинство «верующих» от малейшего соблазна колеблются в вере не только в Церковь, но даже в Бога, в Его силу и власть. Эти люди бывают легки на отход от Церкви. Это – «младенцы в вере». Нельзя строго судить их. Надо им помогать, их оберегать. Оттого поистине, «кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской» (Мф. 18, 6).

Священство есть великая сила освящения («водоем благодати», по выражению прот. Иоанна Сергиева), но оно может быть и великой силой соблазна в мире. Св. Григорий Богослов в прощальной речи к своей пастве просит прощения у пасомых за то, что «он не величался перед ними, не старался соревноваться с вельможами в роскоши, не высился на колесницах, заставляя разбегаться народ как перед страшным зверем»⁸¹³. Паства осталась к святителю холодна, потому что «она, – говорит святой Григорий, – не иереев ищет, а риторов, не строителей души, но хранителей имуществ».

Правильно начатое пастырство, свободное от хитрости и лукавства получает себе в помощники Промыслителя. О правильном пути пастырского воздействия Апостол говорит: «В

учении нашем нет ни заблуждения, ни нечистых побуждений, ни лукавства...мы из усердия к вам, восхотели передать вам не только благовестие Божие, но и души наши» (1Фес. 2, 3–8).

Священнику вверена не одна только проповедь веры и благочестия, не одно совершение богослужения и таинств, ему вверены самые души верующих, за которыми он должен наблюдать и вести к спасению. «Не учить только, но и руководить, что значит взять за руку и вести ко спасению, – говорит епископ Феофан. – По какой-то случайности у нас иереи, главным образом, заботятся об исправлении треб. И это должно исправлять со вниманием, но на первом месте должно ставить руководство ко спасению»⁸¹⁴.

Пастырь будет держать ответ перед Богом преимущественно за то, что и как делал для спасения своей паствы. Он отвечает за каждую потерянную овцу и сердечно болеет о ней, как и о себе, поскольку эту потерю считает собственной утратой. «За всех, – говорит св. Иоанн Златоуст, – которые твоему, иерей, попечению вверены, – за жен, мужей и детей, ты дашь ответ»⁸¹⁵.

Деятельность пастыря как нравственного руководителя и воспитателя своих пасомых зовет его на большой труд. Заботливая любовь пастыря должна следить за каждым шагом жизни своих прихожан. «День и ночь, – говорит св. Григорий Богослов, – всегда он озабочен, всегда должен быть как строитель таин Божиих, готов к подаянию пасомым благодатных даров, сообразно с их потребностями. Туда он должен спешить – сочетать Христу едва явившегося в мир младенца, а тут в ожидании его высчитывает каждую минуту страдалец-старец, так душа нетерпеливо ждет ослабы от грехов. И везде он должен быть, всюду явиться вовремя»⁸¹⁶.

Пастырь есть духовный архитектор, строитель душ, созидатель из этих душ Божьего дома – общения мира и любви, «ибо мы соработники у Бога» (1Кор. 3, 9). Величайшее, блаженнейшее дело – быть участником строительства Царствия Божия. Духовная просвещенность дает – иерею особенно – возможность быть не рабом, «не знающим, что творит господин его», но сыном в доме Отца, вникающим в дело своего Отца.

Психология пастыря есть психология хозяина поля и сада. Каждый колос – душа человеческая. Каждый цветок – человек. Пастырь добрый знает свое хозяйство, понимает процессы жизни органической, умеет помочь этой жизни. Обходит каждое растение и прилагает к нему заботу. Дело пастыря есть обработка, подготовка почвы, кидание семян, орошение растений, выпалывание сорных трав, прививка добрых черенков деревьям-дичкам, поливание предохранительной жидкостью виноградных лоз, охранение плодов от воров и от птиц, наблюдение за созревaniem, своевременное снятие плодов...»⁸¹⁷

В каждом из них он видит истинную овцу Христова стада, заблудившуюся в горах и могущую упасть в пропасть. Раздуть искру Божию в душе грешника, вызвать ее к жизни, к горению – прямое требование к пастырю. Истинный пастырь прилагает много забот и старания для устройства доброй жизни и спасения. «Он попечительно следит за ними, – говорит Златоуст, – направляет их на добрый спасительный путь и не щадит никаких усилий, чтобы привести к животу и благочестию всех, составляющих его духовное стадо»⁸¹⁸. Истинный пастырь осуществляет правильное духовное руководство паствой. Ни один из пришедших к нему не заслуживает презрения. Он принимает их беспрепятственно, милостиво подавая руку помощи самым закоренелым грешникам.

Святые отцы, выразители истинного душепопечения, умели говорить непосредственно с «внутренним человеком» собеседника. Они умели пробуждать в грешнике недовольство своим состоянием и желание лучшего, заставляли их возвыситься над страстями, утверждали кающихся в вере в любовь и всепрощение Божие и достигали полного духовного врачевания.

Пастырь имеет у себя духовную аптеку: пластыри, примочки, чистительные и смягчающие масла, подсушивающие и заживляющие порошки, дезинфицирующие жидкости, укрепляющие средства; хирургический нож (для пользования им только в самых крайних случаях)⁸¹⁹.

Врачебным лекарством для паствы истинный пастырь избирает открытие истины о том, как хорошо у Небесного Отца, у Которого они найдут все блаженство, мир, покой и вечную жизнь. И тогда грешник сам раскрывает язвы своей души и получает исцеление их. «Новозаветные священники, – говорит св. Иоанн Златоуст, – получили власть не свидетельствовать минувшую проказу, но совершенно отгонять нечистоту души. Они примиряют детей своих не с начальниками и царями, но с Самим разгневанным Богом»⁸²⁰.

Но есть немало пастырей-наемников, которые ограничивают пастырские скорби хлопотами во время совершения треб и покоящихся на ложе беспечности. Такому пастырству Господь угрожает наказанием через пророка: «Горе пастырям, которые пасли самих себя... а стада не пасли... Слабых не укрепляли и больной овцы не врачевали, и пораненной не перевязывали, и угнанной не возвращали, и потерянной не искали. И рассеялись они и стали пищею всякому зверю» (Иез. 34, 2–5).

Отличительной чертой доброго пастыря является любовь к пастве. Без любви к ней он не может быть пастырем, он может быть только наемником. Добрый пастырь, по притче Спасителя, о том только и заботится, как бы напитать Своих овец. «Пастырю дается благодатная соотрадательная любовь к пастве, дающая способность переживать в себе скорбь борьбы и радость о нравственном совершенствовании своих пасомых, способных чрево болеть о них. Такое свойство пастырского духа и выражает самую сущность пастырского духа»⁸²¹.

Истинные пастыри Христовой Церкви всю жизнь посвящали пастырскому деланию, кротко обличая ее в проступках, убеждая в добре, ободряя в несчастьях. «Вы знаете, – пишет апостол Павел, – каждого из вас, как отец детей своих; мы просили, убеждали, умоляли» (Сол. 1, 12).

Добрый пастырь всецело живет любовью к пастве. Способность к любви как особый дар дается пастырю в хиротонии, однако, усвоение и поддержание его в себе зависит от стремлений человеческого духа. Эту Христову любовь и имел св. Иоанн Златоуст. Он говорил: «Я ношу все в сердце моем, вы

занимаете все мои мысли... у меня нет другой жизни, кроме вас и попечения о вашем спасении»⁸²². Эта благодатная любовь, данная пастырю в хиротонии, в процессе истинной пастырской деятельности все более и более развивается. «В труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе», вырабатывается жертвенная пастырская любовь (2Кор.11, 27).

Душевный же пастырь очень мало заботится о пастве, плохо знает своих пасомых, которые, будучи предоставлены самим себе, живут обособленно от своих руководителей. Предостерегая от равнодушия и других извращений пастырского служения, апостол Петр взывает: «Пастырей ваших умоляю я, сопастырь и свидетель страданий Христовых и соучастник в славе, которая должна открыться: пасите Божие стадо, какое у вас, надзирая за ним не принужденно, но охотно и богоугодно, не для гнусной корысти, но из усердия, и не господствуя над наследием Божиим, но подавая пример стаду; и когда явится Пастыреначальник, вы получите неувядающий венец славы» (1Пет. 5, 1–4)⁸²³.

Жизнь пастырей, тяготящихся пастырским делом, превращается в скучное бессодержательное прозябание. Совесть постоянно обличает их в душевной раздвоенности и равнодушном отношении к пастве. Они готовят себе загробные терзания от вечного сознания неисполненного долга. «Помышляя лишь о своей пользе и не заботясь о пользе ближних, они сами себя лишают тех благ, которые думают заслужить в своей частной жизни»⁸²⁴, – говорит св. Григорий Двоеслов.

Пастыри, еще могут быть уподоблены овчаркам, стерегущим стадо Единого Пастыря. Всякому, кто смог наблюдать за поведением умной и доброй овчарки, ревностно бегающей вокруг стада и кроткой для овец, пастью своей тыкающей всякую отбившуюся хотя бы немного овцу, подгоняя ее к общему стаду, а как только явилась опасность, преображающейся из мирной овчарки в грозную... всякий, кто видел это, поймет истинное поведение пастыря стада Христова⁸²⁵.

Истинному пастырю, человеку идеи, свойственна готовность пожертвовать жизнь за свою паству. Главная черта пастырского духа – сострадание греховной немощи людей, скорбь о согрешающих людях и пламенное желание приблизить их к Богу. Искренность и сострадание к ближним настолько сближает его с паствой, что он прекрасно понимает ее духовные запросы. У пастыря кроме личных переживаний и страданий появляются другие страдания, которые он переносит за паству, заботясь о ее преуспевании в спасении. Он плачет с плачущими, кается с кающимися, поступая согласно словам ап. Павла: «Кто изнемогает, с кем бы я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?» (2Кор. 11, 29). «Истинный пастырь носит в душе своей все то, чем нравственно живут его пасомые, сраспинается им, сливает их духовные нужды со своими, скорбит и радуется с ними, как отец с детьми своими»⁸²⁶. «Пастырь добрый полагает жизнь свою за овец», стремится, чтобы они «имели жизнь и имели с избытком» (Ин. 10, 10–11).

Скорбь о грехах пасомых, как о своих собственных, и забота о пасомых, как бы о самом себе, является первым условием истинного пастырского врачевания. Пастырь, тесно сливающий свою жизнь с заботой о пастве, все недостатки и грехи их считает следствием своей недостаточной ревности и мудрости. Во всем и за все он обвиняет самого себя. Такое опытное понимание скорбей своей паствы побудило св. Киприана Карфагенского обратиться к падшим с такими словами: «Болезную, братия, вместе с вами. Нисколько не утешает меня то, что сам я здоров и невредим. Ибо пастырь уязвляется более в язве своего стада. С каждым из вас я соединяю сердце мое, разделяю горестные времена, печали и скорби, с плачущими плачу, с падшими почитаю себя падшим».

Но вот пример душевной пастырской любви. Стараясь быть милосердным к своим пасомым, душевный пастырь нередко может впадать в крайность. Он делается порой чрезмерно снисходительным, сентиментально слабым и ласковым, безразборно легкомысленным и снисходительным даже на исповеди. Он стремится быть уступчивым, когда нужно сказать горькую правду, быть приветливым, когда нужно обличать,

нанося этим большой вред пастве. Этому подвергаются обычно слабохарактерные пастыри. Стремясь завоевать симпатии паствы, они не решаются строго судить вопиющие пороки, а хотят казаться добрыми и любвеобильными. Такая слабохарактерная любовь вовсе не благодатна, она приводит к тому, что паства охладевает в уважении к пастырю и духовно расслабляется. «Да и как, – говорит св. Иоанн Лествичник, – он может предполагать уважение и доверие к себе в своих чадах, если они не видят в нем для себя доброго примера»⁸²⁷.

К такому пастырю охотно примыкают лишь те из пасомых, кто утратил духовный вкус и живую связь с Церковью. Они тем более привязываются к нему, когда он не требует от них глубокого смиренно-молитвенного подвига и духовной борьбы с собой. Себя такой пастырь показывает проповедником, аскетом, церковным ревнителем. Он с интересом беседует с пасомыми, тщеславясь своими знаниями, обставляет богослужение чудным хором и кратким уставом. Все это сродно, легко и привлекательно душевному человеку, отчего таким пастырем чаще прельщаются сентиментальные по природе женщины. Они могут страстно привлекаться к пастырю, слабая благодатью.

Пастырю необходим правильный способ воздействия на паству. «Для иных нужен бич, – говорит св. Григорий Богослов, – для других – узда. Для одних полезна похвала, для других – укоризна, но та и другая вовремя»⁸²⁸. Пастырю необходима большая чуткость и наблюдательность при руководстве людьми различного характера и воспитания. Человек – это своего рода цветок, охотно распускающийся в тихую полночь и увядающий от прикосновения грубых рук, поэтому к каждому из пасомых у истинного пастыря есть свой подход. «Управлять человеком, сим хитрейшим и изменчивым животным, – говорит св. Григорий Богослов, – есть, по моему мнению, искусство из искусств и знание из знаний»⁸²⁹.

Это пастырь особенно должен учесть на исповеди, когда пасомые раскрывают перед ним сокровенные дела и всю свою душу. Тогда пастырю большую нужно иметь мудрость и духовный опыт, чтобы врачевать души и налагать наказание не просто по мере прегрешений, но исследовав намерение

согрешающих. Здесь пастырь особо остро чувствует необходимость духовной жизни, необходимость духовного опыта и собственной духовности, а не душевности в пастырской деятельности. «Как многие надмеваются и впадают в отчаяние о своем спасении, потому что не могут перенести горьких лекарств, так иные, не получив наказание, равносильное грехам, впадают в беспечность, делаются гораздо худшими и еще более грешат»⁸³⁰, – говорит св. Иоанн Златоуст.

Душевный пастырь не сможет правильно разрешить многочисленные трудные вопросы этого попечительства, дать правильное врачевство пришедшему к нему и, вместо того, чтобы врачевать человеческие души и вести их ко спасению, будет духовно губить их. Он окажется не в состоянии быть истинным духовным пастырем, но окажется слепцом, ведущим слепого, которые оба упадут в яму.

Таким образом, проследив весь пастырский путь священнослужителя Христовой Церкви, мы убедились в том, что, выполняя высокое пастырское служение, состоящее в учении, священнодействии и духовном управлении верующими, пастырь может оказаться духовным (добрым) пастырем и душевным пастырем (наемником). Истинное пастырство – это сочетание Божественной благодати, особого призвания, большого личного труда, непрестанного контроля над собой, духовного бодрствования и молитвенного подвига. Пастырь должен считать себя орудием Христа, опирающимся на Божественную благодать.

Скромный труд над возрождением паствы к новой духовной жизни с верой в силу Божией благодати помогает пастырю правильно выполнять тяжелый и сложный труд истинного духовного пастырства. Духовный пастырь отдает пастырству все силы ума и сердца. Он искренне любит паству, соболезнует ей в скорбях и согрешениях, сорадуется ей в ее преуспевании. Он любит ее до самопожертвования, пример которого показал, например, епископ Павлин, продавший себя в рабство из любви к пастве. В духовном пастыре мы видим искание подвига и отрешения от всех преимуществ общественного положения, желание: жить в труде и нужде, являться безукоризненным

врачом и утешителем паствы, во всем предпочитая своим нуждам и потребностям заботу о пастве.

В душевном же пастырстве мы видим подмену благодатного духовного пастырства естественным и душевным. Мы видим в нем стремление к жизненно-эстетическому идеалу, искание материального благополучия, богатств и удобств в жизни. Это он считает главным в жизни и предпочитает его истинному пастырскому душепопечительству. Душевный пастырь порой «настолько поглощается сытой жизнью среди семейных торжеств, что по содержанию своих интересов ничем не отличается от сугубо светских людей»⁸³¹. В сложном и трудном деле пастырского подвига он надеется исключительно на свои силы и способности, на внешний авторитет людей, забывая о благодати Святого Духа, полученной в хиротонии.

«Будь образцом, – говорит ап. Павел, – для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте. Доколе не приду, занимайся чтением, наставлением, учением. Не ради о пребывающем в тебе даровании, которое дано тебе по пророчеству с возложением рук священства. О сем заботься, в сем пребывай, да бы успех твой для всех был очевиден. Вникай в себя и в учение, занимайся сим постоянно; ибо так поступая, и себя спасешь, и слушающих тебя»

(1Тим. 4, 12–16)⁸³².

Забвение этого приводит к тому, что дом души такого пастыря благодать Св. Духа оставляет пустым, и его пастырство из духовного и благодатного становится естественным и душевным, а сам пастырь становится простым наемником. Но сказано в Священном Писании, что «если же кто Духа Христова не имеет, тот и не Его» (Рим. 8, 9). Ложные пастыри свою волю, а не волю Христову творя, ходят вслед своих страстей и похотей, они – бич Церкви. Никакие грехи человеческие не могут быть сравнимы с грехом лжепастырства.

Огненные, страшные слова изрекают Божии Уста чрез пророков на пастырей, не пасущих Божьего стада, не служащих Единому Пастырю. Пророки описывают не только полное равнодушие пастырей к делу пастырства, но и преступность их⁸³³.

«Множество пастухов испортили Мой виноградник, истоптали участок Мой; любимый участок Мой сделали пустой степью, сделали его пустынею, и в запустении он плачет предо Мною; вся земля опустошена, потому что ни один человек не прилагает этого к сердцу (Иер. 12, 10–11). «Горе пастырям, которые губят и разгоняют овец паствы Моей, – говорит Господь» (Иер. 23, 1). «Рыдайте, пастыри, и стенайте, и посыпайте себя прахом, вожди стада, ибо исполнились дни ваши для заклания и рассеяния вашего, и падете, как дорогой сосуд. И не будет убежища пастырям и спасения вождям стада» (Иер. 25, 34).

«И было ко мне слово Господне: сын человеческий! изреки пророчество на пастырей Израилевых, изреки пророчество и скажи им, пастырям: так говорит Господь Бог: горе пастырям Израилевым, которые пасли себя самих! не стадо ли должны пасти пастыри? Вы ели тук и волною одевались, откормленных овец закалали, а стада не пасли. Слабых не укрепляли и больной овцы не врачевали, и пораненной не перевязывали, и угнанной не возвращали, и потерянной не искали, а правили ими насилием и жестокостью. И рассеялись они без пастыря и, рассеявшись, сделались пищею всякому зверю полевому. Блуждают овцы мои по всем горам и по всякому высокому холму, и по всему лицу земли рассеялись овцы Мои, и никто не разведывает о них, никто не ищет их. Посему, пастыри, выслушайте слово Господне. Живу Я! – говорит Господь Бог. – За то, что овцы Мои оставлены были на расхищение, и без пастыря сделались овцы Мои пищею всякого зверя полевого, и пастыри Мои не искали овец Моих и пасли пастыри самих себя, а овец Моих не пасли, – за то, пастыри, выслушайте слово Господне. Так говорит Господь Бог: вот Я – на пастырей, и взыщу овец Моих от руки их, и не дам им более пасти овец, и не будут более пастыри пасти самих себя, и исторгну овец Моих из челюстей их, и не будут они пищею их...»

(Иез. 34)⁸³⁴.

Итак, признаком ложного, душевного пастырства являются:

Корыстолюбие, обуславливание молитвы или таинств денежным вознаграждением. Таксирующий молитву таксирует

благодать Божию, что есть грех и извращение Царства Божия⁸³⁵.

Пышность, театральность. (Ангел предупредил св. Ерма о ложных пастырях словами: «Смотри, Ерм, где помпа, там и лесть», – т. е. ложь пред Богом). Православное богослужение – не «пышность», не «театральность», но молитвенно-благоговейная символическая реальность, пение Богу голосом, красками и движением – отдача Богу всей плоти этого мира. Лишь чрез горящее любовью к Богу и к людям сердце православная символика находит свое право на истину, становится действительностью небесной.

Заискивание перед сильными, богатыми. Пренебрежительное отношение к бедным и незаметным людям. «Зрение на лица». Боязливость и ложная кротость перед обличением греха сильных мира сего. Гневливость и грубость в отношении людей безответных и зависимых⁸³⁶.

Проповедование в храме каких – либо земных ценностей и высот; увлечение вне храма каким-либо косвенным делом или идеей в ущерб прямому пастырскому делу врачевания душ и приведения их к Единому Пастырю. Неблагоговейность в храме⁸³⁷.

Искание себе славы и чести, тщеславие. Признак атеизма – «Как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от единого Бога, не ищите?» Признак веры пастырской – «Кто ищет славы Пославшего Его, Тот истинен и нет неправды в Нем» (Ин. 5, 44 и 7, 18).

Нерадение о душе человеческой. «Наемник, не пастырь, которому овцы не свои, видит приходящего волка и оставляет овец, и бежит, и волк расхищает овец и разгоняет их, а наемник бежит, потому что наемник и не радит об овцах» (Ин. 10, 12–13)⁸³⁸.

Любовь Божия, как Свет Солнца, падает на все человечество, и если некоторые убегают от животворного солнца в свои мрачные и сырые подвалы мысли и чувств, – разве повинно в том Солнце Правды, сияющее «над злыми и над добрыми?»⁸³⁹ «Условием же истинного пастырства, – говорит св. Димитрий Ростовский, – должна быть убежденность, что стадо, пасомое пастырем и охраняемое им от врагов, есть

стадо не его собственное, но стадо Христово, которое в Нем и в Отце Его имеет свою охрану и через то дает земному пастырю дерзновенную надежду на достойное совершение пастырского подвига»⁸⁴⁰.

Об авторе

СХИАРХИМАНДРИТ ИОАНН (МАСЛОВ) (1932–1991)

Магистр богословия схиархимацдрит Иоанн (Маслов) (1932–1991) – выдающийся священнослужитель Русской Православной Церкви, автор таких фундаментальных богословских сочинений, как «Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие» (М., 1993 и 2000), «Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении» (М., 1993 и 1995), «Глинская пустынь. История обители и ее духовно-просветительная деятельность в XVI–XX веках» (М., 1994), «Симфония по творениям св. Тихона Задонского» (М., 1996 и 2000), «Глинский Патерик» (М., 1997), «Архив Глинской пустыни», конспекты лекций по Литургике и Пастырскому богословию и др.

Отец Иоанн начал служение Господу в знаменитой Глинской пустыни. В этом монастыре он принял монашеский постриг, а после закрытия пустыни с 1961 года учился в Московской Духовной Семинарии, затем в Московской Духовной Академии. Долгие годы преподавал в Московских Духовных школах и воспитал целую плеяду священнослужителей. Прославился многими благодатными способностями и подвигом старчества.

Святейшие Патриархи Алексей I и Пимен хорошо знали и ценили отца Иоанна. Он был награжден двумя орденами преподобного Сергия, двумя крестами с украшениями, имел высшую церковную награду – Патриарший крест.

Земной путь отец Иоанн закончил в Сергиевом Посаде 29 июля 1991 года.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II называет отца Иоанна выдающимся подвижником XX в.

По словам Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, благополучие общества, то, как будут жить у нас на Руси, зависит от усердия пастыря.

Лекции по пастырскому богословию схиархимандрит Иоанн читал в Московской Духовной Академии.

Примечания

¹ - Прот. Г. Шавельский. Православное пастырство. София, 1930, стр. 34.

² - Прот. Г. Шавельский. Цит. соч., стр. 17.

³ - Архим. Антоний (Храповицкий). Собрание лекций и статей по Пастырскому богословию. М., 1909, стр. 1.

⁴ - Проф. В. Ф. Певницкий. Священство. Основные пункты в учении о пастырстве. Киев, 1872, стр. 1–2.

⁵ - Латинское слово *concretio* – давать конкретное выражение чему-либо, уточнять.

⁶ - Свящ. Г. Титов. История священства и левитства Ветхозаветной Церкви. Тифлис, 1878, стр. 154.

⁷ - Журнал «Вокруг света». М., 1966, май, стр. 52.

⁸ - Свящ. Г. Титов. Цит. соч., стр. 154.

⁹ - Св. Амвросий Медиоланский. «О должностях». Киев, 1875, стр. 56.

¹⁰ - Там же, стр. 50–51.

¹¹ - Проф. архим. Вениамин (Милов). Лекции по Пастырскому богословию. Библиотека МДА, машинопись, стр. 21.

¹² - Стих 2 на «Господи, воззвах...»

¹³ - Св. Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии, стр. 17.

¹⁴ - Св. Амвросий Медиоланский. О должностях. Киев, 1875, стр. 52.

¹⁵ - Св. Иоанн Златоуст. Шесть слов о священстве. Спб, 1895, т. 1, стр. 423–426.

¹⁶ - Проф. С. Соллертинский. Пастырство Христа Спасителя. СПб, 1887, стр. 304.

¹⁷ - Творения св. Климента Александрийского. Изд. 1715 г., т. 1, гл. 4, стр. 52.

¹⁸ - Св. Григорий Богослов, т. 5, стр. 121.

¹⁹ - Православное Исповедание. Ответ на 108 вопр. 1900 г.; см. также В. Экземплярский. Библейское и святоотеческое

учение о сущности священства. Киев, 1904, стр. 50.

²⁰ - Еп. Игнатий (Брянчанинов). Сочинения. СПб, 1905, т. 1.

²¹ - «Богословский вестник». Август 1900 г., стр. 510.

²² - Геттингер. Апология христианства, Спб, 1872, ч. 2, стр. 341.

²³ - «Богословский вестник». № 8, стр. 511.

²⁴ - Геттингер. Апология христианства, ч. 2, чт. 8, стр. 344–345.

²⁵ - «Христ. Чтение». 1901 г., ч. 1, стр. 351

²⁶ - Под временной нечистотой Священное Писание указывает: нечистоту, явившуюся вследствие прикосновения к чему-либо нечистому (она продолжается до вечера), а также нечистота от болезни – семяистечения. В состоянии такой нечистоты священнослужитель должен был воздержаться от священнодействий. Под прикосновением к чему-либо нечистому понималось еще и вкушение мертвечины или звероядины, т. е. мяса падшего или растерзанного животного. Кроме такой нечистоты, закон предписывал священнику быть свободным и от нечистоты, явившейся от прикосновения к умершим, трупы которых, как знамение греха, считались нечистыми. Но закон не запрещал священникам прикасаться к умершим сродникам – отцу, матери, сыну, дочери, брату и девствующей сестре (Лев. 21, 1–4). Примечательно, что к числу означенных случаев не относится смерть жены священника, следовательно, прикосновение к последней считалось по закону Моисееву осквернением для священника. Так закон Моисеев хотел возвысить священников над всем чувственным. (Свящ. Г. Титов. История священства и левитства Ветхозаветной Церкви. Тифлис, 1878, стр. 55).

²⁷ - Свящ. Г. Титов. Цит. соч., стр. 62.

²⁸ - Свящ. Г. Титов. Цит. соч., стр. 113.

²⁹ - «Пророка воставлю» – это слово, понимаемое в собирательном смысле, относится и ко Христу – Пророку и Пастырю, почему в нашем синодальном переводе это слово пишется с большой буквы.

- ³⁰ - Св. Григории Богослов. Творения, ч. 1, 3-е Слово, стр. 60.
- ³¹ - Е. Берсье. «Беседы». СПб, 1893, том 3, стр. 142.
- ³² -
- ³³ - Тропарь 3-й Последования великого освящения воды. Церковная служба на св. Богоявление. М., изд. Моск. Патр., 1948, стр. 15.
- ³⁴ - Маргарит. М., 1892, стр. 185.
- ³⁵ - Прот. Иоанн Сергиев. «Созерцания и чувства христианской души». СПб, 1905, стр. 98.
- ³⁶ - Св. Димитрий Ростовский. Алфавит духовный. СПб, 1880, стр. 89.
- ³⁷ - Д. Боголепов. Руководство к толковому чтению Четвероевангелия, изд. 3. М., 1889, стр. 186.
- ³⁸ - С другой стороны, следует обратить внимание, что случай с ап. Петром показывает, как сатана орудиями и еще чаще предметом своих искушений избирает иногда самых высоких по вере и благочестию людей (А. Иванов. Руководство к изъяснению Св. Писания Нового Завета. Киев, 1886, стр. 306). Отсюда видно, насколько пастырь должен быть духовно мудр, чтобы разобраться во всех кознях диавола, который иногда преображается и в светлого ангела, «чтобы прельстить, если возможно, и избранных» (Мф. 24, 24).
- ³⁹ - Прот. Евгений Попов. Письма по пастырскому богословию. Пермь, 1847, ч. 3, стр. 88.
- ⁴⁰ - Архиеп. Антоний, там же, стр. 89.
- ⁴¹ - Св. Димитрий Ростовский. Творения. М., изд. Сойкина, 1910, т. 1, стр. 930.
- ⁴² - Епископ Неофит Велички. Пастырское богословие с каноническо право. София, 1910, стр. 211.
- ⁴³ - Маргарит. М., 1892, стр. 168.
- ⁴⁴ - Архиеп. Антоний (Храповицкий). Собрание лекций и статей по Пастырскому богословию. М., 1909, стр. 73.
- ⁴⁵ - Культурное руководство (нем.)
- ⁴⁶ - Св. Димитрий Ростовский. Цит. соч., стр. 930.

⁴⁷ - Митр. Варфоломей. О пастырском служении по св. ап. Павлу. ЖМП, 1952, № 1, стр. 46.

⁴⁸ - Архиеп. Антоний, там же, стр. 75.

⁴⁹ - Епископ Игнатий (Брянчанинов). Сочинения. СПб, 1905, т. 4, стр. 519.

⁵⁰ - Цит. по Еп. Дамиан. Руководство по предмету Пастырского Богословия, тит. лист отсут., стр. 122–123.

⁵¹ - Св. Димитрий Ростовский. Цит. соч., стр. 925.

⁵² - Маргарит. Цит. соч., стр. 52. Примером постоянного самоукорения могут служить слова одного из наших пастырей-подвижников. «Все, что я делаю доброго, – часто повторял он, – то делаю по милости Божией. А помощь Божию я на себе вижу во всем и считаю себя нерадивейшим, худшим из всех пастырей русских, потому что если бы эти дары Божии, мною получаемые, были у кого-нибудь другого, он сделал бы добра гораздо больше, чем я» (Цит. по Еп. Дамиан. Цит. соч., стр. 126).

⁵³ - Авва Дорофей. Душеполезные поучения, изд. 6. М., 1888, стр. 298.

⁵⁴ - Прот. Иоанн Сергиев. Полное собрание сочинений, т. 5. СПб, 1899, стр. 175.

⁵⁵ - Преп. Феогност. Добротолюбие, т. 3, 1900, стр. 321.

⁵⁶ - Творения, т. 3, кн. 1, стр. 25, изд. 1897 г.

⁵⁷ - Сочинения, т. 1, стр. 142.

⁵⁸ - Прот. Иоанн Сергиев. Цит. соч., стр. 117.

⁵⁹ - Цит. по архиеп. Антоний (Храповицкий). Собрание лекций и статей по Пастырскому богословию. М., 1909, стр. 93.

⁶⁰ - Добротолюбие, т. 2. Слово о молитве, стр. 214.

⁶¹ - Святоотеч. наставления о молитве, стр. 42.

⁶² - Добротолюбие, т. 5, гл. 114, стр. 205.

⁶³ - Преп. Макарий Егип. Духовные беседы, послания и слова, стр. 500.

⁶⁴ - Св. Василий Великий. Творения. М., 1846, т. 8, ч. 4, стр. 9.

⁶⁵ - Цит. по В. Черкесов. В защиту поста. М., 1906, стр. 10.

⁶⁶ - Св. Тихон Задонский. Сокровище духовное, от мира собираемое. СПб, 1893, ч. 1, стр. 73.

⁶⁷ - Св. Иоанн Златоуст. Творения. СПб, 1905, т. 2. стр. 432.

⁶⁸ - Цит. по статье В. Гладкий. Учение св. Иоанна Златоустого о пастырском служении. «Православный Собеседник», 1897, ч. 2, 1898, январь.

⁶⁹ - Св. Иоанн Златоуст. Творения, т. 1, стр. 474.

⁷⁰ - Там же, стр. 430.

⁷¹ - Св. Григорий Богослов. Творения, т. 1, стр. 41.

⁷² - Еп. Дамиан. Цит. соч., стр. 127.

⁷³ - Св. Иоанн Златоуст. Творения, т. 2, стр. 432.

⁷⁴ - Там же, стр. 621.

⁷⁵ - Св. Тихон Задонский, изд. 3, т. 2.

⁷⁶ - Еп. Игнатий. Цит. соч., т. 1, стр. 108.

⁷⁷ - Там же, стр. 113.

⁷⁸ - Там же, стр. 109.

⁷⁹ - Там же, стр. 119.

⁸⁰ - Цит. по Я. Горунович. Цит. соч., стр. 150.

⁸¹ - Епископ Игнатий. Цит. соч., т. 1, стр. 109.

⁸² - Там же.

⁸³ - Епископ Игнатий. Цит. соч., т. 5, стр. 53.

⁸⁴ - Там же, стр. 53.

⁸⁵ - Прп. Иоанн. Лествица, 7 изд. Оптиной пустыни. Сергиев Посад, 1908, стр. 56.

⁸⁶ - Прп. Ефрем Сирин. Творения, С. Посад, 1912, т. 3, стр. 406.

⁸⁷ - Врачевство духовное на смущение помыслов. Киев, 1911, стр. 15.

⁸⁸ - Архиеп. Антоний (Храповицкий). О православном пастырстве. М., 1906, стр. 86.

⁸⁹ - Св. Иоанн Златоуст. Творения. М., 1901, т. 12, стр. 20.

⁹⁰ - Дидон. Иисус Христос. СПб, изд. «Русский Паломник», т. 2, 1891, стр. 15.

⁹¹ - Цит. по прот. Г. И. Шавельский. Цит. соч., стр. 7.

- ⁹² - А. В. Горский. История Евангельская и Церкви Апостольской. М., 1883, стр. 209.
- ⁹³ - Св. Иоанн Златоуст. Толков. на Тимоф. 1, 7.
- ⁹⁴ - Прот. Г. И. Шавельский. Цит. соч., стр. 57.
- ⁹⁵ - Прот. Г. И. Шавельский. Цит. соч., стр. 57–58.
- ⁹⁶ - Прот. Г. И. Шавельский. Цит. соч., стр. 58.
- ⁹⁷ - Там же.
- ⁹⁸ - А. Иванов. Руководство к изъяснению Св. Писания Нового Завета. К., 1886, стр. 391–392.
- ⁹⁹ - Св. Иоанн Златоуст. Беседы на евангелиста Матфея, тит. лист отсутствует, беседа 72, стр. 235.
- ¹⁰⁰ - Св. Иоанн Златоуст. Цит. соч., стр. 236.
- ¹⁰¹ - Св. Иоанн Златоуст. Цит. соч., стр. 239.
- ¹⁰² - Евфимий Зигабен. Толковое Евангелие от Матфея. Киев, 1886, стр. 340. Слова в скобках даны для пояснения.
- ¹⁰³ - «ЖМП». 1959. № 12, стр. 41.
- ¹⁰⁴ - Св. Григорий Двоеслов. О пастырском служении. Руководство для сельских пастырей. 1871, т. 1, стр. 41.
- ¹⁰⁵ - Свящ. Четвериков. На службу Богу и ближним. «Душеполезное Чтение», 1903, февраль, стр. 280–281.
- ¹⁰⁶ _
- ¹⁰⁷ - Иером. Иннокентий. Пастырское богословие в России за XIX в., Троице-Сергиева Лавра, 1899, стр. 413.
- ¹⁰⁸ - Яков Горунович. Цит. соч., стр. 58.
- ¹⁰⁹ - Еп. Игнатий (Брянчанинов). Творения. М., 1905, т. 1, стр. 505.
- ¹¹⁰ _
- ¹¹¹ - Св. Григорий Богослов. Цит. соч., стр. 84.
- ¹¹² - Свящ. Василий Сокольский. Евангельский идеал христианского пастыря. Казань, 1905, стр. 233.
- ¹¹³ - Иером. Иннокентий. Цит. соч., стр. 418.
- ¹¹⁴ - Епископ Игнатий. Цит. соч., т. 4, стр. 10.
- ¹¹⁵ - Еп. Игнатий. Цит. соч., т. 2, стр. 137.
- ¹¹⁶ - Там же, т. 2, стр. 543.

- ¹¹⁷ - Там же, т. 2, стр. 53.
- ¹¹⁸ - Еп. Феофан. Толкование пастырских посланий ап. Павла (тит. лист отсут.), стр. 557.
- ¹¹⁹ - Цит. по Н. Румянцев. Очерки деятельности пастыря Церкви Христовой. «Вера и Разум», 1894, т. 1, ч. 1, стр. 48.
- ¹²⁰ - Цит. по В. Крамиров. Святитель Задонский Тихон. «Православный Собеседник», 1897, февраль, стр. 206.
- ¹²¹ - Там же.
- ¹²² - Там же, стр. 556.
- ¹²³ - Еп. Игнатий. Творения, т. 2, стр. 55.
- ¹²⁴ - Св. Григорий Двоеслов. Цит. соч., стр. 39.
- ¹²⁵ - Св. Григорий Богослов. Цит. соч., стр. 34.
- ¹²⁶ - В настоящее время пастырю затруднительно иметь такие познания о своих пасомых (особенно в городских приходах), но это все-таки обязывает его иметь хотя бы общие сведения о прихожанах.
- ¹²⁷ - Св. Григорий Двоеслов. Цит. соч., стр. 54.
- ¹²⁸ - Св. Григорий Двоеслов. Цит. соч., стр. 333–334.
- ¹²⁹ - Там же, стр. 48.
- ¹³⁰ - Там же, стр. 49.
- ¹³¹ - Еп. Игнатий. Творения, т. 4, стр. 204.
- ¹³² - Цит по Я. Горунович. Цит. соч., стр. 68.
- ¹³³ - Св. Григорий Двоеслов. Цит. соч., стр. 35.
- ¹³⁴ - Авва Дорофей. Душеполезные поучения, изд. 6. М., 1888, стр. 298.
- ¹³⁵ - Там же.
- ¹³⁶ - Там же, стр. 43.
- ¹³⁷ - Еп. Игнатий. Творения, т. 1, стр. 339.
- ¹³⁸ - Иером. Кирилл. Обязанности священника к самому себе. «Хр. Чтение», 1851, август, стр. 106.
- ¹³⁹ - Епископ Игнатий. Творения, т. 4, стр. 412.
- ¹⁴⁰ - Сборник проповедей, ч. 2, стр. 128–129.
- ¹⁴¹ - Св. Григорий Двоеслов. Цит. соч., стр. 30.
- ¹⁴² - Св. Иоанн Златоуст. Творения, т. 1, стр. 462.

- ¹⁴³ - Архиеп. Илиодор. Поучение. «Хр. Чт.», 1847, ч. 1, стр. 380.
- ¹⁴⁴ - Епископ Игнатий, Творения, т. 1, стр. 141.
- ¹⁴⁵ - Там же, т. 1, стр. 146.
- ¹⁴⁶ - Там же, т. 2, стр. 161.
- ¹⁴⁷ - Епископ Игнатий. Творения, т. 1, стр. 234.
- ¹⁴⁸ - Там же, т. 2, стр. 270.
- ¹⁴⁹ - Митр. Варфоломей. О пастырском служении по св. ап. Павлу. «ЖМП», 1950, № 1, стр. 45–46.
- ¹⁵⁰ - Св. Климент Римский. Послание к Коринфянам, русский перевод прот. Преображенского. М., 1862, гл. 42, стр. 142.
- ¹⁵¹ - Там же.
- ¹⁵² - Писания мужей апостольских, русский перев. прот. Преображенского. М., 1862, гл. 37, стр. 138–139.
- ¹⁵³ - Я. Горюнович. «Учение о пастырском служении древних отцов и учителей Церкви». Смоленск, 1899, стр. 21.
- ¹⁵⁴ - Св. Климент Римский. Послан. к Кор., гл. 30, стр. 181.
- ¹⁵⁵ - Св. Игнатий Богоносец. Послание к филиладельфийцам, гл. 6, стр. 413.
- ¹⁵⁶ - Там же, стр. 440.
- ¹⁵⁷ - Св. Игнатий Богоносец. Послание к магнезийцам, гл. 6, стр. 339.
- ¹⁵⁸ - Св. Игнатий Богоносец. Послание к смирнянам, гл. 9, стр. 422.
- ¹⁵⁹ - Св. Игнатий Богоносец. Послание к магнезийцам, гл. 6, стр. 399.
- ¹⁶⁰ - Св. Игнатий Богоносец. Послание к траллийцам, гл. 2, стр. 396.
- ¹⁶¹ - Там же, гл. 7.
- ¹⁶² - Св. Игнатий Богоносец. Послание к ефесянам, гл. 1, стр. 325.
- ¹⁶³ - Св. Игнатий Богоносец. Послание к магнезийцам, гл. 13.

- 164 - Св. Игнатий Богоносец. Послание к Поликарпу, гл. 1, стр. 425.
- 165 - Там же, к Поликарпу, гл. 2, стр. 426.
- 166 - Там же.
- 167 - Там же, гл. 2, стр. 426.
- 168 - Там же.
- 169 - Там же, к Поликарпу, гл. 3, стр. 426–427.
- 170 - Там же, гл. 2, стр. 426.
- 171 - Там же.
- 172 - Послание св. Поликарпа к Филиппийцам, гл. 5, стр. 445.
- 173 - Там же, стр. 444.
- 174 - Там же.
- 175 - Там же, гл. 11, стр. 448.
- 176 - Там же, гл. 6, стр. 445.
- 177 - Там же, кн. 1, видение 3, гл. 5, стр. 238.
- 178 - Там же.
- 179 - Там же, кн. 1, видение 2, стр. 231.
- 180 - Там же, кн. 3, стр. 342.
- 181 - Там же.
- 182 - Там же, стр. 337–338.
- 183 - Гностиками назывались христианские философы, которые смешивали христианское учение с древне-философскими и языческими воззрениями. Этим самым они рушили здание Церкви Христовой со всеми существующими в ней внешними учреждениями и средствами: священную иерархию, облеченную высокими благодатными правами Христа.
- 184 - Цит. по Горунович. «Учение о пастырском служении древних отцов и учителей Церкви». Смоленск, 1899, стр. 43.
- 185 - Там же, стр. 44.
- 186 - Там же.
- 187 - Там же, стр. 45.
- 188 - Там же.

- 189 - Там же, стр. 47.
- 190 - Творения св. Киприана Карфагенского. Киев, 1891, пис. 47, стр. 255.
- 191 - Там же, пис. 54, стр. 251–254.
- 192 - О единстве Церкви. Киев, 1891, стр. 191–192.
- 193 - Пис. 56, стр. 267–268.
- 194 - Пис. 3, стр. 25.
- 195 - Пис. 7. стр. 37.
- 196 - Пис. 47, стр. 192–193.
- 197 - Пис. 54.
- 198 - Пис. 6. стр. 36.
- 199 - Пис. 55, стр. 263.
- 200 - Пис. 25.
- 201 - Пис. 43, стр. 169.
- 202 - Творения св. Киприана. Книга о падших, стр. 153.
- 203 - Там же, ч. 1, пис. 28.
- 204 - Св. Амвросий Медиоланский. «О должностях священнослужителей Церкви Христовой». Изд. П. Поспелова, Киев, 1875, стр. 15.
- 205 - Там же, гл. 1, стр. 3 (Я. Горунович. Учение о пастырском служении древних отцов и учителей Церкви. Смоленск, 1899, стр. 135).
- 206 - Там же, стр. 7. (Там же. стр. 136–137).
- 207 - Там же, стр. 7–8(Я. Гор., стр. 137).
- 208 - Там же, стр. 8–11.(Я. Гор., стр. 138).
- 209 - Там же, гл. 1. стр. 34–35. (Я. Гор., стр. 143).
- 210 - Там же, стр. 35–36. (Я. Гор., стр. 143).
- 211 - Там же, стр. 37–38. (Я. Горунович, стр. 144).
- 212 - Там же, стр. 36–37. (Там же, стр.144).
- 213 - Там. же, стр. 4, стр. 22. (Там же, стр. 139).
- 214 - Там же, стр. 54. (Там же, стр. 140).
- 215 - Там же, стр. 33. (Там же, стр. 140).
- 216 - Там же.

- 217 - Там же, стр. 70. (Там же, стр. 133).
218 - Там же, стр. 76, 80, 82. (Там же).
219 - Там же, стр. 82–92. (Там же, стр. 133).
220 - Там же, стр. 92–93. (Там же)
221 - Там же, стр. 98. (Там же)
222 - Там же, гл. 2, стр. 46. (Там же, стр. 134).
223 - Там же, гл. 3, стр. 123. (Там же, стр. 133).
224 - Там же, гл. 4, стр. 147. (Там же, стр. 144).
225 - Там же, гл. 4, стр. 150–151. (Там же, стр. 147).
226 - Там же, стр. 169–170. (Там же, стр. 148).
227 - Там же, гл. 5, стр. 184–185. (Там же, стр. 151).
228 - Учение св. Иоанна Златоуста. Цит. по Годунову.
Смоленск, 1899, стр. 95.
229 - Св. Иоанн Златоуст, т. 1, стр. 423.
230 - Там же, стр. 424–425.
231 - 10 беседа на 1-е посл. к Коринф., стр. 170, 1863.
232 - Слово 6-е, стр. 123.
233 - Беседы на разл. места Св. Писания. 1861, т. 1, стр.
255.
234 - То же, т. 1, стр. 472.
235 - Там же, т. 1, стр. 123–124.
236 - Там же, т. 1, стр. 471.
237 - Там же, т. 1, стр. 432–433.
238 - Там же, стр. 471.
239 - Там же, стр. 468.
240 - Там же. стр. 426–429.
241 - Слово о священстве 2-е, стр. 22.
242 - Там же, слово 6-е, стр. 119.
243 - Там же, стр. 120.
244 - Там же, 3-е, стр. 48, 51, 54–55, 63–64.
245 - Там же, стр. 51.
246 - Беседа 2 на Тит., стр. 23.
247 - Беседа 3 на Деян. апост., стр. 64.

- 248 - Слово о священ. 6, стр. 131–132.
249 - Там же, слово 3, стр. 54.
250 - Там же, стр. 55–56.
251 - 1-я беседа на 1 Тим., стр. 9–10.
252 - Там же, том 1, стр. 482.
253 - Там же, стр. 483.
254 - Там же, стр. 621.
255 - Том 9, СПб, 1903, стр. 38.
256 - Там же.
257 - 2 бес. на Мф. ч. 3, стр. 263, 1859.
258 - Слово о священ. 3. стр. 76–77.
259 - Том 1, стр. 468.
260 - 34 бес. на послание к евр.
261 - То же.
262 - Слово о священстве 4-е, стр. 87–88.
263 - Там же, слово 3-е, стр. 50.
264 - 15 бес. на 1 Тим., стр. 222.
265 - 1-ое слово о свящ. 4-е, стр. 91–95.
266 - Там же, стр. 105.
267 - Там же, стр. 91.
268 - Том 2, СПб, 1905, стр. 432.
269 - Там же, стр. 821.
270 - Том 1, стр. 456.
271 - Там же, стр. 459.
272 - Том 2, стр. 208.
273 - Бес. 4-я на 1 Солун., стр. 73.
274 - Беседы на разные места Св. Писания, ч. 3, стр. 553–554.
275 - Бес. 44 на Деян. апостол., ч. 2, стр. 259.
276 - Там же.
277 - Там же, стр. 257–258.
278 - Творения св. Григория Богослова, ч. 1. слово 3, М., 1843, стр 17–18.

- 279 - Там же, ч. 3, слово 32, стр. 143.
- 280 - Там же, ч. 1, слово 3, стр. 18.
- 281 - Там же, стр. 63.
- 282 - Там же, ч. 1, стр. 61–62.
- 283 - Там же, стр. 23–24 (ср. стр. 63).
- 284 - Арх. Григорий. Св. Григорий Богослов как пастырь и учитель пастырства. Сергиев Посад, 1916, стр. 520.
- 285 - Св. Григорий Богослов, слово 3, стр. 17.
- 286 - Творения св. Григория Богослова, ч. 1, стр. 28–29.
- 287 - Там же, ч. 4, стр. 94.
- 288 - Там же, ч. 1, стр. 60–61.
- 289 - Там же, стр. 64.
- 290 - Там же, ч. 2, сл. 21, стр. 182–185.
- 291 - Там же, ч. 1, слово 3, стр. 26–31. (Горунович, стр. 89).
- 292 - Там же, стр. 33. (Горунович, стр. 90).
- 293 - Там же, стр. 55–56. (Гор., стр. 91).
- 294 - Творения, ч. 1, ел. 3, стр. 26, (Гор., стр. 85).
- 295 - Там же, стр. 59. (Гор., стр. 79).
- 296 - Там же, стр. 39–40. (Гор., стр. 79).
- 297 - Там же, стр. 43–44. (Гор., стр. 80).
- 298 - Там же, стр. 45. (Гор., стр. 81).
- 299 - Творения, кн. 1, стр. 168.
- 300 - Там же, стр. 46–48.
- 301 - Цит по кн. арх. Григория. Сергиев Посад, 1916, стр.
- 302.
- 302 - Творения св. Григория Богослова, ч. 2. ел. 21, стр. 198.
- 303 - Творения, кн. 5. М., 1847, стр. 256–257.
- 304 - Творения, т. 1, стр. 618.
- 305 - Там же, стр. 611. (Гор., стр. 84).
- 306 - Там же, ч. 1, ел. 5, стр. 59. (Гор., стр. 84).
- 307 - Там же, ч. 2, ел. 5, стр. 52–60. (Гор., стр. 92).
- 308 - Там же, стр. 21. (Гор., стр. 92).

- ³⁰⁹ - Журн. «Правосл. Собеседник», ч. 1. Казань, 1899, стр. 555.
- ³¹⁰ - Там же.
- ³¹¹ - Творения св. Исидора Пелусиота, в 3-х частях, ч. 1. М., 1859–1860, пис. 552, стр. 316.
- ³¹² - Там же, пис. 151, стр. 103; пис. 250, стр. 151; пис. 408, стр. 318.
- ³¹³ - Там же, ч. 3, пис. 554, стр. 402. (Гор., стр. 178).
- ³¹⁴ - Там же, ч. 2, пис. ПО, стр. 93. (Гор., стр. 178).
- ³¹⁵ - Там же, ч. 2, пис. 306, стр. 248; ч. 3, пис. 121, стр. 134. (Гор., 179).
- ³¹⁶ - Там же, ч. 2, пис. 496, стр. 383. (журн. «Прав. Соб.», ч. 1, стр. 558).
- ³¹⁷ - Там же, ч. 1, пис. 532, стр. 299. (журн. «Прав. Соб.» стр. 559).
- ³¹⁸ - Там же, ч. 2. пис. 217, стр. 175. (журн. «Прав. Соб.», стр. 566).
- ³¹⁹ - Там же, пис. 306. стр. 245. («Прав. Соб.», стр. 566).
- ³²⁰ - Там же, пис. 306, стр. 245. (Там же).
- ³²¹ - Там же, ч. 3, пис. 554, стр. 402. (Там же).
- ³²² - Там же, ч. 1, пис. 104, стр. 72 (Гор., стр. 181).
- ³²³ - Там же, ч. 2, пис. 328, стр. 267 (Там же).
- ³²⁴ - Там же, ч. 3, пис. 510, стр. 377 (Там же, стр. 181).
- ³²⁵ - И. Заварин. Пастырское служение по учению св. Исидора Пелусиота. Ж. «Прав. Соб.», 1899, ч. 1, стр. 734.
- ³²⁶ - Там же, ч. 2, пис. 306, стр. 244 (Там же, стр. 563).
- ³²⁷ - Там же, ч. 2, пис. 269, стр. 218. (Там же, стр. 734).
- ³²⁸ - Там же, ч. 3, пис. 460, стр. 346. (Там же, стр. 735).
- ³²⁹ - Там же, ч. 1, пис. 459, стр. 258. (Ж. «Прав. Соб.», стр. 735).
- ³³⁰ - Там же, ч. 1. пис. 319, стр. 186. (Там же).
- ³³¹ - Там же, ч. 3, пис. 592, стр. 421. (Там же, стр. 736).
- ³³² - Там же, ч. 2, пис. 74, стр. 62. (Там же, стр. 737).
- ³³³ - Там же, ч. 2, пис. 306, стр. 245. (Гор., стр. 180).

- 334 - Там же, ч. 2, пис. 253, стр. 206. (Ж. «Прав. Соб.», стр. 728).
- 335 - Там же, ч. 1, пис. 135, стр. 398.
- 336 - Там же, ч. 1, пис. 573, стр. 337. (Ж. «Прав. Соб.», стр. 735).
- 337 - И. Заварин. Цит. соч., стр. 565.
- 338 - Там же, ч. 1, пис.10, стр. 6. (Ж. «Прав. Соб.», стр. 737).
- 339 - Там же, ч. 2, пис. 83. (Там же, стр. 737).
- 340 - Там же, ч. 1, пис. 108. (Там же, стр. 717).
- 341 - Там же, ч. 3, пис. 145, стр. 228. (Ж. «Прав. Соб.», стр. 718).
- 342 - Там же, ч. 1, пис. 683, стр. 452. (Там же, стр. 719).
- 343 - Там же, ч. 2, пис. 522, стр. 406. (Гор., стр. 182).
- 344 - Там же, пис. 292, стр. 234. (Там же).
- 345 - Там же, ч. 3, пис. 365, стр. 293–4. (Там же).
- 346 - Там же, ч. 1, пис. 112, стр. 76. (Гор., стр. 182).
- 347 - Там же, ч. 2, пис. 213, стр. 173. (Там же).
- 348 - Там же, ч. 2, пис. 25 стр. 22. (Ж. «Прав. Соб.», стр. 720).
- 349 - Там же, ч. 2, пис. 216, стр. 171. (Там же, стр. 720).
- 350 - Там же, ч. 1, пис. 14. (Там же, стр. 724).
- 351 - Там же, ч. 2, пис. 41, стр. 37. (Там же, стр. 722).
- 352 - Там же, ч. 2, пис. 582, стр. 470. (Ж. «Прав. Соб.», стр. 722).
- 353 - Там же, ч. 2, пис. 32. стр. 22. (Там же, стр. 723).
- 354 - Там же, ч. 2, пис. 7 и 8, стр. 466. (Там же, стр. 725).
- 355 - Там же, пис. 501, стр. 229. (Там же).
- 356 - Там же, ч. 2, пис. 213, стр. 173. (Ж. «Прав. Соб.», стр. 725).
- 357 - Там же, ч. 3, пис. 397, стр. 311. (Там же).
- 358 - Там же, ч. 3, пис. 640, стр. 448. (Там же, стр. 726).
- 359 - Там же, ч. 1, пис. 612, стр. 373. (Ж. «Прав. Соб.», стр. 727).
- 360 - Там же, пис. 624, стр. 383. (Там же).

- 361 - Там же, ч. 2, пис. 458. (Там же, стр. 731).
- 362 - Там же, ч. 2, пис. 302, стр. 243. (Там же).
- 363 - Там же, ч. 3, пис. 315, стр. 252. (Ж. «Прав. Соб.», стр. 732).
- 364 - Там же, ч. 2, пис. 23, стр. 20–21. (Там же, стр. 732).
- 365 - Там же, ч. 3, пис. 438, стр. 335. (Там же).
- 366 - Там же, ч. 3, пис. 161, стр. 163. (Там же).
- 367 - Там же ч. 3, пис. 161, стр. 163. (Ж. «Прав. Соб.», стр. 732).
- 368 - Там же, ч. 1, пис. 313, стр. 182. (Там же, стр. 734).
- 369 - Там же, ч. 1, пис. 279, стр. 164.
- 370 - Там же, ч. 1, пис. 69, стр. 49. (Там же, стр. 734).
- 371 - Там же, ч. 2, пис. 240, стр. 191; ч. 3, пис. 248, стр. 210; ч. 1, пис. 38, стр. 26. (Там же).
- 372 - Там же.
- 373 - Там же, ч. 1, пис. 45, стр. 30.
- 374 - Там же, пис. 79, стр. 56–57. («Прав. Соб.», стр. 747).
- 375 - Там же, ч. 1, пис. 120, стр. 81. (Там же).
- 376 - Там же, ч. 1, пис. 537, стр. 302. (Там же, стр. 748).
- 377 - Там же, ч. 2, пис. 50, стр. 42–43. (Гор., стр. 183).
- 378 - И. Заварин. Цит. соч., стр. 738.
- 379 - Там же, ч. 3, пис. 47, стр. 55–56. («Прав. Соб.», стр. 739).
- 380 - Там же ч. 2, пис. 487, стр. 378, (Там же).
- 381 - Там же ч. 3, пис. 634, стр. 446.
- 382 - Там же ч. 2, пис. 349, стр. 283–284.
- 383 - Там же, ч. 3, пис. 47, стр. 55–56. (Там же, стр. 740).
- 384 - Там же, ч. 2, пис. 487, стр. 379.
- 385 - Там же, ч. 3, пис. 47, стр. 55–57.
- 386 - Там же, ч. 3, пис. 422, стр. 325. («Прав. Соб.», стр. 242).
- 387 - Там же, ч. 2, пис. 420, стр. 331.
- 388 - Св. Димитрий, митрополит Ростовский. Творения, т. 1. Изд. Сойкина, стр. 927.

- 389 - Там же, стр. 928.
390 - Там же.
391 - Там же.
392 - Там же, стр. 927.
393 - Св. Димитрий. Цит. соч., стр. 929.
394 - Там же, стр. 929.
395 - Там же, стр. 930.
396 - Св. Димитрий. Цит. соч., стр. 932.
397 - Там же, стр. 933.
398 - Там же.
399 - Св. Димитрий. Цит. соч., стр. 934.
400 - Св. Димитрий. Цит. соч., стр. 155.
401 - Там же.
402 - Там же, стр. 154.
403 - Там же, стр. 155.
404 - Св. Димитрий. Цит. соч., стр. 156.
405 - Там же.
406 - Там же, стр. 156.
407 - Там же, стр. 157.
408 - Там же, стр. 158.
409 - Там же, стр. 160.
410 - Там же, стр. 162.
411 - Там же, стр. 163.
412 - Там же, стр. 930.
413 - Там же.
414 - Журн. «Православный Собеседник», 1897, ч. 1, стр. 203.
415 - Сочинения Преосв. Тихона. М., 1836, т. 6, стр. 108–113.
416 - Там же, т. 4, стр. 28–40.
417 - Там же, т. 15, стр. 101.
418 - Там же, т. 4, стр. 97; т. 10, стр. 95.
419 - Там же, т. 4, стр. 98, 208 (журн. «Прав. Соб.», 1897, ч. 1, стр. 109).

⁴²⁰ - Там же, т. 6, стр. 52; т. 7, стр. 97, 246; т. 8, стр. 74–75, 133, 292; т. 9, стр. 156; т. 10, стр. 78; т. 11, стр. 114; т. 13, стр. 91; т. 15, стр. 277.

⁴²¹ - Там же, т. 7, стр. 259.

⁴²² - Там же, т. 6, стр. 86.

⁴²³ - Цит. соч., т. 7, стр. 259.

⁴²⁴ - Там же, т. 6, стр. 86.

⁴²⁵ - Там же, т. 12, стр. 134–137.

⁴²⁶ - Там же, т. 10, стр. 78(журн. «Прав. Соб.», стр. 112).

⁴²⁷ - Там же, т. 8, стр. 81.

⁴²⁸ - Там же, т. 1, стр. 144.

⁴²⁹ - Там же, т. 10, стр. 82; т. 7, стр. 234.

⁴³⁰ - Цит. соч., т. 3, стр. 229.

⁴³¹ - Там же.

⁴³² - Там же, т. 13, стр. 44.

⁴³³ - Там же, т. 10, стр. 80.

⁴³⁴ - Цит. соч., т. 10, стр. 75.

⁴³⁵ - Там же, т. 13, стр. 47.

⁴³⁶ - Там же, стр. 45–47.

⁴³⁷ - Иером. Игнатий. В поисках живого Бога. Религиозно-философская библиотека, 1914, стр. 5.

⁴³⁸ - Доц. иером. Марк. Духовная жизнь мирянина и монаха по творениям и письмам епископа Игнатия, ч. 1. Загорск, 1968, стр. 213.

⁴³⁹ - Епископ Игнатий. Полное собрание писем, ч. 1, стр. 310, п. 425.

⁴⁴⁰ - Там же, стр. 112, п. 53.

⁴⁴¹ - Приложение, т. 3, стр. 223, письмо 369.

⁴⁴² - Епископ Игнатий. Сочинения, т. 1. СПб, 1915, стр. 86.

⁴⁴³ - Там же, стр. 87.

⁴⁴⁴ - Полное соорание писем еп. Игнатия, ч. 2, стр. 324, пис. 428.

⁴⁴⁵ - Сочинения еп. Игнатия, т. 1, стр. 86.

- 446 - Полное собрание писем еп. Игнатия, ч. 2, стр. 136, пис. 324.
- 447 - Там же, стр. 47, пис. 291.
- 448 - Полн. собр. писем еп. Игнатия, ч. 1, стр. 481, пис. 247.
- 449 - Там же, ч. 2, стр. 152, пис. 328.
- 450 - Полн. собр. писем еп. Игнатия, ч. 2, пис. 510, стр. 29.
- 451 - Там же, пис. 431, стр. 328.
- 452 - Там же, ч. 2, письмо 399, стр. 290.
- 453 - Там же, пис. 398, стр. 289.
- 454 - Там же, ч. 1, пис. 192, стр. 368.
- 455 - Там же, ч. 2, письмо 341, стр. 177.
- 456 - Там же, ч. 2, письмо 383, стр. 285.
- 457 - Там же, письмо 377, стр. 254.
- 458 - Материалы к жизнеописанию, цит. соч., стр. 90.
- 459 - Там же, письмо 377, стр. 254.
- 460 - Там же, ч. 1, письмо 376, стр. 253.
- 461 - Полн. собр. писем, ч. 3, письмо 707, стр. 278.
- 462 - Полн. собр. писем, ч. 3, письмо 326, стр. 143.
- 463 - Там же, письмо 598, стр. 158.
- 464 - Там же, письмо 326, стр. 113.
- 465 - Там же.
- 466 - Полн. собр. писем, ч. 1, письмо 212, стр. 417.
- 467 - Там же, ч. 2, письмо 326, стр. 146.
- 468 - Там же, ч. 1, стр. 481, письмо 247.
- 469 - Доц. иерод. Марк. Духовная жизнь мирянина и монаха по творениям и письмам еп. Игнатия, ч. 3, стр. 410.
- 470 - Сочинения еп. Игнатия, т. 5, стр. 29.
- 471 - Сочинения еп. Игнатия, т. 5, стр. 273–274.
- 472 - Там же, т. 6, стр. 29–30.
- 473 - Полн. собр. писем, ч. 1, стр. 565, стр. 254.
- 474 - Полн. собр. писем, ч. 3, стр. 253, письмо 376.
- 475 - Там же, ч. 1, стр. 7, письмо 4.
- 476 - Полн. собр. писем, ч. 2, стр. 464, письмо 235.

- 477 - Там же, ч. 2, стр. 465, письмо 255.
- 478 - Полн. собр. писем, ч. 2, стр. 464, письмо 235.
- 479 - Полное собрание писем, ч. 2, стр. 141, письмо 325.
- 480 - Сочинения еп. Игнатия, т. 5, стр. 73.
- 481 - Полн. собр. писем, ч. 2, стр. 126, письмо 322.
- 482 - Письмо архим. Игнатия (Малышева) к еп. Игнатию (Брянчанинову).
- 483 - Жизнеописание архим. Игнатия (Малышева). СПб, 1899, стр. 34.
- 484 - Епископ Феофан. Путь ко спасению. Одесса, 1886, стр. 41.
- 485 - Собрание писем святителя Феофана. М., изд. Афон. Рус. Пантелеимонова моря, 1898, вып. 1, стр. 110.
- 486 - Письма, вып. 1, стр. 128.
- 487 - П. Голубев. Епископ Феофан – подвижник-толкователь Библии, как слова жизни. Радость христианина, М., 1894, т. 2, м. 7, стр. 275.
- 488 - Еп. Феофан. Толкование послания ап. Павла к Ефесеянам. М., 1882, стр. 263.
- 489 - Там же, стр. 127.
- 490 - Там же, стр. 266.
- 491 - Там же, стр. 484.
- 492 - Еп. Феофан. Толков, паст. посл., цит. соч., стр. 474–476.
- 493 - Там же, стр. 476.
- 494 - Еп. Феофан. Путь ко спасению, цит. соч., стр. 56–60.
- 495 - Там же.
- 496 - «Тамбовские епарх. ведом», 1863, стр. 246.
- 497 - Еп. Феофан. Мысли на каждый день года. М., 1890, стр. 319.
- 498 - «Тамбовские епарх. ведом.», 1861, стр. 301–304.
- 499 - Еп. Феофан. Путь ко спасению, цит. соч., стр. 148.
- 500 - Епископ. Феофан. Как составить проповедь. «Тамбовские епарх. ведом.», 1861–62, стр. 310.

- 501 - Еп. Феофан. Напоминание всечестным инокам о том, что требует от них иночество. М., 1892, стр. 5.
- 502 - Еп. Феофан. Письмо о христианской жизни. И., 1891, стр. 3.
- 503 - Письма, вып. 4, п. 702, стр. 39.
- 504 - Письма, вып. 5, п. 761, стр. 2.
- 505 - Еп. Феофан. Внутренняя жизнь. М., 1893, стр. 4.
- 506 - Там же.
- 507 - Еп. Феофан. Внутренняя жизнь, цит. соч., стр. 5.
- 508 - Еп. Феофан. Богоугодная жизнь вообще. М., 1899, стр. 21.
- 509 - Письма, в. 3, письмо 542, стр. 201.
- 510 - Еп. Феофан. Слова к Владимирской пастве, года изд. нет, стр. 496.
- 511 - Еп. Феофан. Слова, цит. соч., стр. 498.
- 512 - Еп. Феофан. Слова, лит. соч., стр. 501–502.
- 513 - Письма, вып. 5, п. 773, стр. 3.
- 514 - Еп. Феофан. Слово, цит. соч., стр. 510.
- 515 - Письма, вып. 4, п. 552, стр. 80.
- 516 - Письма, п. 185, стр. 105.
- 517 - Письма, вып. 5, письмо 785, стр. 10.
- 518 - Еп. Феофан. Внутренняя жизнь, цит. соч., стр. 30.
- 519 - Письма, вып. 7, п. 1223, стр. 128.
- 520 - Письма, пис. 928, стр. 14.
- 521 - Письма, вып. 2, п. 328, стр. 200.
- 522 - Письма, п. 375, стр. 203.
- 523 - Письма, вып. 1, п. 14, стр. 182.
- 524 - Письма, п. 122, стр. 48.
- 525 - Письма, п. 279, стр. 131–132.
- 526 - Письма, вып. 3, п. 385, стр. 255.
- 527 - Письма, вып. 1, п. 187, стр. 46.
- 528 - Письма, вып. 8, п. 1219, стр. 130.
- 529 - Письма, вып. 1, п. 117, стр. 139.

- 530 - Письма, вып. 1, п. 131. стр. 37.
- 531 - Письма, вып. 3, п. 514, стр. 180.
- 532 - Письма, вып. 5, п. 851, стр. 3.
- 533 - Еп. Феофан. Напоминание... Цит. соч., стр. 31.
- 534 - Там же.
- 535 - Письма, вып. 4, п. 702, стр. 70.
- 536 - К. Н. Леонтьев. О. Климент Зедергольм, М., 1882, стр.

4.

- 537 - Жизнеописания отечественных подвижников
благочестия 18–19 веков. М., 1908, стр. 159–206.
- 538 - Прот. С. Четвериков. Оптиная пустынь, стр. 36.
- 539 - Там же, цит. соч., стр. 86.
- 540 - Там же, цит. соч., стр. 75–76.
- 541 - Там же, цит. соч., стр. 96.
- 542 - Там же, цит. соч., стр. 78.
- 543 - Там же, цит. соч., стр. 56.
- 544 - Там же, стр. 105.
- 545 - Там же, стр. 89.
- 546 - Там же, стр. 125.
- 547 - Там же, стр. 136.
- 548 - Там же, стр. 69.
- 549 - Там же, цит. соч., стр. 102.
- 550 - Там же, стр. 114.
- 551 - Там же, стр. 130.
- 552 - Там же, стр. 128.
- 553 - Там же, цит. соч., стр. 132.
- 554 - Там же, цит. соч., стр. 122.
- 555 - Там же.
- 556 - Там же, стр. 134.
- 557 - Там же, цит. соч., стр. 58–59.
- 558 - Там же, стр. 106.
- 559 - Там же, стр. 102.
- 560 - Там же, стр. 94.

- 561 - Там же, стр. 71–72.
- 562 - Там же, цит. соч., стр. 73–74. (5,18,50).
- 563 - Там же, стр. 84–85.
- 564 - Там же, цит. соч., стр. 98.
- 565 - Там же, цит. соч., стр. 92.
- 566 - Там же, цит. соч., стр. 139–144.
- 567 - Там же, стр. 109.
- 568 - Там же, стр. 109.
- 569 - Там же, стр. 93.
- 570 - Там же, стр. 116.
- 571 - Там же, стр. 127.
- 572 - В некоторых жизнеописаниях указывается дата рождения старца Амвросия 21 ноября. Сам же старец рассказывает, что в семье не запомнили день его рождения; в памяти его родителей осталось только, что в этот день был большой праздник.
- 573 - Александр был шестым ребенком в семье.
- 574 - Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX веков. М., 1909, стр. 442.
- 575 - Там же, стр. 141.
- 576 - Прот. С. Четвериков. Цит. соч., стр. 21.
- 577 - Прот. С. Четвериков. Цит. соч., стр. 25.
- 578 - Прот. С. Четвериков. Цит. соч., стр. 26.
- 579 - Е. Поселянин. Праведник нашего времени оптинский старец Амвросий. СПб, 1907, стр. 10.
- 580 - Е. Поселянин. Цит. соч., стр. 11.
- 581 - Прот. С. Четвериков. Цит. соч., стр. 29.
- 582 - Там же, стр. 30.
- 583 - Жизнеописания отечественных подвижников благочестия, цит. соч., стр. 148.
- 584 - Прот. С. Четвериков. Цит. соч., стр. 32.
- 585 - Е. Поселянин. Цит. соч., стр. 13.
- 586 - Е. Поселянин. Цит. соч., стр. 18.
- 587 - Прот. С. Четвериков. Цит. соч., стр. 32.

- 588 - Жизнеописание. Цит. соч., ч. 1, стр. 23.
- 589 - Прот. С. Четвериков. Цит. соч., стр. 86.
- 590 - Там же, стр. 89.
- 591 - Жизнеописание отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX веков. М., 1909, ч. 1, стр. 31.
- 592 - Там же, стр. 32.
- 593 - Жизнеописание. Цит. соч... ч. 1, стр. 34.
- 594 - Там же, стр. 35.
- 595 - Жизнеописание. Цит. соч., ч. 1, стр. 33.
- 596 - Там же, стр. 37.
- 597 - Прот. С. Четвериков. Цит. соч., стр. 92.
- 598 - Жизнеописание. Дит. соч., ч. 1, стр. 39.
- 599 - Прот. С. Четвериков. Цит. соч., стр. 93.
- 600 - Прот. С. Четвериков. Цит. соч., стр. 93.
- 601 - У него то усиливался катар желудка и кишок, то начиналась рвота, то ощущалась нервная болезнь, то простуда с лихорадочным ознобом. К тому же стали появляться геморроидальные страдания, которые по временам до того измождали страдальца, что он лежал в постели точно мертвый. (Жизнеописание. Цит. соч., ч. 1, стр. 48).
- 602 - Жизнеописание. Цит. соч., ч. 1, стр. 54.
- 603 - Там же.
- 604 - Жизнеописание. Цит. соч., ч. 1, стр. 56.
- 605 - Прот. С. Четвериков. Цит. соч., стр. 122.
- 606 - Жизнеописание. Цит. соч., ч. 1, стр. 16.
- 607 - Там же, стр. 60.
- 608 - Прот. С. Четвериков. Цит. соч., стр. 125.
- 609 - Иеросхимонах Амвросий. Письма к монашествующим. Вып. 1. Сергиев Посад, 1908, п. 176, стр. 152.
- 610 - Прот. С. Четвериков. Цит. соч., стр. 121.
- 611 - Архим. Григорий. Цит. соч., стр. 53.
- 612 - Прот. С. Четвериков. Цит. соч., стр. 201.
- 613 - Жизнеописание. Цит. соч., 1. стр. 119.
- 614 - Прот. С. Четвериков. Цит. соч., стр. 256.

- 615 - Там же.
- 616 - Е. Поселянин. Цит. соч., стр. 120.
- 617 - Там же.
- 618 - Прот. С. Четвериков. Цит. соч., стр. 373.
- 619 - Там же, стр. 121.
- 620 - Там же.
- 621 - Жизнеописание. Цит. соч., стр. 227.
- 622 - Там же.
- 623 - Жизнеописание. Цит. соч., часть 1, стр. 79.
- 624 - Е. Поселянин. Цит. соч., стр. 76.
- 625 - Казанская Амвросиевская женская пустынь. Цит. соч., стр. 77.
- 626 - Там же.
- 627 - Жизнеописание. Цит. соч., ч. 1, стр. 97.
- 628 - Там же.
- 629 - Казанская Амвросиевская женская пустынь. Цит. соч., стр. ____.
- 630 - Е. Поселянин. Цит. соч., стр. 104.
- 631 - Прот. С. Четвериков. Цит. соч., стр. 81.
- 632 - Жизнеописание. Цит. соч., ч. 1, стр. 83.
- 633 - Там же, стр. 81.
- 634 - Прот. С. Четвериков. Цит. соч., стр. 18.
- 635 - В. Розанов. Цит. соч., т. I, стр. 104.
- 636 - Прот. С. Четвериков. Цит. соч., стр. 18.
- 637 - Жизнеописания отечественных подвижников. Цит. соч., стр. 265.
- 638 - Письма к монашествующим, в. 1, п. 150, стр. 152.
- 639 - Письма к мон., в. 2, п. 367, стр. 85.
- 640 - Там же, в. 1, п. 3. стр. 3.
- 641 - Там же, в. 2, п. 394, стр. 112.
- 642 - Письма к мон., в. 2. п. 8, стр. 11.
- 643 - К мон., п. 78, стр. 90.
- 644 - К мир., 4. 1, п. 4, стр. 6.

- 645 - К мир., ч. 1, п. 23, стр. 31.
646 - К мон., в. 1, п. 24, стр. 32.
647 - Письма к мон., в. 1, п. 35, стр. 48.
648 - Письма к мон... в. 1, п. 40, стр. 56.
649 - Там же, п. 129, стр. 115.
650 - Там же, п. 175, стр. 151.
651 - К мон., в. 1, п. 160, стр. 30.
652 - Там же, п. 176, стр. 152.
653 - Там же, п. 391, стр. 108.
654 - К мон., в. 1, п. 25, стр. 34.
655 - Там же. п. 30, стр. 40.
656 - Там же, п. 28, стр. 38.
657 - К мон., в. 1, п. 278, стр. 37.
658 - Там же, в. 1, п. 34, стр. 46.
659 - Там же, в. 2. п. 278, стр. 37.
660 - Там же, п. 377, стр. 94.
661 - К мон., в. 1, п. 38, стр. 53.
662 - К мон., в. 2, п. 376, стр. 93. Но, вероятно, в этом случае старец не имел в виду, что исповеданные грехи следует вновь повторять на исповеди. Каяться – в смысле сокрушаться.
663 - К мон., в. 2, п. 376, стр. 93.
664 - Там же, п. 391, стр. 108.
665 - Там же, п. 425, стр. 137.
666 - К мон., в. 1, п. 24, стр. 32.
667 - Там же, в. 1, п. 432, стр. 143.
668 - Там же, в. 1, п. 85, стр. 106.
669 - Там же, п. 57, стр. 67.
670 - Письма. «Душеполезное Чтение». М., 1908, ч. 1, стр. 261.
671 - К мир., ч. 1, п. 128, стр. 149–150.
672 - К мир., ч. 1, п. 59, стр. 69.
673 - К мон., в. 2, п. 266, стр. 29–30.
674 - К мон., в. 2, п. 268, стр. 31.

- 675 - Там же, п. 432, стр. 143.
676 - К мир., ч. 1, п. 18, стр. 31.
677 - Там же, п. 35, стр. 44.
678 - К мон., в. 1, п. 80, стр. 79.
679 - К мон., в. 1, п. 64, стр. 68.
680 - Там же, в. 2, п. 250, стр. 17.
681 - К мир., ч. 1, и. 56. стр. 67.
682 - К мон., в. 2, п. 240, стр. 6.
683 - К мир., ч. 1, п. 15, стр. 27.
684 - К мир., ч. 1, п. 30, стр. 40.
685 - К мон., в. 1, п. 26, стр. 35.
686 - Письма. «Душеполезное Чтение». М., 1919, ч. 2, стр. 221.
687 - К мон., в. 1, п. 40, стр. 56.
688 - Там же, п. 216, стр. 185.
689 - Там же, п. 220, стр. 187.
690 - Письма. «Душ. Чт.», 1909, июль-сентябрь, стр. 354.
691 - К мир., ч. 1, п. 85, стр. 105–106.
692 - Там же, стр. 105.
693 - Там же, п. 63, стр. 71.
694 - К мон., в. 1, п. 30, стр. 40–41.
695 - К мир., ч. 1, пис. 30, стр. 40.
696 - К мон., в. 2, п. 299, стр... 53.
697 - Там же, в. 2, п. 383, стр. 103.
698 - Там же, в. 2, п. 44, стр. 60.
699 - К мир., ч. 1, п. 30, стр. 40.
700 - Письма. «Душепол. Чтение». 1909, ч. 2, стр. 211.
701 - К мон., в. 1, п. 133, стр. 118.
702 - К мон., в. 2, п. 394, стр. 111.
703 - Там же, в. 1, п. 40, стр. 56.
704 - Там же, п. 152, стр. 133.
705 - К мон., в. 1, п. 232, стр. 195.
706 - Там же, п. 194, стр. 167.

- 707 - Там же, п. 184, стр. 160.
708 - Там же, п. 136, стр. 120.
709 - К мон., в. 2, п. 327, стр. 70.
710 - Там же, в. 2, п. 430, стр. 140.
711 - Письма к мон., в. 2, п. 288, стр. 44.
712 - Там же, п. 253, стр. 20.
713 - Св. Исаак Сириан. Подвижническое наставление.
Добротолубие, II, стр. 709–710, II, стр. 54.
714 - Письма к мон., в. 1, п. 88, стр. 83.
715 - Там же, п. 65, стр. 69.
716 - Там же, п. 38, стр. 83.
717 - К мон., в. 2, п. 377, стр. 96.
718 - Там же, п. 248, стр. 16.
719 - К мон., в. 1, п. 62, стр. 66.
720 - Там же, в. 2, п. 247, стр. 15.
721 - Там же, в. 2, п. 259, стр. 26.
722 - К мон., в. 2, п. 424, стр. 136.
723 - Там же, в. 1, п. 97, стр. 88.
724 - К мон., в. 1, п. 137, стр. 121.
725 - Там же, в. 2, п. 247, стр. 14.
726 - К мон. в. 1, п. 112, стр. 97.
727 - Там же, п. 52, стр. 62.
728 - Там же, в. 1, п. 112, стр. 97.
729 - К мон., в. 2, п. 277, стр. 35.
730 - К мон., в. 1, п. 157, стр. 138.
731 - Там же, в. 2, п. 246, стр. 14–15.
732 - К мир., ч. 1, п. 220, стр. 201.
733 - Там же, п. 43, стр. 53.
734 - Письма. «Душеполезное Чтение», М., 1909, ч. 2, стр.
161.
735 - Письма к мон., в. 2, п. 250, стр. 17–18.
736 - Там же, п. 245, стр. 13.
737 - К мон., в. 1, п. 157, стр. 138.

- 738 - Там же, в. 2, п. 423, стр. 143.
739 - Там же, в. 1, п. 82, стр. 80.
740 - К мон., в. 1, п. 128, стр. 114.
741 - К мон., ч. 1, п. 121, стр. 105.
742 - Там же, в. 1, п. 134, стр. 119.
743 - К мон., в. 2, п. 377, стр. 35.
744 - Там же, в. 1, п. 13, стр. 16.
745 - Там же, в. 1, п. 13, стр. 17.
746 - К мон., в. 1, п. 49, стр. 61.
747 - Там же, в. 2, п. 279, стр. 57.
748 - К мир., ч. 1, п. 217, стр. 133.
749 - К мон., в. 2, п. 298, стр. 52.
750 - Письма к мон., в. П, п. 380, стр. 100.
751 - К мир. ч. 1, п. 100, стр... 124.
752 - Там же. п. 47. стр. 58.
753 - К мон., в. 2. п. 298, стр. 52.
754 - Там же, п. 297, стр. 51.
755 - К мир., ч. 1, п. 218, стр. 200.
756 - Кмон., в. 2, п. 244, стр. 11–12.
757 - Письма к мон., в. П, и. 24, стр. 6, 7.
758 - К мон., в. 1. п. 21, стр. 27.
759 - Там же, п. 21, стр. 28.
760 - К мон., в. 1, п. 16, стр. 20.
761 - Там же, п. 21, стр. 28.
762 - К мон В. 1 п. 32, стр. 44.
763 - Там же, в. 1, п. 196, стр. 169.
764 - К мон., в. 1, п. 71, стр. 83–84.
765 - К мир., ч. 1, п. 60, стр. 69.
766 - К мон., в. 1, п. 24, стр. 32.
767 - К мон., в. 2, п. 225, стр. 21.
768 - К мир., ч. 3, п. 140, стр. 151–152.
769 - Там же, п., стр. 152.
770 - Там же, п. 84, стр. 102.

- 771 - К мир., ч. 1, п. 110, стр. 134.
- 772 - Там же, п. 89, стр. 110.
- 773 - Там же, п. 89, стр. 110.
- 774 - Там же, п. 84, стр. 102–103.
- 775 - К мир., ч. 1, п. 110, стр. 134.
- 776 - Там же, п. 86, стр. 107.
- 777 - К мир., ч. 1, п. 86, стр. 108.
- 778 - Там же, п. 88, стр. 109–110.
- 779 - К мир., ч. 1, п. 88, стр. 109–110.
- 780 - К мир., ч. 1, п. 164, стр. 164.
- 781 - Там же, п. 83, стр. 108.
- 782 - К мир., ч. 1, п. 91, стр. 114.
- 783 - Там же.
- 784 - Письма к мир., ч. 1, п. 92, стр. 116.
- 785 - Вино не возбраняется заповедью Божией, но если оно искушает – лучше совсем не пить. В тех же случаях, где клир соблазняет народ подобным невоздержанием, иереям необходимо ради Церкви и восстановления иерейского достоинства, в порядке епитимьи за братьев совсем отказаться от принятия вина.
- 786 - Еп. Антоний. Полное собрание сочинений, т. 2, ч. 2. Казань, 1900, стр. 165.
- 787 - Еп. Феофан. Толкование пастырских посланий св. ап. Павла. М., 1882, стр. 279.
- 788 - Еп. Мелитопольский Кирилл. Пастырское богословие, изд. 3. СПб, 1858, стр. 27.
- 789 - Гладков. Толкование Евангелия, стр. 435.
- 790 - Творения св. Иоанна Златоуста, т. 8, кн. 1. СПб, 1902, стр. 393.
- 791 - Еп. Феофан. Толкование пастырских посланий св. ап. Павла. М., 1882, стр. 59.
- 792 - Там же, стр. 93.
- 793 - Архим. Иаков. Пастырь в отношении к себе и пастве. СПб, 1880, стр. 18–19.

- 794 - Там же.
- 795 - Св. Иоанн Златоуст. О священстве. СПб, 1872, стр. 51.
- 796 - Архим. Иаков. Указ. соч., стр. 20.
- 797 - Еп. Феофан. Толкование пастырских посланий св. ап. Павла. М., 1882, стр. 94.
- 798 - Архиеп. Филарет. Православное Догматическое богословие. ч. 2. Чернигов, 1865, стр. 327.
- 799 - Св. Иоанн Златоуст. О священстве. СПб, 1872, стр. 37–38.
- 800 - Прот. Иоанн Сергиев. Мысли о богослужении Православной Церкви. М., 1894, стр. 150; ср. у Гр. Дьяченко, вып. 3, стр. 630.
- 801 - Еп. Антоний. Полное собрание соч., т. 2, ч. 2, стр. 195.
- 802 - Еп. Антоний. Полн. собр. соч., т. 2, ч. 2, стр. 195.
- 803 - Там же, стр. 241.
- 804 - Митр. Филарет Московский. Слова и речи, т. 4. М., 1882. стр. 194.
- 805 - Сильвестр, архиеп. Астраханский. Приточник, стр. 362, у Гр. Дьяченко, ч. 2. М., 1899, стр. 306.
- 806 - Архиеп. Иоанн. Цит. соч., стр. 16.
- 807 - Преп. Симеон Новый Богослов. Слова, в. 1. М., 1892, стр. 12.
- 808 - Св. Иоанн Златоуст. О священстве. СПб, 1872, стр. 39. Цит. по В. Певницкий. Служение священника в качестве духовного руководителя прихожая. СПб, 1898, 179 стр. (пересказ).
- 809 - Там же.
- 810 - Архим. Иаков. Цит. соч., стр. 24.
- 811 - Еп. Антоний. Полное собрание сочинений, т. 2, ч. 2. Казань, 1906, стр. 224.
- 812 - Обрядов, как чего-то фигурального, нет в Церкви; есть лишь благодатные реальности Царствия Божия.
- 813 - Еп. Антоний. Полное собрание сочинений, т. 2, ч. 2. Казань, 1900, стр. 225.

- 814 - Из писем к священнику. «ЖМП», 1962, № 4, стр. 64.
- 815 - Св. Иоанн Златоуст. Творения. Толкование на послан. к Евреям.
- 816 - В. Певницкий, проф. КДА. Служение священника в качестве духовного руководителя прихожан, изд. 3. СПб, 1898, стр. 7.
- 817 - Архим. Иоанн. Цит. соч., стр. 30.
- 818 - Св. Иоанн Златоуст. О священстве. СПб, 1872, стр. 41.
- 819 - Арх. Иоанн. Цит. соч., стр. 31.
- 820 - Св. Иоанн Златоуст. О священстве. СПб, 1872, стр. 41.
- 821 - Еп. Антоний. Полное собр. сочинений, т. 2, ч. 2. Казань, 1900, стр. 167.
- 822 - Св. Иоанн Златоуст. Творения, т. 1, стр. 44.
- 823 - Архиеп. Иоанн. Цит. соч., стр. 32.
- 824 - О Пастырском служении. «Христианское Чтение», 1847, ч. 1, стр. 16, цит. по Гр. Дьяченко.
- 825 - Архиеп. Иоанн. Цит. соч., стр. 31. В своей удивительной глубине выражения Свящ. Писание называет боязливых, неверных, ленивых пастырей псами нелающими. «Стражи их слепы все и невежды. Все они немые псы, не могущие лаять, бредящие лежа» (Ис. 56, 10).
- 826 - Еп. Антоний. Полн. собр. соч., стр. 178.
- 827 - Еп. Кирилл Мелитопольский. Пастырское богословие, СПб, 1858, стр. 162.
- 828 -
- 829 - «Христианское чтение», 1842, стр. 14, цит. по еп. Кириллу.
- 830 - Св. Иоанн Златоуст. О священстве. СПб, 1872, стр. 24.
- 831 - Еп. Антоний. Собрание сочинений, стр. 212.
- 832 - Архиеп. Иоанн, стр. 32.
- 833 - Архиеп. Иоанн, стр. 15.
- 834 - Архиеп. Иоанн, стр. 16–17.
- 835 - Даже если священник сам сердечно не заинтересован в приобретении средств материальных чрез дары благодати, он

не должен это допускать ради прихожан своих, дабы внедрить в них ясное сознание милости Божией и дара Божия, непокупаемого и непродаваемого, несоизмеримого с ценностями земли.

⁸³⁶ - Особенно удручающе это обстоятельство действует на мирян, когда из-за какой-нибудь малой ошибки высший клирик делает низшему грубое замечание во время молитвословия. Если пастырь не щадит чувства молящихся в храме, могут ли эти чувства быть ему дороги вне храма?

⁸³⁷ - Однажды некий мирянин, пришедший в храм к самому началу Литургии, увидел сквозь открытые южные врата, как батюшка облачается во все священные одежды, мирно разговаривая на житейские темы с псаломщиком. Мирянин знал, что священнику подобает молитвенно облачаться, и сразу потерял уважение к данному пастырю, не блюдущему вверенной ему святыни. Спрашивается, если батюшка во время службы сказал вдохновенное слово о необходимости молчания и благоговения в церкви, мог ли данный мирянин ему поверить? Впрочем, Господь сказал: «Все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте» (Мф. 23, 3).

⁸³⁸ - Архиеп. Иоанн, стр. 22–23.

⁸³⁹ - Там же, стр. 21–22.

⁸⁴⁰ - Еп. Антоний. Цит. соч., стр. 155.